

НА БЕРЕГАХ
БИРЫ
И
ВИДЖАНА

ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ

НА БЕРЕГАХ
ВИРЫ
И
ВИДЖАНА

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

ББК 50
Р2
Н12

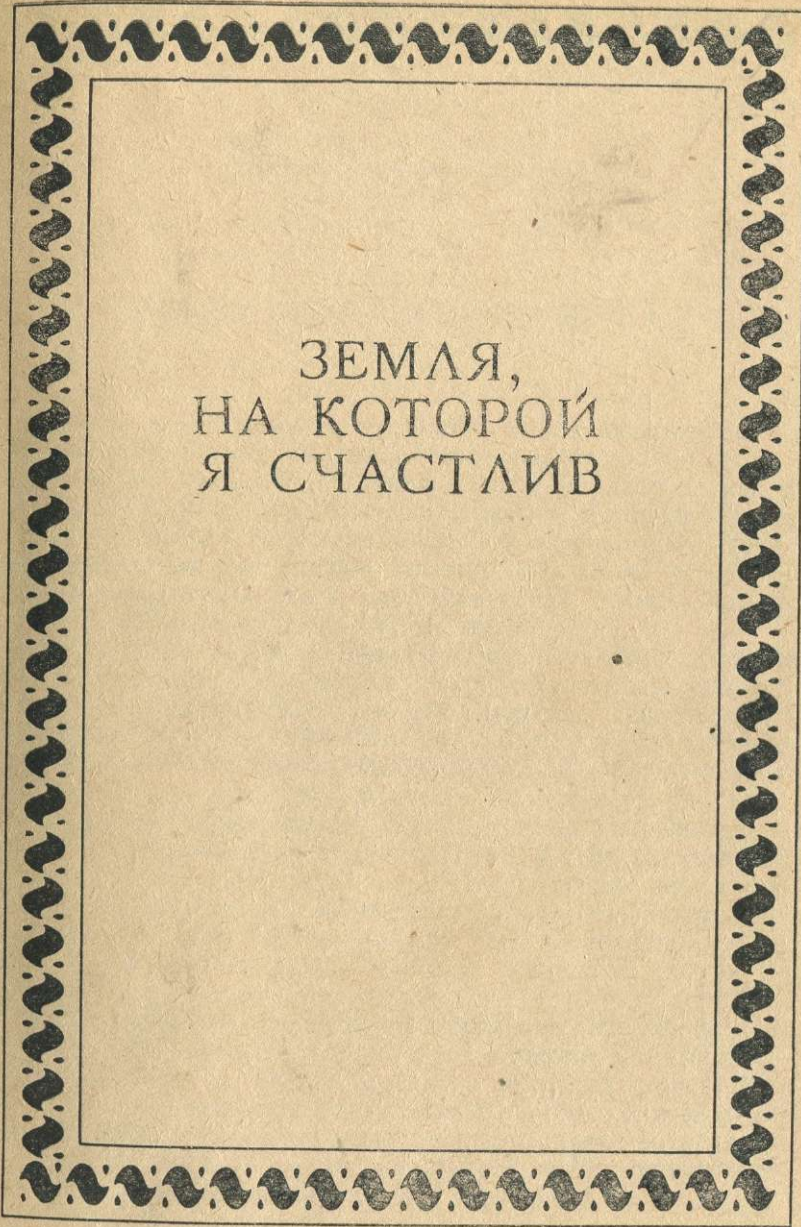
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Б. Шапиро, В. Т. Мартынов, Г. В. Дмитриев,
Б. И. Миллер, Р. С. Шойхет, В. И. Панман,
Л. Б. Школьник

Художник В. В. МЕДВЕДЕВ

00003—23
Н М160(03)—81 5000000000

© Хабаровское книжное
издательство, 1981

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ Я СЧАСТЛИВ

Л. Б. ШАПИРО,
первый секретарь обкома КПСС
Еврейской автономной области

ТРУДОМ ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Пройдет совсем немного времени — менее четырех лет, — и трудящиеся Еврейской автономной области, одной из самых молодых областей в братской семье народов великого Советского Союза, торжественно отметят пятидесятилетие со дня ее создания. Половина века! Для истории срок незначительный. А сколько сделано за эти годы, какие огромные перемены произошли здесь, на приамурской земле, обгащенной кровью борцов за Советскую власть!

Две высокие награды Родины — орден Ленина и орден Дружбы народов — признание заслуг тружеников области в хозяйственном и культурном строительстве, свидетельство торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии. Развитая промышленность, высокомеханизированное сельское хозяйство, широкая возможность для каждого человека удовлетворять свои духовные потребности — таков сегодняшний день области. И как бы ни изощрялись сионисты в своих измышлениях о «бедственном» положении евреев в СССР, какие бы вымыслы ни плели, им не опровергнуть очевидные факты, не бросить тень на величайшее завоевание Октября — дружбу народов Советского Союза, не поколебать ее.

Так называемый «еврейский вопрос» в нашей стране давно решен. Он решался на баррикадах Красной Пресни, в часы штурма Зимнего дворца, когда на обломках старой России рождалась молодая Республика Советов, провозгласившая с первых дней своего существования равенство всех народов. Евреи, как и другие граждане новой, социалистической России, получили все права и свободы, а затем и государственность.

У истоков рождения области стояли видные партийные и

государственные деятели — М. И. Калинин и П. Г. Смирнов, — а также выдающийся советский ученый, академик В. Р. Вильямс. Подготовкой и организацией переселения занимался КОМЗЕТ — Комитет по земельному устройству трудящихся евреев. Научную экспедицию, которой было поручено обследовать один из районов Дальневосточного края и определить его пригодность для переселения, возглавил профессор Б. Л. Брук.

В 1927 году экспедиция — в ее составе были экономисты, статистики, почвоведы, ботаники, специалисты водного хозяйства — прибыла в район, расположенный в бассейне рек Бира и Биджан. Это был богатый, но совершенно не обжитый край. Плодородные земли, обилие тепла и влаги позволяли рассчитывать на высокие урожаи сельскохозяйственных культур. В недрах были обнаружены полезные ископаемые: железные и марганцевые руды, золото, олово, графит, нерудные ископаемые, сырье для промышленности строительных материалов. Широкие перспективы для развития деревообрабатывающей промышленности и различных промыслов открывали хвойные и лиственные леса с разнообразным растительным и животным миром. Здесь словно вместе сошлись север и юг. Вечнозеленая ель, обвитая виноградом, пробковое дерево и маньчжурский орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Благоприятные климатические условия, богатейшая флора и фауна — все это позволило назвать эти места одним из благодатных уголков Дальнего Востока.

Ученые были сдержанны в выводах: официальный документ не место для выражения эмоций. В отчете было сказано так: «Несмотря на трудности, с которыми связано освоение Биробиджанского района, он является наиболее благоприятным для осуществления планомерного переселения. Широкие перспективы, открываемые географическим положением района у бассейна Великого океана, огромная емкость окружающих рынков, ответственное положение района на окраине, которую еще придется завоевать в смысле проведения в ней основ советского строительства, находятся в полном гармоническом соответствии с условиями природной обстановки».

Так было выбрано место, где трудящимся евреям, пожалавшим сюда переехать, предстояло начать новую жизнь, найти свою судьбу и счастье. По просьбе КОМЗЕТА и ОЗЕТА — Общества по земельному устройству трудящихся

евреев — Президиум ЦИК СССР 28 марта 1928 года принял постановление «О закреплении за КОМЗЕТОМ для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в Приамурской полосе Дальневосточного края». «При благоприятных результатах... заселения, — отмечалось в этом документе, — иметь в виду возможность организации на территории названного района еврейской национальной административно-территориальной единицы».

Уже через два месяца первый эшелон с переселенцами прибыл на станцию Тихонькая (нынешний Биробиджан). Этим людям предстояло в корне изменить свой жизненный уклад. Мелкие ремесленники, сыновья и дочери портных, сапожников, они должны были научиться обрабатывать землю, строить заводы и фабрики. Предстоял нелегкий труд: корчевка тайги и осушение болот, надо было осваивать новые специальности. Но что такое трудности для людей, почувствовавших, что перед ними открываются горизонты настоящего большого дела? И шли эшелон за эшелонами с Украины, из Белоруссии, центральных областей Российской Федерации. Страна слала на восток, в Биробиджан машины, оборудование, стройматериалы, специалистов... Отступала тайга, первые колхозы собрали первые урожаи. Руками энтузиастов возводились первые промышленные предприятия.

Учитывая успешное освоение нового района, Президиум ЦИК СССР 20 августа 1930 года принял постановление об образовании в составе Дальневосточного края Биробиджанского района, а 7 мая 1934 года на карте страны появилась Еврейская автономная область. С огромным энтузиазмом встретили трудящиеся евреи это решение Советского правительства. Делегаты первого областного съезда Советов, который состоялся 18 декабря 1934 года, с удовлетворением докладывали партии: в области создано сорок три колхоза и три совхоза, четыре машинно-тракторных станции. Посевные площади к тому времени составляли 36 тысяч гектаров. Быстрыми темпами развивалась промышленность. Выпускали продукцию Лондоковский известковый и Тунгусский лесозавод, Биробиджанская швейная фабрика, артели по производству мебели и бондарных изделий. В год создания области объем промышленной продукции составил 7,3 миллиона рублей. Сейчас эта цифра нам кажется мизерной, но по тем временам это было большое достижение.

Педагогическое училище и сельскохозяйственный техни-

кум готовили свои, местные кадры. Открывались клубы и библиотеки, началась радиофикация поселков и сел. Издавались две газеты — на русском и еврейском языках. Культурное строительство шло в ногу с хозяйственным.

Вся страна с неослабевающим вниманием следила за теми преобразованиями, которые происходили в Биробиджане, — так в те годы часто называли весь район. Сионисты в своем пароксизме ненависти на все советское пытались преуменьшить достижения молодой области, клеветали на национальную политику партии, запугивали переселенцев. Словно отвечая грязным писакам и злопыхателям, Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин в мае 1934 года на встрече с делегацией рабочих московских предприятий и работниками еврейской печати говорил: «...Преобразование Биробиджана в область — результат желания еврейских масс... Преобразование — это не декларация. Вообще не для декларации это было сделано, не для красивых слов, а из практических соображений — усилить социалистическое строительство области».

В приветствии первому областному съезду Советов правительство РСФСР выражало уверенность в том, что при интернациональной братской помощи всех народов нашей страны, под руководством Коммунистической партии трудящиеся области добьются новых больших успехов на всех фронтах социалистического строительства. В работе съезда принимали участие представители многих городов СССР: Москвы и Ленинграда, Киева и Харькова, Минска и Смоленска, Одессы и Владивостока. От имени своих земляков они обещали оказать братскую помощь Биробиджану, и эти слова затем материализовались в конкретных делах.

Незабываемые 30-е годы, годы первых пятилеток. Им сопутствовал невиданный ранее энтузиазм масс. Газеты сообщали о широком размахе коллективизации в деревне. О том, что на челябинском заводе выпущены первые тракторы, а Магнитогорский металлургический комбинат уже дает тысячи тонн чугуна. В августе 1935 года всю страну облетела казавшаяся поначалу неправдоподобной весть: в Донбассе на шахте «Центральная-Ирмино» забойщик Алексей Стаханов отбойным молотком вырубил за смену 102 тонны угля, превысив норму в четырнадцать раз. Так возникло стахановское движение, охватившее вскоре все отрасли народного хозяйства.

Успешно шло социалистическое строительство и на Дальнем Востоке. Дальневосточный край становился мощным форпостом страны на берегах Тихого океана. Поднимались корпуса заводов в Комсомольске-на-Амуре, рос Биробиджан, административный и культурный центр Еврейской автономной области. В предвоенные годы в области уже действовало двенадцать промышленных предприятий, на отвоеванных у тайги и болот землях создавались колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции.

Мирный труд советских людей прервала война. Свыше половины своего состава направила в действующую армию областная партийная организация. В годы Великой Отечественной войны тысячи добровольцев — коммунистов и беспартийных — покрыли себя славой на полях сражений. Наши земляки оказались достойными преемниками боевых традиций героев Волочаевки. Более семи тысяч жителей области награждены орденами и медалями за ратный труд. Четырнадцать, отличившихся особо, присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе еврейский парень, бывший рабочий биробиджанского обзостроительного завода, ныне завода «Дальсельмаш», Иосиф Романович Бумагин, повторивший под польским городом Вроцлав бессмертный подвиг Александра Матросова.

В годы суровой годины по-фронтовому работали советские люди в тылу. Трудящиеся области слали защитникам Родины боеприпасы, обмундирование и продовольствие, собирали теплые вещи и подарки для бойцов. В фонд обороны и на строительство боевой техники было внесено из личных сбережений свыше 90 миллионов рублей. Более трех тысяч тружеников тыла, живших, как и вся страна, одним чувством, одним стремлением — все для фронта, все для Победы! — были отмечены правительственными наградами.

Отгремели сражения, с победой вернулись домой солдаты, чтобы с новыми силами продолжить освоение богатств Приамурья. Коммунистическая партия, Советское правительство в послевоенные годы оказывали и продолжают оказывать все возрастающее внимание Дальневосточному экономическому району, проявляя постоянную заботу о развитии его производительных сил, повышении благосостояния трудящихся.

В край современной, развитой промышленности, механизированного сельского хозяйства, высокой культуры превратилась наша область. Более пятидесяти предприятий элек-

тротехнической и легкой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, горнорудной индустрии, промышленности строительных материалов и других отраслей народного хозяйства представляют ее экономический потенциал. Во многие края и области страны, за рубеж идет продукция наших заводов, фабрик и комбинатов. Рисозерноуборочные и силосоуборочные комбайны, силовые трансформаторы, олово, цемент, кирпич, лесоматериалы, мебель, швейные и трикотажные изделия, обувь и многое другое — таков вклад промышленности области в экономику страны.

В число таких крупных, с большими трудовыми традициями предприятий, как заводы «Дальсельмаш», силовых трансформаторов и Теплоозерский цементный, комбинат «Хинганолово», в последние годы вошли новые — Биробиджанская обувная фабрика, выпускающая ежегодно свыше четырех миллионов пар обуви; чулочно-трикотажная фабрика мощностью 30 миллионов пар чулочно-носочных изделий и девять миллионов единиц трикотажного белья в год. После реконструкции значительно вырос выпуск продукции на швейной и трикотажной фабриках, фабрике валяной обуви. Десятки изделий, производимых на предприятиях легкой промышленности областного центра, удостоены государственного Знака качества. Выпуск их в общем объеме производства постоянно возрастает. Биробиджан по праву считается центром легкой промышленности Дальнего Востока.

Труженики области горды и тем, что они принимают активное участие в строительстве Байкало-Амурской магистрали. На стройку века отправляются цемент и швейные изделия. Тунгусский деревообрабатывающий комбинат выпускает для строителей БАМа передвижные деревянные домики со всеми коммунальными удобствами. На западной окраине Биробиджана заканчивается строительство авторемонтного завода, где будет производиться ремонт большегрузной техники, работающей на Байкало-Амурской магистрали.

Первое, что бросается в глаза в любом населенном пункте области, — это строительные леса, силуэты башенных кранов. Объемы промышленного, жилищного и культурно-бытового строительства растут из года в год. О масштабах выполненных работ красноречиво говорят такие цифры: если в годы восьмой пятилетки капитальные вложения составили 220 миллионов рублей, в годы девятой — 320 миллионов, то

в десятой пятилетке они возросли на 20 процентов и составили более 385 миллионов рублей.

Сельское хозяйство представлено 36 укрупненными совхозами и двумя колхозами, птицефабрикой, сельскохозяйственной и мелиоративной опытными станциями. Нужды села обеспечивают тресты Биробиджанцелинстрой и Биробиджанводстрой, а также предприятия Сельхозтехники и Сельхозхимии. Проведена большая работа по специализации и концентрации производства. Производством мяса занимаются в основном хозяйства объединения Свинопром и треста Скотопром. На производстве молока специализировано 25 хозяйств, меда — четыре пчеловодческих совхоза. Картофель выращивается в 16 хозяйствах, овощи — в девяти. Три совхоза занимаются выращиванием высокопродуктивных нетелей. Сейчас в специализированных хозяйствах производится 100 процентов овощей, мяса свинины и меда, 95 процентов — молока и картофеля.

Если вспомнить, с чего начинали первые переселенцы, то перемены в сельском хозяйстве выглядят особенно внушительно. По сравнению с 1934 годом посевные площади возросли в пять раз и составляют 160 тысяч гектаров. В год образования области весь тракторный и комбайновый парк совхозов и колхозов был представлен 111 единицами. А за период после мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС сельскохозяйственные предприятия области получили более 2000 тракторов, 1700 комбайнов различных марок, около тысячи грузовых автомобилей, много другой техники. За этот же период энергетические мощности хозяйств возросли в шесть, а энерговооруженность труда одного рабочего — почти в пять раз. Многие процессы в земледелии полностью механизированы.

Курс партии на мелиорацию и химизацию сельскохозяйственного производства стал главным в борьбе за повышение культуры земледелия и урожайности полей. За последние одиннадцать лет в эксплуатацию введено 65 тысяч гектаров осушенных земель, в том числе 30 тысяч гектаров пашни. Поставки минеральных удобрений селу возросли в пять раз; значительно шире, чем прежде, применяются химические средства защиты растений, на больших площадях производится известкование кислых почв.

Как и в других отраслях народного хозяйства области, в сельском хозяйстве работают опытные кадры. Достаточно

сказать, что дипломированных специалистов в совхозах и колхозах насчитывается более тысячи.

Все эти факторы, помноженные на самоотверженный труд работников сельского хозяйства, позволили добиться значительного роста производства продуктов питания. За период, прошедший с 1934 года, валовой сбор зерна увеличился почти в четыре, овощей — в девять, картофеля — в двенадцать раз. В восемь раз увеличилось поголовье крупного рогатого скота, значительно возросла его продуктивность.

В селах области осуществлены большие социальные преобразования. Многие совхозные поселки располагают всем необходимым для удовлетворения материальных и духовных запросов людей.

Больших успехов добились трудящиеся области и в культурном строительстве. Государство выделяет огромные средства на развитие народного образования, здравоохранения, культуры, бытового, коммунального и торгового обслуживания населения. В области насчитывается свыше ста общеобразовательных школ, шесть средних специальных учебных заведений и столько же профессионально-технических училищ. Учебную и воспитательную работу ведет почти трехтысячный отряд педагогов.

На страже здоровья трудящихся две тысячи врачей и средних медицинских работников. Число больничных коек превышает 2,6 тысячи. Во всесоюзной здравнице — курорте «Кульдур», расположенном на территории области, — ежегодно отдыхает и лечится около 20 тысяч человек. В 1980 году здесь принял первых пациентов санаторий Жемчужина Хингана — первый на Дальнем Востоке санаторий матери и ребенка.

В области имеется свыше 120 клубных учреждений, 114 массовых библиотек с книжным фондом более двух миллионов экземпляров. В городах, поселках и селах действует 267 киноустановок, в том числе 108 широкоэкранных. В музеях широко представлена богатейшая природа Приамурья, история Хабаровского края, нашей области, ее сегодняшний день. Особое место занимает памятник-музей на сопке Июнь-Корань, где у братской могилы павших в Волочаевском бою партизан и народоармейцев проводятся Дни славы, прием в комсомол и пионеры. Эту святыню советского народа ежегодно посещают тысячи экскурсантов со всех уголков страны, зарубежные гости.

Свидетельством постоянной заботы Коммунистической партии о расцвете еврейской национальной культуры явилось создание в городе Биробиджане профессионального камерного еврейского музыкального театра и областной филармонии. Коллектив театра завоевал признание не только зрителей области, его спектакли тепло принимали в Хабаровске и Владивостоке, в Грузии, Прибалтике, Белоруссии и в Средней Азии — всюду, где он успел побывать на гастролях. Большой популярностью у трудящихся области пользуются также коллективы русского и еврейского народных театров, являющихся лауреатами всесоюзного и республиканского фестивалей самодеятельного творчества, ансамбль скрипачей Биробиджанского Дворца культуры, академическая хоровая капелла, танцевальный ансамбль «Молодость». В репертуаре наших театральных коллективов — спектакли, поставленные по пьесам советских и еврейских классиков, произведениям местных авторов.

Опровержением вымыслов сионистов, трубящих на весь мир о «бедственном положении» еврейской культуры в Советском Союзе, являются выходящие на русском и еврейском языках книги членов Союза писателей СССР Бориса Миллера и Романа Шойхета, повести и рассказы старейшего литератора области Григория Рабинкова. Трудникам области хорошо знакомы имена молодых поэтов Леонида Школьника, Виктора Соломатова, рабочего поэта Василия Морозова. В областном литературном объединении состоит более двадцати начинающих поэтов и прозаиков.

В Биробиджане издаются две областные газеты — «Биробиджанская звезда» на русском и «Биробиджанер штерн» на идиш, награжденные за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся и мобилизации их на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства орденами «Знак Почета», четыре районные газеты.

Далека наша область от центра страны, но мы не чувствуем себя жителями окраины. В нашей области во всех городах, поселках и селах принимаются телепередачи из Москвы, население области смотрит также телепрограммы из краевого центра.

Советская культура — культура многонациональная. Постоянно происходит процесс взаимопроникновения, взаимообогащения. Мы всегда рады приветствовать на биробиджанской земле творческие коллективы братских республик. Тра-

диционными стали и дни литературы, в которых принимают участие известные советские литераторы из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Закавказья, Средней Азии... Эти встречи служат делу укрепления творческих контактов, они — яркое свидетельство торжества ленинской национальной политики.

Большая забота проявляется о молодом поколении. В области семь музыкальных школ, художественная, две детско-юношеские спортивные школы, станции юных техников и юных натуралистов. К услугам детворы пионерские лагеря, стадионы. В областном центре завершено строительство прекрасного как по архитектуре, так и по наружному и внутреннему оформлению здания Дворца пионеров.

В области быстрыми темпами растет благосостояние трудящихся. За последние два десятилетия заработная плата рабочих и служащих в промышленном и сельскохозяйственном производстве выросла вдвое и составляет в среднем около 200 рублей. Ежегодно на одного жителя продается различных товаров более чем на тысячу рублей.

Самоотверженный труд рабочих, колхозников, народной интеллигенции высоко оценен Коммунистической партией и Советским правительством. В 1967 году за успехи в развитии народного хозяйства и культуры область была награждена орденом Ленина. Пять лет спустя на знамени области засияла вторая высокая награда — орден Дружбы народов. Им отмечены заслуги трудящихся в деле укрепления братской дружбы советских народов, достижения в хозяйственном и культурном строительстве. Орденом Трудового Красного Знамени удостоены Биробиджанская трикотажная фабрика и колхоз «Заветы Ильича», орденом «Знак Почета» — Теплоозерский цементный завод и Бирский пчелосовхоз.

Трудящиеся нашей области живут и трудятся единой многонациональной семьей. Среди депутатов Верховного Совета СССР — знатный кукурузовод Дежневского совхоза Николай Васильевич Любин — русский, и еврейка — работница завода силовых трансформаторов Рахиль Гедальевна Геллер. В числе Героев Социалистического Труда кукурузовод Добринского совхоза Владимир Ерофеевич Паздников — русский, знатный животновод Мария Иосифовна Покатыло и звеньевая овощеводов Мария Петровна Брахманова. Обе они украинки, обе трудятся в колхозе «Заветы Ильича». Хорошо известны в области и крае имена Героя Социалистического

Труда швеи Биробиджанской швейной фабрики, еврейки по национальности, Хаи Абрамовны Карасик и члена ВЦСПС Елены Кальмановны Арнаполиной с чулочно-трикотажной фабрики. В начале десятой пятилетки Е. К. Арнаполиня выступила инициатором патриотического движения: «За пятилетку — десять годовых планов!» и сдержала свое слово: выполнила за пятилетку более двенадцати годовых норм.

Одним из первых на Теплоозерском цементном заводе перешел на увеличенную зону обслуживания машинист вращающихся печей Герой Социалистического Труда Виктор Иванович Врублевский. Вся продукция, выпускаемая им, только отличного качества. Являясь наставником молодежи, Виктор Иванович обучил своей профессии и дал путевку в жизнь многим молодым рабочим.

Новый микрорайон на 10 тысяч жителей, носящий имя Героя Советского Союза И. Р. Бумагина, построили за годы десятой пятилетки в городе Биробиджане строители бригады монтажников СУ-254 треста Биробиджанстрой, возглавляемой кавалером ордена Трудового Красного Знамени Григорием Андреевичем Найко. Работая по методу бригадного подряда, его коллектив постоянно перевыполняет планы строительно-монтажных работ. Бригада досрочно приступила к строительству нового микрорайона.

На протяжении ряда лет добивается роста продуктивности от закрепленной группы коров доярка колхоза «Трудовая нива» Мария Александровна Моногарова, награжденная орденом Трудового Красного Знамени. За годы десятой пятилетки надои на фуражную корову составили у нее более трех тысяч килограммов молока.

Можно было бы называть много и других славных имен, чей труд получил высокое признание Родины. Хочется вспомнить еще одного человека — Владимира Израйлевича Пеллера. Он храбро воевал на фронтах Великой Отечественной, после войны вернулся к мирному труду полным кавалером солдатского ордена Славы. Возглавляя крупные сельскохозяйственные предприятия, внес большой вклад в развитие сельского хозяйства области. Стал Героем Социалистического Труда, избирался депутатом Верховного Совета СССР. До последних дней жизни он руководил передовым колхозом края «Заветы Ильича».

С именем В. И. Пеллера связана такая история.

В начале 1971 года в столице Бельгии Брюсселе прохо-

дила созванная сионистами так называемая конференция в защиту советских евреев. В то же самое время здесь по приглашению общества советско-бельгийской дружбы находилась советская делегация. В ее составе был и Пеллер. Когда на одной из встреч он стал рассказывать о нашей области, о жизни советских евреев, о своем колхозе, где вместе с евреями работают представители и других народов нашей страны, в глубине зала вдруг раздался громкий истерический крик: «Это ложь! Это пропаганда!» И сразу же послышался звонкий женский голос: «Нет, это все правда!» На сцену почти бегом поднялась женщина, крепко обняла и расцеловала Пеллера. Это была немецкая журналистка Ева Брюк, незадолго до того посетившая нашу область и колхоз «Заветы Ильича».

— Все, о чем здесь говорил этот человек, сущая правда, — взволнованно говорила она. — Я все это видела своими глазами. Я была в этом колхозе. Примерно половина колхозников евреи. Все они считают Советский Союз своей единственной родиной. Там я познакомилась с заслуженным агрономом республики Рахилью Фрейдкиной и заслуженным зоотехником Басей Пискун, там видела памятник в честь колхозников, погибших на фронте. На памятнике тоже немало еврейских фамилий.

Еву Брюк наградили дружными аплодисментами, после чего Пеллер продолжал свой рассказ. Так была сорвана еще одна попытка сионистов оклеветать нашу советскую действительность. Таких свидетельств, в том числе и наших зарубежных гостей, нередко приезжающих в Биробиджан, можно привести много. Думается, лучшим доказательством того, что все измышления сионистов беспочвенны, является тот неоспоримый факт, что за все годы существования области ни один ее житель не прельстился посулами сионистского рая.

Наша область пограничная, на протяжении 550 километров в своей южной части по реке Амур она граничит с Китаем. Это обязывает партийные и советские органы неустанно заботиться об укреплении государственной границы, крепить военно-шефские связи с воинскими частями и пограничными заставами, улучшать работу по военно-патриотическому воспитанию трудящихся.

Традиционными стали походы по местам боевой и трудовой славы советского народа, в которых ежегодно принимают участие свыше 18 тысяч юношей и девушек области.

Регулярно проходят месячники оборонно-массовой работы, недели боевой славы, военно-спортивные эстафеты на призы имени Героев Советского Союза И. Бумагина и И. Стрельникова.

Коллективы промышленных предприятий, совхозов и колхозов области, являясь шефами пограничных застав, оказывают им большую помощь в инженерно-техническом оборудовании границы, улучшении культурно-бытовых условий и в благоустройстве.

Более 100 жителей области за умелые, инициативные действия при поиске и задержании нарушителей границы, оказании помощи пограничникам за последние два года награждены медалями «За отличие в охране государственной границы СССР», нагрудными знаками, ценными подарками. За это время для воинов-дальневосточников и пограничников дано более 150 концертов, организовано 18 выездов агитационно-пропагандистских бригад, проведено свыше 100 совместных спортивных мероприятий.

В свою очередь, воины Советской Армии, пограничники оказывают помощь труженикам села в уборке урожая, шефствуют над школами, участвуют в военно-патриотическом воспитании трудящихся.

С нарастающей творческой инициативой, новым размахом социалистического соревнования встретили советские люди XXVI съезд КПСС. Митинги и собрания, встречи с делегатами съезда убедительно продемонстрировали горячее одобрение положений и выводов Отчетного доклада ЦК КПСС, сплоченность коммунистов, всех трудящихся области вокруг ленинского Центрального Комитета, его Политбюро во главе с товарищем Л. И. Брежневым. Делом отвечая на исторические решения партийного съезда, на постоянное внимание, которое уделяет Центральный Комитет КПСС, Советское правительство развитию производительных сил Дальнего Востока, повышению благосостояния дальневосточников, трудящиеся области вдохновенно трудятся над выполнением социально-экономической программы партии.

За годы десятой пятилетки народное хозяйство области сделало новый шаг вперед. Продолжалось техническое перевооружение промышленных и сельскохозяйственных предприятий, повышение эффективности производства и качества всей работы. В центре внимания партийных, профсоюзных и комсомольских организаций стояли вопросы экономии сырья,

материалов, топливно-энергетических ресурсов, качества продукции.

За пятилетие объем производства промышленной продукции области вырос на 26,2 процента. Сверх плана реализовано различных изделий более чем на 24 миллиона рублей. Весь прирост получен без увеличения численности работающих. Увеличился выпуск товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Осуществлена широкая программа производственного, культурно-бытового и жилищного строительства. В числе новостроек десятой пятилетки — главный производственный комплекс завода «Дальсельмаш», элеватор на 150 тысяч тонн в Биробиджанском районе, инженерно-лабораторный корпус завода силовых трансформаторов, Бабстовский и Головинский животноводческие комплексы, 700 километров высоковольтной линии электропередачи и многое другое. Электрифицирован участок железной дороги от Хабаровска до Биры. Наиболее крупные социально-бытовые объекты — санаторий Жемчужина Хингана в Кульдуре, психоневрологическая больница на 500 коек в г. Биробиджане. Областной центр, население которого ныне превышает 70 тысяч человек, украсила новая площадь на берегу быстрой Биры. На гранитном пьедестале над площадью поднимается величественный памятник основателю Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленину. Автором памятника является известный советский скульптор, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный художник СССР Л. Е. Кербель. Именем Ленина названа и площадь, сооруженная к первой годовщине новой Конституции СССР. Ансамбль площади составляют здания областного комитета партии и Дома Советов, рядом строится Дом связи. Неподалеку будут построены здания, где разместятся камерный музыкальный еврейский театр и областная филармония.

Биробиджан стал одним из красивейших городов Дальнего Востока. В проектировании застройки областного центра принимают участие архитекторы Ленинграда, Харькова, Омска и других городов страны.

Иногда нашу область называют житницей Хабаровского края. В самом деле, сельскохозяйственное производство составляет основную часть нашей экономики. За годы десятой пятилетки объем валовой продукции сельского хозяйства вырос на 23 процента по сравнению с десятой пятилеткой. Производство зерна и картофеля увеличилось в 1,5 раза, моло-

ка — в 1,3, овощей — в 1,2 раза. За пятилетие на развитие сельского хозяйства направлено 180 миллионов рублей. Введены в строй животноводческие помещения более чем на 30 тысяч голов крупного рогатого скота и свиней, картофелехранилища почти на 25 тысяч тонн. За достижение высоких результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании, успешное выполнение плана экономического и социального развития на 1980 год и десятую пятилетку наша область награждена переходящим Красным знаменем Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Такой же высокой чести удостоены Октябрьский район, Теплоозерский орден «Знак Почета» цементный завод, ордена Трудового Красного Знамени колхоз «Заветы Ильича». Победителями во Всероссийском социалистическом соревновании признаны Биробиджанский район и передвижная механизированная колонна № 1040 треста Биробиджанцелинстрой. Они награждены переходящими Красными знаменами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

Еще более величественные перспективы в свете решений XXVI съезда КПСС раскрываются перед областью в одиннадцатой пятилетке. Реконструкция и техническое перевооружение действующих предприятий, модернизация устаревшего оборудования, подъем общей культуры производства, улучшение условий труда, окончание начатыхстроек — на это будет направлено основное внимание областной партийной организации. В Биробиджане завершится строительство авторемонтного завода, в п. Приамурском — завода силикатных стеновых материалов. Дальнейшее развитие получают заводы «Дальсельмаш», силовых трансформаторов, Лондоковский известковый, Тунгусский деревообрабатывающий комбинат, Облученское локомотивное депо и другие предприятия.

За счет строительства линий электропередачи 220 киловольт, а также ЛЭП-500 Зейская ГЭС — Хабаровск будет обеспечено стабильное электроснабжение области, железнодорожный транспорт полностью перейдет на электровозную тягу.

Дальнейшее развитие получит база строительной индустрии — в ближайшее время войдет в строй завод ЖБИ мощностью 65 тысяч кубометров железобетона в год, будут реконструированы цех крупнопанельного домостроения и завод железобетонных изделий треста Биробиджанстрой.

Продолжатся работы по дальнейшему укреплению мате-

риально-технической базы совхозов и колхозов области, по внедрению комплексной механизации возделывания сельскохозяйственных культур и переводу животноводства на промышленную основу. За счет расширения масштабов производства, всемерного повышения эффективности земледелия и сельскохозяйственного животноводства ставится задача более полного удовлетворения потребностей населения в продуктах питания за счет производства их на месте.

Предстоит построить жилья около 450 тысяч квадратных метров, различные объекты социально-культурного назначения, многое сделать по дальнейшему улучшению материального и культурного уровня жизни трудящихся области.

Родина Октября спокойно и уверенно смотрит в свое завтра. Ибо она сильна творческой энергией масс, нерушимым единством партии и народа, правотой своего дела. Равные среди равных трудящиеся Еврейской автономной области Ленина и ордена Дружбы народов области, воодушевленные решениями исторического XXVI съезда КПСС, и впредь будут вносить свой достойный вклад в дело построения коммунизма в нашей стране.

НИНА КИРИЧЕНКО

РОДИМОЕ ПОЛЕ

В глубоком снегу утонуло село. Недавняя поземка замела дворы. С крыш по самые окна нависли тяжелые снежные козырьки. Ни одного дымка. Видно, печи уже истопили — над трубами прозрачно и зыбко струится теплый воздух. За избами на длинных шестах чернеют скворечники.

Копыловых отыскать в Валдгейме легко. Спросишь — и чуть ли не каждый ответит: «У нас их много, если стариков надо, то — вон он, их дом, на Центральной улице, недалеко от правления колхоза».

Ветераны колхозного труда Илья Лазаревич и Бэлла Тимофеевна Копыловы вырастили девятерых детей. Старшие ныне живут своими семьями, здесь же, в колхозе. Вот и Яша с год как отделился. Остались в родительском доме Миша и Соня. А на комод, в фигурной рамочке, фотография бравого солдата — «последыша», как ласково называет младшего, Юру, Бэлла Тимофеевна. Хозяйка улыбнулась, и морщинки разбежались по лицу. Красивая улыбка у матери, счастливая. Хотя трудные годы отложились морщинками, но радостно светятся добрые глаза.

— Что бы и делала, кабы не муж, дети, — рассуждает Бэлла Тимофеевна. — Люди говорят, золотые руки у них. А я бы сказала, не руки, сердца у них золотые.

У детей привычкой стало подняться на зорьке, наскоро умывшись и позавтракав, бежать знакомой тропинкой к матери, на ферму. Вычистить загоны, напоить и накормить телят. А потом домой и — в школу. Мать гордилась своими детьми и со счастливым сердцем отмечала успехи каждого.

Например, старшая Рая в 14 лет уже в Москве на ВДНХ побывала. Так школа отметила ее труд в ученической про-

изводственной бригаде. Но все же прилежность среднего — Яши — Бэллы Тимофеевна всегда выделяла. Видно, что-то в крутолобом мальчишке было такое, что не прошло и мимо внимания людей, не зря же двенадцатилетнему Яше на летних каникулах заведующий фермой предложил взять группу телят. По сути, подростку было доверено серьезное и взрослое дело.

Бэлла Тимофеевна запротестовала было: пятьдесят телят — не шутка!

Но увидев мольбу и затаенное упрямство в глазах сына, сдалась:

— Ладно. Но уговор — не подводить!

Наказ матери Яков запомнил крепко. А накануне первого сентября заведующий фермой собрал телятниц и торжественно пожал мальчишке руку:

— Спасибо, Яков. Молодец! Закончишь школу, приходи. Примем с радостью.

Яша, оглянувшись на заблестевшие глаза матери, негромко ответил:

— Не знаю. Я ведь технику люблю...

Это отцовская жилка. Двадцать восемь лет за баранкой. На пенсии, а с машиной не расстанется... Увел Илья Лазаревич сыновей по своей дорожке.

Взглядывая в окошко, часто видела Бэлла Тимофеевна, как муж и дети звякают ключами, заливают в машину воду, масло. Сыновья от отца ни на шаг. Он на машине — они в кабине, он ремонтирует — и они рядом крутятся. Близнецы Игорь и Ефим — механизаторами стали. Когда Яков подрос, начали и его брать в поле. Ему бы в школу не ходить, домой не возвращаться, днем и ночью пропадать в тракторной бригаде. Старшие Копыловы рассуждали так: пусть мальчишка узнает вкус хлеба, съеденного в поле... И если потянется к земле...

Обрадовались в этой большой и дружной семье, когда после школы Яша поступил на курсы механизаторов.

Первый в жизни трактор достался ему — не позавидуешь. Старый, разбитый: сальники текут, муфта заедает, кабина того и гляди отвалится. Повозился, пока отремонтировал. А вот поработать не пришлось — в армию призвали служить.

За письмами прошло два года. И вот настал праздник — встреча. Возвращение сына собрало за семейным столом всех Копыловых.

Выйдя из состояния обычной рассудительной невозмутимости, Яков рассказывал отцу и братьям:

— Такая техника — закачаешься! Я понимаю, конечно, что нельзя. Но приспособить бы ее в колхозе — чудеса бы сотворили...

Слушал рассказ сына Илья Лазаревич и видел, как повзрослел, возмужал он. И еще, что стосковался по земле парень.

— Иди в помощники к Войтовичу, хорошую школу прой-
дешь.

Отец знал, что говорил, Франц Антонович Войтович — один из лучших механизаторов колхоза.

...Февраль зиму с летом сводит — гласит народный календарь. Далеко еще до апрельских капелей, но прислушаешься и в морозный полдень уловишь веселый перезвон, предвещающий весну. Рождается он на машинных дворах, в мастерских колхоза, повсюду, где сельские механизаторы готовят технику к новой битве за урожай.

Казалось бы, привычные хлопоты, но для Якова все было наполнено особой остротой. Ведь это шла первая настоящая весна. Работал он на кукурузном поле вместе с Войтовичем. Надо сказать, что ученик у Франца Антоновича был удивительно прилежным. Видел Войтович, что парень из тех, на кого можно положиться без оглядки.

Вскоре их отношения переросли в настоящую дружбу. Пригляделись друг к другу, стали соревноваться между собой. Силы схлестнулись подходящие. На стороне Войтовича — опыт, высокий профессионализм, но и за Копыловым — не только молодость и энтузиазм. Уроки наставника пошли впрок. И пришел день, который Яша хранит в памяти среди самых значительных.

Рабочее утро занималось над селом. Когда вошел в контору третьей тракторной бригады, мельком, как всегда, глянул на стену, а там «молния»: «Яков Копылов сравнялся с экипажем Войтовича». Стремительно поднялся и подошел Франц Антонович, протянул свою большую, твердую от мозолей руку:

— Ну, поздравляю, Яков!..

Отцвело лето, ушла осень. Минул год, другой, третий... Шла нелегкая череда дней, полных забот и напряжения, от которых, в конечном счете, зависит — быть или не быть доброму урожаю.

В 1975 году колхоз доверил парню выступать на зональных соревнованиях молодых пахарей в Хабаровске.

Все было по-спортивному нарядно: форменные костюмы участников с броскими номерами, желтая ракета... Сейчас Яша признается, что очень тревожился: как совместить, казалось бы, несовместимое — соревнования с их азартом и пахоту — древнее человеческое занятие, обстоятельное, раздумчивое. Однако программа конкурса молодых трактористов была определена очень разумно. Спешка исключалась, главный критерий — качество пахоты. На этих соревнованиях Яков Копылов завоевал второе призовое место.

Возвратился домой, а ребята — комсомольцы порадовали вестью: избрали делегатом его на седьмой Всероссийский слет победителей похода комсомольцев и молодежи по местам революционной и трудовой славы.

Уже сколько лет прошло, а Яков хорошо помнит те волнующие дни. Рассказывает:

— Это было в сентябре. Распахивалось последнее Солдатское поле под Волгоградом. В течение трех месяцев здесь работали саперы. Шесть тысяч мин и гранат — память жестоких боев — извлекли из этой многострадающей земли... Более тридцати лет на ней колосился лишь горький ковыль.

И вот... нас — сорок международных экипажей. Помощником у меня — молодой болгарин.

Над полем — неумолчный рев. Машины шли по своим участкам, плуги оставляли за собой вместо желтой стерни гребешки черных маслянистых волн. Закончив борозду, тракторы, подняв плуги, шли на поворот. Нас предупредили: смотрите, что-нибудь вывернете — поднимите флажок. Три трактора провалились в старые землянки. В одной из них нашли письмо солдата к дочери... Да, много там солдат полегло. Все осколки мы собрали и сделали памятник.

Знаете, невольно подумалось тогда. Сколько за послевоенные годы воздвигнуто памятников стойкости и мужеству советского солдата. Разве найдутся на нашей земле город ли, село ли, не заплатившие для общей победы самой дорогой ценой. Вот и в нашем Валдгейме, в самом центре, высится стела со строгим столбиком имен и цифр, безмолвно кричащих о молодой жажде жить, жажде приходить усталыми с работы, целовать теплую макушку дочери или сына. И они, мои земляки, стояли насмерть ради нашей сегодняшней счастливой жизни. Этого забыть нельзя!..

Вернулся парень повзрослевший, потрясенный. В этом же году и в партию вступил...

Еще по возвращении из армии с ним беседовал об этом секретарь парторганизации третьей комплексной бригады. Но тогда Яков сказал: рано! А все из-за этих злополучных восьми классов. Сидело в нем это как упрек, как заноза. Механизмы и моторы... Чутье на них есть, но, оказывается, этого мало. Закончил-таки в вечерней школе одиннадцать классов.

Сегодня Яков в ряду молодых коммунистов, работающих в комсомоле. Он член комсомольского оперативного отряда, шефствует над подростками, стоящими на учете в общественном пункте правопорядка.

На одном из комсомольских собраний обратил внимание ребят на то, как на их глазах Андрей Хохлов бездельничает, пропускает занятия в сельском профессионально-техническом училище, превращается в тунеядца и вообще пропадает.

— Верно говоришь, — поддержали комсомольцы. Отобьется совсем мальчишка, если руку ему не протянуть.

— Но кто возьмет за такого ответственность? Может, ты? — хитро прищурился один.

— А хоть и я! — согласился Яков.

...Знал, конечно, Копылов, что придется ему повозиться с подшефным. Но никак не думал, что будет Андрей подводить его так нахально. Вроде бы слушает с интересом, головой кивает, клянется, что выполнит задание, а чуть оставишь одного — волнуется, бродит по мастерским туда-сюда или во дворе околачивается. Никакой ответственности у человека...

— Я же тебя просил разобрать двигатель, — сердился учитель.

Приводил в мастерскую, усаживал за промывку деталей. Когда тот, вспотевший от усердия, заканчивал работу, указывал на недоделки:

— Эх, Андрей, Андрей! А еще уверяешь, что техникой интересуешься.

Может, самолюбие у парня взыграло? Но факт есть факт: что-то сдвинуло дело с мертвой точки. И пишет Андрей из армии письма не только матери, но и своему наставнику.

...Наташа нешироко, чтобы не забрался вертлявый щенок, открывает мне дверь, за которой делает свои первые шаги по дорожкам просторной комнаты их дочь, Аннушка. В доме Якова Копылова поселилось счастье. Почувствуешь это без-

отчетно и сразу. А подарило его, это счастье, тоже поле...

Осенью Якову поручили вывозить урожай картофеля, собранный студентами Биробиджанского педагогического училища.

Наташа сразу заметила парня на «Беларусе» с белозубой озорной улыбкой на потемневшем от степного ветра лице. Русые кудри вихряются, а в карих глазах — радостный свет.

Любовь у Натальи была такой неожиданной, что мир будто сузился на нем на одном и закружился в счастливом сиянии. Все окружающее: и Валдгейм, и будни полевой страды, и подруги, бугристые поля и деревья — все стало желанным и прекрасным.

А потом и свадьбу сыграли. Гуляли на ней, как водится, всем селом.

Все больше узнавая Якова, я прихожу к хорошей догадке: он по-настоящему талантлив. И дело тут не только в том, что руки этого крестьянского парня умеют делать всякую работу. Когда спрашиваешь, чем заслужил этот совсем еще молодой человек такое к себе уважение, то все — от рядовых колхозников, до председателя колхоза, — словно сговорившись, отвечают: «О, вы знаете, это хозяин!»

Рассказали мне и такой случай. Пришла к председателю колхоза делегация селянок:

— Скоро зима, а огороды не паханы. Только пошлите Яшу Копылова. Парень он совестливый.

Вот и поручили Якову пахать личные огороды. Дело это хлопотное. Только успевай крутиться, да ненароком не сшиби чего-нибудь трактором или плугом. Вспахать клочок земли, окруженный домашними постройками, изгородью, — большое искусство. А захватить надо все уголки — на совесть, иначе он не может.

А все большое колхозное поле Яша оберегает от сорняков и вредителей, такой ответственный участок поручен его звену — защита растений. Работа эта требует именно копыловской исключительной добросовестности и честности.

Сегодня никого не удивляет, что молодой механизатор Яков Копылов — кавалер ордена Трудовой Славы, «Молодой гвардеец пятилетки», принимал участие в работе XVIII съезда ВЛКСМ.

Впрочем, был в колхозе человек, которого воистину поразило это известие. Сам Яков. Его и сегодня, пожалуй, не-

возможно убедить в том, что он лучший. Разве мало в селе настоящих тружеников! Виктор Котиков, Виктор Желуденко, братья Анатолий и Сергей Коцари... да разве всех назовешь?! Люди работающие, влюбленные в родное село, в профессию, избранную раз и навсегда.

Все они выпускники Валдгеймской средней школы, воспитанники ученической производственной бригады, широко известной в крае, отметившей недавно свое двадцатипятилетие.

Бывает, конечно, уезжает кое-кто из молодых в город. Надо сказать, что колхоз «Заветы Ильича» — хозяйство пригородное. Угодья его широко раскинулись в окрестностях Биробиджана. И хотя таких, кто покидает село, не так уж и много, в разговоре с Яковым я поняла, что вопрос этот больно задевает его.

— Иной раз слышу, как говорят о нашем селе: у вас как в городе. Нет, не как в городе. Лучше! В городе нет леса, пашни, высокого неба, свежего ветра...

Да, здесь родительский дом, его дело, и именно здесь, на взлете 26-го года жизни он вступил в счастливую и ответственную пору общественного признания.

...Просторный зал Валдгеймского Дома культуры в то морозное декабрьское утро выглядел празднично и по-домашнему уютно. Перед сменой сошлись сюда почти все колхозники. И не забыть, как дрогнули своды зала от аплодисментов, когда бригадир четвертой овощеводческой бригады Валентина Емельяновна Калугина предложила выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации по Биробиджанскому избирательному округу номер 255 молодого механизатора Якова Копылова.

Вечерело. Наливалось синевой бескрайнее небо. По обе стороны от дороги расстилались обширные колхозные земли. Вот и его поле. Спит земля под теплым покровом, сил набирается. А по весне, как сойдут снега, отшумят, отзвонят ручьями, закружится над подсыхающими проталинами голубой пар, вновь властно призовет родимое поле его к себе.

НИНА КРОПОТИНА

МАСТЕРСТВО

Впервые я увидела эту женщину в светлый для нее день. В пошивочном цехе Биробиджанской чулочно-трикотажной фабрики на стыке двух смен собрался коллектив, чтобы поздравить Е. К. Арнаполину с досрочным выполнением личного задания десятой пятилетки.

Цветы, улыбки, аплодисменты... А потом началась смена. На щеках Елены Кальмановны все еще алел румянец от пережитого волнения, но изделия в руках мелькали все быстрее и быстрее. Я невольно залюбовалась ее работой.

Елена Кальмановна охотно посвящала меня в суть операции, терпеливо, как очередной ученице, выкладывая свои «секреты»:

— Сразу подгибаю край изделия, а эти ниточки держу в одном направлении, чтобы потом, когда прошью, не искать их. Очень важна последовательность. Стоит изменить порядок — уже лишнее движение, а значит, и потеря времени...

На выполнение операции у нее уходит чуть больше пятидесяти секунд: раза в три меньше, чем обычно у распошивальщицы. Основа такого результата, конечно же, в умении организовать свой труд. Она появляется в цехе всегда минут за пятнадцать до начала смены и тщательно готовит свое рабочее место: нитки, крой, машинку...

Трудовая жизнь Арнаполиной существует не сама по себе — она связана кровными узами с коллективом бригады, цеха, фабрики. Вот приблизительный режим ее рабочего дня.

В цех пришла в семь часов. Переделалась, заготовила полуфабрикаты, подобрала нужный размер и цвет ниток. Заполнила паспорта для изделий на первую половину дня. Заправила машину. В 7 часов 20 минут — начало смены — при-

ступила к работе. 10 часов 30 минут — перерыв. Обед. Потом заполнила паспорта на вторую половину изделий. В 11 часов продолжила работу. За смену трижды подходила к молодым швеям, что-то показывала, объясняла. Разговаривала с парторгом фабрики о предстоящем пленуме горкома КПСС, где она должна принимать участие как член бюро. Пообещала бригадиру поговорить с ученицей, опоздавшей на смену. Получила приглашение на вечер чествования передовиков предприятия. За пять минут до конца смены выключила машину, почистила ее, приготовила для сменщицы. Подошла к мастеру, поинтересовалась результатом дня, уточнила объем работы бригады на завтра. Итог ее рабочей смены — 1260 изделий. При норме 450.

Есть в семейном альбоме Арнаполиных фотография: смотрит большими черными настороженными глазами на мир невысокая, худенькая девочка-подросток. Такой среди десятков других выпускниц пришла после школы на трикотажную фабрику Лена. Правилось ей шить — определили в экспериментальный цех, чтобы была Лена у любимого дела. Вскоре заметили, что девочка старательная, смекалистая, дисциплинированная, быстро освоила норму.

Начало было довольно легким. К ней относились с уважением. Сказывалось тут, навёрняка, не только большое трудолюбие Лены, но и ее общительный характер, стремление понять людей. Трудней пришлось, когда появилась своя семья. Дети маленькие, заботы домашние — большие. А на работе надо было удержаться на прежней высоте. Не могла она отступить от того, что уже было завоевано. Помогли высокая самодисциплина и собранность, поддержка товарищей по работе.

Когда семья переехала на новую квартиру в другом конце города, Елена Кальмановна перешла на чулочно-трикотажную фабрику. Предприятие это было новое, молодое. С радостью приходила она в светлый просторный пошивочный цех. Встретилась здесь с женщинами, с которыми работала на трикотажной фабрике. Сдружилась с Ниной Павловной Беркутовой. Знали друг друга прежде, а теперь на потоке оказались рядом.

С нормой выработки справилась в первые же месяцы. Постепенно начала набирать более напряженный темп. И уже в 1973 году за ударный труд была удостоена ордена «Знак Почета». Награда оказалась большим стимулом — задание

девятой пятилетки она выполнила за два с половиной года. Появились ученики, появились последователи. И здесь проявилось новое качество Арнаполиной — талант воспитателя, талант наставника.

Осенью 1973 года Нина Павловна Беркутова привела в цех свою дочь — Лену. Она могла бы поучиться мастерству у матери. За отличный труд Нина Павловна тоже была награждена орденом «Знак Почета». Однако мать решила иначе:

— У Елены Кальмановны большему научишься...

Как-то сразу приглянулись друг другу эти две Лены, — ученица и учитель. Старшая — своим мастерством, душевностью, младшая — тем, что прямо-таки на лету схватывала все премудрости выбранной профессии. Через три месяца Лена Беркутова уже выполнила норму на 120 процентов. А через год, что называется, наступала своей наставнице на пятки — каждый месяц стала делать по 150—170 процентов нормы.

За одиннадцать лет на фабрике Арнаполины воспитала около шестидесяти молодых работниц, и большинство из них стали передовиками.

1977 год был для Елены Кальмановны особенным. Она получила вторую награду — орден Трудового Красного Знамени. Ее избрали членом ВЦСПС и делегатом на съезд профсоюзов СССР.

Из Москвы увезла она не только массу впечатлений о столице, работе съезда, но и огромную гордость за свой город, за свою страну.

Трудовые успехи, общественное признание, награды, высокий авторитет и слава... Не простое это дело — испытание славой. Не всякий проходит его успешно. Арнаполину слава не испортила — так считают все, с кем она работает. Пожалуй, лучше других сказала об этом Беркутова.

— Как была она для нас Лена, так и осталась. Все радости и горести разделяет с бригадой на равных. Как и работу. Условия у всех нас одинаковые, да результат разный. Успех Лены — это заслуга, прежде всего, ее самой.

Я вот уже второе десятилетие на фабрике. Стараюсь. И у меня бывает выработка почти на двести процентов. Но такие обязательства взять, как Лена, не решаюсь. Одно дело взять — другое выполнить. В том и сила ее, что она постоянно верна слову...

Как-то заговорили мы с Арнаполиной о человеческих возможностях.

— Предел? — задумалась Елена Кальмановна. — Наверное, он есть. Возможно, что в следующей пятилетке я смогу лишь закрепить сегодняшний успех. Но дело-то не в том. Помните песню: «Пока я ходить умею, пока дышать я умею, — я буду идти вперед». Если хотите, это мой жизненный принцип...

Тридцатого января 1980 года Елена Кальмановна рапортовала Родине о выполнении десяти годовых заданий с начала пятилетки. И снова в цехе на митинге по этому поводу звучали поздравления, приветствия, на лицах людей светились радостные улыбки. Успех Арнаполиной разделял весь коллектив фабрики. Развивая славные традиции стахановского движения, Елена Кальмановна нашла дополнительные резервы и выполнила свое обязательство досрочно! Ее инициативу поддерживали тридцать работников легкой промышленности края, в том числе передовики предприятий Биробиджана И. Б. Давыдов, Т. П. Петришина, О. П. Коц. Арнаполины, как и подобает инициатору, первой достигла намеченного рубежа.

Елена Кальмановна выступала с ответным словом — взволнованная и счастливая. Она благодарила за поддержку коллектив, бригаду, товарищей по работе. И заверила всех, что до конца года выполнит еще два годовых задания.

Это и есть трудовой подвиг — не отдавать завоеванных высот, идти вперед и вперед. И человек без этого уже не мыслит своей жизни, большая, великая работа — она помогает ему постичь радости мира, ощутить всю полноту и красоту жизни.

РОМАН ШОИХЕТ

ЗЕМЛЯ ОДАРИВАЕТ СТОРИЦЕЙ

О Николае Васильевиче Любине, известном в нашем крае кукурузоводе, я был наслышан уже давно, а вот встретиться с ним как-то не приходилось. Впервые я увидел его в самый разгар зимы, на областном совещании кукурузоводов, проходившем в селе Ленинском.

Совещания такого рода проводятся в области нередко, собирающийся на них народ хорошо друг друга знает, и, наверное, по этой причине в теплом, уютном зрительном зале районного Дома культуры во время выступлений механизаторов и специалистов было несколько шумновато. Но вот председательствующий предоставил слово Любину, и гомон голосов стал заметно стихать.

Любин оказался примерно таким человеком, каким я его себе представлял: среднего роста, сухощавый, русоволосый, с добрым лицом. И о работе своей он рассказывал так просто и захватывающе, что сидевшие в зале механизаторы, в общем-то сами неплохо знающие агротехнику возделывания кукурузы, слушали его с большим вниманием.

На том совещании я и познакомился с Любиным. Мы с ним поговорили по душам и расстались добрыми друзьями. С той поры не теряем друг друга из виду.

Последний раз мы виделись летом. Было это в конце июня. Я возвращался с сенокосных угодий совхозов Ленинского района и, разумеется, не мог не завернуть к Любину. В Дежнево мы приехали рано, около семи часов утра, но Николая Васильевича дома не застали. Оказалось, что он ни свет ни заря уже укатил в поле. Зная его как человека деятельного, хлопотливого и непоседливого, я, признаться, был этому не очень удивлен.

Отыскал Любина на одном из дальних его кукурузных участков. Мы присели на подножку культиватора, и он признался:

— Знаешь, при такой-то погоде я и впрямь мог бы еще поспать, или жене чего по дому помочь. Сам видишь, сегодня тут делать нечего. Земля уж больно сыра. А вот не утерпел, примчался сюда. А иначе как? Ты подумай, ведь с самой посевной у нас не выпало ни капли дождя, а солнце шпарит с самого апреля! Ну, я, конечно, и влагу закрывал пару раз, и подкормочку провел, и сам себя успокаиваю: мол, еще ничего не пропало, лето только началось... А все же какой тут можно ожидать урожай, ежели все начало на корню сохнуть? Что и говорить, напереживался я вдосталь. Ну, слава богу, теперь, кажись, пронесло. После такого-то дождины все должно поправиться. Как же я мог дома-то усидеть? Чуть свет уж на ногах.

Он сидел чуть ссутулив спину и щипал пальцами молодой пахучий стебель полыни. Пригревшись на солнце, он словно бы продолжил какой-то давний разговор.

— Конечно, прошлогоднего урожая мне уже нынче не вырастить. Засушливые дни так, запросто, со счетов не скинешь. Однако центнеров по триста с гектара надо собрать. Надо!

В категоричном заявлении Любина чувствовалась спокойная уверенность в своих силах. И поэтому, забегаю вперед, скажу, что Николай Васильевич и его многолетний напарник по звену Николай Петрович Кутенких все-таки добились своего — скосили с каждого из закрепленных за ними 250 гектаров земли по 353 центнера кукурузной массы. По урожайности они уступили первое место в области только звену Героя Социалистического Труда Владимира Ерофеевича Паздникова из соседнего Добринского совхоза.

В то утро мы с Любиным совсем уж было собрались на нашем газике проехать еще на одно его поле, но вдруг из-за ближней релки, густо поросшей кудрявым орешником, выскочил синий «МТЗ». Фонтанчиками разбрызгивая грязь, он круто свернул с дороги к полю и, на всем ходу остановившись возле нас, даже заюзил по набухшей от влаги земле. Из кабины трактора вылез Николай Петрович Кутенких. Широко улыбаясь, он шел навстречу:

— Вот так дождина! Все поля насквозь промочил! Я подумал: «А ну как он полосой прошел? Где помочил, а где

только ручкой помахал». У нас такое бывает. А сейчас проехался по полям и вижу — нет, кругом все полил!

Любин и Кутенких заговорили о своих делах, прошли на поле, присели там над бледноватыми, слабыми еще стебельками кукурузы, а я, глядя на их чуть согнутые спины, думал, что как ни верти, а крестьянин все-таки остается крестьянином. При любых обстоятельствах. Взять хотя бы тех же Любина и Кутенких. Разве же равнодушный, не любящий землю человек будет так переживать за судьбу урожая? Разумеется, нет. А они душой болеют за свое дело, потому что оба сызмальства работают на земле, оба хорошо знают ей цену.

Николай Васильевич начинал прицепщиком на тракторе у отца. Самостоятельно он работает механизатором уже двадцать седьмой год. Казалось бы, ну сколько можно делать одно и то же: пахать, сеять, культивировать, убирать и снова пахать и сеять? Пусть теперь хлеборобская работа гораздо легче. Завести, допустим, стартером двигатель «Беларуса» намного проще, нежели рукояткой крутить мотор «НАТИ». И все-таки, казалось бы, многолетняя однообразная работа на солнце и ветру, в пыль и дождь могла бы отбить у него охоту к земле. Чего греха таить, многие товарищи Любина, прельстившись работой полегче, бросили свое хлеборобское дело. С Николаем Васильевичем такого не случилось. Он остался верен своему полю. Он истинный и преданный сын своей земли.

Помнится, во время одной из встреч я из чисто человеческого любопытства спросил Любина, что он почувствовал, когда земляки назвали его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Николай Васильевич смущенно заходил по комнате, как-то беспомощно пожимая плечами.

— Знаешь, — сказал он, — если честно признаться, так я в первый миг, как про это услышал, прямо растерялся. Не поверил. Ну что, думаю, во мне нашли такого примечательного... Но тут же и сердце от радости подпрыгнуло. Да и какой человек на моем месте не возликовал бы? Однако в тот счастливейший момент своей жизни, знаешь, про что подумал? Я отца своего вспомнил. Был бы батя живой, он больше моего порадовался бы этому делу. Да и сам посуди, мог бы он или, скажем, дед мой при царском режиме представить себя сенатором, членом Государственной думы или, на худой конец, заседать на казачьем круге в Благовещенске? Да

ни в жисть! А вот я, пропахший ветром и соляркой пахарь, — член правительства!

Коль скоро речь уж зашла о Любине как о депутате, надо сказать, что он старается в силу своих возможностей выполнить указы избирателей. Он, к примеру, добился, чтобы участковая больница в селе Дежнево получила новую машину «Скорой помощи», а в селе Бабстово ускорили строительство Дома культуры. По его настоятельному ходатайству в селе Амурзет был досрочно сдан в эксплуатацию телевизионный ретранслятор. Он и инвалиду Владимиру Ивановичу Лопатину, жителю села Дежнево, помог приобрести легковую машину. Ни одну просьбу избирателей Любин не оставляет без внимания.

Что иногда дозволено чужим, никогда не положено своим. По такому принципу живет Николай Васильевич Любин. Вспоминается такой случай. Отслужил положенное в рядах Советской Армии старший сын его, Василий. Вернулся домой и устроился работать в совхозе. Расчет у парня был простой: он надеялся, что отец выхлопочет ему новый трактор. Любин, однако, считает, что его сыновья ничем не лучше других парней села и что настоящим механизатором можно стать лишь в том случае, если год-другой поработаешь на старой машине. Естественно, он не стал хлопотать за сына. Ну а Василий в ответ на это обиделся и уехал жить в Хабаровск.

— Тут что-то нечисто, — хитровато посмеивается Николай Васильевич, когда речь заходит о старшем сыне. — Не в одном только тракторе здесь дело. Я подозреваю, что в этой истории замешана дивчина. Была тут одна у нас, из шефов. Шустрая такая, говорушка. Видать, за нею Василий и потянулся. Ну, я, однако, детей своих знаю. Пройдет еще маленько времени, и Василий один ли, с молодой ли женой, а все одно домой пожалует. Он у меня на земле вырос...

Беседуя с Любиным о делах будничных, мы всегда говорили о кукурузе, и Николай Васильевич изложил свою «тактику» по ее возделыванию. Если суммировать, то «арсенал» получится богатый. Это и использование техники на полную нагрузку, и высокая производительность труда, и четкая его организация, и хозяйственная расчетливость, и постоянное совершенствование профессионального мастерства, дисциплина и самоотверженность в работе.

Из сказанного о Любине может сложиться впечатление, что это человек, ничем другим, кроме работы, не интересую-

щийся. А между тем это далеко не так. Николай Васильевич большой книголюб, он много читает, и у него неплохая домашняя библиотека. Ну и, конечно же, он заядлый рыбак. Как-то я спросил его, какой вид отдыха он считает самым лучшим.

Не задумываясь, Николай Васильевич ответил:

— Рыбалка! Для меня нет лучшего отдыха, чем летом посидеть со спиннингом на берегу Биджана, или там же, зимой, куковать над лункой.

Он вздохнул и с грустинкой в голосе добавил:

— Жаль только, времени на рыбалку почти не остается.

Да, большую часть своего времени Николай Васильевич Любин уделяет земле, депутатским делам. Он всегда в своих хлопотах о земле. Иначе и быть не может. Любин верен своей земле, ей он посвящает свой талант хлебороба, и она сторицей вознаграждает его.

ЛЕВ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

РАБОЧАЯ ДИНАСТИЯ

История биробиджанского завода «Дальсельмаш» сродни истории других предприятий страны, построенных в тридцатые годы. Выросший среди топей и болот, он из небольшого кустарного производства, выпускавшего телеги, превратился в высокомеханизированное предприятие по производству самоходных рисо-зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов.

История завода — биография его людей. На «Дальсельмаше» трудятся десятки семей, чья жизнь накрепко связана с жизнью предприятия. Это рабочие династии Музыченко, Шлюфман, Голынских, Резниченко, Зейгермахер, Линштейн, Рутман, Литвак, Крученецких...

У каждой из них — свои традиции, своя история. Но все они связаны одной судьбой — судьбой завода.

Первый кузнец

Шмуль проснулся от того, что услышал рядом приглушенное рыдание. Сначала подумал, что это ему приснилось, потом сообразил: уткнувшись в подушку, плачет жена. Сел на кровати.

— Что с тобой, Дора?

Она несколько мгновений молчала, подавляя плач, и срывающимся шепотом, чтобы не услышали за занавеской, заговорила:

— Но разве ты сам не видишь, куда мы заехали?! Угла и то своего нет! Разве плохо было нам в Кривом Роге? И квартира своя, и ты на заводе на хорошем счету... А здесь!

Тайга, комары! Вон, посмотри. — Она кивнула в сторону противоположной стены. В утреннем полумраке сквозь щели в стене ясно просвечивали белые полосы света.

Шмуть молчал. Да и что было ему говорить, когда он и сам знал, что жена во всем права, что условия для жизни здесь, мягко говоря, неподходящие. За ширмой в небольшой комнатке, половину которой занимала печка, жила семья брата Ильи с тремя детьми. Тепла от печки едва хватало до полуночи, и утром в комнатке было почти так же холодно, как на улице.

Чтобы прервать тягостное молчание, Шмуть стал рассказывать жене о том, что пройдет время, построят завод, и проживут они не хуже, чем в Кривом Роге. Специальность у него видная — кузнец. Люди с такой специальностью на вес золота и сейчас, во время строительства. А когда завод начнет работать, без него вообще не обойтись. Да и что говорить, ведь когда ехали сюда, в Биробиджан, знали, что не за манной небесной едут. Но коль уж решили, приехали, то и работать надо. И главное сейчас — пустить завод. А там и дом отстроят, и жизнь наладится.

Было ему тогда двадцать восемь, ей — двадцать четыре. С Украины одна за другой приходили телеграммы от родных: «Возвращайтесь, ждем». Кое-кто собрался уезжать. Но Шмуть стоял на своем: «Никуда не поеду. Здесь трудно, и потому мы нужны здесь! Нужны наши руки, наша молодость, наша специальность».

Нелегкими были эти беседы...

— Конечно, ты можешь уезжать, — говорил Шмуть одному из своих друзей, собравшихся в обратный путь. — Я не вправе требовать, чтобы ты остался. Когда человек чего-то не хочет, его не заставишь. Но знай сам и передай там всем: Шмуть Крученецкий остается здесь навсегда. Этот завод в глуши — это наша совесть, это проверка, способен ли ты посвятить свою жизнь строительству социализма.

...По утрам, наскоро позавтракав, Шмуть отправлялся на работу. Кузня, где он работал, представляла собой неказистое деревянное строение на отшибе. И добираться к нему надо было километра три. Дорог не было, кругом болота да кочки, и строители проложили тропинку рядом с полотном железной дороги. Так и ходили по шпалам. Дорога неблизкая, и однообразное мельканье шпал наводило его на размышления. Особенно он любил помечтать о том, каким со

временем будет новый обозный завод, как наладится жизнь, как заживут они с Дорой в хорошем доме. И дети, конечно, будут... Но самое важное — завод поднять.

Завод пустили в 1937 году. И почетное право выковать первую ось для телеги было предоставлено Крученецкому.

Это был настоящий праздник. В пятом цехе среди редких в то время станков собрались на семейный заводской вечер те, кто строил завод, кто начал выпускать первую продукцию. Тогда и родилась на предприятии эта традиция — по каждому торжественному поводу собираться здесь. И сейчас, когда пятый цех стал вспомогательным, инструментальным, на митинги по-прежнему собираются в нем, хотя есть цехи и побольше, и попросторнее. Так уж привыкли заводчане.

С пуском завода стал налаживаться и быт. Крученецкие одними из первых получили небольшую отдельную квартиру: комната и кухня. Начали обживать ее. Купили кое-что из мебели. Да уж какая мебель тогда была! И все же каждой вещи радовались, как дети — жизнь налаживается! И строили планы...

Только планам этим не довелось осуществиться. Война... Затаив дыхание слушали сводки Совинформбюро. В первый же день войны Шмуть Крученецкий приготовил вещмешок. Кружка, ложка, миска, бритвенные принадлежности, теплые вещи, запас еды на три дня. А повестки все не было. Уходя на завод, наказывал жене: если что — пусть немедленно бежит к нему. Но проходили дни, недели, а его не призывали. Не выдержал, сам пришел в военкомат.

Усталый, с воспаленными глазами лейтенант выслушал его, порывшись в каких-то бумагах и с раздражением сказал:

— Бронь на вас наложена. Идите домой, работайте. Когда понадобится — вызовем.

— Да, но... — попытался возражать Крученецкий, но лейтенант его уже не слушал. Он громко разговаривал с кем-то по телефону. Шмуть еще немного потоптался в кабинете и, видя, что никто не обращает на него внимания, вышел на улицу. Сразу пошел на завод. Молча вошел в кузницу, привычным движением набросил фартук поверх телогрейки, вымещающая злость на деталях, принялся за работу.

В феврале сорок второго, наконец, пришла долгожданная повестка. Сдержанно простился с Дорой. Чтобы было меньше слез, провожать себя не позволил. Как и было сказано, в три часа ночи прибыл Шмуть в военкомат со своим вещ-

мешком. Доложил о себе. Тот же самый усталый лейтенант велел подождать. В коридоре собрались и другие заводчане. Кто-то сказал, что здесь и директор завода Севостьянов. И действительно, из-за двери кабинета военкома слышался голос Севостьянова. Он громко кричал, видимо, разговаривал по телефону. Крученецкий прислушался.

— Да вы поймите, — кричал Севостьянов. — Я же без этих людей не смогу продукцию выпускать! Кто в кузнице работать будет? Женщины?! Нет, вы тогда пришлите мне специалистов. Не можете? Ну так и решайте! А фронтовые заказы я не могу срывать! Вы за это ответите!

И, выйдя через десяток минут из кабинета, устало сказал:

— Пошли, Крученецкий, домой. Ошибка вышла. Тебя пока не призывают.

— А как же повестка? — Шмуль вынул из кармана помятый листок бумаги.

— А! — директор махнул рукой. — Говорю тебе, ошибка. Пошли...

Домой возвращались молча. И только у дома Крученецких Севостьянов положил руку на плечо Шмулю.

— Ты не обижайся, Шмуль Семенович. Так нужно. Меня вон тоже на фронт не пускают. Значит, наша судьба такая — делать победу здесь. — И безо всякого перехода добавил: — Давай к восьми на смену. Надо работать.

И работали. Работали так, как прежде, казалось, не умели. «Все для фронта, все для победы» — это был не просто лозунг. В этих словах заключался самый смысл их жизни. Каждый свой поступок, каждый трудовой день они соизмеряли с этими словами. Все ли сделано, что возможно? И сутками, по две-три смены кряду, работали на заводе. А после рабочей смены шли на разгрузку вагонов. Они не считали, что совершают что-то особенное. Так надо было.

В заводском музее Трудовой Славы на одном из стендов вывешена копия приказа директора завода, датированная 1942-м годом. В нем говорится, что за подлинно большевистскую, стахановскую работу награждаются денежными премиями и ценными подарками лучшие рабочие завода. И среди них — фамилия кузнеца Крученецкого. А рядом — фотография Шмуля Семеновича, с которой открытым взглядом смотрит на вас молодой красивый человек. Здесь же удостоверение, в котором говорится, что Шмуль Семенович Круче-

нецкий награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

...Шли годы. То, о чем когда-то мечтал Крученецкий, сбылось. Построили дом, завели хозяйство. В доме подрастали дети...

В 1956 году было принято решение на базе обозного завода основать завод по производству самоходных комбайнов — «Дальсельмаш». А в 1961 году случилось непоправимое — скоротечная острая ангина в одночасье свалила Шмуля Семеновича. Вызвали «скорую помощь», но, к сожалению, было поздно.

Сиротливо стало в доме Крученецких. Нелегкое это было время. Едва оправившись от горя, пришла на завод устраиваться на работу Дора Абрамовна. Четверо детей: надо и накормить, и одеть, и обуть. В заводском отделе кадров ей сказали так:

— В третий цех комплектовщицей деталей пойдете. Устраивает такой вариант?

Она согласно кивнула головой, а когда пришла на свое рабочее место, не смогла сдержать рыданий. Вспомнила, как совсем недавно, когда строительство третьего сборочного цеха только заканчивалось, привел ее сюда Шмуль «на экскурсию». И сейчас видит она его посреди пустого огромного помещения.

— Здесь, — говорил он, — будут стоять готовые комбайны. А тут их будут красить, а здесь вот — собирать. Это тебе не телеги! Это почище, чем наш заводик в Кривом Роге! Вот какие мы!..

Его лицо лучилось радостью и вдохновением. Таким он и запомнился ей на всю жизнь: стоящим в пустом цехе и мечтающим о будущем завода. И еще одна фраза до сих пор слышится ей.

— Эх, поработать бы здесь еще лет двадцать!

Эти слова сказал он с каким-то сожалением, словно чувствовал, что не суждено ему это.

Она тогда перебила его.

— Ну и поработаешь. Какие твои годы, Крученецкий! Едва за пятьдесят перевалило.

Не довелось. Только и пришлось увидеть первые комбайны, выходящие из ворот завода. В том году пришел на завод старший сын Крученецких — Роман. Это было начало рабочей династии.

Начальник цеха

Роман Шмулевич давно заметил за собой эту особенность: как только за спиной раздается щелчок «английского» замка и он оказывается на лестничной площадке, мгновенно забываются домашние дела и заботы. Словно с этим щелчком в нем самом срабатывает какой-то переключатель. И с этого момента он уже на заводе, в своем цехе. По дороге на завод, за те десять—пятнадцать минут, которые отделяют его дом от заводской проходной, обычно набрасывает план предстоящего дня.

Нет, это совсем не значит, что он дома тоже полностью отключается от мыслей о производстве. Иной раз, задумавшись, невпопад ответит что-то жене и, поймав ее укоризненный взгляд, попытается отшутиться. Только Надю не проведешь.

— Опять что-то на заводе случилось?

Надя тоже «заводская», долгое время работала во втором цехе, сейчас — экономист в плановом отделе. И, конечно, все, что происходит в цехе, ее всегда волнует ничуть не меньше, чем его.

Вот и сегодня мысли о цехе сразу полностью захватили его. Вчера у проходной, уходя с завода, увидел огромный полутораметровый щит. Яркие, выведенные красной тушью буквы гласили: «Обращение! Товарищи из второго цеха, вы срываете поставку деталей для сборки. Мы просим принять неотложные меры, чтобы исправить положение, обеспечить участок сборки необходимыми деталями». Далее шли наименования деталей и подпись: «По поручению коллектива третьего цеха — руководство, партийное бюро, профсоюзный комитет, бюро ВЛКСМ».

Не очень-то приятно было увидеть это обращение. Действительно, цех срывал график поставки деталей. На одном участке вышел из строя станок, и ремонтная служба никак не могла его отладить. На другом — заболел опытный токарь, и вставший у станка вчерашний ученик не смог заменить его. Да что скажешь парню. Видно, старается изо всех сил, но опыта маловато. На третьем участке допустил промах старший мастер — поставил на профилактический ремонт станок, а необходимого запаса деталей нет. В общем, было над чем подумать начальнику цеха.

На пути к заводу Роману Шмулевичу знаком каждый

метр. Почти двадцать лет ходит он этой дорожкой. А впервые прошагал ее рядом с отцом.

Роман тогда заканчивал восьмой класс. Давно просил отца:

— Устрой на завод!

Тот отмахнулся:

— Какой там завод, учиться надо! Кончишь десять классов, тогда и поговорим.

На этом обычно разговор и кончался. Но тут, перед самыми экзаменами, словно бес вселился в Романа: «после восьмилетки пойду работать. Не поможешь устроиться, сам в отдел кадров пойду!» И отец сдался.

— Ладно, сдавай экзамены. Я на заводе поговорю. Только обещай, что учиться все равно будешь.

— Конечно буду! — радостно пообещал Роман и на другой день после получения свидетельства об окончании восьмилетки отнес документы в только что организованный при заводе вечерний механический техникум.

Отец слово сдержал...

У проходной Роман Шмулевич посмотрел на часы: без пяти семь. «Нормально» — отметил про себя. И уже через пять минут быстрой походкой вошел в цех. Он любил эти ранние часы перед сменой. На глазах цех просыпается ото сна, готовится к работе. Кажется, еще дремлют станки. Но вот приходят рабочие, и то там, то здесь уже слышатся «голоса» включенных моторов. Через считанные минуты цех наполняется привычным рабочим гулом. Ему самому это порой кажется невероятным, но он в общем гуле на слух всегда может уловить, какие станки не работают. Да и что в этом удивительного: в цехе он с самого его основания. Здесь прошел путь от ученика токаря до начальника цеха. Как говорят, все ступеньки прошагал: токарь, мастер, старший мастер, заместитель начальника цеха...

Второй цех — механический, один из крупнейших цехов на предприятии. Здесь работает свыше четырехсот человек. На трех его участках выпускается продукция трехсот наименований — детали для ходовой части комбайна.

Едва началась смена, подошел один из старейших рабочих цеха Наум Яковлевич Монастыренко.

— Роман, у меня к тебе разговор.

— Слушаю, Наум Яковлевич.

— Да вот, понимаешь, — старый рабочий достал из внут-

ренного кармана пиджака аккуратно сложенную бумажку. — Завком путевку предложил в санаторий «Уссури», врачи говорят, надо подлечиться, а отпуск свой я уже использовал летом. Отпустишь?

— Да что вы, Наум Яковлевич. — Роман Шмулевич улыбнулся. — Я ведь вас держать не могу! Вы в любое время можете уйти. Вы же пенсионер.

— Могу-то могу, — обиделся Монастыренко. — Коптим небо. Да только не ты один за цех переживаешь. Если я тут нужен, санаторий подождет.

— Да нужен, нужен, Наум Яковлевич, — примирительно проговорил Крученецкий. — Потому и отпустим. Поправляйте свое здоровье. Только потом опять в цех.

— А куда же я денусь. Конечно приду. Я дома не могу. — И протянул свернутый листок. — Раз не возражаешь, подпиши.

— Крученецкий поставил свою подпись.

«Коптим небо», — вспомнил в цехе Роман Шмулевич фразу, сказанную Монастыренко, и улыбнулся. Да он иному молодому сто очков вперед даст. И таких в цехе немало. И среди молодых тоже. Сверловщица Фаина Михайловна Белау, зубофрезеровщик Лев Гершович Ример, токари Владимир Васильевич Непогодин, Владимир Федорович Седых, Михаил Захарович Рысенко... Вот они все на своих рабочих местах — гордость цеха, гордость завода.

В десять утра совещание у начальника цеха. Собираются руководители служб, старшие мастера. В этом составе решаются все неотложные вопросы, анализируется день прошедший, планируется новый. Кабинет начальника просторный, но ничего лишнего: стол, телефонные аппараты, стулья вдоль стен. На стене на видном месте плакат: «Худший вид нарушения трудовой дисциплины — умолчать об угрозе срыва задания». Эта вычитанная где-то фраза стала правилом для Крученецкого, критерием его работы. И совещание начал с того самого обращения у проходной. Оказалось, что все видели его.

— Тем лучше, — заключил Роман Шмулевич. — Тогда надо на тех участках, где есть отставание, провести «летучие» собрания, организовать работу так, чтобы выправить положение.

А затем — детальная проверка всей номенклатуры изделий. Крученецкий строг. Один за другим старшие мастера

докладывают обстановку на своих участках. Все, о чем говорится на совещании, Роман Шмулевич записывает на небольшом листке бумаги. Во многое он должен вникнуть сам, разобраться, помочь принять необходимые меры.

И снова цех. Снова круговорот дел. Объяснение со старшим мастером Сергеем Комиссаренко, не вовремя остановившим станок для профилактики, беседа с энергетиком цеха Николаем Зеленовым о завершении ремонта линии на участке изготовления щеки гусеничной цепи комбайна, разговор с бригадиром слесарей-ремонтников Игорем Дмитриевым о сокращении сроков ремонта станков...

У выхода остановил молодой рабочий с листком бумаги в руках.

— Подпишите, Роман Шмулевич.

Крученецкий взял листок, прочел.

— Ты что же, Миллер, уходить собрался с завода? Нет, такие дела, Володя, на ходу не решаются. Давай-ка в четырнадцать часов ко мне в кабинет, там и поговорим.

— А чего говорить, я уже все продумал, подпишите.

— Нет, — отрезал Крученецкий. — В четырнадцать ноль-ноль жду тебя...

Сам Роман Шмулевич и не представлял себе жизни без цеха, без шума станков. Слушая рассказы отца о заводе, он полюбил предприятие еще до того, как пришел сюда работать. Помнит первые уроки своей наставницы, в то время передового токаря завода, кавалера ордена Ленина Аделины Карловны Гайлис. Четыре месяца был у нее учеником, затем присвоили первый разряд токаря. Направили на организованный тогда впервые участок. Старший мастер привел его в цех.

— Вот станки. Выбирай любой, какой нравится. Ты у нас первый рабочий на участке.

От гордости захватило дыхание. Из всех сил старался оправдать доверие. И первую свою зарплату нес домой как самую большую драгоценность. Когда отец положил на стол свои заработанные деньги, Рома вынул из кармана свои. Пачки оказались неравными. Зарплата отца выглядела куда солиднее. Шмуль Семенович перехватил взгляд сына.

— Ничего, Рома, и ты будешь получать не меньше. — И, положив свою тяжелую руку на плечо сына, усадил его, сам сел рядом. — Я хочу, чтобы ты понял, что человек тогда становится хорошим рабочим, когда главное для него — не

деньги. Главное — это научиться работать. Я не говорю о разряде. Разряд ты получил. Но теперь для тебя самое важное — стать мастером, настоящим мастером своего дела, работать грамотно.

Потом шутливо добавил: — Тогда и потягаемся! — И, сложив в одну кучу все заработанные деньги, крикнул:

— Мать, принимай доход и корми рабочих людей.

Этот разговор с отцом запал в душу на всю жизнь.

Обо всем этом он вспоминал, поднимаясь к себе в кабинет, на встречу с молодым рабочим. Миллер себя долго ждать не заставил.

— Ну что, Володя, садись, давай бумагу свою. — Крученецкий расправил сложенный вчетверо лист. — Давай-ка по порядку. Почему уходишь?

— Да работа мне не нравится. Решил что-то другое попробовать. Да и жена у меня... прибавление семейства ждем, а жить негде. Пока у ее родителей, но тесно там.

— А ты заявление на квартиру писал? — Начальник цеха испытывающе поглядел на молодого человека. Тот отрицательно качнул головой.

— Ну вот, а говоришь, что жить негде. Конечно, так сразу этот вопрос не решить, но месяца через три-четыре я мог бы тебе помочь получить квартиру. Правда, пока не самую лучшую, но со временем и новую получишь.

— И вообще, — продолжил Роман Шмулевич, — ты что, раньше не мог зайти ко мне? Судя по тому, как работаешь, не скажешь, что ты стеснительный. Специалист ты хороший. Честно говоря, не хочу тебя отпускать. Ну что, договорились?

— Нет, я решил твердо. Буду уходить!

— Может, с мастером у тебя нелады? — вдруг спросил Крученецкий и по взгляду рабочего понял: попал в точку. — Вот как раз сейчас у нас карусельный станок свободный. Знаешь, у выхода направо первый. Если пожелаешь, хоть завтра можешь туда переходить. Там работа самостоятельная.

От былой решимости у парня ничего не осталось.

— Я подумаю.

— Подумай, — ободряюще сказал Крученецкий. — Посоветуйся с женой...

...Потом заседание партийного бюро цеха. И вновь чередой нахлынули производственные заботы: запланированные

и новые. Но вот началась вторая смена, можно и домой. Крученецкий смотрит на часы — девятнадцать пятнадцать. Надо еще проверить, как сделал уроки старший сын, Славка, он первоклассник. Нелегко, конечно, мальчишке, привыкать после детского сада к школьному распорядку. И Роман Шмулевич считает, что отцовский контроль ему сейчас необходим. Конечно, Надя уже проверила, как Славка уроки сделал, но каждый вечер, придя домой, он сам говорит с сыном о школьных делах. И рассказывает о заводе. Очень хочет, чтобы и для сына завод стал главным в жизни. И младший — четырехмесячный Олег требует к себе внимания, да и Наде помочь надо — с двумя детьми нелегко ей одной.

Роман Шмулевич торопится. И все же перед тем как уйти с завода, буквально на несколько минут забегают на участок токарных полуавтоматов, где работает еще один Крученецкий — Валерий, и в пятый цех, к среднему брату — Григорию. Как там у них дела?

На «Дальсельмаше» сегодня работают трое сыновей Шмуля Семеновича Крученецкого.

Сыновья

Все они очень похожи на отца: тот же открытый, внимательный взгляд, тот же округлый овал лица. Когда собираются они вместе за одним столом — большой праздник настает для Доры Абрамовны. И все-таки, несмотря на схожесть, они такие разные, ее сыновья. Роман — тот больше в отца: рассудительный, спокойный. Прежде чем принять решение, взвесит все «за» и «против». Григорий — тот наоборот, решения принимает быстро. Сразу, с огоньком, берется за дело. В нем всегда говорит дух противоречия. Но если докажут, что неправ, согласится быстро. Валерий же словно вобрал в себя характеры старших братьев. С одной стороны, расчетлив, все старается предусмотреть. У него каждый день по полочкам разложен. А с другой, как и Григорий, горяч.

Но когда они начинают говорить о заводе, она всегда думает, что все они, как и отец, одержимые, все до конца преданы заводу. Она тоже, как могла, воспитывала эту любовь. Через год после смерти отца, окончив восьмилетку, пришел на завод Григорий. В то время она работала в треть-

ем цехе комплектовщицей. В ее обязанности входил подбор деталей для комбайнов. После рабочей смены приходили помочь матери Роман и Григорий, прибежал и Валерка, учившийся тогда в школе. Особенно много работы было в конце месяца. Ребята старательно укладывали в ящики детали, и если вдруг оказывалось, что чего-то не хватает, шли в цех и с разрешения мастера вытачивали на свободных во вторую смену станках недостающие до комплекта детали. В то время Роман уже был хорошим токарем, да и Гриша не отставал от него. Валерия же, как маленького, к станкам не допускали, но он всегда был рядом, запоминал все движения братьев. И когда вслед за ними пришел на завод, специальность токаря освоил в считанные дни.

Помнит Дора Абрамовна такой случай. Валера только вернулся из армии. Надо было устраиваться на работу. Завел с матерью разговор.

— Ребята наши, с кем служил, на чулочную фабрику зовут. Вон, Виктор Шкандевич устроился уже помощником мастера. Зарплата, говорит, хорошая. Да и работа интересная...

А сам смотрит ей в глаза, ждет, что скажет.

— Ну, а ты-то сам как думаешь? — схитрила Дора Абрамовна, предоставляя сыну самому сделать выбор. А сердце сжалось: неужели оставит завод?

— А я на наш завод пойду. Я думаю так: завод без меня, конечно, обойдется, а вот я без завода не смогу, у меня тут родня, — улыбнулся Валерий.

Мать тогда в душе порадовалась: младший тоже самостоятельным становится. По-взрослому, как настоящий мужчина, рассуждает!

«Наш завод» — слова эти в семье Крученецких звучат часто. В них выражено многое. Здесь ребята выросли, стали мастерами своего дела. Роман и Валерий закончили заводской вечерний механический техникум, получили среднее специальное образование. Подумывает об учебе и Григорий. Все трое — уважаемые в коллективе люди. Не за красивые же глаза Романа в начальники цеха выдвинули. А Григорий? Он в инструментальном работает токарем. Самые сложные детали поручают ему. И Валерий, он хотя и молод, двадцать шесть лет всего, а уж член партии, депутат городского Совета. Один управляет с тремя станками, а когда работа всех их отлажена, становится за четвертый. Дора Абрамовна ви-

дела эти станки — не то что раньше. Полуавтоматы! Знания нужны, чтобы ими управлять.

У всех — хорошие благоустроенные квартиры. О таких они со Шмулем в те далекие годы и мечтать не смели. И ей завод дал большую квартиру. Когда ребята моложе были, ох как шумно да и тесновато было. А вот теперь опустел ее дом. У каждого своя семья, дети. Иной раз кажется, что уж слишком просторно. Но бывают дни, когда вновь становится шумно в ее доме и тесно. Это когда все сыновья со своими семьями собираются вместе. И все вместе садятся за стол, накрытый ею. Любит она своих детей, внуков, и они отвечают ей своей сыновней любовью.

Иногда она слышит от знакомых людей:

— Счастливая вы, Дора Абрамовна, дети у вас замечательные. Хорошо вы их воспитали.

Она тогда подумала, что никак особенно не воспитывала своих детей. Просто ей очень хотелось, чтобы выросли они честными людьми, чтобы любили свое дело, были преданы ему душой.

А завод растет и хорошеет. Вот сейчас ведется строительство его главного корпуса, три пролета которого уже действуют. Ребята рассказывают, что в одиннадцатой пятилетке завод будет еще больше расширяться. Принято решение о большой реконструкции предприятия. До 1985 года пустят четыре пролета главного корпуса завода, построят также целый блок вспомогательных цехов. Планируется возвести и большой заводской Дом культуры. И общежития, и пионерский лагерь, и новые детские сады, и пять больших стоквартирных благоустроенных домов...

В год завод станет выпускать пять с половиной тысяч гусеничных комбайнов. Разве могли об этом мечтать первостроители завода!

Да, растет завод. С каждым годом меняется его облик. Меняются и растут вместе с ним люди. Сегодняшние рабочие ой как отличаются от тех, кто начинал работать здесь в 1937 году. Им по плечу новые задачи, стоящие перед коллективом завода. Им, сыновьям, и продолжать дело, начатое отцами.

НИКОЛАЙ НЕМАЕВ

ЗА ДОМОМ — ДОМ

На опушке леса, там, где Бира-река делает поворот, будто белые грибы после дождя, встали стеной нарядные жилые дома, детские сады, магазины. Это третий микрорайон Биробиджана. Он построен за последние пять лет. Здесь справили новоселье более семи тысяч человек — каждый десятый биробиджанец!

Но далеко не все знают человека, который живет и работает рядом, который оставил в каждом из этих домов частичку своего сердца, кусочек жизни. Только в третьем микрорайоне Биробиджана с его участием смонтировано за четыре года двадцать четыре многоквартирных дома, два детских сада, сделана кирпичная кладка городской библиотеки, современных магазинов, помещений службы быта...

Его зовут Григорий Андреевич Найко. Профессия — строитель. Должность — бригадир. Среди пяти с лишним тысяч строителей Биробиджана Григорий Андреевич внешне ничем не выделяется. Хотя возраст — за пятьдесят, держится молодцевато. Подтянут, всегда собран, спокоен. Приветливое, обветренное лицо, добрая улыбка и умудренный опытом взгляд по-детски веселых глаз. Беспокойной жизни человек.

Вспоминается мне осень 1971 года. Солнечная и теплая, какие нередко бывают на Дальнем Востоке. В одиннадцатый квартал Биробиджана, на улицу Пушкина, привезли тогда странную железобетонную деталь — нечто вроде рамы — и установили на фундамент. Сварщик тут же прихватил ее навечно. Так в начале октября был начат монтаж первого крупнопанельного дома в Биробиджане.

Важное событие произошло тихо, по-деловому, без всяких торжеств. Может быть, потому, что только предстояло

освоить незнакомое и сложное дело. Как водится, новое, трудное поручают самым сильным. Выбор пал на 254-е управление треста Биробиджанстрой. Этот коллектив действительно выделялся умением работать быстро, напористо, эффективно. Но строительство крупнопанельных домов поначалу велось урывками: сказывалась слабая материально-техническая база, не хватало квалифицированных кадров. Строителей, мастеров, бригадиров. Вот тогда-то и начал Григорий Андреевич Найко осваивать новое дело. Его пригласили на помощь, как опытного строителя, грамотного руководителя, и это было естественно: к тому времени имя Найко уже было известно. Но до этого была целая жизнь...

Он родился и вырос в Приамурье — маленьком селе Екатеринославке, что за Хабаровском. Сюда в начале восьмидесятых годов прошлого века предки Найко, гонимые нуждой, жадной вольной жизни и неизведанного, приехали с Украины обживать новую землю. А она оказалась неласковой. В одиночку никак не одолеть. И пошел множиться род Найко.

Тринадцать родилось их у отца с матерью. А в живых осталось десять. Трудные были годы, лиха вдосталь хлебнули. Григорий ходил в пятый класс, когда началась война. Сначала на фронт ушел старший брат — не вернулся. Затем, в 42-м, под Сталинград ушел отец. Вернулся через два года, с наградами. Инвалидом. Еще один брат ушел на фронт бить ненавистных фашистов. Теперь за старшего в семье остался Григорий. Начал работать. Вот тогда крепко вошло в его жизнь короткое, емкое слово «надо».

В школу больше не ходил. Колхоз послал его на лесозаготовки бригадиром. В четырнадцать-то лет! Такое было время. В трудные военные годы подростки выросли рано, закалялся их характер, зрела совесть и ответственность перед людьми.

Нескоро, ох как нескоро рабочий-подросток Гриша Найко сел за парту. Только в 1947 году закончил он школу ФЗО в Хабаровске. Здесь он получил начальные уроки строительного дела. И остался верен ему на всю жизнь.

В 257-м строительном управлении 35-го стройтреста Хабаровска вскоре заметили способного трудолюбивого паренька и назначили бригадиром среди сверстников. Но по-настоящему раскрылся организаторский талант комсомольца Найко после службы в армии, на строительстве завода силикатного кирпича в поселке Приамурском. Здесь он возглавил круп-

ную по тем временам комсомольскую организацию, стал инструктором производственного обучения, создал одну из первых в крае добровольную народную дружину по охране общественного порядка.

Его бригаде было поручено возводить главный производственный корпус завода. Тогда Григорий начал интересоваться передовыми методами труда. В руки попала брошюра о «кольцевом» методе кирпичной кладки. Почти всю ночь в комнате Найко горел свет. Короткий сон — и утром Григорий с увлечением рассказывал ребятам об «открытии». А что, если попробовать таким методом? Попробовали. И вот она счастливая минута — получилось! Каменщики перекрыли все нормы и показали лучший результат по управлению.

В это время в Москве открывался VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Из поселка Приамурского комсомольцы послали на фестиваль Григория Найко.

Григорий ехал в столицу поездом, через всю Россию, и поражался — какая же она огромная — Родина! И как много еще надо построить, переиначить и сохранить, чтобы людям жилось счастливо.

В Москве Григорий Найко впервые по-особому ощутил свою причастность к Родине, здесь он окончательно убедился в правильности избранного пути, в необходимости своей профессии. Тогда же вступил в ряды коммунистов.

И снова будни. Но уже другие. Теперь это строительство завода железобетонных изделий № 7 в Биробиджане. Найко направили в отстающую бригаду. Принял он ее в июле, а в декабре вывел в передовые. Потом ему поручили поставить на ноги еще один отстающий коллектив. И вновь Найко оказался на высоте.

Видимо, хорошо разглядел начальник 254-го строительного управления Д. С. Фуксман, ныне управляющий трестом Биробиджанцелинстрой, лучшие черты в бригадире Григории Найко, когда пригласил его на крупнопанельное домостроение. Далеко вперед увидел большие способности этого человека. И хотя это дело было новым и хлопотным, Найко дал согласие. Старшим в бригаде оставил Григория Ейкепеса.

К работе на крупнопанельном домостроении Найко приступил с чувством смутной тревоги. Но начальник управления его ободрил и поехал с ним вместе — представлять бригаде нового бригадира.

За обувной фабрикой асфальт кончился. Сбавив скорость,

машина свернула на гравийную дорогу и через минуту остановилась у двух крупнопанельных домов, стоявших на отшибе, за ручьем Безымянным. На первом доме золотилась мраморная доска с надписью «Эта улица названа именем Героя Советского Союза Иосифа Романовича Бумагина». Улицу и весь микрорайон еще предстояло построить.

Монтажники собрались в бытовке плотников.

— Вот вам новый бригадир. Григорий Андреевич Найко. Прошу любить и жаловать, — представил его начальник.

— Еще одного начальника прислали, — донеслось из угла. — Беги, бригадирчик, за бутылком, с тебя причитається, — прозвучал хриплый голос.

Бригада была, как говорят, «не конфетка». Нужно налаживать отношения с людьми. Надо работать. Строить.

Найко быстро присмотрелся к «порядкам» в бригаде, изучил запущенную монтажниками документацию, постарался разобраться в причинах производственных прорывов.

Многое надо было в бригаде менять, чтобы работать качественно, эффективно и сообразуясь со сроками. Надо было налаживать дисциплину.

Бригадир собрал монтажников.

— Раз мы приходим на работу, так надо трудиться. А у нас что получается? Нет панелей — сидим. Другой работой заняться — боже упаси. Вот прямки подвалов, кто за нас будет делать? Или перегородки кирпичные. Почему бы их не класть, пока панели подвезут?

— Ты что, хочешь нас в разнорабочих превратить? Мы — монтажники! Понятно это? Лично я никакую другую работу выполнять не буду...

В последних словах Григорий Андреевич услышал гордость за свою профессию. Но гордость, ложно понятую.

— Нет, на то мы и строители. И прямки будем делать, и штукатурить мы их будем, и перегородки класть — все, что нужно, то и будем делать. Нельзя же так: встал на одну операцию, до остального — хоть трава не расти. Нам такая «специализация» ни к чему. От нее бригаде только хуже, и общее дело страдает.

— Нет уж, начальник! Нам такой «комплекс» не подходит.

— Да нас на любой стройке с распростертыми объятиями возьмут, — откровенно высказались другие.

Братья Пузик ушли из бригады первыми. Это был сигнал

для других несогласных. Григорий тяжело переживал уход, в общем-то, неплохих монтажников. Но духом не падал и от принципов своих не отступил. Он верил, придет время и новый коллектив еще покажет, на что способен.

Найко покончил с уравниловкой в бригаде. Раньше каждый независимо от выработки получал среднесдельную зарплату. Это не побуждало людей работать лучше. Григорий настоял в управлении, чтобы монтажникам, как и каменщикам, ввели аккордно-премиальную систему оплаты труда. Зарботки, в том числе и у Найко, резко снизились. Последовали очередные заявления на увольнение.

Но не все дрогнули и ушли от нового бригадира. Пятеро остались: Владимир Хабаров, Александр Важнин, Георгий Червоненко, Павел Рашев и Владимир Попов. Они поверили Найко, поддерживали его в трудную минуту. Видели, что Григорий с энтузиазмом и даже каким-то озарением строит свой первый дом из крупных панелей и искренне хочет, чтобы и они всей душой прикипели к новому делу.

И здесь произошло такое, чего Найко не ожидал. Некоторые строители из старой его бригады, узнав, как трудно бригадиру на новом месте, решили поддержать его в новом деле и с одобрения руководства управления перешли к нему. Правда, у Владимира Шанькова, Виктора Дурасова, Вениамина Беляева и других каменщиков, пришедших к Найко из прежней бригады, не было опыта монтажа крупных панелей. Зато имелось горячее желание и внутренняя потребность работать с Григорием, строить дома быстрее и лучше. Теперь Найко с уверенностью мог положиться на всю бригаду, как на самого себя.

Пришлось основательно взяться за профессиональную учебу, за книги. Читали их вместе, сообща постигали секреты нового дела. И с каждым таким уроком Григорий все уверенней чувствовал себя на строительной площадке. А через месяц и вовсе освоил профессию так, что в составе любого звена работал не хуже опытных монтажников. А затем и лучше. И не только он, но и в целом бригада.

В конце января 1976 года, взяв обязательство собрать четыре этажа дома к открытию XXV съезда КПСС, недавно сформировавшийся коллектив начал монтировать по 40—45 и даже 50 изделий в день. Ранее это казалось недостижимым.

Выявились и другие резервы. Сразу несколькими звеньям

с одним башенным краном работать в полную силу оказалось несподручно: монтажники мешали друг другу.

— А что если строить дома в две смены?

— Почему в две, а не в три? — задумались в бригаде.

Попробовали работать при электрическом освещении. Получилось. Правда, монтировать изделия было сложнее, чем днем: требовалось предельное внимание, собранность. Но ведь это и есть качества настоящих монтажников! Так в апреле 1976 года впервые в Еврейской автономной области и в практике 254-го строительного управления бригада Г. А. Найко начала вести монтаж жилья в три смены. Предсъездовские обязательства новый коллектив выполнил с честью. Это была его первая победа.

Летом того же года Григорий Андреевич поехал в Амурск перенимать передовой опыт. Найко попал в ту самую бригаду, у которой когда-то учились биробиджанцы.

— Все собрались — рабочие, бригадир, — рассказывал потом Григорий Андреевич. — Я у них спрашиваю: за сколько дней вы шестидесятиквартирный дом сдаете? Мнутса. Не отвечают. А в их газете я прочитал — за полтора месяца. — Ну, за сколько, спрашиваю. Скажите?

— Если все будет — за полтора месяца сделаем...

— А мы давно за месяц сдаем...

— Вот так-то, — продолжал Григорий Андреевич, — а когда-то наши монтажники Важнин, Хабаров, Червоненко у них учились. Впрок пошла учеба. Ученики превзошли учителей.

Потом была поездка в Москву, за столичным опытом крупнопанельного домостроения. Поездка дала многое. Поразила его тогда размах жилищного строительства. А главное — Найко утвердился в мысли, что в своей бригаде можно существенно повысить производительность труда, качество монтажа.

— Кое-что мы оттуда привезли, — рассказал Найко. — По приезде в Биробиджан собрались в тресте. Надо отчет держать. Я встал и давай... Так, мол, и так. В Москве идешь по улице — светло. Дома словно небо голубое. Приятно. А у нас серость. Мы тут мучаемся с фактурным слоем, а москвичи просто красочкой панели покрывают. Быстро и хорошо. Краска силикатная, на кремниевой основе. Двадцать лет цвет не меняет, держится отлично. Вот нам что надо внедрить...

Мысль бригадира в тресте и управлении поддержали, одобрили. Теперь каждый очередной дом выглядел все наряднее. Панели пошли окрашенные в светлые тона. Со вкусом подобраны цвета. Ограждения балконов стали выполнять из цветного пластика, армированного стекла. Изменилась к лучшему так называемая расшивка швов, которую делают монтажники.

А бригада Найко заключает с администрацией договор на бригадный подряд, еще раз пересматривает организацию дела и технологию монтажа. Коллектив берет обязательство трудиться до конца пятилетки единым составом и остается верен своему слову. Он монтирует в год более 30 тысяч квадратных метров жилья, выполняет четырехлетний план к первой годовщине принятия новой Конституции СССР, повышает ежегодно производительность труда на пять-шесть процентов.

Возрос авторитет бригады, стали неплохими заработки.

Никто больше не уходит из бригады. Наоборот, те, кто ушли, просят обратно, но трудно теперь попасть в бригаду Найко.

Конечно, порою за успехами идут огорчения. Вот одна из проблем, с которой столкнулись монтажники: отставание строительной базы, нехватка материалов и конструкций. Первые два этажа двадцать первого дома появились, будто из сказки. Даже не верилось, что за две недели можно «выйти» на третий этаж. И здесь произошло то, чего больше всего опасались строители. Привычный, размеренный механизм снабжения отстал от высоких темпов бригады. Монтаж дома приостановился из-за отсутствия плит перекрытия.

Найко и другие монтажники ходили хмурыми. План «горел». Правда, кое-какая работа продолжалась: ее при желании на стройке всегда можно найти. Так будет еще не раз. И не раз коммунист Найко выступит на партийных собраниях с резкой критикой по адресу снабженцев, плохой работы цеха крупнопанельного домостроения и завода железобетонных изделий № 7 треста Биробиджанстрой.

Последний раз я встретил Найко в канун 1980 года, на двадцать шестом доме.

— Если бы все били в одну точку, то сдали бы дом в этом году, — досадовал Григорий Андреевич. — Башенные краны часто выходят из строя. То крановщика нет... С панелями задержка, мелких деталей не хватает, лестничных площадок.

У бригады цеха крупнопанельного домостроения показатели до трехсот и более процентов. Ясно за счет чего: гонят крупняк. Металл и щебенку израсходовали, а мелочь делать не из чего. Не однажды я этот вопрос поднимал в тресте и управлении. Но так не в комплекте и продолжают давать детали...

Я слушал его и думал: сколько же в этом человеке энергии, горячей заинтересованности в улучшении дел на наших стройках. Конечно, конфликты не проходят для него бесследно. Однако он вновь и вновь, несмотря на все невзгоды и трудности, поднимает свой коллектив на новые свершения. Бригада его в ноябре 1979 года досрочно выполнила задание десятой пятилетки, продолжает трудиться единым составом, без отстающих.

Да, такие строители, как Григорий Андреевич Найко, как его бригада, — это главная опора нашихстроек, мастера из мастеров, чьими руками построено все вокруг. И в каждом новом квартале, в каждой улице, в каждом воздвигнутом доме — трудовой подвиг, величие и красота человека труда.

ЕВГЕНИЙ БУГАЕНКО

КОЛХОЗНИЦА ИЗ СЕЛА ВАЛДГЕЙМ

В селе Валдгейм проходил сельский сход. Ораторы деловито говорили об успехах и проблемах, о том, что колхоз «Заветы Ильича», центральная усадьба которого расположена в Валдгейме, по предварительным подсчетам получит в нынешнем году на миллион рублей больше доходов, чем в прошлые годы, о том, что надо построить новый клуб — существующий тесноват, село растет, о том, что следует присвоить центральной улице села имя прославленного земляка Владимира Пеллера, который представлял Еврейскую автономную область в Верховном Совете СССР, избирался членом Центральной ревизионной комиссии КПСС...

Председатель объявил: «Слова просит Фейга Лейбовна Файман»... И сразу аплодисменты. Поднялась смуглая невысокая женщина. На лацканах ее костюма сверкнули ордена Ленина и «Знак Почета», Золотая и Серебряная медали Выставки достижений народного хозяйства.

Голос ее был тихим и ровным.

— Помните ли вы, земляки, какой тяжелой выдалась нынешняя весна? Поздние заморозки, а потом сушь... Нам, овощеводам, приходилось заново пересаживать некоторые участки — все погибло. Сейчас я вам скажу: мы вырастили прекрасный урожай и помидоров, и огурцов, и капусты. Машины не успевают вывозить овощи в город. Мы смогли добиться такого успеха потому, что колхоз купил удобрения, а также прекрасную технику, машины, которые намного облегчили труд, потому, что рядом с нами были хорошие специалисты-агрономы, потому, что в трудные дни на помощь нам приходили многие односельчане... И эта поддержка, товарищеская помощь, по-моему, одна из причин нашего успеха.

Дружно живем мы, дорогие земляки. В нашем национальном еврейском колхозе трудятся люди многих национальностей: и русские, и украинцы, и мордва. У нас у всех равные права, общие цели. И когда я думаю об этом, я вспоминаю те письма, которые я получала из Израиля, от неизвестной мне семьи Ройзен, об их горе. Мы не должны забывать о печальном опыте семьи Ройзен...

Что же это за письма, и что за печальный урок семьи Ройзен? И почему «неизвестная семья Ройзен из Израиля» выбрала своим адресатом колхозницу Фейгу Файман из дальневосточного села Валдгейм?

Мы беседовали с Фейгой Файман в ее большом просторном доме, который стоит среди молодых слив и вишен, ходили с ней в сельский музей истории национального колхоза «Заветы Ильича», я ездил к ней в поле, где женщины убрали богатый урожай помидоров, и всюду я слушал рассказ Фейги Файман, слушал рассказы ее земляков о ней и о ее семье. И предстали из этих рассказов поучительные судьбы двух разных семей.

Родители Фейги Файман приехали в Еврейскую автономную область в 1931 году с Украины, из села Романовка, что возле Бердичева. Семья большая: отец — Лейб Резник, мать, пятеро детей. Отец очень любил заниматься садоводством, и, приехав на Дальний Восток, он попросил выделить ему большой участок земли, дать саженцы, чтобы заложить большой сад. Его желание местные власти выполнили. Лейб Резник заложил сад на новом месте, потом возглавил садоводческую бригаду, по его инициативе колхоз построил первые теплицы для выращивания рассады овощей, а позже он возглавил овощеводческую бригаду. Жена его всю жизнь вела домашнее хозяйство, воспитывала детей. Они все окончили среднюю школу, стали работать в колхозе. Фейга со школьных лет с увлечением занималась в кружке юннатов, потом ходила к отцу и просила разрешить ей выращивать рассаду, сажать овощи. Окончив школу, она решила работать в бригаде отца, и с той поры бесменно работает овощеводом. За достижение высоких урожаев Советское правительство наградило ее орденами, ее труд отмечен медалями Выставки достижений народного хозяйства СССР.

Но энергии этой женщины оказалось достаточно не только для работы в овощеводческой бригаде. Она участвовала в сельской самодеятельности, пела в хоре, занималась об-

публичными мероприятиями. Ее избирали депутатом сельского Совета, где она участвовала в работе женской комиссии, через год — приняли в члены КПСС, а через два года коммунисты бригады избрали ее своим вожаком.

Сейчас Фейга Файман — член бюро районного комитета партии, много лет ее избирают членом Комитета советских женщин. У нее прекрасная семья: муж, четверо детей, внуки...

Однажды Фейга Файман услышала по радио о том, что сионисты уверяют, будто евреи в Советском Союзе притеснены, что их нужно защищать.

Возмущившись этой выдумкой, женщина написала письмо в журнал «Советская женщина». Она изложила в нем мысли своих детей, своих земляков. Она, в частности, писала:

«Я бываю на заседаниях правления нашего колхоза. Я вижу рядом сидящих евреев, русских, украинцев, представителей других национальностей. У них нет разногласий — политических, социальных, нравственных, они отлично договариваются обо всем. Потому что говорят на одном языке — языке братства.

Вы хотите их посорить, посеять национальную рознь? Напрасный труд. Напрасный и неблагодарный!»

— После этого, — рассказывает Фейга Файман, — я стала получать письма. Я никогда раньше не получала так много писем. Они приходили из разных областей Советского Союза и из-за рубежа. Авторы писали о том, что согласны со мной. Среди многих других было и то письмо из Израиля.

«Уважаемая Фейга Лейбовна Файман!

Пусть Вас не удивляет письмо от незнакомого Вам человека. Находясь в Израиле, я случайно достала журнал «Советская женщина» и прочла Ваше открытое письмо. Это поистине справедливое и жизнью подтвержденное письмо. И все же в Вашем письме имеется лишь небольшая часть того, что тут делается. Хочется мне коротко рассказать о случившейся со мной истории...

...Фамилия моя Ройзен, Бейла Яковлевна, родилась в 1923 году в городе Первомайске Одесской области. Моя семья состоит из мужа и троих детей, из коих старший сын живет в Молдавии в г. Бендеры. Мой муж, Ройзен Рахмиль Абрамович, во время войны потерялся от родителей, брата и сестер. В 1956 году он узнал, что они живут в Израиле. И начиная с того времени его семья высылала вызовы. Я ради сво-

его мужа, не зная истину этого «рая», оставила сына, мать-старушку и сестер, уехала с двумя дочерьми и мужем в Израиль. Это было 8 марта 1970 года. Мы даже не могли представить, что нас ждет.

Сразу же по приезде мы почувствовали горечь и обиду. Хорошими мы были всего лишь пару дней. Вы спросите почему? Мудрая пословица гласит: «За правду бьют». Так случилось с нами. Нас хотели заставить говорить неправду о Советском Союзе и восхвалять Израиль. Как же мы могли выдавать белое за черное и наоборот? Когда мы знаем истину о Советском Союзе и хорошо видим и почувствовали сразу израильский «рай»...

...Четыре месяца мы не работали. Мужу дали вначале черную работу, от которой он отказался из-за низкой оплаты. Теперь, когда мы заявили о нашем жгучем желании вернуться на Родину, нам вообще нельзя найти работу. Средств для дальнейшего существования нет. Мои дети не могут продолжать дальнейшее учение по музыке и вообще, так как все это связано с большой суммой денег, в то время, когда дети были отличниками в музыкальной и общеобразовательной школах...

Совершенно непонятно и уму непостижимо, — пишет Бейла Ройзен, — на каком основании правители Израиля зовут сюда советских евреев? Возникают вопросы: будут ли тут для них работа и жилье? Получат ли дети правильное воспитание и образование? Могу прямо ответить, испытав все на себе: нет, советским евреям тут делать нечего! Те, кто приехал, оплакивают свою судьбу.

Узнав о том, что Вы, Фейга Лейбовна, являетесь членом Комитета советских женщин, я решила от имени всей семьи обратиться к Вам с просьбой посодействовать нам вернуться на родину.

Помогите, пожалуйста, выбраться из этого «рая» на свою любимую родину — в Союз Советских Социалистических Республик! Надеюсь на Ваше материнское сердце и заранее благодарю Вас».

И подписи: Ройзен Бейла Яковлевна, Ройзен Рахмиль Абрамович, Ройзен Ада, Ройзен Софья.

К письму матери приложен листок, вырванный из тетради и заполненный округлым детским почерком.

«Здравствуйте, тетя Фейга!

Пишет вам Ройзен Ада, бывшая ученица 7 класса школы

№ 3 г. Бендеры. Всю нашу историю Вы уже знаете, и много писать мне не нужно. Вас я увидела впервые на фотографии в журнале, но я вижу по Вашему лицу, что Вы добрая. Поэтому я Вас очень прошу помочь нам. Я потеряла многое из новой школьной программы, и если бы было возможно вернуться в такое время, чтобы 1 сентября пойти в школу со всеми моими подругами, я была бы очень рада и благодарна Вам.

Моя сестричка Софа училась в 3-м классе и тоже просит Вас об этом.

Ждем от Вас скорого ответа. До свидания!

Ада и Софа Ройзен».

Фейга Файман кладет на стол письмо и, помолчав, произносит:

— Это уже не первый случай, когда люди, попав на удочку отравленной вражеской пропаганды, оплакивают затем день и час, когда они дали себя уговорить и оставили свою настоящую родину — Советский Союз, где для них гарантированы все права человека и гражданина.

Печальная история семьи Ройзен — лишнее доказательство того, что наглые сионистские клеветники не заслуживают доверия ни на грош. Наша единственная счастливая Родина — Советский Союз!

Своими руками, руками наших отцов и дедов, в братском союзе с людьми других национальностей мы построили для себя и для своих детей города и села, счастливую жизнь. Эта земля нам дорога, ее будут защищать наши дети, ее мы будем украшать.

Фейга Файман, прощаясь, еще раз напоминает, что так думают все люди в Валдгейме.

Третий сын из семьи Блехманов

I

Артист Вольф Мессинг выступал в Биробиджане. Его премьера начиналась обычно. На сцену, залитую светом, вышла женщина и обратилась к залу:

— У Вольфа Григорьевича хорошее настроение. Знаете почему? Он сказал, что объехал весь свет, но нигде не ел такого вкусного обеда, как в вашем городе! Он просил передать спасибо повару!

И напряженный зал взорвался аплодисментами. Сотни лиц с улыбкой обернулись в сторону пожилого мужчины, который, опустив голову, в окружении семьи сидел в среднем ряду. Позже он говорил:

— Тогда я растерялся: я пришел в зал как зритель, на сцене знаменитый артист, а люди хлопают мне, и жена шепчет: гордись, Яков! Ты у меня знаменитый человек! А какой же я знаменитый — я просто повар...

Его детство прошло в босяцких кварталах Одессы, притягивающей богачей всего мира. Он ежедневно сотнями встречал изнывающих от скуки франтов, шикающих «королей», налетчиков и тысячами — бедняков разных национальностей, таких же горемык, как их семья.

Его отец был, по мнению детей и соседей, прекрасным кондитером. Но у него все не хватало денег открыть хотя бы маленькую свою лавочку. Он часто вслух мечтал о том, как на их семью вдруг свалится счастье в виде пачки ассигнаций, на которые он купил бы оборудование для своей кондитерской, или это счастье явится к ним в виде богача, по ошибке завернувшего в их бедный квартал, и который по достоинству оценит вкус его изделий, и это будет реклама, и тогда не Блехман будет искать покупателей для своих деликатесов, а богатые покупатели, непременно на пролетках, а может, даже в автомобилях, будут ездить по их кварталу и спрашивать: где найти Блехмана?!

Никто не пожертвовал им пачку ассигнаций. Не забрел загулявший богач. Умер отец и оставил дочери и двум сыновьям только надежды, только мечты. Потом новое горе постигло детей — умерла мать.

В те годы происходили непонятные явления для маленького Якова: в городе стреляли, то приходили к власти белые, то красные.

Однажды в дом пришли люди в кожаных куртках, на фуражках у них были звезды.

— Здорово живете, хозяева! — сказал с улыбкой один из них. — Давай знакомиться! — обратился он к старшему брату. — Мы чекисты.

— А зачем вы пришли?

— Мы узнали от соседей, что вы живете одни, без родителей, что вы голодаете и бедствуете. Мы устроим вас в детский дом, там о вас позаботятся: оденут, накормят, в люди выведут!

Старший брат хотел сбежать, он боялся, что в детском доме будут бить, заставят выполнять тяжелую работу. Но Яков и сестра уговорили его: «Пойдем! Будет плохо — вместе сбежим оттуда!»

Но сбежать не пришлось. В детском доме им дали одежду, сытно накормили. Их никто не бил, никто не заставлял выполнять тяжелую работу. Единственное, что их заставляли, так это — учиться. А ведь об этом всегда мечтал отец: научить детей грамоте. Главные люди в детском доме были педагоги.

Когда дети подросли, каждому задали вопрос: кем ты хочешь быть? Сестра так и выпалила: учителем. И, к великому изумлению Якова, ее послали учиться в институт. И больше того — дали ей место в общежитии, дали стипендию...

Спросили его. Он ответил: кондитером. У кондитера все-таки всегда под рукой кусок хлеба.

Его направили учиться в техникум пищевой промышленности. Яков окончил техникум, и ему сразу предложили работать поваром в ресторане.

Советская власть крепла, люди жили все лучше и лучше. Среди новых друзей, среди знакомых Якова Блехмана никто уже не восторгался его профессией повара, не завидовал его месту в ресторане. Зависть вызывали звания «ударник», «передовик соревнования», «стахановец», которыми гордились ребята и девчата с заводов, строек.

В 1934 году, когда советская молодежь ехала строить новые города, Яков Блехман решил, что теперь уже нечего держаться за специальность повара, что профессия строителя — романтичнее. И он пришел в Одесский обком комсомола и попросил направить его на Дальний Восток, туда, где его сверстники закладывали в тайге новый город. Просьбу комсомольца Якова Блехмана удовлетворили. Ему вручили комсомольскую путевку, и с большой группой юношей и девушек — русских, украинцев, татар, казахов и других — он приехал на строительство будущего города Комсомольска.

Но работал он здесь недолго: на стройку приехал уполномоченный от евреев-переселенцев и уговорил его переехать на станцию Тихонькая, где строили будущий Биробиджан. Яков согласился, ведь Биробиджан тогда тоже был в числе ударных строек и его часто называли Комсомольск-второй. Однако когда Блехман приехал туда, ему сказали: «Твое

дело накормить людей, а это для общества важнее, чем положить десяток кирпичей».

Так и остался он в Биробиджане. На его глазах, при его участии город рос, строился, хорошел. Маленькие артели перерастали в фабрики. Рядом с ними закладывались фундаменты крупных промышленных предприятий. Строились школы, клубы. На его глазах мужали и седели его сверстники — первостроители, уходили на пенсию, рядом с ними появлялись в его ресторане их дети, а позже они, став инженерами педагогами, врачами, ткачихами и комбайнстроителями, приходили со своими детьми... Он здесь женился, здесь родились его дети, отсюда он уходил на фронт и сюда вернулся после победы. Он участвовал в радостных праздниках, когда Еврейской автономной области вручались ордена Ленина и Октябрьской Революции за большие успехи в хозяйственном и культурном строительстве, за заслуги в укреплении дружбы народов. Он врос корнями в эту дальневосточную землю, которая стала ему родной.

II

В тридцатые годы произошел еще один случай, который заставил его по-новому взглянуть на свою специальность.

В 1934 году через Биробиджан ехал на границу прославленный маршал Василий Константинович Блюхер. Яков Блехман кормил знаменитого маршала и его штаб. В первый день все шло как по расписанию. Блюхер приходил завтракать, обедать и ужинать точно в назначенное время. Он поужинал в десять вечера, а завтрак был назначен на семь утра.

Блехман и его помощники накануне устали. Они приготовили полуфабрикаты и решили лечь спать, а утром пораньше встать и приготовить завтрак. Они наказали сторожу разбудить их в четыре часа утра. Но когда Блехман проснулся и взглянул на часы, было без четверти семь. Он в ужасе бросился к сторожу — тот безмятежно спал, как и все остальные работники кухни. А ровно через 15 минут в зал войдет Блюхер!

Как прошли 15 минут, он не представляет; смутно помнит, что потом долго вытирал пот со лба...

Ровно в семь, когда в зал вошел маршал, на столах стояли горячие дымящиеся блюда. Блюхер ел, нахваливая. А после завтрака он попросил лист бумаги и написал на

нем, что повар Блехман готовит вкусно и отменно, и он выражает ему искреннюю благодарность. Эту бумагу с личной благодарностью маршала Блехман показывал родственникам, знакомым на улице. Лист ходил из рук в руки, и люди при встрече поздравляли повара.

III

Пожимая руку Якову Блехману, люди часто спрашивают: «Как вам удается готовить так вкусно? Наверное, у вас есть какие-нибудь секреты?»

Как ответить на этот вопрос? Он хочет, чтобы люди были довольны, чтобы уходили из ресторана с хорошим настроением. Много лет назад он задумал: «Пусть в биробиджанском ресторане посетители отведают настоящее национальное еврейское блюдо». Он пошел к домашним хозяйкам в еврейские семьи, пробовал их кулинарию, записывал рецепты. Так появились в меню знаменитое кисло-сладкое мясо, цимес, фаршированная шука, жаркое с пирожком.

Старая женщина дала ему рецепт французского блюда: консамэ с воланами. Оно вошло в меню. Потом его дополнил знаменитый немецкий струдель, русская окрошка, русские студни... Шницель африканский, яйцо по-кубински, болгарская яичница с лечо.

Хороший мастер тот, кто создает свои шедевры. Они есть у Блехмана. На дальневосточной выставке фирменных блюд, которая проходила в Хабаровске, первое место занял квас таежный, амурский напиток, национальная сдоба землях, приготовленные по рецепту Якова Блехмана.

Сам автор считает лучшим своим блюдом шницель по-биробиджански. Рожденный в кухне Блехмана, он занял центральное место в кухнях домашних хозяек, его научились готовить женщины Хабаровска и других городов. По просьбе читателей областная газета «Биробиджанская звезда» печатала рецепты приготовления блюд Блехмана, в том числе биробиджанского шницеля.

IV

Вечером в дом Блехмана постучали. Хозяин открыл дверь и удивился: у порога стоял милиционер.

— У вас есть сестра по имени Клара?

— Да, у меня была сестра Клара. А что вы хотите сказать о ней?

— Я хочу спросить, почему вы ей не пишете письма, почему милиция должна ходить по домам и напоминать уважаемым людям, что у них есть сестра. Она пишет в милицию: помогите мне найти моего родного брата. А почему брат не мог найти сестру? Вы хотите знать адрес?

— А как же?! Заходите в дом!

Это была неожиданность. Сестру Клару и старшего брата Яков Блехман потерял в годы войны. Оказывается, сестра жива и здорова, живет с семьей в Ленинграде и вот уже много лет разыскивает своих родственников.

Взяв отпуск, Яков Блехман уехал в Ленинград. Он поехал к Кларе, встретил ее и... старшего брата, полковника в отставке. Это была счастливая встреча.

Они долго сидели, рассказывая друг другу о своей жизни. У Якова, как и у отца, трое детей. Государство открыло перед ним и его семьей все дороги. Его дочь Мэри — медик, имеет свою семью. Сын Юра — преподаватель Биробиджанской детской спортивной школы, его жена — кандидат в мастера спорта, тоже преподаватель. Оба они учатся заочно в Институте физической культуры и спорта. Младший сын — бетонщик, готовится поступать в институт.

Труд Якова Блехмана высоко оценен: в 1958 году министр присвоил ему звание «Мастер повар» и вручил значок «Отличник советской торговли». Семь лет спустя по решению общественности города ему присвоили почетное звание «Мастер золотые руки». По особо торжественным дням жена прикрепляет к его пиджаку орден «Знак Почета» — высокую награду Советского правительства.

Сейчас Яков Блехман на заслуженном отдыхе. Но он продолжает учить своему мастерству молодежь, передает смене свой богатый опыт.

Однажды, когда мы вели с Яковом Блехманом разговор о его профессии, о жизни, я услышал от собеседника фразу: «Да, тогда, в Одессе, в наш сиротский дом действительно пришло счастье!»

Это счастье олицетворяли люди в кожаных куртках, с красными звездами на фуражках, посланцы Советской власти.

Дядя Миша — король биробиджанских парикмахеров

В парикмахерской была очередь. На мой вопрос: кто крайний — пожилой мужчина ответил:

— Если хотите попасть к дяде Мише, то крайний я. Но если не к дяде Мише, то проходите, другие мастера свободны...

Оказалось, что многие жители Биробиджана стремятся сделать прическу именно у Михаила Гомберга, у него сложилась своя клиентура, и другие мастера воспринимают такую ситуацию как нечто само собой разумеющееся. Один из них прокомментировал: «Дядя Миша — король парикмахеров. Я сам стригусь у него. А посмотрели бы Вы, какие прически он делает для прекрасного пола!»

На Всесоюзном конкурсе лучших мастеров женских причесок в Москве Михаил Гомберг занял второе место. Репортер телевидения, который вел передачу с конкурса, заметил о его работе: «Это не мастер — это художник!»

Гомберг называет себя коренным биробиджанцем, хотя родился он на Украине, в селе Лысенка под Киевом. Окончив среднюю школу, он решил посмотреть большие города, о которых знал по учебникам. В 1932 году он жил в Сталинграде, довольный своей судьбой, и там его нашло письмо от родителей. Они писали: «Дорогой сын, ты, наверное, слышал, что на Дальнем Востоке создается еврейская национальная автономия. Туда едут наши земляки и знакомые. Государство дает переселенцам ссуду и подъемные... Мы долго советовались и решили: почему бы нам тоже не поехать? Как думаешь поступить ты?» Михаил в тот же день послал домой телеграмму: «Еду с вами»...

20 июня 1932 года очередной эшелон с переселенцами прибыл на станцию Тихонькая. Все взрослые члены семьи Гомбергов пошли работать в артель с громким названием «Колесо революции», которая выпускала колеса и оси для телег — продукцию, по тем временам необходимую для переселенцев, начинавших осваивать благодатный, но трудный край. А у Михаила была специальность — парикмахер, и она определила его судьбу. Вот уже 52 года не меняет он профессии. Был, правда, перерыв на пять лет, когда Михаил Гомберг вместе со всеми вынужден был взять в руки оружие, чтобы защищать свою советскую Родину от фашистов.

Вернулся он в Биробиджан в 1945 году, награжденный правительством двумя медалями «За боевые заслуги» и «За победу над империалистической Японией». И опять занялся своим мирным трудом.

Он не работал ни каменщиком, ни плотником, ни прорабом на стройках. Но когда мы шли рядом по улице Шолом-Алейхема, он показал на большое красивое многоэтажное здание и сказал:

— Помню, как на этом месте мы закладывали первый жилой дом. А вот там, где сейчас кинотеатр «Родина», был лес, и мы ходили туда собирать грибы. Каждый дом на моих глазах возводился, каждое деревце на моих глазах расцветало. Малыши вырастали и стали солидными гражданами: учителя, инженеры, рабочие больших заводов... Поэтому, наверное, так и дороги мне эти люди, мои земляки, и все, что связано с этим городом. Но самое дорогое — это моя большая и прекрасная семья. Извините, что я немножко нескромен, но я горжусь женой, своими сыновьями и дочерьми, внуками и племянниками. Сколько их у меня? Боюсь ошибиться — много.

Его жена — одна из первых выпускниц Биробиджанского медицинского училища. Она работала фельдшером областной больницы, сейчас на пенсии. Дочь дяди Миши — закройщица чулочно-трикотажной фабрики, ее портрет — на городской доске Почета, она активная общественница, избрана депутатом городского Совета народных депутатов. Вторая дочь — медицинская сестра. А еще одна дочь на Кавказе. Сын — вопреки воле отца, который хотел видеть его студентом, — поступил учеником токаря на завод «Дальсельмаш», современное предприятие, которое выросло на месте той самой артели «Колесо революции», где начинали трудовую деятельность его деды и дяди. Теперь завод выпускает самоходные гусеничные комбайны для уборки зерна, риса, кукурузы. Они прекрасно зарекомендовали себя на полях Дальнего Востока, Прибалтики, Белоруссии. Их покупают Индия и Вьетнам, Болгария и Ирак и другие страны. На «Дальсельмаше» младший представитель династии Гомбергов получил высокую квалификацию, администрация неоднократно посылала его на курсы повышения мастерства, он окончил вечерний механический техникум и сейчас назначен старшим мастером. Он коммунист. Его жена — инженер по подготовке кадров, тоже коммунист.

В семье Михаила Гомберга считается большой честью вступить в партию коммунистов, вести активную общественную работу. Михаила Гомберга коммунисты 25 лет бесменно избирают членом партийного бюро городского комбината бытового обслуживания, он наставник молодежи, много лет избирается членом товарищеского суда.

Я позвонил Гомбергу, чтобы условиться о новой встрече, и в телефонной трубке на фоне его голоса услышал звонкую веселую разноголосицу.

— У Вас сегодня праздник?

— У нас всегда праздник, когда заходят родственники и друзья, — ответил дядя Миша. — Но если сказать откровенно, то у нас не бывает дня, когда никто не заходит.

— Выходит, каждый день праздник?

— Выходит, так.

Позже он рассказал: с Украины приехал в гости племянник Роман с женой и сыном. С Кавказа одновременно пожаловала в отпуск старшая дочь со своей семьей. А у них в Биробиджане друзей полгорода, за столом в обед собирается по 30—40 человек.

Женщины готовят фаршмак, бульоны с мандедами, фаршированную щуку, шницель по-биробиджански. На сладкое — струделя, лахтэк-кекс, торт «Наполеон»...

У дяди Миши большая и дружная семья. Родственники живут по всему Советскому Союзу: когда они с женой перечисляют родственников, с которыми постоянно ведут переписку, получается большой список: в Киеве сестра, в Киргизии — племянник, в Калининграде — брат, в Ульяновске — брат, в Днепрпетровске — двоюродный брат, в Хабаровске — племянница...

Осенью прошлого года Михаил Гомберг с женой ездил отдыхать к своим родственникам в город Черкесск на Кавказе. Случайно зашел в Совет народных депутатов и познакомился с одним из руководителей. Узнав, что собеседник из Биробиджана — парикмахер высокого класса, обрадованно предложил: «Оставайтесь у нас!»

— Знаете, что я ответил этому доброму человеку? Я не уехал из Биробиджана в те годы, когда своими руками мы с отцом, с друзьями и земляками строили дома, строили заводы, клубы. Это было нелегкое время. А сейчас, когда построен красивый город, родной мой город, где живут мои друзья, мои родичи, где каждый второй встречный спешит

сказать мне: «Здравствуй, дядя Миша!» — как я могу уехать из этого города?! Мне 76 лет. Я пенсионер. Денег нам с женой хватает. Все, что нам надо, в нашем доме есть. Но я работаю. Правда, всего четыре часа. Больше не хочу. Почему я работаю — потому, что хочу быть среди людей, среди моих сограждан, хочу быть не созерцателем, а равным тружеником.

— А если бы снова перенестись в 1932 год? Если бы снова начать, как бы вы поступили? — спросил я Михаила Гомберга.

Он думал недолго и сказал:

— Я горжусь своей судьбой. Я бы вновь выбрал этот трудный, но честный путь.

ВИКТОР ГОРЕЛОВ

РУДА ХИНГАНА

Роба у шахтеров из прорезиненной ткани. На ногах непромокаемые сапоги, головы покрыты зюйдвестками. Александр Сергеевич Борзенков, когда отпустил бороду-шотландку, стал удивительно похож на шкипера. Но шахта не море, хотя воды в ней тоже хватает. Каждый час подземные ключи и родники дают по сто с лишним кубометров влаги. Она бежит ручьями по штольням и вертикальным выработкам, сочится со сводов. Мощные насосы непрерывно откачивают воду из специальных сборников.

Однажды произошло ЧП. Из-за неисправности на линии прекратилась подача энергии в шахту и насосы встали. День был воскресный, кроме дежурного под землей, никого не оказалось. В бытовке находились только горные спасатели. Боевой устав их службы предусматривает круглосуточное дежурство, если в шахте находится хоть один человек. Дежурный позвонил снизу в караульное:

— Ребята, стоят насосы. Вода подходит к камерам и скоро их зальет!

Дежурный сыграл тревогу, и через минуту двадцать секунд, как это предусмотрено уставом, спасатели были под землей. Бурные потоки воды с шумом катились по наклонной штольне. В некоторых местах уровень превышал уже метр.

— К насосам! — подал команду помощник командира Лев Сорокин, и спасатели стали пробиваться к камерам, где стоят насосы. Если их зальет водой, то шахту от затопления уже не спасти, придется вести откачку с поверхности, и сколько это займет времени, никто не возьмется сказать.

Евгений Ломов, Николай Гусенков, Валентин Бесфамильных, Борис Анциферов, Костя Галушко, Виктор Зверев под-

сыпали у насосных камер высокие бровки, защищая их от прибывающей воды. В это время подали энергию, а насосы не работали.

Женя Ломов до того как перейти в горноспасательный взвод был здесь же, на шахте, слесарем, и откачивающая техника ему хорошо знакома. Вместе с Гусенковым нашли в схеме замкнувшие контакты и запустили насосы. Потом обессилевшие, промокшие насквозь долго сидели на бровке, курили...

Многие поселковые ребята в Хинганске идут в шахтеры. Для них дорога на шахту стала главной дорогой жизни. Эта дорога уже много лет знакома Михаилу Павловичу Неизвестных, стала она родной и для его сына Александра. Сам Михаил Павлович в Хинганске с 1946 года. Не стерлась в памяти та пора, когда он, совсем еще юный, закладывает фундамент первого на Дальнем Востоке оловорудного комбината.

Мише Неизвестных выделили место на общих нарах в холостяцком бараке. Спал первую ночь, укрывшись ватником, примостив под голову вместо подушки заплетенную котомку. Сон, как и у многих людей на новом месте, был беспокойным. Утром поднялся разбитый. Бригадир старательской бригады, посмотрев на помятое лицо парня, обнадежил:

— Сейчас разомнешся.

Действительно, размялся. Да так, что утром другого дня кое-как поднялся с нар. Ломило спину, мышцы рук и ног одеревенели и плохо слушались. «Разминался» Миша с пестиком, похожим на колодезный журавль. Им толкли в ступе, сделанной из старого кожуха вагонного буфера, руду. Потом промывали ее в лотках. За день набирался солдатский котелок касситерита.

Тяжело. Малопродуктивно. Медленно. Но крайне важной была их работа. Шло восстановление народного хозяйства, разрушенного войной. Стране требовалось олово.

Уже 26 мая 1945 года, через две недели после окончания Великой Отечественной, Государственный Комитет Оборона постановил: создать комбинат Хинганоолово на месторождении, открытом геологами А. Прокофьевым и М. Ициксоном. Первую трудовую победу вчерашние фронтовики, прибывшие на Хинган, одержали 30 мая. В этот день бригадир старателей Ершов сдал государству первые 44,3 килограмма оловянного концентрата.

Но какие чувства вызвала у рудокопов эта небольшая горка темно-серых тяжелых зерен! Потом уже были и обогатительная фабрика, и умные машины, и концентрат пошел тоннами, а на ту, первую добычу они смотрели глазами людей, преодолевших большую высоту, испытавшую их на прочность.

Сегодня Михаил Павлович на своем скрепере за смену перерабатывает столько касситерита, сколько в те далекие годы вся артель давала за месяц.

...Смена подошла к концу. Неизвестных включил скрепер. Спустился с площадки в штольню, отряхнул от пыли робу, посмотрел на часы. В дальнем конце галереи запрыгал светляк фонаря, зашлепали по воде резиновые сапоги. Подошел сменщик Николай Онуприенко. Блеснули в улыбке зубы:

— Привет, Миша! Как дела?

— Нормально. Твоя руда пойдет сверх плана. Должок мы ликвидировали.

— Ну и отлично. Как скрепер?

— В порядке, можешь начинать.

Уходил под скрежет широкой стальной лопаты и грохот руды. Привычно отмечал про себя ритмичное движение скрепера: вперед на большой скорости, захват валунов, как раз столько, чтобы трос не порвать и лопату полупустой назад не тянуть... Экономятся секунды, и за счет этого за смену набирает десяток-другой тонн руды сверх нормы.

Хинганск всегда славился людьми со светлыми головами и золотыми руками. Взять хотя бы рационализаторов шахты.

Первое рационализаторское предложение внедрил в производство в марте 1946 года Федор Журавель. Оно называлось «Реставрация — насечка полотна напильников на токарном станке». Это предложение в трудные сороковые годы решило проблему с инструментом для строителей.

Прошло уже два десятка лет, а старые горняки помнят уникальную работу Владимира Ивановича Казакова, сделавшего, казалось, невозможное — он выковал вал турбины для электростанции, когда поломалась эта деталь сложнейшей конфигурации.

Шахта еще только строилась, а группа новаторов, среди которых был и Михаил Павлович Неизвестных, впервые в отечественной практике предложила свой вариант разработки открытых камер: «Без нижней подсеки, с креплением кровли штанговой крепью».

Николай Васильевич Волощенко изобрел лоток для приема концентрата с сотрясательных столов. Сейчас фабрика — современнейшее предприятие, а лучше лотка Волощенко предложить пока никто не может — человек сумел опередить время. Всего же на комбинате за всю его тридцатипятилетнюю историю внедрено в производство пять тысяч новшеств. И в том, что сегодня предприятие выпускает продукцию с самым высоким в стране содержанием металла в концентрате — большая заслуга новаторов:

Работал на комбинате еще один очень талантливый человек, геолог Юрий Александрович Афонин. С его именем связан один из самых сложных периодов жизни Хинганска, когда казалось, что оловорудные запасы месторождения истощились и подходят к концу. Это был конец пятидесятых годов. Конечно, это обычное, вполне естественное явление, что горнодобывающее предприятие, отработав месторождение, прекращает существование. Так было и с Сутарой, и с Умальной, и с десятками других приисков и рудников.

Свернуть единственный тогда на Дальнем Востоке оловорудный комбинат? Нет, ставить крест на месторождении геологи не собирались. В Хинганск приезжает известный исследователь недр, ныне Герой Социалистического Труда В. В. Онихимовский. Вместе с хинганскими геологами, из тех, кто не терял веры обнаружить олово в нижних горизонтах, В. В. Онихимовский предложил разбудить северную часть месторождения. Одна из скважин буквально врезалась в богатую руду. Так была открыта зона Северная.

Геологи дали заключение: комбинат может перейти на подземную добычу касситерита. Но Северная могла дать шахте работу на десяток лет. А дальше? Вложив громадные государственные деньги и лишь отсрочив свертывание, все-таки закрыть комбинат? Молодой тогда еще геолог Юрий Афонин взялся, чувствуя, что Северная — лишь часть непознанного, открыть тайну Хингана. И вот в 1964 году, в августе, скважина № 266 на южном фланге месторождения подсекла на значительной глубине участок оловянных руд. Керна, пробу руды с огромной глубины, приходили смотреть сотни людей. Вопрос о существовании комбината на долгие годы был решен положительно.

Юрий Александрович написал монографию о Хинганском месторождении, защитил кандидатскую диссертацию, главное же, дискуссионная проблема по хинганской руде изжила

себя: олово есть не только на разрабатываемом участке, но и далеко окрест.

Разведка стерла все вопросительные знаки. В конце 1979 года начато строительство еще одного ствола шахты, который уйдет на глубину 850 метров. Ее уже прощупали скважинами — богатое олово!

Юрий Александрович работал потом в Бирме, сейчас ведет изыскания в ГДР. И его коллеги гордятся, что силу этому таланту дал Хинганск.

Когда-то в Хинганске горняки отмеряли свое будущее годами, в лучшем случае десятком лет. Сегодня видна дальняя перспектива. Березовское, Незаметинское, Таежное, Карадубское... Все это новые месторождения, открытые и вблизи комбината, и далеко в горах.

Геологи, проникшие на безлюдный тогда Малый Хинган в 1938 году, сумели раскрыть тайну этого горного массива... Профессия геолога почетна, благородна, но требует от человека незаурядных качеств: стойкости в самых критических ситуациях и большого терпения. Пожалуй, терпения больше всего. Вот один из геологов — Виктор Иванович Савченко.

За тридцать три прожитых года он успел многое сделать, многое повидать. Работал на разведке известняков. Начиная с нуля Сутарское месторождение железа. Здесь их экспедиция прирастила, как говорят геологи, обширные рудоносные площади к уже разведанным месторождениям. После Сутары Виктору Ивановичу предложили возглавить Хингано-Олонойскую геологоразведочную партию. Он к тому времени вырос и как геолог, и как организатор.

Двести человек поисковиков, механизаторов, бурильщиков Хингано-Олонойской работают на комбинате, приращивая рудные зоны к основному месторождению. За пятнадцать лет после образования партии исследованы четыре крупных месторождения.

...Над зарослями березняка и молодых елей поднимается тренога буровой. «ЗИФ-650», так именуется буровой снаряд, который вращает с большой скоростью стальную колонку, увенчанную зубчатой алмазной короной. Она вгрызается в крепчайший монолит, время от времени идут наверх пробы, чтобы перекочевать в тишину камеральных лабораторий. Там геологи точно определяют содержание металла в руде, контуры рудных тел и глубину залегания.

На вышке № 10 работает смена мастера Анатолия Тимо-

феевича Никулина. Крепкий, энергичный человек, коммунист.

— Главное в нас то, что мы люди подземные, — шутливо говорит он. — В Хинганске почти пятнадцать лет. Не скрою — горжусь сделанным. На Березовском были? Чем славилось это место до нас? Грибами. Их там тьма по осени. А кто знал, что там, ниже грибниц? Мы нашли и описали рудные тела. И вот уже строится шахта, скоро с Березовского пойдет руда. Ради этого стоит жить и работать...

В свое время, когда строился Солнечный горно-обогатительный комбинат, там возникла тяжелейшая проблема с опытными шахтерскими кадрами. Хинган по-братски отдал лучших специалистов. На Мяо-Чан уехало много опытных людей. В архивах комбината за 60-е годы сохранились приказы об откомандировании строителей, горняков, специалистов в поселок Солнечный. Выехали туда Иван Васильевич Грицан, первый из шахтеров, награжденных орденом Ленина. Выехали двое его сыновей — Петр и Валерий, — водители самосвалов. Первую вскрышу на Мяо-Чане делал Иван Игнатов — экскаваторщик из Хинганска. В 1963 году его наградили орденом Ленина, позднее к этой награде прибавился орден Октябрьской Революции. Без хинганцев Солнечный просто не мог бы тогда встать на ноги. И когда Солнечный ГОК окреп, он уже сам мог растить и воспитывать собственные кадры.

Это тоже большое искусство — вырастить надежные кадры. Не менее сложное, чем дать стране максимально возможное количество металла. На комбинате много горняцких династий. Михаил Павлович Неизвестных привел на шахту старшего сына. Кстати, горняцкому делу тот обучался в Солнечном ГИТУ. Вполне возможно, что и младший скоро надеет шахтерскую робу.

Недавно коммунисты шахты на своем собрании приняли в члены КПСС Андрея Сюмкина. Отец Андрея был мастером в шахте. Тамара Дмитриевна, мать парня, — геолог комбината. Фамилии Казаковых, Репиных, Волощенко, Шалагиных, Мокиных, Юшковых, Моисеенко означают династии шахтеров, обогатителей, ремонтников. По стопам отцов идут на шахту сыновья.

Главный инженер шахты Владимир Афанасьевич Мартыненко рассказал мне о сегодняшнем дне комбината, его будущем. Хинганолово — передовое, можно сказать, образцовое

предприятие области. Здесь самое высокое в стране содержание олова в концентрате; многие технические новинки, не применявшиеся до этого в отечественной практике, прошли проверку в Хинганске; все технико-экономические показатели — лучшие в отрасли; что такое не выполнить план — такого в Хинганске не знают уже много лет...

Владимир Афанасьевич хорошо знает людей, он избирался секретарем партбюро, с охотой рассказывает о шахтерах: молодых и ветеранах, о династиях и новичках.

Вот Владимир Иванович Казаков, тот, который еще юношей отковал вал в турбине. Когда он надевает пиджак, на нем сияют ордена Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции. Владимир Иванович — кузнец высшей квалификации, «Мастер — золотые руки».

Галина Ивановна Никонова, концентраторщица обогатительной фабрики, хрупкая, подвижная, жизнерадостная женщина. Избиралась депутатом Верховного Совета СССР, член бюро районного комитета партии. В прошлый созыв в наш советский парламент горняки избрали тоже рабочую фабрику, Галину Викторовну Гончаренко.

Высокие образцы трудовой доблести показывают шахтеры кавалеры ордена Ленина Михаил Павлович Неизвестных и Александр Сергеевич Борзенков. С большим энтузиазмом работают молодые проходчики Анатолий Харин, Алексей Четвериков... От поколения к поколению передается здесь любовь к горняцкому делу, приверженность к профессии оловодобывчиков, постоянство в выборе дела на всю жизнь...

С вершины высокой сопки, где стоит копер шахты, Хинганск как на ладони. В центре — новый микрорайон, застроенный пятиэтажными домами. Скверы, парк, стадион, школа, магазины. Окружающий его старый поселок — из добротных рубленых домов, сделанных основательно и надолго. И из каждого дома, с любой точки поселка видна звезда над копром, горящая рубиновым светом, символ Хинганска, знак того, что добыча руды идет с опережением, как вчера и как многие годы.

ГРИГОРИЙ ХОХЛОВ

ГЛАВНАЯ СТРОЙКА

Завод. Он, еще недостроенный, уже вошел в судьбы многих биробиджанцев. Такой стройки, такого предприятия в Биробиджане еще не было. Самый крупный в стране завод по ремонту большегрузных автомобилей, предназначенный для БАМа. Он насчитывает десятки объектов — семь пролетов длиной более двухсот и шириной около тридцати метров, восьмизэтажный административно-бытовой корпус, складские помещения, насосные станции. Конечно, есть в Биробиджане и другие крупные предприятия. Но как они строились? Завод силовых трансформаторов, к примеру, лет двадцать назад в небольших помещениях ложки да лопаты выпускал, постепенно осваивая новую продукцию. А здесь уже в следующем году первая очередь должна капитально отремонтировать автомобилей почти на четыре миллиона рублей. С пуском второй очереди на заводе будет занято около трех тысяч человек — не шутка! А ведь еще шесть лет назад здесь, на берегу огромного искусственного водоема, раскачивались под ветром деревья, шумела осока. Кстати, уже сейчас этот карьер засыпан и приобретает все более благоустроенный вид и вскоре станет зоной отдыха для заводчан.

Борис Григорьевич Медник хорошо помнит день, когда в 1975 году было положено начало этому заводу. Да и можно ли забыть те метельные ноябрьские дни, когда все начиналось. Впервые он встал во главе рабочего коллектива — бригады монтажников. Первый колышек на месте будущего предприятия, монтаж первой арматуры. Первая опалубка под фундамент главного корпуса.

А еще совсем недавно раздавались торжественные речи по случаю пуска комбикормового завода, который Борис Гри-

горьевич и его товарищи начинали строить с нуля, с первого колышка. Тогда-то он и предложил своим приятелям — монтажникам-высотникам Станиславу Белякову, Александру Пешкову, Владимиру Жиле:

— Здесь мы сделали свое. А вот рядом планируется главная стройка города — завод по ремонту автомобилей. Людей там почти нет. Может, двинем туда?

В строительно-монтажном поезде № 546 треста Дальтрансстрой такому подкреплению явно обрадовались.

— Для нас что главное — это же готовый костяк для будущей бригады монтажников! А уж коли вы, товарищ Медник, привели людей, быть вам бригадиром. Справитесь с таким поручением?

Сказать по правде, предложение руководителей поезда не было неожиданным для Бориса Григорьевича, не испугало его. Одиннадцатилетний стаж строителя, за спиной такие объекты, как первый, второй, третий Белорусские калийные комбинаты дали необходимый опыт, научили разбираться в людях, ладить с ними. Еще там ему был присвоен самый высокий — шестой разряд монтажника. Это уж после обуяла его жажда путешествий — и оказался Медник в поезде, идущем на Восток. Здесь же познакомился с прорабом, назначенным на строительство комбикормового завода, он и уговорил Медника сойти в Биробиджане.

Нет, предложение не привело его в замешательство, но одно условие он все же поставил.

— Если разрешите, людей в бригаду буду подбирать сам.

По опыту знал Борис Григорьевич, что порой на новостройку приходят люди совсем случайные, соблазняются «длинным рублем». А монтажник — профессия непростая, кого попало принимать не к чему. Правда, от своего железного правила: «Не можешь — научим» — в бригаде не отступали.

С каждым днем дела в новой бригаде шли все лучше, более четким и устойчивым становился ритм работы. Только в течение первого года монтажники восемь раз выходили победителями в трудовом соперничестве коллективов поезда. Вскоре они были признаны лучшей бригадой в тресте Дальтрансстрой.

— Завидую я тебе, Борис, — не раз говорил бригадир соперничающей комплексной бригады Андрей Петрович Тихонов, — умешь ты с людьми работать. Даже и не верится,

что в одинаковых условиях находимся, — до того у тебя, кажется, все легко и просто выходит.

Конечно, Тихонов, как и другие друзья Медника, знал, чего стоят бригадиру эти успехи. Положение на стройке складывалось нелегкое. В еще не сформировавшемся коллективе тогда не хватало техники, квалифицированных строителей, то и дело рабочие теряли время из-за отсутствия нужных конструкций и стройматериалов. Прямолинейный по характеру, Медник не мог мириться ни с одним недостатком, встречающимся на пути. Для его острой, по-партийному объективной критики не существовало ни чинов, ни рангов. Нет, критиканства Борис Григорьевич не признавал и не признает принципиально. Если уж завел речь о плохом снабжении стройки железобетонными конструкциями, будь добр, подскажи, как наладить его, назови конкретных виновников. Начал разговор о низкой дисциплине труда в бригадах, вскрой причины. И Медник вскрывал, советовал. Трибунами для его выступлений служили партийные и рабочие собрания, планерки у начальника поезда. Продуманностью, серьезностью отличались выступления его на страницах областной газеты как члена рабкоровского поста.

Естественно, не всем это нравилось. Не раз он слышал реплики в свой адрес:

— Других критиковать легко, труднее самому что-то конкретное предпринять.

Вот тогда по-настоящему становилось обидно: упрека такого он явно не заслуживал. Ведь он, разбуди его в ночь-полночь, мог бы на три дня вперед сказать, где он сможет дать бригаде работу, если вдруг не окажется на теперешнем объекте нужных конструкций для монтажа. Разве не он, имея четкое представление о всей стройке, практически ликвидировал в коллективе вынужденные простои. Разве не он, не надеясь на оперативность снабженцев, порой обеспечивал, на удивление всем, бригаду необходимыми материалами. А когда вдруг прекратились поставки с Находкинского завода железобетонных конструкций, Меднику, как одному из подписавших договор о содружестве между поставщиками, заказчиком и генподрядчиком, поручили разобраться в положении дел на месте. Поехал в Находку. Тогда Борис Григорьевич даже сам своим организаторским способностям удивился: почти в каждом цехе Находкинского завода провел беседы с комсомольцами и молодежью, рассказал им о важно-

сти стройки для магистрали века, говорил с партийными и профсоюзными активистами. Да что там — сам неделю стоял на заливке конструкций. И своего добился — стройка тогда получила все необходимое.

И все-таки... Разные неполадки приходили и уходили, но не они делали погоду в судьбе Медника. Эти годы жизни определяли, конечно же, такие дни, которые наполняли сердце радостью, заставляли забыть о сиюминутных огорчениях. И если бы такие дни не преобладали, кто знает, как сложилась бы сейчас судьба Бориса Григорьевича. Впрочем, Медник как-то признался, что для него острая производственная ситуация — это естество жизни. Без нее порою скучно и серо жить.

Не забыть тот день, когда вдруг отчетливо, осязаемо увиделись уже поднявшиеся корпуса завода. Как радостно забило сердце, когда с высоты только что достроенного восьмизэтажного административного здания Медник охватил взглядом весь комплекс, открывшуюся панораму города. Огляделся и увидел ту же радость в глазах своих товарищей. С какими прекрасными чувствами они пожимали друг другу натруженные руки. Это и есть настоящее рабочее братство, когда одна победа — на всех.

Однажды бригадой поехали на рыбалку. У реки Борис Григорьевич чувствовал себя счастливейшим человеком. Занимающееся утро было таким чудесным, не утро, а мечта рыбака. Куковала кукушка, золотились облака, подсвеченные снизу солнцем, ярко зеленел в первых лучах прибрежный лесок. А запах цветов до того кружил голову, что не будь клев таким буйным, забросил бы Борис Григорьевич спиннинг в сторону и лег бы на эту траву, вдыхая ее пьянящий аромат.

А потом была рыбацкая, с дымком, уха, оживленная беседа. И никто не заметил, как разговор зашел о работе, о стройке. И пошло, поехало.

— Послушай, Борис, что ты заладил, главная, главная наша стройка. Мало ли их было в твоей жизни?! Поди Белорусские калийные тоже главными считал? Тоже ведь громадины!

— Кто спорит, большие объекты были. Да разве я об этом говорю. Кем я в то время был — пацаном, много ли чего понимал. А эта стройка — она на зрелость, на прочность меня проверяет, что я за человек такой. И не отдельно, а

вместе с вами. Чего мы стоим? Вот и считаю — главная она для меня...

На главной стройке Бориса Медника дела шли своим чередом. День на день не похож, а уж год на год — тем более. Время ставило перед строителями новые проблемы и задачи. Особенно напряженным оказался 1979 год. Оно и понятно, завод все четче вырисовывался своими будущими контурами, перед коллективом стояла конкретная задача: к 25 декабря 1981 года сдать первую очередь. Все больше прибывало на стройку представителей субподрядных организаций, все требовали фронта работ, и это зачастую зависело от бригады монтажников. Чем только не занимался в те дни коллектив: сегодня устанавливали металлоконструкции рельсовых путей, через неделю Медника с бригадой нужно было исходить на крыше пролетов — монтировали осветительные фонари. Потребовалось для стройки — и монтажники переквалифицировались: занялись установкой стеклопрофилита и стеклоблоков. Впрочем, нет на строительной площадке работ, которые бы не смогли выполнить монтажники Медника, не зря их называют универсалами.

Ранней весной на долю бригады выпало еще одно испытание. В области началась электрификация железной дороги, и тресту Дальстрой предстояло выполнить здесь большой объем работ. Строительно-монтажный поезд № 546 направил на электрификацию часть людей. Пришлось разбить на звенья и бригаду монтажников. И хотя в каждом звене у Бориса Григорьевича были надежные его заместители, он считал, что обязан постоянно бывать на каждом объекте, знать, как там идут дела, чем нужно помочь строителям.

Как выматывался бригадир в эти дни, передать трудно. Порой забывал о времени, об отдыхе. Домой появлялся в глубоких сумерках, буквально падал от усталости с ног. А утром, еще затемно — опять на стройку. На что уж жена Валентина Михайловна привычна к работе мужа, знает его характер, и то стала поговаривать, что хозяин совсем от дома отбился.

Борис Григорьевич успокаивал жену, обещал «исправить». Он знал, что она во всем его понимает. Потому и не объяснял, что он, заместитель секретаря партийного бюро поезда, бессменный председатель группы народного контроля, дружинник, не может не быть примером для других, не может жить и работать иначе, зная, что и от него во многом зави-

сит стройка — главная стройка его жизни. Потому назавтра все повторялось в точности.

Вот в эти-то напряженные дни и состоялся тот памятный разговор с руководителями СМП-546. Начался он издалека.

— Ну что, бригадир, есть у тебя в коллективе человек, которому можешь довериться, или все на свои плечи рассчитываешь?

Борис Григорьевич с первых же слов понял, куда клонится разговор. В поезде недавно образовалась вторая бригада монтажников и поговаривали о создании на базе двух коллективов мастерского участка. Значит, мастером-наставником предлагают?

«Не было еще хлопот», — подумал Медник.

— Вы же знаете мою бригаду. Любой может меня заменить. Да вот, хотя бы Семен Басс — готовый бригадир.

На том и порешили. Но, хотя Медник и предложил кандидатуру не раздумывая, все же понимал, что Семену на первых порах потребуется его помощь. Вместе с бригадирами обоих коллективов Медник планировал работу монтажников на будущее, советовал, как лучше организовать труд отдельных звеньевых. И одновременно постигал свои новые обязанности. Помогали ему в этом более опытные товарищи — прорабы Анатолий Пестовский и Сергей Кулемин.

И в новой должности Борис Григорьевич вновь показал и свои способности руководителя, и умение организатора, высокий опыт строителя. Поэтому, не проработав мастером-наставником и года, Медник сделал новый шаг вперед — последняя наша встреча состоялась, когда Борис Григорьевич уже вторую неделю был прорабом строительного участка.

Пройдут годы, и люди, причастные к строительству Байкало-Амурской магистрали, предстанут для нас в совершенно новом свете, о них будут говорить так же, как и о тех, кто возводил город юности Комсомольск-на-Амуре, поднимал целину. Борис Григорьевич Медник никогда не бывал на БАМе, но согласитесь, что и он вложил в нее частичку своего труда, отдал ей прекрасные годы своей зрелости.

ЛЕВ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

ДИССЕРТАЦИЯ ИСААКА СПИВАКА

Только тогда, когда Исаак подошел к трибуне и бросил быстрый взгляд в зал, волнение наконец-то улеглось. Зал заседаний «Дальсельмаша» был полон и потому казался совсем маленьким.

«Народу-то сколько! — подумал он. — И не только свои заводские, много с других предприятий».

— Вашему вниманию предлагается рабочая диссертация на тему... — Исаак начал говорить и не узнал собственного голоса.

«Ну нельзя же так волноваться!» — попытался приструнить он себя, но с дрожью в голосе справиться было не легко.

...Рабочая диссертация. Еще когда он брался за эту работу, в словаре прочитал, что слово «диссертация» означает «научное обоснование, доказательство». Сначала подумалось: как же так? Научное доказательство и — рабочая. Уж не для красоты ли эти два слова рядом? Потом, поразмыслив, пришел к выводу, что в этих двух словах, помещенных рядом, заложен большой смысл. Рабочая. Но ведь он рабочий. Это понятно. А научность? Значит, должны быть три элемента: строгая доказательность, творчество и возможность использовать доказанное на практике.

Вот эти три направления и стали основными в его многомесячной работе. Конечно, были и сомнения: ну как он, обыкновенный рабочий, вдруг займется научным трудом? Но тема была знакомая. Ее подсказала сама жизнь — «Организация работы по повышению качества на основе самоконтроля и взаимоконтроля». Помогали ему. Немало вечеров просидели вместе с Владимиром Ефимовичем Фишманом. Не раз бывал Спивак и в отделах заводоуправления.

Если говорить о творчестве — то его хоть отбавляй. Создание сквозной комплексной бригады было делом творческим. Все приходилось проверять на своем опыте, что-то отбрасывать как неприемлемое, что-то принимать, совершенствовать. А главное — пробовать. Специфика производства такова, что, по сути дела, именно руки рабочих бригады Исаака Спивака последними из дальсельмашевцев касаются уже готовых к отправке комбайнов.

Исаак начинает говорить. Он говорит о том, какова была организация труда на участке окончательной сборки, испытания и доводки комбайнов до создания комплексной бригады. Невеселые были времена. Семь отдельных звеньев работало на участке. В каждом — три-четыре человека. Качество было таким, что приходилось на улице и в дождь и в снег, и в жару и в мороз частенько оставаться после смены и устранять дефекты, выявленные приемщиком Госкомсельхозтехники СССР. А сколько раз выходные прихватывали! Работали много, а отдачи не было. Причем найти виновного было порой просто невозможно. Это порождало безответственность. Кроме того, людей не хватало. Иной раз из-за того, что не вышел на работу испытатель, простаивала вся смена. Дальше так продолжаться не могло! И выход нашли: создать комплексную бригаду.

Он хорошо помнит тот день. На участке собрались все сборщики. Кто-то предложил бригадиром избрать его, Исаака Спивака. Проголосовали единогласно. Тогда он не мог и предположить, какая ответственность легла на его плечи. Смущенный доверием, принимал поздравления от ребят. А они пожимали руку, похлопывали по плечу и говорили.

— Ничего, бригадир, не робей! Поможем!

И помогали, особенно те ребята, которые составили костяк коллектива — совет бригады.

Вот они сейчас в первом ряду. Все до единого пришли сюда. А как же иначе? Бригада — детище не только его. Каждый внес вклад в общее дело. Обращаясь к залу, Исаак видит их подбадривающие взгляды.

Хорошие у него в бригаде ребята. За два года сроднился с ними, общее дело захватило всех. Теперь они — коллектив, сила. А когда начинали, ох как нелегко было! Разные характеры, разное отношение к жизни, к работе. Представители восьми национальностей. Этого тоже так просто со счетов не сбросишь. К каждому свой подход нужен.

Исаак прямо перед собой видит чуткие глаза Анатолия Ли-Сек-Гю, Толика, как его называют в бригаде. Он сидит напряженно, видно, тоже волнуется, но готов в любую минуту защитить бригадира. Переживает. Они друзья. Много лет работали вместе на одном участке. Исаак тогда на складе готовой продукции сдавал машины, а Анатолий был контролером. Сколько стычек было между ними! А вот когда вместе в бригаде стали работать — подружились. Анатолий — старший смены, как говорится, правая рука Исаака. И это не потому, что так принято говорить. Так оно и есть на самом деле. Анатолию можно доверять как самому себе. И когда Спивак отсутствует, за него всегда остается Ли-Сек-Гю. Дружат они семьями. И на рыбалку часто вместе выезжают, и за город.

Как-то Спиваку пришлось задержаться в отпуске. Отдыхали они тогда у Черного моря. Заболела дочка Раечка. Надо было показать ребенка врачу. Исаак отправил на завод телеграмму с просьбой продлить отпуск за свой счет. Отправить-то отправил, но сам беспокоился. Знал, что должен Анатолий тоже в отпуск пойти. Путевка у него на руках. Не хотелось подводить друга, но выхода не было. Успокоился только тогда, когда получил из Биробиджана телеграфный ответ. «Не беспокойся бригаде все порядке. Толик».

Исаак обращается к цифрам, диаграммам. «Производительность труда возросла на тридцать девять процентов, объем производства — на двенадцать. Средняя заработная плата выросла с двухсот пятидесяти до трехсот семи рублей. Улучшился микроклимат в коллективе». Теперь все работают по принципу: «Один за всех — все за одного». А это значит, что каждый отвечает за качество не только своей работы, но и за качество работы товарища. В бригаде закон: если обнаружил дефект, старайся исправить собственными силами. Если нет возможности сделать это на месте, внеси замечания в паспорт-ведомость, чтобы товарищи могли устранить.

Вглядываясь в лица ребят, Исаак продолжает говорить о том, что дала новая форма организации труда. «Значительно улучшились качественные показатели. Возврат продукции снизился с десяти до четырех процентов. Практически ликвидированы рекламации от потребителей».

Заслуга в этом, конечно, всего коллектива, но, пожалуй, в первую очередь испытателей. Их шестеро в бригаде. И самый опытный — Михаил Иванович Седов. Он старше дру-

гих, и, видимо поэтому, зовут его уважительно — дядя Миша. Он строг, но справедлив, большой жизненный опыт помогает ему хорошо разбираться в людях. Человек он общительный, прямой. Если видит непорядок — молчать не станет. Живет по старой поговорке: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим».

Как-то Спивак был свидетелем такого эпизода. Молодой испытатель Саша Ли-Сун-Ги никак не мог завести комбайн. Казалось, все проверил, а двигатель ни с места. Опять и опять он проверял соединения, подачу горючего, зажигание... Будто незначай рядом оказался Седов.

— А ты, Сашок, не торопись. Давай-ка вместе проверим.

— Да проверял я, дядя Миша. А он как вкопанный! Надо возвращать на доработку, наверное.

— Вернуть всегда успеем, — приговаривал Седов, копаясь в двигателе. — Ну-ка, попробуй теперь.

Комбайн завелся, как говорят, с пол-оборота.

— Ну вот, а ты говоришь, на доработку, — довольно улыбнулся Седов и весело добавил. — А ну-ка, прокатимся вместе!

Сидя за штурвалом комбайна, он еще долго, широко разводя большими руками, что-то объяснял Саше. Да, дядю Мишу в бригаде уважают все.

«До создания бригады на участке работал 31 человек. И то с заданием не всегда справлялись. Сейчас по списку 25, — продолжает говорить Исаак, — но не было случая, чтобы не выполнили план. Бригада неоднократно выходила победителем соревнования в цехе».

Добрые отношения в бригаде — они из многого складываются. Вместе выходят на дежурство добровольной народной дружины, вместе участвуют в спортивных соревнованиях. У каждого есть общественные поручения. К примеру, сам Исаак — член партийного бюро цеха, в цеховом комитете профсоюза отвечает за культурно-массовую и спортивную работу. Многие ребята в комиссиях по культуре производства, по борьбе с пьянством, в товарищеском суде. Все слушатели школы коммунистического труда.

Исаак говорит неторопливо. Он понимает, необходимо доказать, что бригадная форма организации труда дает возможность поднять работу на новую ступень. Нелегко это, ведь перед ним десятки людей. У многих — высшее образование. Во время работы над диссертацией почувствовал Спи-

вак, что знаний не хватает. Разбираясь, подолгу копался в книгах, чертежах, схемах. Тогда-то и пришло решение готовиться к поступлению в Хабаровский политехнический институт. Да и то сказать, восемь человек в бригаде окончили вечерний механический техникум, имеют среднее специальное образование. А у него, бригадира, только среднее. Конечно, он практик, комбайн знает в совершенстве. Может с закрытыми глазами работать. Но ведь это знаний не заменяет. А без них трудно.

Ему сейчас тридцать один год. Так сложились обстоятельства, что после окончания восьмилетки должен был идти работать. Семья большая. Ну а кроме того, как часто бывает, старался во всем подражать старшим братьям. А они оба — шоферы. Закончив курсы, он тоже сел за баранку. Затем служба в погранвойсках. Вернувшись из армии, подал документы на завод «Дальсельмаш». Приняли его на участок сборки комбайна слесарем.

— А почему не к нам, на автобазу? — допытывался Валерий, старший брат. — Или для машины кишка оказалась тонка?

Исаак обиделся.

— Что я, от работы бегу? На заводе дел не меньше, — попытался объяснить он брату. — Но, понимаешь, одно дело эксплуатировать машину, уже проверенную, опробованную, готовую, а другое, совсем другое дело, когда своими руками создаешь ее! Вот только что были отдельные детали, разрозненные узлы — по сути дела, груда металла. А ты собрал все воедино — и она ожила, задышала. Это же здорово!

Валерий тогда не понял брата. Или, может, обидно стало за свою профессию. Только потом, когда Исаак вдохновенно рассказывал о своем участке, он, как бы завершая старый разговор, сказал:

— Видать, у тебя призвание. Это хорошо...

Девять лет прошло, как Исаак на заводе. Много за это время изменилось. Работал слесарем-сборщиком, освобожденным бригадиром, сейчас вот — бригадир комплексной бригады. Вступил в коммунистическую партию. Поступил в вечернюю школу. Да и в личной жизни большие перемены. Женится. С Галей Шиндель давно знакомы были. Еще в школе дружили. Родились сын Костя, дочь Рая.

Помнит Исаак первые дни на заводе. Трудно приходилось. Тогда негласное шефство взял над ним старший мастер

Майер Матвеевич Брагинский. Помогал и советом и делом. Бывало, бьется Спивак над каким-то узлом. Уже семь потов сойдет, а дело ни с места. Майер Матвеевич подойдет, постойт, посмотрит. Спокойно снимет пиджак, повесит его на какой-нибудь шкив. И незаметно включится в работу, словно вместе начинали устанавливать узел.

— Мы считаем, — заканчивает Спивак свое выступление, — что наш опыт работы в комплексной бригаде с внедрением самоконтроля и взаимоконтроля должен найти широкое применение. Это позволит значительно повысить эффективность производства и качество выпускаемых заводом машин.

Он сходит с трибуны, не зная куда девать руки. И вдруг понимает, что аплодисменты в зале предназначаются ему.

А на трибуне — оппоненты. Исаак слушает добрые отзывы о своей диссертации, под бурные аплодисменты принимает диплом о защите и думает о том, что бригадный метод станет в новой пятилетке основным. Он позволит быстрее освоить выпуск нового комбайна, спытный образец которого уже стоит в цехе. Отличная машина! Сильная, производительная! Именно такая, какую ждут от них механизаторы. Испытания прошли успешно. Теперь предстоит новые комбайны поставить на поток. Дело это нелегкое. Потребуется переоборудование всего производства. Но дальсельмашевцы решили твердо: первую партию новых машин выпустить в начале новой пятилетки. А значит, впереди снова напряженная интересная работа.

АБРАМ ГИНЗБУРГ

ЗАВОЕВАННАЯ ВЫСОТА

Пролеты нового корпуса — размером с футбольное поле, а высотой с пятиэтажный дом — поражали своими масштабами. И все здесь казалось под стать им: мостовой кран, застывший в сумерках под крышей, подвесной транспортер, переносивший какие-то крупные детали, и грузовик, спокойно направлявшийся к воротам цеха. Звуки металла заполняли собой все пространство; блеклый свет зимнего дня пробивался сквозь частый переплет цеховых окон, подчеркивая черноту железа и сливаясь с серостью бетона.

Уголок электромонтажников несколько отгорожен от остальной территории цеха. Зеленые длинные столы, разноцветье белых, синих, красных, сиреневых проводов, алюминиевые маленькие кассеты с многочисленными клеммами, трубки с маркировкой. Здесь работает бригада имени 60-летия Великого Октября.

В тот день слесари-электромонтажники были заняты подготовкой проводов. Их нарезали, выравнивали, оголяли и лудили концы, маркировали и укладывали в жгуты.

Близился конец смены, но все работали без суеты и поспешности, с хорошей сноровкой, внимательно и добротнo. Непросто было отличить среди работавших бригадира. В старенькой джинсовой куртке, сосредоточенный, Володя Вульфсон прочно примостился за столом и весь ушел в работу. Таким он и запомнился: в огромном грохочущем цехе, целиком поглощенный своим делом, рабочий парень среди рабочих.

Но бывает он и другим: веселым и оживленным в кругу молодых рабочих в перерыве заводского отчетно-выборного собрания коммунистов, торжественно-строгим на комсомольской конференции, с Красным знаменем ЦК ВЛКСМ в руках.

...В медицинском институте учеба не давалась: необходимо было зубрить на память десятки и сотни названий, казалось, конца им не будет, а цель — конечная, осязаемая — была так далека, что казалась нереальной. «Может быть, я просто лентяй?» — как-то спросил он себя, но облегченно вздохнул, вспомнив студенческий стройотряд, заслуженные похвалы и, главное, чувство радости и удовлетворения от своего труда. Да, видимо, этого и не хватало ему в недолгой вузовской жизни: ежедневного результата.

Дома, понятно, были не в восторге: велика ли радость — несостоявшийся врач. А как красиво звучало бы: доктор Вульфсон.

Разговор был короткий и строгий: «Не хочешь учиться, пойдешь на завод!» Израиль Григорьевич, главный бухгалтер строительной организации, и Рива Рувимовна, бухгалтер завода силовых трансформаторов, конечно же, могли подобрать сыну работу полегче, почище и подоходнее. Но завод — это завод. Имелся в виду, конечно же, завод силовых трансформаторов — крупное, быстрорастущее современное предприятие, заметно выделявшееся и высоким техническим уровнем, и самой продукцией, которой гордились биробиджанцы. Нет, родители вовсе не ждали, что их сын, поступив на завод, что называется, «сделает карьеру». Они знали другое: здесь быстро вырастает и мужают вчерашние юнцы, обретая в труде, в рабочем коллективе не только опыт жизни, но и волю, характер.

Сам Володя о таких серьезных материях не думал. Отправившись на завод, он немного растерялся, когда в отделе кадров выяснилось, что в сварщики или токари он не годится — не проходит по зрению, и прямой путь ему — в сборочный.

— Сходи в цех, посмотри. Там начинают осваивать новую продукцию, будет интересно работать.

В цехе он ничего толком не разглядел, но зато встретил знакомых ребят. Один из них — Сережа Логачев, с которым вместе кончали школу, уже месяц работал электромонтажником.

— Соглашайся, работа нормальная! — солидно посоветовал он.

Бывший тогда начальником цеха Роман Абрамович Черепакхин черкнул свою визу на его заявлении и коротко сказал:

— Ну что ж, приходи. На новый участок люди нужны.

Так майским днем 1974 года на участке комплексных трансформаторных подстанций в бригаде релейщиков появился слегка застенчивый и немногословный ученик. Кроме него в бригаде были еще пятеро, но Володя не успел даже запомнить их имена. Судьба заготовила ему экзамен — строгий, ответственный и неожиданный, а потому особенно трудный. В течение месяца из всей бригады остался он один: кто-то поступал в вуз, у двоих закончился срок практики, которую они здесь проходили, третьих перевели на другой участок. И вот нужно было, по существу в одиночку, выполнить работу целой бригады: собрать шесть шкафов релейной защиты для «четырёхсоток» — подстанций мощностью в 400 киловольт-ампер. Задача была сложная, но именно поэтому она захватила и увлекла его.

И вот первый самостоятельно собранный шкаф — это было уже кое-что. Но, черт побери, сколько же времени он на него угрохал! Так он ничего не успеет: до конца месяца ведь необходимо собрать еще пять штук. В воскресенье, никого не спрашивая, он пришел в цех и принялся за следующий шкаф.

Мастер Вячеслав Кучеренко время от времени подходил к нему, с тревогой интересовался, как идет дело: эта партия подстанций очень нужна была точно в срок. Володя это понимал и с головой ушел в работу, не замечая мелькавших дней, ведя счет лишь собранным шкафам — два... три... четыре!..

Сборку последнего он заканчивал в последнюю ночь месяца. В цехе почти никого не было, стояла непривычная тишина, сквозь которую особенно отчетливо слышался стук проходивших неподалеку поездов и басовитые сигналы тепловозов. Затянув последнее соединение, Володя выпрямился. Подошел мастер, молча потрепал его по плечу, скупой выразив признание его рабочей хватки.

Нет, фанфары не трубили и барабаны не гремели: а как же иначе? Ведь Вульфсон парень что надо, рабочий человек! Обычное дело! Но это все-таки была победа — победа над собой, самая большая и самая трудная...

Через две недели, 13 августа (он запомнил дату — это был день его рождения), в цех пришли три девушки — выпускницы профессионально-технического училища из Комсомольска-на-Амуре. Одна из них, Таня Жаркова, уже проходила

здесь практику, две другие — молодые электромонтажницы с Сахалина — хотя и не знали этого производства, но с проводами работать умели. Еще через два дня пришел парень его лет, Леня Шейман.

— Такое, значит, дело, — сказал Кучеренко, собрав их вместе. — Теперь вы — бригада. А ты, Вульфсон, на месяц больше других поработал, будешь, значит, старшим.

Ну что ж, бригада так бригада. Впятером, понятно, не то что в одиночку, все веселее. Да, но пять человек это всего лишь пять человек. Это еще не бригада. Им только надо стать бригадой. С чего же начать, когда сам знаешь еще так мало?

«Прежде всего, — внушал он себе, — не делай вид, что ты уже большой профессор и важный начальник. Что твое бригадирство? Несколько процентов надбавки — еще неизвестно, за что. А в остальном ты такой же сборщик, как и все. Вот если сумеешь сдружить ребят, тогда... Ну что ж, тогда посмотрим».

Постепенно стали выясняться способности и склонности каждого. Девушки работали с проводами быстро и аккуратно: один конец к прибору, другой — точно к клеммнику.

Очень ценными оказались эстетическая жилка и хорошее пространственное воображение, присущие Лене Шейману. Не плохой рисовальщик, он как-то особенно красиво укладывал провода — до сих пор никто так не может! — заранее мысленно представлял себе весь путь их и уж действительно семь раз отмерял, прежде чем отрезать.

Официального ОТК у них не было, единственным контролером был все тот же Шейман. «Хуже всякого ОТК!» — шутили в бригаде. Всёгда ему все не нравилось: то провод криво лежит, то кольцо на конце не в ту сторону завернуто, то неаккуратно. Шутить над Леной шутили, но его требования принимались без споров и тут же выполнялись.

Особенно тщательно работала Таня, и вскоре стало ясно, что после нее проверять не надо. Даже Лене не к чему было придираться! Кто знает, может быть, это и послужило началом тому, что в конце концов Таня стала носить фамилию Шейман?

В первый же месяц они выполнили план, и какой — 21 шкаф! Для них это было торжество, блестящая победа. Но... только для них; в цехе приняли это как должное.

Сборка шкафа — самое интересное и приятное, тут сразу

виден результат. Из холодного, мертвого в своей пустоте каркаса, разрозненных приборов и многочисленных пучков причудливо уложенных проводов твои руки составляют нечто новое, осмысленное и законченное, одухотворенное вложенным в него замыслом, уверенно поблескивающее стеклом приборов и надписями табличек. И скоро в цехе привыкли к тому, что из-за релейных шкафов волноваться не надо, можно быть уверенным, что они будут. Бригада молодых сборщиков получила признание, о ней на заводе заговорили с уважением.

К следующему году бригада пришла с большим задельом — в 45 единиц. Но теперь это составляло даже меньше нового задания — полсотни подстанций в месяц. Уже в январе сборщики узнали, что в подарок съезду решено освоить на заводе производство «тысячников» — трансформаторных подстанций на тысячу киловольт-ампер. Что это такое, они представления не имели, но раз новое — уже интересно.

И вот в цех привезли опытный образец и схемы — надо освоить! Ну что ж, освоить, конечно, можно. А что, если попытаться сделать лучше, чем образец? А, ребята? Ведь мы уже, кажется, кое-что можем.

Уговаривать никого не пришлось — дерзкая мысль стала общим решением. Изготовили шаблоны из пластика, улучшили расположение приборов, их соединения...

Испытания «тысячника» подтвердили большую победу завода: сложное произведение современной техники вполне под силу бибиджанским трансформаторщикам. Свою долю в успех внесла и комсомольская бригада слесарей-электромонтажников, как стали их официально именовать.

Володя Вульфсон к тому времени стал мужем и папой. Своего первенца они с Аллой называли в честь прадеда — Григория Владимировича Вульфсона, которого и ныне многие помнят как начальника поезда, привезшего в 1948 году на вольные приамурские земли еврейские семьи из разоренной войной Николаевщины.

В чем-то незаметно изменился сам Володя: после работы все реже задерживался у волейбольной площадки, торопился домой — побыть с женой, повозиться с малышом, подготовиться к очередной сессии в механическом техникуме. Новые заботы, новые обязанности. На смену безоглядной юности, порывистой и неуверенной, постепенно приходила зрелость — профессиональная, человеческая, гражданская.

Конец года бригада жила ожиданием новоселья: строители вот-вот должны были закончить корпус нового цеха. В старом жили в тесноте и обиде — места еле хватало на два стола, и увесистые металлические шкафы приходилось по нескольку раз в день переносить с места на место.

Остался в памяти заводской субботник, который сборщики проводили в новом корпусе, очищая его от строительного мусора. Был конец ноября, изрядный мороз. Во всех цехах гремела по радио веселая музыка, в новом же, пустом и еще не обогретом, трансляционную линию еще не протянули, и приходилось подбадривать друг друга шутками, а согреваться работой.

Пенье труб и громоханье барабана застигло их врасплох — на минуту все застыли, прежде чем поняли, что по цеху шагает духовой оркестр. Сизый дымок от костров, разложенных в нескольких местах, чтобы отогреть промерзшее помещение, казалось, заколыхался и быстрее стал подниматься вверх, подчиняясь жизнерадостной, энергичной, бодрой мелодии.

— Ура, ребята! С персональным оркестром — вперед! — задорно прозвучал сквозь приветственные крики чей-то шуточный возглас.

И хотя оркестранты, сыграв еще одну песню, поспешно ушли, растирая заledenевшие губы и пальцы, — в воздухе еще долго звучало теплое эхо музыки. Холод отступил куда-то в углы, на сердце потеплело, дышать и работать стало легче.

Трансформаторы «тысячники» пошли в серийное производство. Правда, сначала по нескольку единиц в месяц. Но серийная сборка принесла и неожиданные неприятности. — при испытании обнаруживалось много ошибок: то несоответствие схеме, то соединение некачественное, то еще что-нибудь.

Бригадир нервничал, злился, пытался читать правоучения, но сам чувствовал, что что-то не получается. Какой же смысл выговаривать всем, когда в конкретной ошибке виноват один? Кто именно? Э-э, если бы знать... Но они ведь единый коллектив, у них общая ответственность — один за всех и все за одного! Вот именно, все за одного — страдают. Общая ответственность не должна отменять личной; пусть она выражается во взаимной помощи, взаимном контроле.

И потом, должен быть порядок. Каждый шкаф имеет свой номер, — вот и будем записывать, кто на нем какую опе-

рацию выполнял, это во-первых. Но главное все-таки не в том, чтобы выяснить, чья это ошибка, а в том, чтобы не допустить ее. Давайте сделаем так: пусть каждый последующий проверяет предыдущего! Это самый лучший контроль — межоперационный.

И, наконец, третье: ошибся — пеняй на себя; за ошибку надо наказывать.

Так и сделали: ввели журнал учета, куда каждый записывал выполненную работу; стали внимательно проверять предыдущую операцию, и никто не обижался, если за ошибку ему снижали заработок. Все это сразу же сказалось на качестве — ошибок стало значительно меньше, «тысячники» все реже возвращались на доделку.

Между тем бригада продолжала расти, да и объем работы тоже. Им добавили шестерых монтажниц и поручили сборку всего «тысячника», оставив по-прежнему и релейную защиту «четырехсотки». Работали монтажники с постоянным заделом, постепенно наращивая его до половины месячного задания.

— Куда вы так торопитесь! — притворно возмущался Вульфсон. — За вами же угнаться невозможно! Придется опять идти в первый цех, кланчить еще несколько каркасов.

Шутки шутками, а «выбивать» шкафы и все необходимые материалы на месячную программу, да еще сверх нее, было совсем непросто. Приходилось преодолевать врожденную нелюбовь к твердому тону, некоторую стеснительность даже, становиться решительным, требовательным, а иногда — и дипломатичным. «Не для себя же стараюсь, поймите! У меня бригада стоит!»

XVIII съезд ВЛКСМ монтажники встретили выполнением с начала пятилетки трех с половиной годовых норм. А в ноябре бригаде присвоили почетное звание «Коллектив имени 60-летия Октября».

К этой поре в коллективе было двадцать человек. Руководить бригадой становилось все сложнее: и люди разные, и работа разная. Ну и обязанности бригадира усложнились: мало того, что работу надо распределить, снабжение обеспечить, дать необходимые указания и самому поработать на сборке, надо еще безошибочно определить количество и качество труда, вложенного каждым, а значит, и его заработок. Бригадирского единоначалия было уже недостаточно. Вульфсон потолковал с ребятами, вынес разговор на собра-

ние комсомольской группы. Его предложение создать совет бригады дружно поддержали.

Теперь после окончания месяца бригадир докладывал совету — сколько всего заработала бригада, сколько отработал каждый, каково качество работы, предложения о зарплате. Первое время обсуждения продолжались долго. Вульфсон был доволен: очень хорошо! Пусть побольше обсуждают, пусть все участвуют!

Однако оказалось, что и совет не гарантирует единодушия: возникали и обиды и несогласие; выражали их, как правило, бригадир с глазу на глаз. Тогда ввели еще один этап — решение совета докладывалось всей бригаде. Не согласен — возражай, доказывай, но не в уголке, а при всех! Вот теперь обид почти не стало: на людях спорить труднее, если ты не совсем прав; а если прав, и без спора поймут. Вслед за ними стали создавать советы и в других бригадах завода.

Как-то к сборщикам заглянул заводской инженер-конструктор Геннадий Беренгольц.

— Слушай, Володя! А что, если с «четырёхсотки» снять магнитный пускатель? Им ведь практически не пользуются.

— Если хочешь знать, здесь стоит многое по-другому делать, новая схема нужна.

— А почему бы и нет! Вам же виднее, как лучше приборы расположить, чтобы собирать было удобнее.

Мысль увлекла. Несколько недель Вульфсон, Беренгольц и самые опытные члены бригады колдовали над схемой, внося изменения: переставляли приборы, меняли направление проводов, их сочетания. Все предложения были приняты. Опытный образец, собранный по-новому, успешно выдержал испытание и пошел в серию. Оказалось, что подстанция «400-БВ» (Беренгольц, Вульфсон), как называли ее в бригаде, дает большую экономию провода и приборов.

Знания в коллективе ценились высоко: продолжать учебу одновременно с работой считалось делом почетным — значит, человек не хочет стоять на месте. И не случайно пять членов бригады учились в школе рабочей молодежи, а четверо, в том числе и сам бригадир, заканчивали техникум.

Дипломную работу «Электроснабжение седьмого цеха завода силовых трансформаторов» Вульфсон писал в начале 1979 года. Он часто приходил на завод — то посоветоваться, то уточнить что-то в цехе. Знания, практическая связь с ра-

ботой привлекали его, он чувствовал, как шире и глубже становился его взгляд на вещи, лучше и яснее — понимание производственных вопросов. И вот защита диплома, выпускные экзамены.

Это совпало с еще одним большим и радостным событием: за достижение высокой эффективности труда и качества работы бригадир электромонтажников завода силовых трансформаторов Владимиру Израйлевичу Вульфсону Центральный Комитет ВЛКСМ присудил премию Ленинского комсомола...

В шесть — начале седьмого по рассветному солнышку Владимир Вульфсон идет на завод. Лучшее время, чтобы прикинуть планы на предстоящий день. На участке, уточнив задания, определенные накануне, он принимается за работу. Сегодня вместе с Леней Шейманом и Володей Иоффе им предстоит самая сложная работа — внутри шкафа.

Тем временем остальные, разбившись по двое-трое, заняты своей работой. Незаметная постороннему взгляду, здесь есть своя закономерность: новичок (а в бригаде только учеников шестеро) работает обязательно в паре с опытным сборщиком.

— А что самое важное для хорошего сборщика — зрение, умение или еще что-нибудь?

— Основное — это желание. Если есть желание хорошо работать, остальное приложится; если нет, ничего не поможет, — убежденно говорит Вульфсон.

Конечно, желание надо воспитывать — у одного примером, у другого похвалой, а третьему, любителю частых перекуров, заметить невзначай, что мог бы, мол, и потерпеть. А вот когда начинают спорить, кто лучше работает, а кто хуже, или кто-то вдруг явится с протестом — «Не хочу с ней в паре: она все медленно делает!» — тогда бригадир доволен: значит, желание, любовь к работе есть.

А что устают после работы, так это же хорошо, когда устаешь. Значит, дело сделал на совесть. Да и что это за работа, если человек не устал даже?!

...Летели дни, сменялись месяцы, прошло шесть лет. Это были годы возмужания. Из малоопытного новичка он стал признанным мастером своего дела, человеком, заслуживающим уважения, сумевшим в труде, в работе воспитать себя и свой коллектив. И проявления общественного признания — премия, избрание в состав краевого и областного комитетов

комсомола — все это он принимал как выражение главной меры — меры своего труда и отношения к делу, меры труда всей бригады.

Шел последний год десятой пятилетки, год 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина, год подготовки к XXVI съезду КПСС. Комсомольско-молодежная бригада электромонтажников имени 60-летия Великого Октября, завершив задание пяти лет уже в феврале, напряженно трудилась, чтобы сдержать данное слово — выполнить годовой план к 7 октября — Дню Конституции СССР.

ВИКТОР ГОРЕЛОВ

ТОЧКА НА КАРТЕ

Бира

Привольно раскинулся на склонах невысокого предгорья поселок Бира. Особенно красив он весной, когда белая кипень садов подступает к самому берегу реки. Сады в Бире — давняя и замечательная традиция. Жили здесь когда-то свои Мичурины — дед Иванов и Андрей Иванович Коротких. От них пошли в поселке сады. И зреют в Бире крупные сладкие груши, наливные плоды вишни, крепкий ранет, крыжовник и клубника.

История Биры началась в период строительства Хабаровского участка Транссибирской магистрали в 1911 году. Здесь по проекту было решено расположить путевую дистанцию с паровозным депо и другими службами. Название было взято строителями у местных охотников — эвенков. Бирой, что в переводе с эвенкийского означает «вода», они называли реки, а стойбища на берегах — бируэ.

Уже в то время молодое поселение быстро выросло в крупный железнодорожный узел с довольно многочисленным отрядом рабочего класса. Когда пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, в Бире был создан Совет, а с началом интервенции и гражданской войны на Дальнем Востоке многие жители поселка стали бойцами Народно-революционной армии, сражались в партизанских отрядах, действовали в местном подполье.

Короткую, но яркую жизнь прожил на бирской земле Николай Онищенко, рабочий, активист Совета, подпольщик. Его группа вела агитационную работу среди местного населения, выпускала листовки, устраивала диверсии на железной дороге. Верным помощником и другом Николая была его жена Шура Онищенко. Выданные предателями, они, пос-

ле жестоких пыток, погибли в застенках. В их память в поселке воздвигнут обелиск.

В истории Биры есть страница, связанная с именами пролетарских полководцев Василия Константиновича Блюхера и Павла Петровича Постышева. Накануне штурма Волочаевки в Бире находился штаб Народно-революционной армии. Здесь рождалась тактика штурма дальневосточного Переконья.

Отгремели Волочаевские дни и штурмовые ночи Спасска. Поселок начал быстро развиваться. Расширилось локомотивное депо, возникла лесная промышленность. В начале тридцатых годов Бира стала районным центром, который в послевоенный период был перенесен в город Облучье, занявший в то время господствующее экономическое положение из-за близости к первенцу оловорудной промышленности Хабаровского края — комбинату Хинганолово и быстро развивающемуся сельскохозяйственному производству в селах Заречное, Пашково, Сторожевое, Башурово, Радде, Марьино.

Сегодня Бира — поселок железнодорожников, лесников, пчеловодов и охотников. Бирский ордена «Знак Почета» пчеловодческий совхоз — один из самых крупных в крае, многократный участник и дипломант ВДНХ. Он же владелец уникального фруктового сада, раскинувшегося на сотнях гектаров рядом с поселком. В Бире — крупная железнодорожная больница, две средних школы и школа-интернат, хорошо развитая сеть дошкольных и торговых учреждений. Государство получает отсюда мед и фрукты, древесину и саженцы сосны и кедра, пушнину, грибы, лекарственные растения и ягоды. Сотни километров магистрали обслуживают бирские путейцы и связисты. Один из первых рабочих поселков нашей области растет и преобразается.

Радде

«...Мы скоро поравнялись с избушкой натуралиста Радде. Этот почтенный деятель науки жил одиноко, с двумя лишь казаками-охотниками, среди величавой и богатой природы Хингана, где собрал в течение года великолепную зоологическую и ботаническую коллекцию». Этой записи более 120 лет. Автор ее — Михаил Иванович Венюков, русский ученый, географ, путешественник. Будучи в 1858 году в сред-

нем течении Амура, М. И. Венюков жил несколько дней с Густавом Ивановичем Радде, таким же, как и он сам, подвижником русской науки.

Здесь Амур сжат скалистыми «щеками» гор, течение его стремительно, а сама великая река необычайно узка — 300—400 саженей по старой мерке. Извилистым лезвием ножа прорезает она Малохинганский хребет, чтобы, вырвавшись в лесостепь, разлиться привольно и величаво. На крутом косогоре стоит, отражаясь в воде, старинное русское село Радде, возникшее как казачья станица Раддевская в 1858 году. В ее названии — дань глубокого уважения русской обществу трудам естествоиспытателя, путешественника, этнографа Г. И. Радде, работавшего тогда в окрестностях нынешнего села.

В ту пору, во время заселения пустынных берегов Среднего Амура русскими людьми, местоположение казачьих постов и станиц устанавливалось просто: через каждые 12 верст, что было равно одному прогону ямщицкой тройки, ставилась станица. Раддевская первоначально была расположена выше по течению в округлой долине с богатыми пойменными лугами. Но уже на второй год станицу залило августовским паводком, и крестьяне, бросив молодое село, переехали на три версты ниже по течению, срубив дома на недосягаемом для воды косогоре.

Трав у раддевцев всегда было вдосталь. А вот земли не хватало. То есть ее вокруг столько, что паши не перепашешь, но прежде надо отнять эту землю у тайги. С великим трудом осваивали крестьяне наделы, сеяли пшеницу и ячмень, выращивали картофель. И только в период коллективизации, когда пришли сюда первые трактора, стали увеличиваться поля, занимая уже и болотистую низину с северной стороны села. Однако до середины пятидесятых годов посевные площади тогдашнего колхоза «Рассвет» составляли чуть более 500 гектаров. А потом и здесь началась своя малая целина. Механизаторы села, мелиораторы специализированного предприятия довели посевные площади до трех тысяч гектаров.

Сейчас Радде, центральная усадьба совхоза «Раддевский», — самое крупное подразделение в хозяйстве. Здесь выращивается хлеб, соя, картофель, хорошо развито животноводство. Машинно-тракторный парк насчитывает 120 еди-

ниц различной техники. В селе хорошая школа, детский сад и ясли, клуб с богатой общественной библиотекой. Как и в старые времена, славится Радде своей великолепной природой, которая наряду с сельскохозяйственным производством приносит государству большую пользу. Окрестная тайга дает пушнину и мясо диких животных, богатые медоносы позволяют держать здесь крупные пасеки, кедровые боры дают орех, в любой год в Радде обилие грибов. Старинное русское село стоит среди первозданной красоты природы над величавым Амуром.

Пашково

В 1856—1857 годах в среднем течении Амура выросли пятнадцать русских казачьих станиц. У входа в «щеки» Малохинганского хребта встала станица Пашковская, названная так в честь нерчинского воеводы XVII века Афанасия Пашкова. Современник Ерофея Хабарова, Пашков был отважным землепроходцем. Отряды подчиненных ему казаков проникли к среднему течению Амура, найдя богатейший край пустынным и безлюдным. И когда в середине XIX столетия начались так называемые сплавы — переселение в Приамурье из западных губерний России «служилых и работных людей» — одна из станиц получила имя этого воеводы.

Станица Пашковская — первый населенный пункт на территории области, и возник он двумя годами раньше Хабаровска. По утверждению знаменитых путешественников и ученых того времени М. И. Венюкова и Н. М. Пржевальского, такие великолепные уголья, как в окрестностях Пашковской, трудно встретить в России, а уж в Сибири и подавно.

Расположенная на невысоком левом берегу Амура, у его слияния с Хинганом, станица с северо-западной части окаймлена просторной долиной. С юго-восточной подступают горы, покрытые хвойной и широколиственной тайгой. Амур здесь сжат крутыми сопками, течение его стремительно, а русло шириной всего 600—700 метров.

Прибывшие в Пашковскую переселенцы нашли обилие всякого зверя в тайге, замечательную рыбалку в Амуре и Хингане, множество съедобных ягод, грибов, орехов. А главное — плодородную, щедрую на заботу землю. На пашков-

ских полях в свое время успешно выращивался рис, а сейчас хорошо зреют арбузы и дыни. Высокие урожаи дают пшеница, ячмень, соя, картофель, овощи. После установления Советской власти на Дальнем Востоке станица была переименована в село Пашково. До 1968 года в нем располагалось правление колхоза «Амурский пограничник». Потом объединенные в одно хозяйство соседские с ним села Заречное, Башурово и Радде стали совхозными отделениями, а Пашково — центральной усадьбой совхоза «Пашковский».

Наверное, и сто лет назад околицы села выглядели так же, как и сегодня. Уютные, рубленные из толстого лиственничного и кедрового бруса избы. Густые сады. Поленицы дубовых и березовых дров у оград. Скотные стойла. Домики ульев в палисадниках. Зато центр — в ярких приметах нашего сегодняшнего дня. На берегу могучей реки поднялся Дом культуры. Рядом — здание школы, современный детский комбинат, отличная сельская районная библиотека. В Пашково — хорошие магазины, больница со стационаром и поликлиникой. Большую территорию занимают центральные ремонтно-механические мастерские. Здесь приводится в готовность к полевой службе многочисленная совхозная техника, которая обрабатывает пять с лишним тысяч гектаров пахотных земель.

Будни трудовой жизни, однако, не заслоняют пашковцам славного прошлого села. История первопоселенцев, высадившихся когда-то на пустынный берег Амура, запечатлена в названии села. Гранитная скульптура Матери, провожающей в бой сына — Солдата, рассказывает о грозном времени Великой Отечественной войны. Тогда ушли сражаться с фашизмом многие сельчане. Имена сложивших головы на полях великой битвы навеки занесены на мемориальную доску.

История сегодняшнего дня — в облике села, его новых чертах, новых делах живущих здесь людей.

Облучье

Июль 1911 года выдался на редкость знойным. Путь в сорок верст от станицы Пашковской к месту строительства будущей станицы на Транссибирской магистрали занял целую неделю, почти столько же, сколько пароходом из Благовещенска до Пашковской. Взмывшие лошади, напрягая последние силы, тащили через горные перевалы телеги с ин-

струментом, скарбом. На узлах сидели детишки семейных рабочих-переселенцев. Бабы и мужики шли пешком, для облегчения хода держась за грядки телег.

Вокруг буйствовало лето. Над пробитой раньше «колесухой», по которой казаки из Пашковской возили зимой рыбу и битую дичь на золотой прииск в Сутару, смыкались кроны кедров, мощных дубов и-ильмов. Немалый обоз терялся в этих джунглях, диких и непривычных для людей, природа на родине которых казалась по сравнению со здешней — лубочной картинкой. На шестой день обоз остановился лагерем в широкой долине на берегу студеного и стремительного Хингана. На этом месте должна была встать станция Сололи. Здесь уже побывали ранее изыскатели, разметив трассу железнодорожной колеи и назвав так место по имени одного из притоков Хингана.

Из лиственницы и кедра рубили жилые бараки, контору. Материал находился под рукой — на склонах сопки, окружающих долину. Среди наемных рабочих было много мастеровых людей, и менее чем за месяц выросла первая улица. Бывшие среди строителей молодые выпускники Петербургского технологического института назвали ее Невским проспектом в память о знаменитой улице северной российской столицы. Потом началась каторжная работа на прокладке магистрали. Кайло, лопата, тачка — вот и вся «техника», которой владели рабочие. А надо было пробивать тоннели, срезать гранитные бока сопки, чтобы подготовить террасу для колеи, и на мари завезти тысячи и тысячи тонн грунта.

В Пашковскую подходили все новые пароходы: с рельсами, стрелочными переводами, оборудованием для станций и развязов. Между станцией и строительством налажился регулярный извоз, в который подрались казаки ближних амурских сел. Не упускали своего и спиртоносы, носившие контрабандный спирт из Маньчжурии, наживаясь на его продаже в рабочих артелях.

Велось строительство в ужасных условиях. Рабочие были абсолютно лишены какой-либо медицинской помощи. Немногие заболевшие выздоравливали, большинство же находило смерть в переполненных бараках. Зарабатываемые гроши спускались на крайне дорогие продукты, в кабаках, где нужда заливалась водкой. Стихийное сопротивление рабочих, то и дело возникавшее в артелях, жестоко подавлялось казаками. Страшным было и увольнение непокорных. Остаться

без крова и средств к существованию вдали от крупных населенных пунктов было равнозначно гибели.

Когда была проложена колея в обвод долины по склонам сопки, окружавших станцию, Сололи переименовали в Облучье. Изгиб колеи напоминал облучок извозчицкой пролетки, а кое-где в России он так и назывался — облучье. В поселке появились первые каменные дома, обозначились улицы, росли корпуса будущего паровозного депо и мастерских, где позже возникла большевистская ячейка социал-демократов.

Именно она после победы Великого Октября возглавила борьбу облученцев за установление Советской власти, организовала отпор белогвардейцам и интервентам в период гражданской войны. В память о тех героических днях воздвигнут в центре Облучья памятник красным партизанам, погибшим в ту далекую героическую пору. А позже, к юбилею победы советского народа над фашизмом, поднялся барельеф, высеченный из глыбы белого мрамора в память облученцев, павших на полях Великой Отечественной...

Облучье — город тружеников. В локомотивном и вагонном депо, дистанциях пути, сигнализации и связи, гражданских сооружений, на других предприятиях и стройках города работают тысячи замечательных людей. День и ночь несут они нелегкую трудовую вахту на одном из крупнейших узлов Дальневосточной магистрали. Транспортные службы действуют четко и слаженно. Тысячи и тысячи составов с грузами пятилетки обрабатываются на станционных путях. Облученский узел — ворота Дальневосточной железной дороги. Облученские транспортники, применяя прогрессивные методы вождения и обработки составов, перевозят ежегодно дополнительно к норме миллионы тонн важнейших народнохозяйственных грузов.

Облучье, бывшее настоящим захолустьем в дореволюционную пору, сегодня — уютный, очень живописный город, утопающий в зелени. Здесь три средних общеобразовательных школы, старейшее в области железнодорожное училище, клуб железнодорожников, кинотеатр «Хинган», несколько библиотек, музыкальное училище, больничный городок. Экономика кроме железнодорожного транспорта представлена лесной и деревообрабатывающей промышленностью, промысловым государственным хозяйством, пчелосовхозом, заводами по ремонту электромоторов, пивобезалкогольных напитков, рядом

предприятий местной промышленности, крупными строительными и мелиоративными подразделениями.

Город — яркий пример воплощения политики партии, направленной на повышение благосостояния трудящихся. Семьи железнодорожников живут в благоустроенных квартирах. Средний заработок облученцев превышает 200 рублей. Город растет, хорошеет. Ежегодно в его благоустройство вкладываются сотни тысяч рублей государственных средств. Первый на территории нашей области рабочий поселок, ставший затем городом, живет полноценной трудовой и культурной жизнью, внося весомый вклад в развитие и укрепление Дальнего Востока.

ВАЛЕРИЙ ЗАВГОРУДЬКО,
главный врач курорта «Кульдура»,
кандидат медицинских наук

ЖИВАЯ ВОДА КУЛЬДУРА

Символ Кульдура — скульптурная группа дальневосточных оленей — изюбров — выбран не случайно. Сохранилась легенда о том, как олень помог людям открыть целебные источники Кульдура.

Таежный охотник нани вышел на звериную тропу, чтобы добыть семье мяса. Изюбр, переживавший брачную пору — гон, сам проломился к нему сквозь густой подлесок, обманутый ревом берестяной трубы. Но вместо соперника в мгlistой пелене рассвета его встретило копьё охотника. На крепкое древко был насажен наконечник из прочной стали, которую далеко за Бурей-горами выжигали из камня мудрые таежные люди — якуты.

Широкое лезвие копья вошло наискось в левую сторону груди изюбра. Но не попало в сердце. Изюбр поднялся на дыбы, рванулся и ушел.

Стар, видно, стал охотник, если не смог поразить набегавшего оленя. Однако ноги у нани еще крепки и неутомимы, можно догнать подранка. Долго шел охотник, зорко всматриваясь в следы, оставленные оленем. Влекла его уже не столько предстоящая добыча — много ли унесешь в стойбище в заплечной котомке, — а уязвленное самолюбие. И вот с вершины невысокой круглой сопки открылась его взору обширная долина. В студеное уже вечернее октябрьское небо поднимались столбы пара, смыкаясь и слоясь в неподвижном воздухе. И, о чудо! Там, откуда исходил пар, зеленела трава, ярко заметная в окружении бурых цветов увядшей природы. Хотя и владел охотником суеверный страх — не духи ли здесь разбили свое стойбище и варят на очагах пищу? — любопытство было сильнее. Как будто преследуя самого чуткого

зверя, забыв о подранке, крался следопыт к курящемуся зеленому острову. Ступил на него и замер, вновь пораженный: изюбр лежал на боку, погрузив раненое плечо в парящееся озерцо воды.

Так вот оно, таинственное и запретное место, Кульдур — Горячая Вода! Только шаманы за большую связку собольих шкурок могли приводить сюда больных, у которых ломило на непогоду ноги или тело покрывалось струпьями и становилось похожим на кору дерева. И кто десять—пятнадцать солнц подряд жил здесь и купался в горячей воде, тот становился здоровым. Но мало, ой как мало охотников исцелялось в Кульдуре! Где взять столько соболя, чтобы шаман мог задобрить ими духов? Ведь они могли послать со струями целебной воды новые болезни и даже смерть. Так было. И после каждой смерти шаман все увеличивал число шкурок, которых бедному охотнику и за две зимы не добыть.

Был у охотника друг — светловолосый лоча Иван, поставивший три зимы назад кедровый чум на берегу Малой Воды — Биракана. Как-то Иван спас ему жизнь, поразив из железной палки-ружья огромную медведицу, нашедшую на охотника в глухой тайге. На широких крепких плечах принес его Иван в свой теплый чум, сложил поломанные кости руки, а жена лоча, такая же светлолицая, Анна, отпаивала травами, пока он вновь не набрался сил. Иван же и отнес в стойбище мяса и серой муки, чтобы не пропали с голоду жена охотника и трое его дочерей.

А теперь сам лоча Иван стонал по ночам и кряхтел, растирая ладонями ноющие ноги, ругался. Ивану шаман не страшен, у него свои духи, похожие на него, длиннотелые и печальные, смотрящие на людей из угла жилища. Они не позволяют сгубить лоча, если он будет лежать в Горячей Воды. Да, охотник завтра же отправится к Ивану и приведет его в это таинственное урочище...

Такова легенда, и есть в ней отголоски исторической правды. Уже около полутора сотен лет назад среди российских поселенцев Приамурья пошли слухи о чудодейственной силе горячих кульдурских источников. В 1858 году началось интенсивное заселение среднего течения Амура. Возникли станицы Пашковская, Раддевская, Помпеевская. Рубилась просека так называемой «царской» дороги, проложенной в двадцати верстах от Кульдура. Шли изыскания трассы для Северной транссибирской магистрали. Переселенцы, обжи-

вающие почти пустынную богатейшую окраину Российской империи, проникали и к горячим источникам, излечивая в них свои телесные недуги по принципу: как бог на душу положит. Несомненно, были и неблагоприятные исходы самолечения, но подавляющее большинство примеров говорило об обратном.

Громкая слава Кульдура, почти фантастические рассказы о том, как горячие воды исцеляют тяжелые болезни: ревматизм, поражения кожи, дошли до передовых людей Дальневосточного края. С 1910 года начинается систематическое исследование источников. Научный материал о кульдурских водах собирали и систематизировали инженеры Блюм и Лазарев, врачи Бук, Петрасевич, Недлер, Ваксмахер, геолог Аннерт. В 1917 году инженер В. Лазарев издает брошюру «Кульдурский минеральный источник», помещенную в одном из томов Дальневосточного технического вестника, печатавшегося в Благовещенске. Все исследователи, указывая на исключительные целебные свойства Кульдура, выходили с предложениями к правительству оборудовать здесь за государственный счет лечебницу. Но разве царю и его приближенным были близки и понятны идеи исследователей? Ни в генерал-губернаторстве Дальневосточного края, ни в Петербурге никто не шевельнул пальцем, чтобы вложить хоть какие-нибудь средства в строительство здравницы. Больные добирались сюда на свой страх и риск по бездорожью, строили в районе источников шалаши и землянки, выкапывали в грунте ямы и так лечились. Наплыв больных усилился в период строительства Транссибирской магистрали и, в частности, ее Амурского участка. Сюда добирались изнуренные тяжелым физическим трудом рабочие. Но удавалось это далеко не всем. От ближайшей станции Биракан до Кульдура надо было преодолеть 30 верст тайги. Летом — лишь верхом на лошадях. Но чтобы заполучить их, да еще нанять проводника, договориться об обратном выезде, нужны были деньги, и немалые: 15 рублей золотом, в один конец и 3 рубля с пуда багажа. Откуда мог взять их рабочий?

И лишь когда победил Великий Октябрь, популярнейшая природная здравница стала народным достоянием. В 1918 году источники были национализированы. В принятом тогда решении говорилось: «Кульдурский минеральный источник есть общенародное достояние... При оборудовании курорта необходимо принять во внимание, главным образом, интере-

сы беднейшего населения, сделать его доступным для трудового народа путем устройства дешевой столовой, молочной фермы, бесплатной медицинской помощи и устройства дешевых жилищ».

С 1918 по 1923 год кульдурскими водами пользовалось, разумеется, незначительное число трудящихся. Шла гражданская война. Но и в это тяжелое время курорт контролировался Советской властью, на водах лечились раненые бойцы Дальневосточной республики, партизаны, рабочие и крестьяне ближних поселков и сел. Так, в 1920 году в Кульдуре побывало три тысячи больных. И лишь после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке на Кульдуре начинаются строительные работы.

В истории курорта Кульдур есть интереснейший момент, связанный с именем Владимира Ильича Ленина. Сохранился рассказ Михаила Ивановича Барсукова, одного из первых организаторов советского здравоохранения: «Однажды в конце августа 1923 года в моем рабочем кабинете раздался телефонный звонок (М. И. Барсуков жил в то время в Чите, возглавляя Дальздравотдел). Меня пригласили зайти в Дальбюро ЦК. Оказалось, что там получили письмо с предложением использовать воды Кульдурского источника для лечения Владимира Ильича Ленина. Я ездил туда. Приехав в Читу, я доложил свои соображения Дальревкому и Дальбюро ЦК о строительстве Кульдура. Они были приняты».

В то далекое и сложное время не представилось возможным свозить вожда нашей революции на целебные источники Кульдура. Поездка же М. И. Барсукова в таежный санаторий решила очень многое в плане его благоустройства.

Это был замечательный человек, большевик, по сути дела, первый народный комиссар здравоохранения. Именно ему, члену РСДРП с марта 1917 года, 26 октября, на второй день после свержения Великой Октябрьской социалистической революции, были даны полномочия организовать и возглавить в штабе Революции Смольном медико-санитарный отдел военно-революционного комитета Петрограда.

С мнением и авторитетом М. И. Барсукова считались в Дальбюро ЦК, его ценили. После поездки Барсукова в Кульдур здесь начинается интенсивное строительство.

С 1923 года больные стали получать квалифицированную медицинскую помощь, а в 1925 году здесь организовывается первый пансионат на 180 коек. С 1926 года курорт перешел

в ведение Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, который стал вкладывать в благоустройство источника большие средства. Популярность Кульдура перешагнула границы Дальнего Востока. Уже с 1929 года курорт функционирует круглый год, на нем организован постоянный штат врачей, организовано изучение свойств минеральных вод научными работниками Хабаровского мединститута и других научных учреждений страны. В годы Великой Отечественной войны в Кульдуре лечились раненые солдаты и офицеры Советской Армии. Замечательное свойство здешней воды — быстро исцелять раны — поставило на ноги и вернуло в строй скорей, чем это произошло бы в обычных госпитальных условиях, тысячи воинов.

В 1949 году секретариатом ВЦСПС было принято решение о генеральной реконструкции курорта, которая продолжается и сегодня.

Сейчас ежегодно целебные источники Кульдура возвращают здоровье двадцати тысячам трудящихся. Подавляющее большинство их — дальневосточники. Это шахтеры Ургала, строители БАМа, лесорубы Хабаровского края, хлеборобы Приморья и Амурской области, рыбаки Сахалина и Камчатки. Среди отдыхающих есть жители запада страны и даже юга. Всего с момента основания здравницы в ней побывало более полумиллиона человек.

Есть в Кульдуре свой музей. Среди экспонатов — пожелтевшие от времени фотографии курорта на заре его зарождения. Вот Кульдур 1913 года. Несколько бревенчатых изб, шалаши, разгуливающие среди рытвин и бугров дамы в длинных платьях и плоских соломенных шляпках. Стоит посмотреть этот снимок, чтобы еще наглядней увидеть перемены, происшедшие за небольшой исторический срок. Ведь все, как известно, познается в сравнении.

Сейчас к услугам отдыхающих предоставлено десять благоустроенных корпусов. Палаты, как правило, на двух человек, они оборудованы с таким расчетом, чтобы создать максимум уюта. В спальнях корпусов прекрасные холлы, широкий выбор настольных игр, есть бильярд, хорошая библиотека.

В последние годы курорт буквально преобразился. Построено несколько новых корпусов, столовая, водолечебница, торговый центр. Если раньше строительство здесь вел небольшой коллектив прорабского участка, то сейчас создана пере-

движная механизированная колонна, способная осваивать ежегодно до пяти миллионов рублей капитальных вложений.

В перспективе предстоит освоить на расширение курорта 25 миллионов рублей и довести пропускную способность здравницы до 45 тысяч посещений в год! Эти цифры впечатляют. Уже идет их воплощение в конкретные дела. Вступил в строй детский санаторий «Жемчужина Хингана» — первый специализированный курорт на Дальнем Востоке. Стройное восьмизэтажное здание удачно вписывается в окружающий ландшафт. Здесь обилие воздуха и света, на кровле здания разместились открытый солярий.

Мы многократно были свидетелями замечательного действия кульдурских вод на организм человека. Анатолий К. молодой человек, тяжело страдал от экземы, покрывавшей почти все его тело. Длительное амбулаторное лечение не давало положительных результатов. Он приехал в Кульдур. Уже после первого курса лечения на его теле остались лишь незначительные очаги экземы, а после повторного заезда на курорт — исчезли вовсе. Можно понять настроение Анатолия, его радость по поводу избавления от недуга.

Бывает, больные приезжают к нам на костылях, а уходят своими ногами. Сколько таких случаев. Вот вам и сказка о живой воде!

Разумеется, лечебная часть не стоит на месте. Длительное время кульдурскими водами излечивали лишь экзему, ревматизм, радикулиты. Постепенно врачи-практики, ученые различных институтов накапливали новые знания о составе минеральной воды, разрабатывали новые методики. Достаточно сказать, что сегодня в Кульдур приезжают больные с десятками показаний.

На курорте хорошие условия для научной работы и прогнозирования, для поисков и новых открытий. К нам приезжает много молодых медиков, которым представляются широкие возможности для научной деятельности.

Старейшая на Дальнем Востоке здравница переживает сегодня свою вторую молодость. У нее славное прошлое и замечательное будущее.

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЦЕМЕНТНИКИ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ КОЛЛЕКТИВА)

1

Заводы — как люди. У каждого своя биография, своя судьба. Если бы Теплоозерскому цементному пришлось заполнять «личный листок по учету кадров», то сегодня это выглядело бы так:

Время и место рождения: 1949 год, Еврейская автономная область.

Национальность: на предприятии трудятся представители двенадцати национальностей нашей Родины, среди них — русские, белорусы, украинцы, евреи, молдаване, чуваша, татары, армяне и т. д.

Партийность: 208 членов КПСС, 295 комсомольцев.

Образование: высшее имеют 38 человек, среднее специальное — 283, среднее — 405.

Награды: завод награжден орденом «Знак Почета», 53 цементника удостоены орденов и медалей СССР. 25 кварталов подряд коллектив удерживает первенство в социалистическом соревновании среди родственных предприятий страны.

Трудовая и общественная активность: с 1 марта 1979 года вся продукция завода выпускается с государственным Знаком качества. Депутатами краевого, областного, Облученского районного и поселкового Советов народных депутатов являются более 40 представителей коллектива цементников.

Вот такая биография. Биография интересная и богатая. И сделали ее люди, которых в разговоре со мной секретарь парткома завода Василий Александрович Воронин назвал золотом завода. Это бесспорно, каждый трудовой коллектив состоит не просто из токарей, слесарей, фрезеровщиков или

машинистов цементных мельниц, а прежде всего из живых людей. Но, толкнув рукой вертушку заводской проходной, все они становятся коллективом, людьми, делающими одно общее дело.

Лучшие из представителей этого коллектива задают тон в работе, служат образцом творческого, коммунистического отношения к труду. Среди них — машинист вращающихся печей, Герой Социалистического Труда В. И. Врублевский, машинист экскаватора, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Б. И. Савелов, который работает на предприятии со дня его основания, токарь ремонтно-механического цеха, член парткома завода В. М. Лысенко и его старший товарищ по труду, кавалер орденов Октябрьской Революции и «Знак Почета» В. И. Кузьмин.

Список этот можно продолжать долго, но суть не в именном перечислении передовиков производства. Людей роднит общая забота о своем заводе, где они делают главное дело своей жизни.

Когда ушел в отпуск один из помощников машиниста вращающихся печей, его обязанности добровольно взял на себя член парткома предприятия, кавалер ордена Трудового Красного Знамени А. И. Четвериков. Не ладится работа у недавно принятого слесаря — и сразу же на помощь спешит наставник молодежи, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Трудовой Славы, член завкома профсоюза Н. Г. Иванов...

Коммунистическое отношение к труду. Произнося эту фразу, мы порой не задумываемся над ее глубинным смыслом. А ведь она, эта фраза, предполагает не только полную отдачу сил на благо Родины. Это еще и забота о человеке, о его нуждах, интересах, запросах.

Лучшая на Дальнем Востоке настенная роспись в Доме культуры цементников — не дань моде. Это стремление приобщить коллектив к искусству, чтобы оно стало достоянием каждого рабочего и служащего предприятия. Роспись называется «Праздничная феерия» и сделана московскими художниками-монументалистами Анатолием Гребенчиковым и Евгением Клейменовым по мотивам произведений Александра Грина. Эта уникальная работа оценена комиссией специалистов Художественного Фонда СССР в 150 тысяч рублей и взята под охрану государства. Клара Титовна Филиппова, директор Дома культуры, рассказывает, что цементники

гордятся этой росписью, показывают ее своим родственникам и друзьям, приезжающим в гости из разных городов и поселков страны.

Но главная достопримечательность — это люди, которые здесь живут. Цементники своим трудом, бытом, всем укладом жизни славят свою землю.

Русских, украинцев, евреев, молдаван — всех объединил в одно целое Его Величество Завод. Люди называются здесь коллективом не потому, что их личные листки собраны в одном отделе кадров. Их судьбы собраны в одной стране, они составили новую историческую общность — советский народ, и являются представителями его славного рабочего класса.

2

Разнообразны формы и методы социалистического соревнования цементников. Зайдите в любой цех, на любой участок, в любой красный уголок. Даже если вам не удастся поговорить с начальником цеха или мастером, то все равно вы получите полное представление о делах коллектива, о том, с кем он соревнуется, кто идет впереди. Перед вами словно раскроется книга, живо и интересно рассказывающая о трудовом энтузиазме людей. Стенды итогов выполнения социалистических обязательств, «молнии», «боевые листки», индивидуальные обязательства, экраны социалистического соревнования — вот далеко не полный перечень средств наглядной агитации на Теплоозерском цементном. Под их воздействием у рабочих повышается чувство ответственности за дела коллектива.

Как-то на очередном общезаводском партийном собрании выступил машинист вращающихся печей В. И. Кузьмин. «О нас много и хорошо пишут, — сказал он, — нас хвалят. Хвалят, видимо, правильно, хотя кое-что выдается авансом. Но нельзя нам успокаиваться на достигнутом. Я знаю, что на многих цементных заводах страны один машинист обслуживает не одну, а две или три печи. Этот опыт предлагаю внедрить и у нас на заводе». Так родился ценный почин, нашедший широкую поддержку теплоозерцев. Сейчас заводские машинисты обслуживают по две вращающихся печи.

Вот что, оказывается, может человек, если им руководит государственный подход к делу. Кстати, более шестисот цементников привлечены к управлению производством через

различные общественные организации — постоянно действующее производственное совещание, общественное бюро экономического анализа, первичные организации ВОИР и НТО.

Широкому комплексу мероприятий производственного характера постоянно сопутствует не менее обстоятельная система воспитательной работы. В заводском отделе кадров новичку вручают памятку, в которой рассказывается об истории завода и перспективах его развития. На предприятии работает Совет наставников, проводятся смотры-конкурсы «Лучший молодой рабочий завода». Традиционными стали торжественные проводы молодежи на службу в ряды Советской Армии, семинары и лектории для рабочих-наставников.

В плане социального развития коллектива предусмотрено, прежде всего, творческое начало в любом интересном деле, в любом начинании. Казалось бы, такая прозаическая вещь, как комната приема пищи. Однако дело не в названии, несколько сухом и невыразительном, а в сути. В комнатах — самовары, чайные сервизы, цветы. Принес с собой завтрак, — пожалуйста, положи его в холодильник. Мелочь? Да. Но говорит она о многом. И главное — о подходе к делу по-государственному, с заботой о рабочем человеке.

Здесь не жалеют денег на благоустройство родного поселка. 15 тысяч рублей израсходовано в 1979 году из бюджета поселкового Совета, и 150 тысяч вложили разные предприятия и организации и, в первую очередь, цементный завод. Новый бюджет, утвержденный недавно на сессии поссовета, предусматривает увеличение по этой статье. Кстати, значительно больше средств будет вложено в развитие народного образования, на другие социально-культурные нужды, среди которых особое место занимает забота о здоровье цементников. Не случайно цехом здоровья на предприятии называют профилакторий. Он находится в самом центре поселка, отлично оборудован. Среди многих процедур внедрено лечение азотнокремневыми термальными водами, которые доставляются сюда из целебных источников курорта Кульдур. Плата за лечение и отдых в «домашнем» санатории чисто символическая — 16 рублей 80 копеек за двадцатидневный курс. Остальные расходы берет на себя завод. В 1979 году в профилактории побывало почти 600 рабочих и служащих. Многие цементники по льготным или бесплатным путевкам выезжают отдыхать в здравницы Крыма, Дальнего Востока, Кавказа.

Завод много строит. За последние годы введены в эксплуатацию детский комбинат на 140 мест, 78-квартирный жилой дом. Построена теплица по выращиванию овощей, благодаря чему рабочим было продано 13 тонн свежих огурцов. Завершено строительство еще одной теплицы. Реконструирован заводской Дом культуры.

Но главное все же происходит непосредственно на заводе. Здесь производство цемента вплотную приблизилось к миллиону тонн в год. Коллектив цементников, награжденный орденом «Знак Почета», уверенно идет к намеченному рубежу без увеличения численности работающих и производственных мощностей.

Так конкретными делами осуществляет орденосное предприятие генеральную линию XXVI съезда КПСС, направленную на дальнейшее повышение эффективности общественного производства, стремится как можно полнее обеспечить новостройки Дальнего Востока и Байкало-Амурской магистрали хлебом строительной индустрии — высококачественным теплоозерским цементом.

ВИКТОР ПОМИЛУЙКО

НОВЬ ЗЕМЛИ ВОЛОЧАЕВСКОЙ

У сопки Июнь-Корань, у которой в феврале 1922 года три дня и три ночи длилось знаменитое Волочаевское сражение, далеко все просматривается вокруг: поселок, поля, перелески... В нынешней Волочаевке — железнодорожная станция. Днем и ночью с запада и с востока идут через нее поезда. Совсем недавно их вели тепловозы, но теперь над железнодорожным полотном уже повисли провода контактной сети и начали свой неутомимый бег электровозы. Бесперебойную работу Дальневосточной ордена Октябрьской Революции железной дороги на этом участке обеспечивает коллектив станции Волочаевка-I.

Не меньше забот и у коллектива железнодорожников станции Волочаевка-II. Через нее идут грузы для индустриального Комсомольска-на-Амуре, Амурска — центра лесохимии, Солнечного района — главного поставщика концентрата цветных металлов, Ванино — главных морских ворот края.

Кроме железнодорожников в Волочаевке живут и работают строители, автодорожники, энергетики, учителя и другие специалисты.

Три года назад в Волочаевке сформировался и за это время окреп новый трудовой коллектив — опытно-производственное хозяйство Дальневосточного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации. Перед ним стоит задача обеспечить семенами трав совхозы, занимающиеся производством кормов для животноводческих комплексов. Один из таких совхозов — Ульяновский, создан здесь, в Волочаевке. Его владения — необъятные просторы у легендарной сопки Июнь-Корань.

Тот, кто часто проезжал летом по участку Ин — Волочаев-

ка-I, не мог не обратить внимания на зеленое море травы по обе стороны железной дороги. Но никто из косарей не мог воспользоваться этим богатством: стоит ступить в этот травостой — и вмиг окажешься в окружении кочкарника. А в дождливую пору сюда и вовсе ходу нет — зыбкая марь.

Теперь болотам и марям приходит конец. Восемь лет назад здесь начались мелиоративные работы по окультуриванию сенокосных угодий. Ульяновская система — так названа была эта мелиоративная стройка. За годы девятой и десятой пятилеток сложную и очень ответственную задачу выполнили мелиораторы треста Биробиджанводстрой. По преобразованным лугам теперь идет сенокосная техника, которая заготавливает тысячи тонн сена для самого большого в крае комплекса по откорму крупного рогатого скота, построенного в совхозе «Дружба».

Меняется облик старого поселка. В Волочаевке хороший клуб, школа-десятилетка, библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, почта, несколько магазинов. В селе электричество, радио, телевидение, телефон, газ — давно привычные вещи. Три сельские улицы — Вокзальная, Комсомольская и имени партизанского командира И. П. Шевчука — заасфальтированы.

Волочаевка живет, работает, учится, строится и помнит тех, кто создавал счастливую жизнь, устанавливал власть народную. На легендарную сопку Июнь-Корань зимой и летом ведет тропка. Тысячи дальневосточников и гостей нашего края приходят сюда, чтобы поклониться священному подвигу доблестных народоармейцев, похороненных в братской могиле, заглянуть в музей, хранящий историю Волочаевского боя.

На сопке Июнь-Корань, вошедшей яркой страницей в летопись установления Советской власти на Дальнем Востоке, часто бывает и звеньева Волочаевского совхоза Александр Халявин. Он неоднократный обладатель переходящего краевого приза «Золотой колос», присуждаемого лучшим хлеборобам края за наивысшие урожаи зерновых и сои. Здесь, по соседству с легендарной сопкой, и рабочее место Александра — поле, где он выращивает сою и овес.

Первый раз Халявин увидел свое будущее поле, когда был октябренок и его, в числе других учеников Камышевской школы, торжественно принимали в пионеры на вершине

Июнь-Корани. Это были торжественные минуты. Они запомнились на всю жизнь. Отсюда же, с этого священного места, его провожали в армию. Играл оркестр, и ветераны штурма Волочаевки давали ему, как и другим призвынникам, наказ верно служить Родине в рядах Вооруженных Сил, вернуться домой, на родную землю. Александр Халывин выполнил этот наказ. С такими же молодыми механизаторами он немало сделал, чтобы его родной совхоз — Волочаевский окреп и с каждым годом давал горожанам больше молока, мяса, овощей — основной продукции хозяйства. Волочаевцы успешно работают над решением этой задачи. Они научились из года в год получать стабильные урожаи сои и зерновых. А наивысшие достижения — у Александра Халывина.

Преображается дальневосточная земля, хорошеет и расцветает. Не узнать теперь мест, где с боями прошла Народно-революционная армия, утверждая на освобожденной земле власть рабочих и крестьян. Благоустраиваются, обновляются села. Похорошела, пережила свое второе рождение Камышовка — центральная усадьба Волочаевского совхоза. В селе — комплекс многоэтажных домов со всеми удобствами, торговый центр — магазин, столовая, гостиница, филиал комбината бытового обслуживания. Для юных жителей села выстроена школа — красивое современное здание. В совхозе добротные производственные помещения — коровники, оборудованные всем необходимым для промышленного производства молока.

В трех километрах от станции Ин вырос поселок городского типа — центральная усадьба и отделение Смидовичского совхоза, село Песчаное. Смидовичский совхоз — одно из трех хозяйств области, где овощам не страшны засуха или дожди. В хозяйстве более чем на двухстах гектарах действуют оросительные системы. При избытке влаги овощные поля освобождаются от излишней воды через дренажные трубки, уложенные в земле. Поэтому и получают в Смидовичах устойчивые урожаи огородных культур.

С немалыми трудностями далось трудящимся района освоение некогда необжитых просторов. Веками нетронутая земля плохо поддавалась освоению. И не случайно, несмотря на огромные усилия шести сельскохозяйственных и пяти рыболовецких колхозов, созданных в тридцатые годы, к 1940 году здесь удалось освоить всего 1118 гектаров пашни. Лишь с появлением мощной техники отступили болота и ма-

ри, сдались кочкарники. Это позволило увеличить посевные площади более чем в восемь раз.

Заметно развилось общественное животноводство. Если в 1940 году в районе было всего 559 голов крупного рогатого скота, то теперь по столько и даже больше животных содержат отдельные фермы Волочаевского и Смидовичского совхозов — основных сельскохозяйственных предприятий. В районе есть еще два хозяйства — Партизанская птицефабрика, производящая около 40 миллионов штук яиц в год, и Ключевской совхоз, имеющий несколько сотен голов крупного рогатого скота.

В Волочаевке живет много детей и внуков тех, кто дал здесь решительный бой интервентам и белогвардейщине шестьдесят лет назад. Они продолжают наступление на нетронутые и малообжитые места, превращая их в плодородные нивы, культурные пастбища. Вот и сейчас в окрестностях сел Даниловка, Ключевое, хорошо просматриваемых с легендарной сопки, не утихает гул моторов мощной техники. Прокладываются осушительные каналы. Это мелиораторы Биробиджанводстроя наращивают мощности Волочаевского и Ключевского совхозов, создают новые поля. Они очень нужны для выращивания овощей и кормовых культур.

С небольшого лесозавода, выпускающего в смену при десятичасовой работе 50—55 кубометров пиломатериалов, в районе зарождалась промышленность. Сейчас в Ауре шпало-пропиточный завод. Он дает продукцию для БАМа. В поселке Смидович действует авторемонтный завод.

В районе есть еще заводы. В поселке Приамурский — два: они изготавливают силикатный кирпич, в поселке Волочаевка-II — молочный завод. А в Николаевке, на берегу Тунгусского залива, расположился деревообрабатывающий комбинат. Его корпуса и штабеля сплавного леса видны издали.

Тунгусский комбинат — гордость района, его крупнейшее предприятие. Основная продукция — пиломатериалы — хорошо известна на Кубе, в Японии. Поставки их на экспорт растут из года в год. Еще десять лет назад предприятие отправляло через моря и океаны чуть больше четырнадцати тысяч кубометров пиломатериалов, а в завершающем году десятой пятилетки — отгружено свыше 60 тысяч кубометров.

Тунгусский ДОК первым среди предприятий Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР начал изготавливать сборно-щитовые бесфундаментные дома с

отоплением, освещением и вмонтированной мебелью. На установку такого жилья, полезной площадью в тридцать квадратных метров, уходит всего четыре — шесть часов. Домики пользуются большим спросом у геологов и лесозаготовителей Дальнего Востока, Сибири. Коллектив ДОКа первым в крае освоил выпуск древесноволокнистых плит.

У деревообработчиков Николаевки сложились свои трудовые традиции. Они первыми в Еврейской автономной области поддерживали почин москвичей и ленинградцев и начали соревноваться за досрочное выполнение заданий пятилетки. На предприятии широко развито соревнование за коммунистическое отношение к труду. Около пятисот рабочих удостоены звания ударник коммунистического труда. Высокие звания коллективов коммунистического труда носят коллективы мебельного цеха, автогаража, около десяти бригад.

Гордость коллектива — семейные династии. Когда зашел разговор о них в профсоюзном комитете, мне назвали десятки фамилий.

Вот одна из династий — Наволочкины. Они знамениты на весь поселок. И не случайно. Наволочкины — потомственные деревообработчики. Зачинателем этой семейной профессии был Николай Лукьянович. В начале столетия он перевез свою семью на берег Тунгусского залива. Работал на сплаве. Его сын, Дмитрий, строил лесозавод, трудился на бирже сырья, был станочником, рамщиком. Он участвовал в освобождении Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Более 28 лет, до самого ухода на пенсию, Дмитрий Николаевич возглавлял на комбинате один из его отделов.

Сейчас здесь работают дети Дмитрия Николаевича Наволочкина. Сыновья — Лев и Олег — удостоены правительственных наград. На комбинате работает и Юрий, их брат. Нет на предприятии лучших знатоков своего дела, чем братья Наволочкины. Семейная профессия передалась и в четвертом поколении — правнукам старейшины и зачинателя семейной профессии.

...Над Тунгусским заливом, где около шестидесяти лет назад горбилось несколько десятков хибарок, за годы Советской власти вырос поселок городского типа Николаевка. Он преобразуется день ото дня: строится жилье, детские учреждения, предприятия торговли и общественного питания.

Более чем на 150 километров протянулся Смидовичский район, к которому относится Волочаевка, он занимает терри-

торию между Хабаровском и Биробиджаном. В некогда глухих и малообжитых местах теперь более 20 клубов и Домов культуры, еще больше библиотек, насчитывающих в своих фондах около полумиллиона томов книг, десятки школ и дошкольных детских учреждений, здесь высокоразвитое сельское хозяйство, промышленность.

На священной земле, у сопки, вошедшей в легенду, расцвела жизнь, озаренная мирным и вдохновенным трудом. И здесь всегда помнят о тех, кто отдавал свои жизни за это. Будете проезжать мимо Волочаевки-I, взгляните в окно и вы убедитесь в этом. На вершине сопки Июнь-Корань полощется на ветру Красный флаг. В память о подвиге народоармейцев построено мемориальное здание железнодорожного вокзала. Оно поднялось здесь в честь 50-летия Волочаевской битвы — бессмертного подвига на дальневосточной земле.

АЛЕКСАНДР КУПРИАНОВ

НА ИНСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Машина тормознула у обочины. Мы привстали в кузове. Командир отряда Василий Степанович Лапухин махнул рукой в сторону сходящихся линий проводов, опор (действующая ЛЭП), нагромождения отвалов глины и лежащих вдоль пикетов ребристых железных конструкций (будущая ЛЭП), в сторону маленького, издавна похожего на диковинного оранжевого жучка среди тяжелой зелени болот экскаватора и сказал:

— Вот это и есть наш Инский перекресток...

Стройка ЛЭП-220 Лондоко — Хабаровск. Чтобы понять ее значение, уместно привести выписку из одного документа: «В целях ускорения строительства линий электропередачи и повышения надежности в обеспечении энергией народного хозяйства и бытовых нужд населения... промышленных районов считать первоочередной задачей текущего года обеспечение ввода в эксплуатацию второй цепи ЛЭП-220 Лондоко — Хабаровск»... Это строки из решения бюро краевого комитета партии и крайисполкома.

Здесь, в Смидовичском районе Еврейской автономной области, недалеко от станции Ин, шла борьба за «повышение надежности в обеспечении энергией народного хозяйства». Иными словами — за то, чтобы сельскохозяйственные комплексы Некрасовки, заводы Комсомольска-на-Амуре, железная дорога Дальнего Востока, молочные фермы области работали надежно, без перебоев. И, конечно же, за то, чтобы в нашем с вами доме было тепло и светло. Ведь это и есть в переводе на язык документа «обеспечение энергией нужд населения».

Задача была поставлена ранней весной — в апреле. Из передовых, опытных рабочих-коммунистов Хабаровска сфор-

мировали ударные отряды Индустриального, Кировского и Железнодорожного районов. Они высадились десантом и приступили...

Мы с Лапухиным, скользя взглядом по озерцам, релкам и широко шагающим опорам, хорошо понимали: плацдарм этот стал настоящим полем для мирного боя, где у топи отвоевывались метры и кубы, где проверялись человеческие характеры, где коллективы собранных и не знавших друг друга ранее людей прошли становление и завоевали право именоваться отрядами. Мы с Лапухиным хорошо понимали это.

Десант

Было чуть больше семи утра.

Небо, низкое и серое, с нагромождениями лиловых туч на горизонте, не предвещало доброго дня.

— Копейкин, заводи свое таксо! — Добровольский шутиливо пнул гусеницу вездехода.

— Ребята, — он обернулся, — карета подана, прошу!

Рабочие засмеялись.

— Сейчас я вас прокачу. С ветерком, — громко пообещал Копейкин, подхватывая тон Добровольского.

Буркнул двигатель, заговорил в полный голос. Постукивая траками, машина выползла на дорогу.

И Владимир Славович Добровольский и Юрий Васильевич Копейкин могли позволить себе шутку в начале рабочего дня. Добровольского, командира строительного отряда Железнодорожного района Хабаровска на сооружении ЛЭП-220, и Копейкина, таксиста ХПАТП-2, ныне водителя вездехода, связывала давняя дружба, армейская: они вместе служили в строительно-монтажных подразделениях. А теперь вот судьба вновь свела их вместе. Вернее, не судьба — дело.

В райкоме партии, где подбирали людей в отряд на строительство ЛЭП Лондоко — Хабаровск, Копейкина предупредили: «Учтите — условия неординарные»...

Как и большинство посланцев города, Юрий Васильевич был членом партии. Потому, сменив уютный салон «Волги» на помятую кабину вездехода, а городские улицы на топь смидовичских болот, понимал и помнил одно: ударные отряды специального формирования посылаются на объекты для того, чтобы задавать тон. И настроем, и делами.

Дорога кончилась. Вездеход на скорости, подминая прошлогоднюю траву, прошел релку и грузно, по верхние гусеницы, плюхнулся в жидкое желто-зеленое месиво воды, глины, кочек и мха. Комья грязи полетели в стекло. Копейкин добавил газу...

Это и был участок № 5 ПМК-110 Дальэлектросетьстроя, на котором посланцам Хабаровска в короткие сроки предстояло возвести 150 фундаментов под опоры ЛЭП. Попросту говоря — километры болот, чередующихся с редкими релками.

Словно подтверждая «неординарные условия», небо сыпануло белой редкой крупой, горизонт дохнул сырым ветром, а вскоре все было накрыто мелким нудным дождиком.

Но люди уже вылезали из вездехода, направляясь к своим машинам. Так они решили: работать в любую погоду, по скользящему графику — без выходных, весь световой день. Потому что они — десант. И то, что помнил Копейкин, помнили все...

За рычаги экскаватора садился Николай Суй, тронул бульдозер Олег Михайлович Мустафин, Владимир Андреевич Антоненко готовил к работе «Като», Василий Андреевич Серов собирался на первый пикет — подровнять готовый котлован.

Все они — специалисты высокого класса. Суй на своем экскаваторе отработал восемь лет без капитального ремонта, его и привез сюда, на строительство ЛЭП. Котлован размером шесть на восемь, глубиной три метра Николай Изянович готовит за три часа.

Садимся в бульдозер Мустафина. Коротким тросом цепляется почти пятитонный блок фундамента. Рывок, еще рывок... Густая грязевая волна захлестывает бетон. Но, упорно маневрируя, Олег Михайлович доставляет блок на полигон. Здесь аккуратным рядком уже стоят опоры, подготовленные для доставки на пикеты. Пикет — место, где встанут железные ноги ЛЭП. А доставляться блоки под фундамент будут по воздуху, вертолетом.

Первый пикет. В. А. Серов огорченно качает головой. Еще вчера стенки котлована казались прочными, а сегодня — оползни по углам. Болото есть болото. Василий Андреевич не один раз сталкивался с ним. Войну прошел сапером. Помнит трудные километры топей Украины и Белоруссии, помнит гати и мосты, наведенные на час, на сутки: некогда

было, наступали... А сегодня — мирный труд, как говорится, — на века, строить положено основательно...

Десант высадился в двадцатых числах апреля. Самый подготовленный — укомплектовка техникой 95 процентов — отряд Индустриального района первым приступил к работе. Им предстояло возводить тяжелые фундаменты, но вблизи от базы. На шестое мая семь пикетов были готовы.

«Железнодорожников» подвел кран. Шестого мая вечером его еще не было — болотного, на гусеничном ходу, так необходимого отряду. Тем не менее люди Добровольского без дела не сидели. Блоки грузили на «пену» — железный лист и трактором тащили на пикеты. На котлован их нужно по четыре. Каждый пикет удалялся от базы. Это значит — путь доставки удлинялся, и все чаще на «пену» приходилось грузить провалившуюся технику, волоком вывозить из болота. Так подготовили фундамент на шесть опор. Мало.

Ребятам, на работу злым, как сказал сам Добровольский, нужны реальные результаты труда. А именно — готовые фундаменты. Когда можно побросать на «пену» инструмент, оставшиеся болты и гайки, проволоку и спокойно уехать на другой пикет.

Шестого мая вечером заместитель начальника колонны Г. А. Борисов кричал в телефонную трубку:

— Нет у «железнодорожников» пока крана, понимаете — нет! Работа из-за этого стоит... Кто должен поставить? Краевая Сельхозтехника!

Издержки? Да, их немало даже при всем внимании, какое проявлено к отрядам партийными и хозяйственными органами.

...Закончил говорить по телефону Геннадий Борисов, угомонились в купе рабочие (живут они в двух вагонах), последние расчеты сделали в своих тетрадях командиры. Мы вышли на улицу. Под окнами стоял вездеход Копейкина. Капли воды все еще падали с его грязных гусениц.

— Да, не простая линия — ЛЭП-220, — сказал Добровольский. — Так, что ли, в песне поется?

Часы показывали десять вечера.

Командир

В мой первый приезд на Ин, в конце апреля, Василий Степанович Лапухин, командир отряда Индустриального района,

настоятельно, а потом и категорично просил «не расписывать» первые успехи.

Нужно было его понять. Коммунисты управления механизации треста Дальтехмонтаж, где он трудится начальником автотранспортного отдела и является секретарем партийного бюро, направили Лапухина не просто руководить, а командовать. Тем самым подчеркивались и необычайность условий труда, и необычность трудового подразделения: не группа, не бригада, не производственный коллектив, а отряд. Так Лапухин понял свою задачу с самого начала. Он хорошо понимал всю меру ответственности, возложенную на его плечи, и, конечно же, он болел за свой отряд, желая ему только победы, только первенства в соревновании. В принципе, все вместе взятое: и расчет, и организация труда, и дисциплина, и скромность, и забота о нравственном климате в отряде — это и есть современный стиль руководства.

Через два месяца работы на Инском перекрестке об отряде Индустриального района, считает его командир, можно говорить в полный голос: слава его уже не испортит. Дело не только в стабильности производственных успехов. Дело — в настрое, которым обладает каждый в их маленьком, но плотном коллективе. Доказательство тому — рабочая инициатива остаться после выполнения своего задания на монтаж опор.

Да, мы можем смело признаться, что инициатива исходила от командира. Но Лапухин был уверен, что почин его будет поддержан безоговорочно, потому что инициатива созрела внутри коллектива. Как командир, он только высказал ее вслух...

Вечером, когда сидели в вагоне, Лапухин сказал:

— Знаете, какой у меня критерий качества в оценке коллектива?.. Если он без руководителя работает не хуже, а может быть, в чем-то даже лучше. Я порой к котловану не подхожу. У них все спаяно, движения рассчитаны, техника — как прирученная. А иной раз засуетишься — только людей с толку собьешь.

Что ж, прав командир: не мешать толковой работе — тоже умение.

И еще, что нужно непременно сказать о командире Лапухине: людей он бережет. Конечно, настраивать их уже не нужно, дескать, давай, давай, поднажмем, братцы! Нагрузка должна быть нормальной и равной на каждого, считает Ла-

пухин. Коллектив не должен надрываться, потому что впереди у них работы не меньше. К тому же она будет труднее. Доказательством тому — последние пикеты, которые они ставили, как метко заметил кто-то из рабочих, почти как водолазы. Выручает одно — упорство отряда и приобретенный навык. Инский перекресток стал производственной школой отряда.

Отряд

Последние пикеты... Именно здесь проявился сформированный характер отряда.

Еще свежи в памяти годы, да что годы — месяцы, дни начала великой стройки — БАМа. Автору этих строк довелось бывать у первых десантников Восточного участка, видеть условия, в которых пришлось работать воинам-железнодорожникам, посланцам братских республик: мороз, наледи — зимой, жара, гнус — летом. Условия, в которых трудятся отряды хабаровчан, не лучше. Сказано это не ради красного словца. Нужно видеть, как медленно уходят в топь колеса крана, как грязевая волна захлестывает «пену» — железный лист, на котором (и только так) можно доставить технику, бетон к пикету, нужно слышать, как люди утром в один голос обсуждают: будет сегодня ветер или нет? Ветер — это значит спокойная работа, «без комара».

В отряде нет не заинтересованных. Водитель В. П. Кудашкин доставил людей на объект — выполнил свою утреннюю задачу. Нет, вместе со всеми он спускается в котлован.

Отряд Индустриального района с самого начала работ выгодно отличался от других отрядов. Он был полностью укомплектован техникой. Но только ли в этом суть? Разве не было трудностей роста коллектива? И здесь ради правды мы должны сказать о двух рабочих, которым пришлось покинуть Инский перекресток. Причина старая: они не могли и не хотели общее поставить выше личного. Зато каждый, кто остался, с кем пришлось встретиться в отряде, заканчивал разговор одной мыслью: «Мы взяли слово — бежать нам не пристало...»

Их обязательство — остаться на монтаж опор, конечно же, удлиняет срок пребывания отряда. Как отнесутся к этому дома — у каждого ведь семья?..

Когда закончили первую очередь, приехали в город: дачи, огороды, ребяташки. Лето в городе — хорошо! Через неделю Лапухин ждал их в Ине. Собрались, как один. Делились впечатлениями — кто что делал, как отдыхал. Саша Есаков, машинист крана, с улыбкой рассказывал:

— Дочка спрашивает: «Папка, ты чего так долго с работы не приходишь?» Привыкла, что с работы в шесть возвращаюсь...

Разговор прервал подошедший командир:

— Ну, что, парни, завтра в семь — как обычно?

А что тут спрашивать, каждый знает. Дисциплина есть дисциплина. Потому что они — отряд.

Становление

Одно из производственных подразделений строящейся ЛЭП — сформированный летом молодежный отряд «Энергетик-80-1». В него вошли комсомольцы из разных городов и поселков края. Отряд передан мехколонне-110 Дальэлектро-сетьюстрой и занят на монтаже опор под линию электропередач. В отличие от прежних комсомольских формирований, «Энергетик» будет работать в составе МК-110 не месяц-два, а год. Средний возраст бойцов — 23 года. Место дислокации — станция Ин. Командир отряда Василий Савицкий, инженер-механик из Хабаровска.

С первых дней работы «Энергетик» заявил о себе настроением и делами...

— Что за ребята в форме у нас в поселке появились? Студенческий отряд, что ли?

— Нет, баневуровцы. ЛЭП ставят.

Разговоры эти они слышат, и кто-нибудь один, нисколько не обижаясь на неточность информации, поправляет:

— Не баневуровцы, а — энергетики. И ЛЭП пока не ставим — опоры монтируем...

В том, что называют их баневуровцами, есть особый смысл. Давняя и прочная традиция краевой комсомольской организации — участие во всех значительных стройках. А порой не просто участие, но и главный голос — голос запевалы. Вспомним первые отряды, посланные в изыскательские партии на Восточный участок БАМа в 1974—1975 годах, вспомним «Хабаровский комсомолец», возводящий станцию Су-

лук, назовем ту же Некрасовку, где ударный молодежный отряд «Баневуровец» снискал себе славу и стал таким известным, что знают его и в Николаевске, и в Охотске, и в Биробиджане. Не удивительно поэтому, что и в Сидовиче парней в форме называли баневуровцами. (Забегая вперед, заметим, что в составе отряда есть ребята, прошедшие школу «Баневуровца».)

Ну а вспомнив традицию, что называется, поименно, выведем точную формулу: участие молодых дальневосточников в работе ударных соединений стало не просто традицией, а явлением жизни комсомольцев семидесятых. Доказательством тому и отряд «Энергетик-80-1».

Есть название, есть отрядное знамя, есть комсомольские путевки. И есть походная жизнь — жизнь на колесах, в буквальном смысле слова. Живут в общем вагоне, даже не разделенном дверцами купе.

А что еще нужно молодому парню в двадцать лет? Чтобы просыпаться ночью и слышать, как у изголовья стучат на стыках поезда — бесконечные и тревожные, зовущие в даль. Чтобы понимать звон гитары и голос друга: «Опять паруса Крузенштерна шумят над моей головой...» — и чтобы светила в окне вагона ли, в оконце палатки звезда — загадочная и яркая...

«Романтика», — улыбнется скептик. «Достоинство», — возразит оптимист. И будет прав. Потому, что только молодости нашей свойственно соединение высокой романтики и обыденного труда. Потому, что этим двадцатилетним парням кроме звона гитары и звезды в окне нужно еще главное — работа...

— Пошел, пошел!.. Так, левее, стоп! — бригадир Сергей Еремин дирижирует работой крана. Идет монтаж предпоследней секции опоры ЛЭП.

Что из себя представляет опора? Конструкция в 40 метров длиной. В ней одних только гаек, болтов и шайб 400 килограммов, а металла — 8 тонн 100 килограммов.

— Не пыльная работа — гаечки крутить? — шутит главный инженер мехколонны № 110 Александр Владимирович Журавлев.

— Не пыльная, — соглашается недавний сварщик из Хабаровска Виктор Петровский, вытирая обильный пот со лба.

Монтаж опоры проходит в несколько этапов: сборка рамок и ребровка, когда болты только «наживляются», затем —

протяжка гаек и страховка от самораскручивания (резьба на болтах срывается с трех сторон) и только потом — покраска.

Главный инженер переходит на серьезный тон:

— Руководство мехколонны довольно началом работы отряда. Во-первых, они сумели просто в рекордные сроки освоить специальность электролинейщика, во-вторых, темпы сборки растут день ото дня и при наличии комплектующих обещают прогрессировать, в-третьих, нам нравится оперативность и маневренность отряда. Ну, а о настрое говорить не приходится...

Полигон, на котором трудится «Энергетик», — второй. Прежний — не устроил сразу: непролазная грязь — технике не развернуться, тучи комаров, разбросанный металл и вообще, как заметил кто-то из бойцов, «пейзаж удручающий». Решили потерять несколько дней на передислокацию, но зато работать «в условиях ветра и зелени» (это тоже выражение энергетиков).

Нашли такое место — недалеко от животноводческой фермы, на довольно обширном ровном возвышении. Потерянное на перебазировку время решили наверстать на монтаже. И — взялись.

Собрали первые пять опор, отошли в сторону — действительно, вот они — ребристые, громадные, собранные их руками. Получается!

А на следующее утро бригадир Сергей Еремин, когда высыпали из машины, собрал всех и сказал:

— Вот так вот, парни: работаем в общий котел — отрядный, то есть по единому наряду. Гайку увидел валяется — подбери, ключ в траве не оставляй — ящик есть, крану делать нечего — крановщик из кабины не выглядывай, иди на помощь. Работай, как у себя в огороде, понял?.. Ну, а теперь, как говорится, понеслась душа в рай!

И душа, верно, «понеслась». К вечеру они установили первый маленький рекорд: вместо одной собрали две опоры и даже успели сделать задел на третьей.

Со временем не считаются. Поздно вечером командир собирает планерку: итоги, задачи-минимум, задачи-максимум, отрядные дела — нужно еще раз поговорить с директором клуба (создается совместный вокально-инструментальный ансамбль), оперотряду «Энергетика» выходить на первое дежурство, пора дооформить штаб... Да мало ли забот у отряда?

Планируется пополнение, нужно подумать о них. Пора организовать соревнование между звеньями. Да, чуть не забыли: опять «Дэта» не пришла.

— Да не нужна уже, — возражают, — адаптировались.

— Вот краскопульты пусть подкинут да бензорезы.

Расходятся электролинейщики по своим полкам поздно. Вот уже и звезда, та самая, загорелась в окне. И перед сном комиссар Саша Братчиков говорит отрядному поэту Виктору Шурыгину:

— Ты когда песню про «Энергетик» напишешь? Я тебя на собрании разбирать скоро буду...

Они хотят, чтобы когда-нибудь и другой отряд спутали с ними, сказав: «Да это же — энергетика», так, как сегодня говорят о баневуровцах.

А песня... Что ж, песня напишется. Будут в ней слова о стуке вагонных колес, о звезде — загадочной и яркой, о друге и о ЛЭП, но главные строки — о яростной работе. Потому что ведь недаром говорят: будет хлеб — будет и песня.

ВАЛЕРИЙ ПАНМАН

ПИСЬМО ДРУГУ

В редакцию нашей областной газеты «Биробиджанская звезда» пришло письмо из Чернигова от моего старого друга. Когда-то мы вместе служили, были очень дружны. Переписывались, а потом потеряли друг друга. Он разыскал меня. Держу в руках его письмо. Снова и снова перечитываю немногие строки, написанные четким почерком, пытаюсь вспомнить. Даниленко? Армейская жизнь сталкивала меня с несколькими людьми, носившими такую фамилию. Кто же из них? Неужели Борька Даниленко, весельчак и балагур, с которым двадцать девять лет назад мы встретились здесь, в Биробиджане?

Как хорошо я помню то незабываемое время. В те годы Биробиджан был почти сплошь деревянным. Деревянным был и старый мост, по которому мы, курсанты, вечером бежали из увольнения в часть: опаздывали со свиданий.

В городе можно, конечно, воспользоваться такси. Однако я не выдам секрета, сказав, что в ту пору весь таксопарк Биробиджана был представлен всего одной старенькой, палевого цвета «Победой». К тому же такие расходы были нам не по карману. Так что приходилось уповать на молодые ноги, крепкое сердце и отработанное в марш-бросках дыхание.

Помнишь, Борька, как однажды у моста, на левом берегу Биры ты пристроился с мальчишками ловить карасей? Теперь на этом месте стоит Дворец культуры, а Дом пионеров, милый и уютный, где мы столько раз давали концерты самодеятельности, снесли. Там построили великолепный детский комбинат. От нашей редакции две минуты хода.

Биробиджану теперь всего чуть-чуть за сорок пять. Тут

такое еще будет! Да и сколько уже есть в сегодняшнем Биробиджане!

Главная магистраль областного центра — улица имени Шолом-Алейхема. Она начинает свой бег на запад от гостиницы «Центральная», которая, по отзывам гостей, ни в комфорте, ни в сервисе не уступает лучшим гостиницам края. А кухня в здешнем ресторане — и говорить нечего. Здесь такие изысканные блюда, в том числе фирменные — биробиджанские! А вот Дворец культуры. На этом месте мы когда-то рыбачили. Напротив него сквер имени 30-летия Победы. Центральный универмаг. Кстати, здесь можно купить многие изделия биробиджанских предприятий. Уверяю: твоя жена не отказалась бы от туфель, сработанных на нашей обувной фабрике, или от красивой трикотажной кофты.

Областная больница. К ней сделали большую пристройку. А теперь мы останавливаемся у зеленого, особенно красивого в эту пору в обрамлении цветущей сирени, сквера. Здесь бабушки лелеют своих внучат, сидят на широких скамейках и ведут неторопливую беседу. Будем почтительны к ним: это они в 30-е годы первыми приехали в таежную глухомань. Это их руками, руками их мужей и сыновей построено здесь все, что мы видим.

Тут, где мы сейчас стоим, был карьер. Отсюда брали щебень на строительство железной дороги. В областном краеведческом музее сохранился снимок: люди вышли на субботник. В руках — лопаты, кирки, ломы. Виден и лозунг: «Превратим Биробиджан в социалистический город!» В недалеком прошлом это место называлось площадью Советов, сейчас главная площадь города переместилась к берегу реки. Когда идешь по ее широким плитам, невольно сравниваешь: с чего начинали люди здесь и к чему пришли.

С высокого постамента в даль смотрит Ленин. Скульптор изобразил вождя в сильном энергичном движении. Он весь устремлен вперед.

Основную часть ансамбля площади имени Ленина составляют здания облисполкома и областного комитета партии. В дни больших торжеств здесь многоцветье флагов, лозунгов, плакатов, транспарантов. Сюда на праздники приходят горожане, чтобы продемонстрировать свои достижения.

А в будни здесь малоллюдно. Впрочем, не совсем так. Вот как раз со стороны Театрального переулка подкатили три белые «Волги», украшенные разноцветными лентами. Из ма-

шин вышли нарядно одетые люди. Впереди жених и невеста. Они поднялись по ступенькам к подножию памятника, положили на темный гранит цветы. Несколько минут постояли, взявшись за руки. И вот уже свадьба покатила дальше, машины исчезли в лабиринтах города. Рождение еще одной молодой семьи.

Мы едем в сторону поселка имени Бумагина. Справа швейная фабрика, слева — чулочно-трикотажная. Техникум легкой промышленности. На швейной работает Герой Социалистического Труда Хая Абрамовна Карасик, на «чулочке» — Елена Кальмановна Арнаполинка. За пять лет больше двух пятилеток выполнила.

В наш город едут туристы, бывают и иностранцы. Людям со всего света интересно посмотреть: как там живут евреи в Биробиджане? Сопоставляют то, что читали в разных сионистских газетенках, с тем, что видят наяву. Сравнение явно не в пользу сионистов. Они вопят на весь мир о дискриминации евреев в Советском Союзе. Но вот гости приезжают на завод силовых трансформаторов, и их приветствует в своем кабинете директор предприятия Леонид Михайлович Коган. В областном комитете партии их принимает первый секретарь обкома, кандидат в члены ЦК КПСС Л. Б. Шапиро. Проходя по городу, гости с удовлетворением читают название учреждений, организаций на русском и еврейском языках. А вечером их приглашают на спектакль камерного музыкального еврейского театра, знакомят с труппой еврейского народного. А потом, вернувшись в гостиницу, они прочтут в газете «Биробиджанер штерн», издающейся на идиш, что передовая бригада строителей кавалера ордена Ленина Савелия Борисовича Гринберга установила новый рекорд, а в областной библиотеке имени Шолом-Алейхема состоялась встреча с еврейскими писателями и поэтами Б. И. Миллером, Г. Б. Рабинковичем, Р. С. Шойхетом, Л. Б. Школьниковым...

А теперь наше путешествие продолжается в третьем микрорайоне. Родился он буквально на пустом месте, этот маленький городок с высотными домами, магазинами, детскими садами и яслями, учреждениями культуры, предприятиями сферы обслуживания.

А если кого из гостей заинтересует история, то можно заглянуть в областной краеведческий музей. Здесь много интереснейших экспонатов, рассказывающих об истории и сегодняшнем дне административного и культурного центра

Еврейской автономной области. Но один — макет станции Тихонькая — впечатляет особо. Маленький таежный полустанок, каких тысячи были разбросаны вдоль великого Транссибирского пути. Несколько десятков деревянных домиков среди островков нетронутой тайги на берегу быстрой Биры... Такая картина предстала первым переселенцам, приехавшим сюда из западных районов страны в мае 1928 года. Ничто не нарушало здесь многовекового покоя. Но вот пришел поезд, из вагонов высыпали люди, и начался новый раздел в истории Тихонькой. Люди выгружали вещи, осматривались, вглядывались в окружающее. Как хорошо после долгого пути почувствовать, наконец, под ногами твердую землю! Им нравилась эта земля, которую надо завоевать. Они знали, что будет трудно. Что им, детям портных, бакалейщиков, придется осваивать новые специальности. Но трудности не пугали: молодость — это всегда смелость. А если она еще согрета мечтой, какие могут быть преграды, какие сомнения?

Была такая мечта — дерзкая и заманчивая: построить своими руками город и вырастить в нем своих детей, которые станут работать на фабриках и заводах, лечить людей, преподавать в школе... Конечно, они думали обо всем этом проще, по-житейски. Но и романтика не была им чужда. Они верили в свои силы, верили, что город будет.

Людей этих не смущал таежный уют. Они корчевали лес и писали стихи, строили фабрики и играли в пьесах, которые сами же и сочиняли. Один из них, ныне покойный поэт Исаак Бронфман, потом напишет:

Мне дорог этот город,
Люблю гудков его рассветный говор.
И звон Биры, и сумерки аллей —
Здесь я встречаюсь с юностью своей.
И часто снятся мне костры и ливни,
Гул тракторов и перебранка пил.
Легли проспектов солнечные линии
В местах, где зверь таежный воду пил.
...Здесь поднялись дома до неба синего,
Здесь встали корпуса заводов новых.
Живут здесь люди честные и сильные —
Строители невиданнейшей нови...

Как верно это сказано! Как точно сумел поэт в немногих строчках выразить самое главное!

Я люблю смотреть на наш город в сумерки. Бывает такое время суток, когда вечер уже ушел, а ночь еще не пришла.

Она еще только идет, тихая, трепетная. Но тьма уже простирает над городом свои крылья, и тысячи огоньков зажигаются в окнах. Сказочное феерическое зрелище! Таким Биробиджан предстает, если глядеть на него с сопки. Легко угадываются светящиеся корпуса заводов и фабрик, словно гигантские детские кубики, расставленные аккуратной рукой, высятся кварталы домов. Холодным металлом поблескивают нитки уходящих на запад и восток рельсов. По ним идут длинные составы. Город отправляет в разные концы Дальнего Востока строительные материалы, мебель, швейные и трикотажные изделия, обувь, лес. По многим адресам, в том числе и зарубежным, отправляются в далекий путь самоходные комбайны, силовые трансформаторы. На западной окраине Биробиджана растет авторемонтный завод. Здесь будут ремонтироваться автомашины, которые работают на трассах Байкало-Амурской магистрали. На стройку века многие предприятия города посылают свою лучшую продукцию.

И все это сделали и делают люди, о которых так замечательно тепло написал Исаак Бронфман, первостроители и их потомки, продолжающие трудовой подвиг дедов и отцов.

...Есть в городе священное место, куда люди приходят чтобы почтить память тех, кто не вернулся с полей сражений Великой Отечественной. Высоко в голубое небо взметнулась белоснежная стела. В День Победы здесь гремят военные марши, сюда приходят убеленные сединой ветераны войны, приходят октябрюта, пионеры, комсомольцы, молодежь, жители и гости Биробиджана, чтобы поклониться подвигу героев-земляков.

Много своих сынов и дочерей отдал войне Биробиджан. Многие не дошли до Дня Победы, остались лежать в земле: в Подмоскowie, у Сталинграда, под Прагой... Биробиджанцы гордятся подвигом своего земляка, бывшего рабочего обособленного завода Иосифа Романовича Бумагина. Простой еврейский парень, он показал себя настоящим патриотом, настоящим коммунистом. В бою под польским городом Вроцлавом он повторил подвиг Александра Матросова, и ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем назван рабочий поселок, его имя носят улицы, пионерские дружины.

Память, память... В годы моего курсантства мы шефствовали над педагогическим училищем. Устраивали литературные вечера, концерты самодеятельности. Сейчас в городе

пять средних специальных учебных заведений, несколько профтехучилищ. Когда-то вся культурная жизнь города сосредоточивалась в Доме пионеров, здесь был единственный зал, где проводились и торжественные собрания, и слеты передовиков, и концерты. Сейчас в Биробиджане открылась областная филармония, работают три театра, в том числе профессиональный еврейский, который уже завоевал признание не только местных зрителей, но и ценителей музыкального и драматического искусства Москвы, Украины, Прибалтики, Владивостока, Хабаровска. Тысячи горожан участвуют в художественной самодеятельности. Совсем недавно почетное звание народного завоевал ансамбль скрипачей Дворца культуры. А сейчас уверенно заявил о себе коллектив самодеятельной хоровой капеллы. Ему аплодировали участники XIV Тихоокеанского международного конгресса, проходившего в 1979 году в Хабаровске.

Город стал кузницей кадров. Здесь готовят будущих педагогов, работников для медицинских учреждений, клубов, библиотек, мелиораторов, техников для предприятий машиностроения и легкой промышленности. Растет достойная смена первостроителям.

Биробиджан — спортивный город. Традиционно сильные наши шахматисты, мастера малой ракетки, немало медалей разного достоинства завоевали на соревнованиях разного ранга, в том числе и всесоюзных, тяжелоатлеты. Успешно защищают на первенстве страны по хоккею с мячом честь областного центра спортсмены «Дальсельмаша». Стадион «Строитель» — великолепная база для развития физкультуры и спорта. Не каждый город Дальнего Востока может похвастаться таким сооружением. С завершением строительства Дворца пионеров город получил еще два плавательных бассейна.

У меня в руках июньский номер журнала «Наши достижения» за 1936 год. Здесь опубликован очерк Давида Хаита «Путешествие в Амурзет». Писатель рассказывает, как еврей-переселенец, раньше не соприкасавшийся с сельским хозяйством, учатся на благодатной приамурской земле пахать и сеять, выращивать хлеб и свиней. У них это очень неплохо получается, отмечает Хаит. О Биробиджане у него совсем мало. Но в журнале помещена небольшая фотография. Старожилы еще помнят эти старые дома по улице Октябрьской. Они давно снесены. Фотограф схватил момент, когда на ули-

це встретились два маленьких автобуса, каких уже давно не сыщешь ни в одном гараже. Подозреваю, что эта встреча произошла не случайно, что она «организована», чтобы снимок выглядел внушительней. Вдали виден вокзал, еще окруженный строительными лесами. Сейчас город быстро растет ввысь. Основная застройка — в пять этажей. Но монтажники собирают уже первый девятиэтажный дом, а в перспективе — двенадцати- и шестнадцатизэтажные. Стрелы башенных кранов стали обычной приметой городского пейзажа. Вот так — от первой просеки до широких проспектов, от палатки — до высотных домов и растут города. Не исключение и Биробиджан, ровесник Комсомольска-на-Амуре.

Рано утром в эфир выходят позывные Биробиджана. На двух языках — русском и еврейском — дикторы рассказывают о новостях. И радостно слышать, что мой город вносит достойный вклад в общие усилия советских людей, строящих коммунизм. И этот вклад будет расти с каждым годом. Я слушаю радио и думаю: «Все же я приглашу своего друга юности сюда. Одно дело услышать, другое — увидеть своими глазами».

ЕВГЕНИЙ БУГАЕНКО

УБЕДИЛИСЬ ВООЧИЮ

До сих пор я помню эту переполненную энергией женщину — Еву Брюк — журналистку из Германской Демократической Республики. Летом 1967 года она вышла из самолета в Хабаровском аэропорту и, едва поздоровавшись, засыпала меня вопросами: Когда поезд на Биробиджан? А раньше уехать нельзя? Я так давно мечтала попасть в этот город, и вот я рядом с ним, а еще надо ждать четыре часа... А нельзя ли улететь на самолете? Как вы думаете, нам не может что-нибудь помешать?

Когда застучали колеса поезда, помчавшего нас к Биробиджану, Ева Брюк полупшепотом спросила: «А где же милиция?» — «Какая милиция? Зачем?» — удивился я. «Ну, та, которая... — Ева Брюк замаялась... — здесь патрулирует, проверяет документы».

Я рассмеялся, и очевидно это был самый красноречивый ответ, ибо моя попутчица сказала: «Боже мой, они там ни за что не поверят, что это так просто...»

Потом, бегая от окошка к окошку, восторгаясь широчеными плесами Амура, грандиозным мостом, она вдруг подсаживалась напротив и задавала вопросы, которые вызывали у меня и недоумение и смех. «Скажите, а жители Биробиджана имеют право выезжать в Хабаровск или в Москву?» «Действительно там есть настоящие евреи?» «А это правда, что колхозник Владимир Пеллер был депутатом Верховного Совета? А я смогу его увидеть?..»

В конце концов я сказал: «Мадам, через полтора часа мы будем в Биробиджане. Вы все увидите своими глазами...»

Когда мы приехали в город, разместились в гостинице, пошли на первую беседу в редакцию газеты «Биробиджанер

штерн», поехали в колхоз «Заветы Ильича», ходили по улицам, подолгу беседовали с людьми, я, слушая наивные вопросы, изумленные восклицания и восторженные возгласы спутницы, поражался: до какой степени могут забить голову человеку буржуазные пропагандисты, до какого же вранья и нелепости доходят они в своих измышлениях, если человек, увидев афишу еврейского народного театра, напечатанную на идиш, просит разрешить... содрать эту афишу, потому что «они не поверят, что я это видела...»

Вечером Ева Брюк заявила, что ей нужно двадцать—тридцать открыток, чтоб послать «им». «Я напишу им — я в Биробиджане. Ева». Пусть думают.

«Они» — это, оказывается, — ее оппоненты в ФРГ, Англии и других странах, которые с умным видом пичкали ее небывальщинами о положении евреев в Советском Союзе, о жизни людей в Еврейской автономной области и уверяли ее, что попасть в Биробиджан невозможно, договаривались даже до таких дикостей, будто город Биробиджан обнесен колючей проволокой, вдоль которой ходят солдаты с собаками.

Была волнующая в селе Валдгейм встреча с живым еще тогда Владимиром Израйлевичем Пеллером — прославленным председателем колхоза «Заветы Ильича», Героем Социалистического Труда и полным кавалером ордена Славы. Ева Брюк готова была расплакаться, она потом говорила, что до последней минуты сомневалась в реальности личности Пеллера, а увидев, — поразились, какой он земной — не картинный, человеческий, спокойный.

Ева Брюк ходила по селу, ездила на фермы, посетила школу, интернат, подолгу беседовала с колхозниками.

В городском Доме культуры Биробиджана Ева Брюк попала на репетицию еврейского народного театра, не выдержала, выбежала на сцену, стала пожимать руки артистам, расспрашивать об их жизни, о судьбе их родителей.

И вот снова мерно отстукивают колеса вагона. Ева Брюк уже не спрашивает, она утверждает: «Они — там, на западе, — брехуны, я скажу им прямо в глаза это слово, не обманщики, а брехуны, я напишу об этом в книжке, я все опишу в ней, что видела и слышала, люди должны знать правду!»

Ева Брюк написала по меньшей мере десяток статей о своей поездке, несколько брошюр. В еженедельнике «Вохенпост» ее очерк «Распаханная целина» занимает целую по-

лосу. Вот отрывки из нее: «Надпись на вокзале: Биробиджан. Невысокий, черноволосый мужчина встречает нас. «Абрам Борисович», — представился он, — работник редакции газеты «Биробиджанер штерн». Эта газета выходит здесь на идиш. Кроме того, есть газета на русском языке.

И вот мы знакомимся с городом: тихий, опрятный, с зелеными улицами, парками, кинотеатрами и фабриками. Одна из самых больших центральных улиц носит имя Шолом-Алейхема. Из открытых окон доносится музыка: скрипка, пианино, аккордеон...

В одном из зданий расположилась публичная библиотека имени Шолом-Алейхема. В ней я сразу увидела книги Шолом-Алейхема, Переца, Аша и других писателей, изданные на идиш и на русском языках. Более 300 различных авторов издано в Советском Союзе на идиш за последние годы, тираж книг более 40 миллионов экземпляров. В Москве издается много лет ежемесячный журнал «Советиш Геймланд» на идиш. В нем часто печатаются произведения писателей из Биробиджана. В этом ежемесячнике я впервые прочла рассказы жителя Биробиджана Бориса Израйлевича Миллера, который приехал сюда в числе первых. Один из его рассказов называется «Земля родная» и представляет собой хронику освоения Еврейской автономии...

Когда первые поселенцы приехали в эти края, вокруг них расстилалась тайга. Одно из первых сел они так и называли — Валдгейм, что значит «Дом в лесу».

Четыре поселка, в каждом — одна из бригад колхоза «Заветы Ильича» — так вырос сейчас «Дом в лесу». Здесь несколько школ, библиотеки, больницы, Дом культуры, клубы... В домах — радио, телевизоры.

Мне говорят, что здесь работает Владимир Израйлевич Пеллер: Минуту спустя я своими глазами увидела его — председателя этого колхоза. Он Герой Социалистического Труда, герой войны, депутат Верховного Совета СССР...

— Я приехал сюда в 1935 году, — говорит он. — Мы жили в деревне на Украине, и часто слышали рассказы о Дальнем Востоке, о больших перспективах, которые ожидают этот край. Мы решили поехать сюда... Не скажу, что нам было легко и просто: все мы создавали своими руками. Некоторые уезжали назад, но большинство остались. И мы гордимся тем, что построили.

Вместе с евреями в эти края ехали русские, украинцы,

татары, казахи, люди других национальностей. Они вместе поднимали целину, корчевали тайгу. Советское правительство помогало им, давая деньги, технику, оборудование...

Владимир Израйлевич Пеллер сказал мне: «Сегодня, когда мы принимаем на работу человека, мы не спрашиваем его, какой он национальности. Мы спрашиваем: «Ты умеешь ли и хочешь ли работать? Какой ты человек?» Лично у меня три дочери: у одной муж — кореец, у другой — еврей, у третьей — украинец... В этих словах суть взаимоотношений людей, живущих здесь...»

Ева Брюк подробно описывает труд людей, экономику, культуру, она цитирует беседы с колхозниками, с людьми других профессий, приводит массу цифр. Еврейская автономная область, — делает она вывод, — один из равных советских краев земли.

Доктор Франц Келлер — корреспондент внешнеполитического еженедельника «Хоризонт» — совершил поездку по Советскому Дальнему Востоку и также посетил Еврейскую автономную область. Его заметки опубликованы в двух номерах «Хоризонта» под заголовком «Земля между Бирой и Биджаном».

«Пять дней и пять ночей, — пишет он, — шел поезд через Волгу, через Урал, через Сибирь, пока на 7511 километре не остановился перед современным зданием биробиджанского вокзала. Поезда, которые 40—50 лет назад проходили мимо этого места, останавливались очень редко. Тихонькая или Тихое место называлась одна из остановок на Транссибирской железной дороге. Здесь стояло несколько домиков, в которых жили рыбаки, охотники и, разумеется, железнодорожники.

Сегодня это место знает каждый подросток в Советском Союзе. Биробиджан — центр Еврейской автономной области.

Она простирается почти на 36 000 квадратных километров: на севере ее проходит Транссибирская магистраль, на юге ее землю омывают воды легендарного Амура. Река, которая местами разливаясь на километр-два, а то и больше, служит границей между Советским Союзом и Китаем. Область по площади почти вдвое больше, чем Израиль. Советское правительство предоставило эту землю в безвозмездное пользование еврейскому населению 28 марта 1928 года, а 7 мая 1934 года официально провозглашена Еврейская автономная область.

Это был последовательный шаг ленинской национальной политики. В царской России еврейское население подвергалось дискриминации. Для поселения евреям отводились определенные, так называемые местечки в Белоруссии, на Украине, в некоторых губерниях России, и по закону они должны были селиться там. Заниматься земледелием и работать на фабриках им запрещалось.

Октябрьская революция принесла евреям, как и другим народам, полное равноправие. Зоны оседлости, местечки были упразднены, открылись двери школ, вузов и фабрик для евреев. Люди, которые даже не имели права заниматься земледелием, теперь получили землю.

Им дали территорию, которая простиралась среди лесов, у рек Биры и Биджана...

...Они приехали сюда из всех концов страны, портные и сапожники, люди бывших местечек. Они приехали, чтобы начать совершенно новую жизнь при советской власти. С ними приехали также коммунисты еврейской национальности, закаленные в огне революции и гражданской войны, приехали комсомольцы, и они уверенно строили свою Родину, создавали Родину советских евреев, рассматривая ее как часть Советского Союза, как один из надежных бастионов социалистического общества. Вместе с ними приехали сюда комсомольцы других национальностей: русские, украинцы и другие. Они вместе сражались за революцию, вместе восстанавливали страну, они всегда были вместе.

В тайге они расчищали площадки для строений, ставили жилые дома, готовили землю для будущих пашен. Они делали это порой простыми орудиями, но с безграничным энтузиазмом и уверенностью. Примерно в 350 километрах на юго-западе от Комсомольска, великого символа социализма на Дальнем Востоке, возник город Биробиджан. Местные жители иногда называют его Комсомольск-2.

Мы ездили по городу. Когда-то его называли деревянным. У приезжающих сюда пионеров не было заботы, где взять строительный материал. Сначала они расчищали площадки от деревьев, а потом из деревьев складывали стены. Сегодня в центре города стоит второе поколение домов: трех- и четырехэтажные кирпичные дома. А рядом растет третье поколение: шести- и восьмиэтажные корпуса из готовых бетонных блоков.

На центральной площади города я увидел доску показате-

лей. Ее цифры беспристрастно рассказывают о росте экономики города...

Гордость города — завод «Дальсельмаш». Это единственное предприятие Советского Союза, которое выпускает специальные гусеничные комбайны для уборки урожая на переувлажненных почвах. Серийное производство таких машин позволило сделать скачок в развитии сельского хозяйства на Дальнем Востоке...

Администрация предприятия заботится о том, чтобы больше рабочих повышали свою квалификацию, чтобы строилось больше квартир для рабочих, чтобы больше мест в детских садах получали рабочие и инженеры, чтобы более тесным было сотрудничество с партнерами по кооперации. И это успешно выполняется.

— Много ли евреев работает на вашем заводе? — спрашиваю я заместителя директора.

— Я вам могу перечислить, сколько у нас работает мужчин и женщин, сколько коммунистов и беспартийных, сколько ударников коммунистического труда и сколько людей, не выполняющих нормы. А по национальности не могу. Когда мы принимаем кого-либо на работу, то прежде всего смотрим на его руки, и решающим фактором является его трудолюбие, а не национальность.

А вот что сказал мне Яков Куль — председатель профсоюзного комитета:

— Когда я слышу о фактах клеветнической кампании, которая проводится сионистскими кругами Израиля и США из-за якобы существующего в нашей стране антисемитизма, то мне хочется крикнуть им: «Слушайте мое мнение. Я еврей. Вы и я совершенно точно знаем, кто помог спастись сотням тысяч евреев, кто спас от нацистского вермахта. Никто из вас не спрашивал тогда наших спасителей: кто ты? русский, украинец или казах? И сегодня мы не спрашиваем наших сыновей: твоя подруга русская или татарка?! У нас одна родина — Советский Союз.

Свою родину граждане еврейской национальности в годы второй мировой войны защищали грудью. На площади перед заводом стоит памятник павшим во время второй мировой войны. На мемориальной доске — имена русских, украинцев, евреев, людей других национальностей. Фашистская пуля не спрашивала о происхождении и национальности. Еврей Иосиф Бумагин, который последовал примеру Александра

Матросова, закрыл грудью амбразуру дзота, откуда вел огонь фашистский пулемет. Он сделал это, чтобы открыть путь вперед для своих товарищей. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В Еврейской автономной области издаются две ежедневные газеты: «Биробиджанер штерн» на идиш и «Биробиджанская звезда» на русском языке.

— В Англии живут 800 000 евреев, но не выпускается ни одного издания на еврейском языке, — сказал главный редактор Наум Корчминский. — Шолом-Алейхем, великий прозаик нашего народа писал на идиш. У нас вы можете купить его произведения, изданные в оригинале. Они продаются в каждом книжном киоске. Но в Израиле это невозможно. Там Шолом-Алейхем переводят на иврит. У нас выходят и другие книги на еврейском языке.

Произведения еврейских писателей и поэтов не выпускает ни одна страна мира такими высокими тиражами, как это делает Советский Союз. Многие газеты и журналы на русском, еврейском, украинском и других языках народов Советского Союза знакомят читателей с творчеством Шолом-Алейхема, рассказывают о его жизни. Выпущено дополнительно издание собрания сочинений Шолом-Алейхема в 6 томах, которое разошлось тиражом в 250 000 экземпляров.

До Великой Октябрьской социалистической революции мечтой было дать детям образование в институте или определить их в русскую гимназию. Только после Великой Октябрьской революции евреи получили возможность осуществить эту великую мечту. Большинство родителей стали отдавать детей именно в русские школы, хотя имели полное право отдать в еврейскую школу. Кроме того, евреи получили полную свободу передвижения, из любого маленького местечка они могли переезжать в любой город своей страны. Это привело к тому, что еврейские школы в местечках, где велось преподавание на еврейском, стали сливаться с русскими школами, и в конце концов они исчезли.

Стремление консервативных еврейских кругов к так называемой самостоятельности и защите «богом обиженного народа» изжило само себя. По самой последней переписи населения в Советском Союзе выяснилось, что только 17,7 процента еврейского населения считают родным языком — еврейский. В 1926 году эта цифра достигала 70 процентов, а в 1959 году — 25 процентов. Мои партнеры по разговору рас-

смеялись, когда я сказал, что западные средства пропаганды рассматривают эти цифры как свидетельство дискриминации еврейского населения в Советском Союзе. Каждый, кто знаком с этой проблемой, знает, что в США едва ли наберется 20 процентов еврейского населения, которое рассматривает еврейский язык как родной. В Англии и во Франции эти цифры еще ниже.

Еще в начале 1918 года по инициативе Ленина Советское правительство издало декрет об отделении церкви от государства. Благодаря этому евреи получили еще больше самостоятельности, ибо в царской России они рассматривались как отдельные религиозные группы, у них не было юридического статуса национальности, то есть до революции евреи на территории царской России не существовали как национальность. Теперь они получили равные права с другими народами, в частности, право на выбор места жительства, и они после долгих лет ограничения теперь широко пользовались этим правом. Многие из них выбрали такой путь — пошли служить в Советскую Армию. Образование Еврейской автономной области имело принципиальное значение для еврейского населения как подтверждение прочности его прав.

...Сейчас 14 процентов еврейского населения Советского Союза посещают высшие и средние специальные учебные заведения. На каждые 10 000 жителей Советского Союза приходится 182 студента, а на каждые 10 000 граждан-евреев приходится 315 студентов.

Эти цифры я знал раньше. Один из советских публицистических журналов называл их, рассказывая о жизни евреев в Советском Союзе. Он доказывал, что большинство молодежи еврейской национальности учится, является студентами...

Эти цифры и факты свидетельствуют о том, что сионистские нападки на Советский Союз совершенно беспочвенны. Так называемые цифры, которые приводила западная пропаганда, трубя о положении евреев в Советском Союзе, ни о чем не говорят, ничего не подтверждают, так как установить их источник невозможно.

В Советском Союзе равноправны все народы: и русские, и евреи, и удмурты, и узбеки, и якуты, и казахи. Все они имеют право на учебу и на работу, их права одинаковы.

...Многие жители Биробиджана, евреи по национальности, с которыми мы встречались, пережили вторую мировую вой-

ну. И они, и их друзья и родные не хотят и не мыслят о том, чтобы покинуть Советскую страну и уехать куда-то в неизвестность, чтобы стать невольными пособниками империалистической политики. За 60 лет Советской власти выросло новое поколение еврейской молодежи, эта молодежь выросла при великолепных условиях, созданных для них социалистическим общественным порядком. Еврейская молодежь сама создавала этот порядок, сама строила свою жизнь, создала для себя. Сотни тысяч советских евреев являются членами Коммунистической партии Советского Союза, членами комсомола. Вот одна только цифра: из каждых десяти молодых людей еврейской национальности девять — комсомольцы. Зачем эти люди будут уезжать из своей страны?!

Еврейская автономная область — это советская земля между реками Бирой и Биджаном. Эта земля — родина еврейского населения так же, как и любое другое место в Советском Союзе. Сегодня люди еврейской национальности абсолютно равноправны в Советском Союзе с людьми других национальностей. Это их Родина, так как Советская власть дала им главное: национальное равноправие, работу, уверенность в будущем для них и для их детей.

Корреспондент американской газеты «Дейли уорлд» Майкл Дейвидоу после поездки в Биробиджан написал следующее:

«В городе Биробиджане я часто гулял по улице Шолом-Алейхема. По обе стороны прекрасной широкой магистрали тянутся ровные ряды деревьев... А перед моим мысленным взором вставала картина гетто, изображенная бессмертным еврейским народным писателем. Болью и горечью был пропитан юмор Шолом-Алейхема, и вместе с тем он был полон оптимизма, веры в будущее народа. Да, этот дух оптимизма живет в Биробиджане.

Те, кто тоскует по узким улочкам гетто, по еврейской изолированности, обособленности, те пусть проливают слезы по поводу судьбы евреев в Советском Союзе. Совершенно иначе думают об этом биробиджанские евреи.

Они гордятся тем, что их город интернациональный. Многонациональность — характерная черта всех советских городов. Единение народов и наций здесь гармонично, естественно и несколько не похоже на то, что мы видим в наших американских городах. Нет в Биробиджане, да и нигде в Советском Союзе отторженных национальных кварталов,

сплошь заселенных евреями, русскими, украинцами. В Биробиджане сыновья и дочери Шолом-Алейхема живут в согласии и гармонии с сыновьями и дочерьми четырнадцати народов. Около тридцати процентов многотысячного населения города — евреи. Столько же русских. Евреи в области проживают в основном в Биробиджане, в совхозах и колхозах.

Здесь, как везде в Сибири и на Дальнем Востоке, символом непрестанной стройки видятся повсюду башенные краны. На каждой улице строятся новые жилые массивы, школы, возводятся новые и реконструируются действующие предприятия.

Биробиджан — необычайно хороший город с озелененными чистыми улицами. Как и в других современных городах, новое здесь уживается со старым. Построенные дома соседствуют с каменными зданиями типа тех, что сейчас строят в Москве (правда, не столь высокие).

Биробиджан полон жизни. В качестве областного административного и культурного центра город играет очень большую роль.

А вот мнение Альберта Аксельбанка — буржуазного журналиста, который не питает симпатии к коммунизму:

«О Биробиджане, получившем свое имя от названия двух рек Биры и Биджана, идет много разговоров, и я хотел увидеть, насколько это возможно, объект этих разговоров.

Слово «Биробиджан» часто употребляется для обозначения всей Еврейской автономной области. Эта область по территории больше, чем Бельгия или Массачусетс, или Израиль.

По пути в гостиницу «Восток» — современное пятиэтажное здание — я получил первое впечатление об этом городе, насчитывающем 62 тысячи жителей.

Я видел заводы, институты, школы. Я осмотрел много зеленых улиц, кварталов новых домов, видел поток машин (главным образом русские «Волги» и «Жигули») и сравнительно хорошо одетых людей.

Вокруг города имеется несколько колхозов, созданных еврейскими поселенцами. В колхозе «Заветы Ильича» я разговаривал с еврейскими доярками и овощеводами. Они выглядели жизнерадостными, довольными, уверенными и энергичными.

Половина из 800 семей — еврейские. Однако смешанных браков здесь очень много. Овощевод Рива Вициникина

(39 лет) говорила мне: «Мы здесь как одна семья. Я — еврейка, а мой муж — русский. У нас много таких семей, в которых — люди разных национальностей». Она сказала, что в их колхозе живут люди двенадцати национальностей.

Директор завода «Дальсельмаш», который выпускает комбайны и многие из них на экспорт, — еврей. Директор местной текстильной фабрики, носки и белье которой популярны на советском Дальнем Востоке, также еврей. Много официальных лиц, инженеров, архитекторов, учителей и «заслуженных рабочих» (тех, кого отметило правительство) города и области — евреи.

На Западе многие критики беспокоятся, что евреи, как нация, и еврейская культура умирают в Советской России, умирают из-за ассимиляции и смешанных браков. Однако многие евреи в Биробиджане отрицают, что еврейская культура и идиш умирают. Они заявляют, что дело обстоит как раз наоборот. При этом добавляют, что действительно смешанные браки здесь распространены, но это нормальное и прогрессивное явление.

Вечером я смотрел в Биробиджане репетицию пьесы Шолом-Алейхема на идиш. Пять раз в неделю здесь выходит газета на идиш. Ежедневно на идиш ведутся передачи по радио. В Москве на идиш издается ежемесячный литературный журнал, который распространяется в Биробиджане.

Один биробиджанский еврей сказал мне, что правду о Еврейской автономной области надо видеть в том, что она существует, процветает, растет с каждым годом...

Эти строчки опубликованы в газете «Сан-Франциско кро-никл».

19 апреля 1976 года в газете «Стар» тот же Аксельбанк пишет:

«Биробиджан имеет свое лицо. Завершается строительство новых многоквартирных домов. Старый квартал скоро будет снесен. Новый дворец построен рядом с большим спортивным комплексом на берегу реки Биры, одного из двух водных путей, давших название городу.

...Я сошлюсь на Иосифа Бокора, заместителя председателя облисполкома, который говорил мне о сохранности еврейской культуры. Бокор подразделяет еврейскую культуру на религиозную и мирскую. Если вы считаете, что еврейская культура равнозначна еврейской религии, посещению синагоги, чтению талмуда и других религиозных книг, то действи-

тельно такая еврейская культура умирает. Но большинство евреев в Биробиджане не религиозны. Мы не верим в бога. Мы не посещаем синагогу. Так же, как и русские здесь не посещают церковь. У нас есть небольшая синагога, но ее посещают немногие, да и те — старики...»

Элан Патри, канадский журналист, в газете «Канадиен трибюн» опубликовал статью «Еврейская культура жива в советском Биробиджане». Он пишет:

«...Моя встреча с сотрудниками газеты «Биробиджанер штерн» состоялась на верхнем этаже здания. Стулья были расставлены вокруг внушительного стола. Здесь были: Наум Абрамович Корчминский, его сотрудники, представители телевидения и радио. Все они, хотя и не знамениты, но являются людьми, посвятившими себя профессии, которая особенно трудна и требовательна. Они собрались, чтобы ответить на мои вопросы. Это меня радовало. Я проделал большой путь, чтобы выяснить, как живут евреи в Советском Союзе и в Биробиджане.

ЕАО — результат акции Советской власти, имевшей место в 1934 году. Это — гуманный и демократический отклик на желание евреев, которые видели спасение нации и свободу только в рамках самоопределения. Создание первой еврейской государственной формации явилось чудом социализма. Советская власть предоставила евреям землю и самоуправление впервые за 2000 лет.

Из группы энтузиастов газета выросла в крупный штат опытных журналистов, очеркистов, наборщиков, распространителей печати. Она выходит 5 раз в неделю. У нее есть подписчики за границей, в том числе в Канаде. Редакция получает письма от иностранных читателей.

— Советские евреи — равноправные граждане, — рассказывает Корчминский. — Мы можем жить и работать в любом месте, где пожелаем. Нет ни одного еврея, который бы хотел вернуться в «местечки», в гетто, к дискриминации и неравенству, в разряд второсортных людей...

Марк Френкель рассказал мне, что для биробиджанских евреев в программах радио и телевидения ежедневно один час отводится на идиш. Он с гордостью отметил, что в фильмотеке биробиджанского телевидения имеется много фильмов на идиш. Он считает, что это может быть рекордом для единичной коллекции. Фильмы посвящены различным аспектам культуры. Это — поэзия, хор, непрофессиональные эстрад-

ные группы, танцевальные ансамбли, интервью, новости. И все это на идиш. В выходные дни вещанию сценических постановок на идиш иногда отводится 3—4 часа. Особенно популярны музыкальные комедии.

Поэт Леонид Школьник — рассудительный человек. Он задавал мне много вопросов о канадских евреях. Любят ли они поэзию?

Я растерялся. Поэт сказал мне, что он любит произведения Шолома Штерна, писателя из Монреаля. Они доступны всем в стране. Популярен ли он в Канаде?

Мне было трудно ответить ему. Я — канадец — не знал их.

— Что касается Биробиджана, то он превзошел все мои ожидания! — это говорит советским журналистам Самюэль Аронов. Родители Самюэля Аронова еще до Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировали из России в Соединенные Штаты Америки — в поисках хлеба, в поисках работы, в надежде на лучшую долю. Самюэль Аронов преуспевал: он получил диплом инженера, даже приезжал в Советский Союз как специалист, помогавший в сооружении промышленных предприятий.

В 1975 году Самюэль Аронов посетил Биробиджан и, вернувшись в США, написал и издал брошюру об этой поездке. Он рассказал в ней об истории создания первой автономии евреев, о их жизни, планах на будущее. Брошюра эта опровергла сионистские измышления.

В 1979 году Самюэль Аронов вновь приехал на берега Биры, чтобы собрать материалы для новой книги и сценария документального фильма о Советском Союзе и его части — Еврейской автономной области. Уезжая, Аронов отметил, что даже за четыре года, которые прошли со времени его первого визита, в Биробиджане и области достигнуты большие успехи в жилищном строительстве, в облике города, в развитии его экономики, культуры. Но главное, что бросилось в глаза американскому публицисту: уверенность людей в завтрашнем дне.

В августе 1979 года я вспомнил Еву Брюк, когда возвращался из Биробиджана с итальянским писателем Массимо Массара. Этот человек, выдавший мир, знающий историю, накануне поездки основательно проштудировал книги и статьи, в которых прямо или косвенно говорилось об Еврейской автономной области. Массимо Массара воспринимал все,

что видел, без эмоций, спокойно, иной раз в беседах задавал такие вопросы, что компетентные люди задумывались, прежде чем ответить.

Но вот программа закончена, через несколько минут посадка в самолет. И Массимо Массара подводит итог своим впечатлениям:

«До приезда сюда мне приходилось читать материалы, опубликованные на Западе и посвященные Биробиджану, и у меня были какие-то предубеждения, но та действительность, которую я своими глазами увидел, заставила меня отказаться от тех мыслей, которые я имел. Я нашел здесь исключительно живоспособное общество с огромными творческими способностями... Кроме того, в Биробиджане я увидел, как гармонично происходит слияние различных национальностей Советского Союза. В области живут представители разных национальностей Советского Союза, они плечом к плечу работают, вместе вносят вклад в развитие области, делают все для того, чтобы она стала богаче, красивее. Мне не раз говорили, что ни один еврей из области не выехал в Израиль. Мне кажется, что это наиболее характерный факт, подтверждающий, что Советское правительство сделало правильный выбор, когда приняло решение создать еврейское государственное объединение. Здесь я смог убедиться, что значит интернационализм и братство народов Советского Союза».

В таких случаях говорят: комментарии излишни!

РУБЕЖ ОТЕЧЕСТВА

НИКОЛАЙ КАБУШКИН

ЗАСТАВА ИМЕНИ ИВАНА ФЕДЬКО

Пробежав через поля, дорога вырывается на бурую равнину, прыгает через вспучивающиеся наледи ручьев и речушек, ныряет в молодые рощицы, тянется, вьется, дает кругляка между лысоватыми сопками, а потом надолго теряется в предгорьях среди лиственного редколесья.

Где-то здесь, по этим тропам, тропкам, дорожкам и дорогам проходил, проезжал верхом на лошади или на тряской полutorке пограничник Иван Федько, когда добирался до своей заставы. Он видел эти сопки, эти долины... Южные склоны сопки уже свободны от снега. А на северных он еще кое-где лежит: в чашах, по низинам, долинам, ущельям, ключам, яминам, темным урочищам и междугорьям...

Круто повернув на закат, дорога тянется к высокогорью. Здесь предгорья незаметно для глаза переходят в горы. Они каменными ступенями и темными гребнями поднимаются в небо. И ты едешь — будто покачиваешься на холодящих душу качелях: с волны на волну, с гребня на гребень.

Дорога выметнулась на седловину перевала одного из хинганских отрогов. Отодвинулись и замерли горы. Подсвеченный закатным пылающим солнцем туман тянется в холодящие горные долины, пластаясь над самой землею, клочьями повисая на деревьях, лохмотьями белой шерсти цепляясь за выступы и скалы.

Вечереет.

Заторопилась — потекла, побежала, покатила вниз с перевала дорога. Теперь уже недалеко.

Застава открывается сразу — небольшим темным островком елей на пологом просторном склоне. Застава имени Ивана Савельевича Федько...

Вдоль берега несколько деревянных домов старожилов.

А дальше — блистающий в огне Амур, пылающие в закатном солнце отдаленные сопки сопредельного государства.

Застава имени Ивана Савельевича Федько... Он жил здесь, писал письма родным и близким, здесь холил и обучал своего коня, здесь вскакивал ночами по тревоге, выхватывал из пирамиды винтовку и уходил в ночь, навстречу неизвестности и врагу. Здесь, на границе, он вступил в ряды коммунистов и ему вручили партийный билет. Отсюда он ушел в свой последний бой в одну из грозовых ночей августа сорок пятого года.

Задолго до рассвета отправляемся в путь по дозорной тропе. Тоненькая, верткая, скрытая в чащах, долинах и распадках, она то идет склоном, то опускается в низину, то пересекает седловину или карабкается на горный лужок. По этим сопкам, склонам, по этому берегу сотни километров прошел Иван Федько вместе с друзьями-пограничниками. Сидел в секретах, распутывал следы, преследовал нарушителей, отбивал их вооруженные налеты. В дождь, снег, мороз, жару, темень. Здесь он мерз, мок, томился от жажды, страдал от гнуса во имя спокойного труда родимой земли...

Кроме несения личной воинской службы у парторга заставы много других обязанностей и забот: быт пограничников, питание, боевая подготовка личного состава, шефство над комсомольской организацией заставы. Младший сержант Иван Федько воспитывал солдат в духе исключительной преданности лучшим коммунистическим идеалам, учил солдат героизму, стойкости и мужеству, высокой гражданской ответственности за судьбу родимой земли. И когда эти качества проверялись огнем в жестоком бою, он первым показывал примеры мужества и героизма.

Погранполицейский пост довольно хорошо просматривался с нашей стороны. Он находился на правом берегу Амура, в поселке, и был основательно укреплен японцами, оккупировавшими Маньчжурию и угрожавшими нам многие годы. Глинобитные стены, несколько рядов колючей проволоки, дзоты и железобетонные доты свидетельствовали о том, что японцы обосновались здесь крепко. В день объявления войны с Японией начальнику нашей заставы был дан приказ: ликвидировать погранполицейский пост и его гарнизон. Командовал ударным отрядом капитан М. Г. Мироненко. Парторгом штурмовой группы шел молодой сержант Иван Федько... В полночь отряд покинул заставу...

Через три часа погранполицейского поста уже не существовало. В этом бою пали смертью храбрых младший лейтенант Р. А. Абдухаликов, ефрейтор А. И. Сальков, младший сержант И. С. Федько. Боевые товарищи похоронили их на высоком берегу над Амуром. Высокие стройные ели охраняют их вечный покой. И память о них, о их подвиге, будет жить вечно.

В Ленинской комнате заставы висит портрет Ивана Федько. Большой портрет висит и в казарме, над крайней кроватью. На покрывале — зеленая фуражка пограничника. Иван Федько всегда вместе с молодыми воинами заставы. С теми, кто сегодня охраняет покой границы. Подвигом, всею жизнью своей герой пограничник учит солдат доблести и героизму.

Среди тех, кто нынче служит на заставе, есть и земляки Ивана Федько, из его родного города Коркино, Челябинской области.

— С комсомолом города Коркино у нас давняя дружба, — рассказывает начальник заставы. — Райком ВЛКСМ города шефствует над заставой. Там и поныне живут мать, родные, близкие Ивана Федько. И даже служил у нас его племянник — Иван Владимирович Федько, один из лучших пограничников заставы. Он прекрасно знал свой участок, тот самый участок, где тридцать лет назад нес службу его дядя. Иван Владимирович командовал кавалерийским отделением. Он возглавлял пограничные наряды — ходил старшим, часто ему выпадало нести службу на самом тяжелом горном участке границы, где требуется большая физическая выносливость и закалка.

Заботливый, требовательный командир, хороший товарищ, дисциплинированный воин — вот качества, которые характеризовали младшего Федько. Дстойное родство! Достойная замена герою пограничнику в боевом строю. И недаром в юбилейном году, когда по итогам социалистического соревнования в честь шестидесятилетия Октября застава была удостоена высокого звания отличной, рапорт Ленинского комсомола ЦК КПСС от имени заставы подписал сержант Иван Владимирович Федько.

Застава имени Ивана Савельевича Федько... Отличная застава. Как много в себе заключают эти два слова: «Отличная застава». Это четкое выполнение боевого устава, высокая дисциплинированность и готовность в любую минуту встать на

защиту границы. За всем этим — тяжелые боевые будни, постоянная учеба и тренировка.

В музее пограничных войск СССР хранится обгаренный кровью партийный билет под номером 5386454. Билет пограничника Ивана Савельевича Федько. Бесценными человеческими жизнями, кровью платили дальневосточники пограничники, защищая нашу землю. Эту высокую доблесть и боеготовность впитали в себя те, кто сегодня служит на заставе. Ведь недаром как самые священные символы посылают пограничники домой бережно уложенные между листками солдатского письма огненный лепесток саранки или пылающий лист клена. Посылают матерям и любимым. И дерево, и цветок здесь взошли к свету. На земле, за которую отдал жизнь герой пограничник.

Прекрасна земля, имеющая таких сынов, как Иван Савельевич Федько. Прекрасна и вечна.

Затаились птицы. Не шелхнутся деревья. Над заставой опускается синий вечер. Меркнут краски. Последний огненный отблеск вечерней зари дрожит в небесной глубине и гаснет. В сгущающихся сумерках наряд уходит на границу. Наряд возвращается с границы. Застава живет как застава. Как сердце, она не знает покоя и отдыха. На боевом расчете первым здесь всегда звучит имя Ивана Савельевича Федько.

Над заставой воцаряется ночь. Огромная, глубокая. Во мгле проклюнулись и засияли звезды. Ни шороха. Ни звука. Ни движения. Пронзительная, великая тишина... Тишина границы.

Нарушитель не прошел

Граница — это граница. На ней действуют железные законы: нарушитель идет через границу, а пограничник должен его предупредить: обнаружить, задержать и обезвредить. Когда я выезжал на Н-скую заставу, я уже знал, что там служит пограничник Валерий Арсентьев, который недавно задержал нарушителя.

По приезде на заставу меня разочаровали: Арсентьев в отпуске. Я решил порасспросить о сути дела начальника заставы, друзей Арсентьева, чтобы как-то представить его самого. И вот я слушаю рассказ начальника заставы.

— Арсентьев солдат хорошо подготовленный, дисциплинированный, как и подобает пограничнику. Умеет принять верные решения в сложной обстановке. Это нам важнее всего. Он находит хороший контакт во время несения службы со своей собакой, отлично стреляет. А задача пограничника проста, как дважды два: обеспечить охрану границы. Но как много труда стоит за этой простой формулой. Пограничник должен глядеть, слушать и знать все, что происходит на границе. Арсентьев это может. Хотя при задержании нарушителя пограничнику приходится решать десятки задач в короткие мгновения: кто он, нарушитель? Зачем идет через границу, с какой целью? Как он вооружен? Какой неожиданный «номер» может выкинуть? И как этот «номер» предупредить? Как перехитрить, как задержать нарушителя в самый короткий срок и с минимальными потерями? Наши пограничники, и в частности Арсентьев, с подобными задачами справляются...

Рассказывает ефрейтор Вячеслав Селиванец, старший стрелок-пограничник, друг Валерия Арсентьева:

— Валерий родом из деревни Першино Курганской области, Белозерского района. Сейчас он уехал туда в краткосрочный поощрительный отпуск за отличное несение пограничной службы. Отец и брат у него работают в колхозе «Россия». Отец плотником, брат электриком. Мать — домохозяйка. Сестра работает швеей в Кургане. У Валерия, как и у отца, гражданская специальность — плотник. В деревне плотнические дела известны, во всякую пору они нужны: дом срубить, скотные дворы построить, летние загоны для скота, токи сооружать, жилые помещения да вагончики к страдной поре готовить, кузов машины починить — забот хватает. Здесь, на заставе, Валерий в свободное от военной службы время оборудовал Ленинскую комнату, делал шкафы, стеллажи.

Валерий с удовольствием занимается легкой атлетикой, гимнастикой. Кроссы, марш-броски — это у нас не редкость, пограничник должен хорошо бегать, быть ловким, сильным, выносливым. Марш-броски мы делаем с полной выкладкой: автомат, вещмешок, лопата, противогаз, подсумок. Шесть километров пробегаем за тридцать две минуты. Поначалу было нелегко, теперь привыкли, втянулись. Валерий хороший следопыт, до службы он охотой увлекался. Еще в родной деревне у него осталась хорошая девушка, теперь он с ней уже встретился...

Рассказывает младший сержант Александр Пухов, командир Валерия Арсентьева, инструктор службы собак, уроженец села Полевое Курганской области, Белозерского района (одного района с Арсентьевым). Гражданская специальность Александра Пухова — тракторист.

— Село Першино я знаю хорошо, не один раз там бывал, километров тридцать оно от нашего села Полевое. В один день, в одном военкомате призывались мы с Валерием Арсентьевым, в одном поезде ехали на службу. Неподалеку от нашего села перед армией Валерий был в военно-спортивном лагере, у нас с ним общие знакомые, общие друзья. И так вот получилось, что он попал в мое отделение. Собаку у Валерия зовут Буян, чепрачной масти, сторожевая собака, с преобладающей активно-оборонительной реакцией. Работают они отлично. Ведь самое главное — воспитать, научить собаку пограничной службе. Чтобы она понимала вожатого, каждый твой жест, каждое твое движение, боевую и психологическую обстановку улавливала мгновенно, обладала своего рода безошибочной интуицией. У собак очень развито сильное чувство запаха. И мы их регулярно тренируем, чтобы воспитать в них наиболее устойчивые знания, выработать условные рефлексы. Валерий Арсентьев специалист третьего класса. Он выучил Буяна, и тот хорошо обнаруживает нарушителя. Служба у Арсентьева, в основном, ночная, когда пограничник в дозоре должен быть особенно внимательным. И нарушителя они задержали ночью.

После полудня Александр Пухов показал мне Буяна. Пес нервничал, видимо, надоела ему «одиночка» вольера, соскучился по своему хозяину.

А ровно в семнадцать ноль-ноль часовой передал с вышки на заставу: «Арсентьев приехал!» Свободные от службы пограничники заспешили к воротам заставы — встречать своего друга.

— Михалыч приехал! — только и слышалось вокруг. Так друзья величали Арсентьева по отчеству. Кто-то открыл перед ним ворота, кто-то взял у него чемодан.

Крепкие солдатские рукопожатия, радостные лица, десятки самых неожиданных вопросов, от которых пограничник то растерянно краснеет, то задумывается на мгновение. И самые главные вопросы: «Ну, как там дела? Как дома? Ведь у каждого дома мать, отец, сестра, брат. Любимая девушка,

невеста. И с замирающим сердцем ждут солдаты, что же им ответит их друг.

— Дома, ребята, — это дома... — только и смог сказать солдат. И все понимают его взволнованное состояние. Да, конечно же, дома хорошо.

— Как невеста? Ждет? — успевает вставить свой вопрос старшина заставы Матвей Алексеевич Беззубов.

— Ждет, товарищ старшина! — по-военному отвечает Валерий. Белокурый, кажется, он весь светится от радости и счастья. От счастья, что побывал дома, и от радости, что снова встретил своих верных друзей, с которыми столько здесь пережито, на границе. Многие хочется рассказать, многое спросить, но первый свой вопрос он задал Александру Пухову:

— Как здесь Буян?

— Все в порядке.

— Пойдем к нему.

— Пойдем, он обрадуется.

Я видел эту необыкновенную встречу. Видел такие выразительные глаза Буяна, когда он услышал знакомый голос: «Буян! Буян!» Он не кинулся к нему, он прижался к сетке вольера мордой и ждал, пока Валерий откроет дверцу и зайдет к нему. А потом он принял к нему, тихо заскулил и закрыл глаза, будто бы все еще не веря в возвращение своего друга. Друга, с которым они ходили в ночные наряды, сидели в дозорах, мерзли в мороз и снег, мокли в дождь и слякоть, изнывали от зноя и жажды, страдали от гнуса, выходили лицом к лицу с нарушителем границы, в любое мгновение готовые защитить друг друга. Как много значит эта суровая бескорыстная дружба...

В эту же ночь пограничник Валерий Арсентьев со своим Буяном ушел на охрану границы. Лишь на следующий день, вечером, когда друзья отпустили Валерия, он рассказал мне об этом памятном задержании нарушителя...

— Это было глухой октябрьской ночью. Вдоль Амура дул резкий, пронзительный ветер. Холод. И тьма — хоть глаз коли. Часовым границы я до этой поры ходил уже много раз. В ту ночь мы несли службу вдвоем. Старшим пограничного наряда был ефрейтор Виктор Епифанов. Участок границы у нас был небольшой. Мы прошли раз — все нормально на участке. Другой раз — все нормально. Доложили на заставу, что все в порядке, и пошли вверх по течению реки по песча-

ной отмели. Ни льда, ни снега еще не было. Черный Амур во тьме катил свои холодные воды, иногда с шумом выплескиваясь на берег. Такая погода, что хороший хозяин собаку не выпустит во двор.

Но у нас — служба. Мы-то прекрасно знаем, что враг как раз и выбирает для своих коварных замыслов ночь и непогоду. Враг вряд ли пойдет при свете. Хлябь, дождь, снег, торосы, пурга, метель — вот его стихия. Было два часа ночи. Я шел с Буяном впереди, Елифанов прикрывал меня сзади. Буян на поводке в нескольких метрах от меня. Слушали ночь. Каждый всплеск, каждый шорох и звук, порыв ветра — не донесет ли он постороннего звука. Вдруг Буян насторожился. Я подал сигнал старшему. Мы залегли. Вслушиваемся. До боли в глазах всматриваемся в ночь. Кто там — человек или зверь? Впереди — ни звука. Осторожно идем на сближение. «Вперед!» — даю команду Буяну. Он пошел и снова насторожился. Я стал всматриваться во мрак и тут различил темное пятно, будто это большой камень. Но вот едва-едва обозначился... силуэт человека! Он приближался. Мы слились с землей, стали вести за ним наблюдение. Он шел быстрыми шагами, спешил. Подпустили его ближе... И настало мгновение, когда нарушитель вздрогнул от резкого окрика:

— Стой!

Буян как пружина сорвался с места, я бросился за ним к нарушителю, с автоматом наизготовку:

— Руки вверх!

Секунды мелькнули. Мы связали ему руки. Обыскали. Сообщили на заставу. В считанные минуты прибыла тревожная группа и конвоировала нарушителя на заставу. А мы остались выполнять боевую задачу, охранять государственную границу.

Тревожная группа с собакой проработала обратный след нарушителя, от того места, где его взяли. Собака вывела к лодке. В ней было два весла. Недалеко ушел нарушитель. Не успел...

Рассказывал мне Валерий о своем селе Першино, о родных, о колхозе...

— Что будешь делать, когда вернешься домой?

— Снова пойду в колхоз. Плотничать. Образование у меня восемь классов, получу сперва среднее образование. Потом думаю выучиться на шофера. Эта профессия везде нужна, а в колхозе — в особенности.

Мне было очень интересно узнать у Валерия, как отнеслась мать к тому, что он задержал нарушителя границы. Радовалась ли, тревожилась ли она, что у сына такая серьезная боевая служба. Валерий совсем неожиданно поставил меня в тупик.

— А она об этом не знает. Я никому не сказал. Зачем зря тревожить?

Может, он и правильно сделал, что не стал тревожить материнскую душу, поберег материнское сердце. И еще мне подумалось, что вот ведь задержание нарушителя фактически произошло за одну-две минуты. А сколько готовился к этому Александр Арсентьев? Учеба в школе, семья, работа в колхозе, военный опыт отца, участника второй мировой, комсомол — все это влилось в душу юноши по крупницам, нашло продолжение в его отличной службе на границе, в его солдатской доблести.

Когда зацветает черемуха

Уже кое-где заневестилась самыми высокими верхушками верба. Сочится сквозь ветви небесная лазурь, где-то тренькает синица.

И этот праздничный свет льется на тополя, стройные ели, во двор заставы, в окна казармы, вспыхивает на штыке часового.

А неподалеку, сразу за оградой заставы, в тихом трепете застыл грушевый сад, весь — ожидание вешнего чуда.

— Когда это все начиналось? — переспрашивает меня Алексей Сергеевич и задумывается.

Нет, задумывается не от того, что не помнит этих лет, он их помнит прекрасно, а от того, что эта вешняя пора навесила ему те далекие и вечно близкие годы, когда он был молодым и многое еще только начиналось.

1938 год. Граница. В Н-ский пограничный кавалерийский отряд пришло молодое безусое пополнение. Среди них — Жаров. Трудные предвоенные годы. Уже заносит свою коричневую лапу над Европой фашизм. Уже зашевелились японские самураи, оккупировавшие Маньчжурию и хищно поглядывающие на нашу территорию, — еще гремели бои на озере Хасан, где самураи получили по зубам.

— Редкий день обходился в ту пору без происшествий, —

вспоминает Алексей Сергеевич. — Враг прощупывал границу, изучал оборону, проверял нашу боевую готовность. К нам засылали разведчиков и диверсантов. Ни днем ни ночью граница не знала покоя. Мы ходили в наряды, сидели в дозорах и секретах, ухаживали за лошадьми — все пограничье было кавалерийским. Учились колоть пикой, рубить шашкой, учились читать следы, разгадывать замыслы нарушителей, ходили на лыжах, стреляли, готовили себя к предстоящим трудностям и боям.

Я хорошо помню, на заставе, где я тогда служил, брали мы нарушителей. Шли за ними с моим одногодком Федоровым. Зима. Горы. Седой дымящийся Хинган, самый его скальный гребень. Лазутчик ведь он каков — никогда не выбирает ровное да гладкое место, а идет, где ущелья, прячется, как зверь хищный. В этом месте Амур как бы перерубает горную цепь. Летом он у этих скальных утесов своенравен, бурлив и необуздан. Летит, пенится, бушует, и с ним сладить нелегко. А зимой — глубокие снежные заносы, лавины и обвалы. Здесь-то, в этом «чертовом месте», и наладились непрошенные гости к нам, перешли через границу. Хорошо знали, что преследовать их по глубокому снегу и мертвой тайге будет почти невозможно. Главное для них — уйти, оторваться от преследователей, выиграть время. Курс они взяли на почтовый тракт, единственную тогда ниточку, связывающую заставы, села, приамурские деревни. По дороге они метили выйти к золотым приискам, а там — рукой подать до железной дороги. Там-то им уже было легче затеряться.

След мы с Федоровым обнаружили, когда уже солнце падало вниз, вечереть стало. Упали на снег голубые тени, подсвеченные багровеющим солнцем. Лазутчики все рассчитали точно. Даже время заката. Знали, что ночь усложнит их обнаружение и преследование.

«Ну, Федоров, не подведи, браток», — сказал я своему другу. Был он крепок сам по себе, закален, но выносливости ему порой не хватало. Не простой, а именно пограничной выносливости.

След был четок и глубок. Нарушители — их было двое — прошли здесь не больше как час назад. Следовательно, нам надо идти быстро, чтобы наверстать упущенное, сократить разрыв... Кто они, эти люди? Зачем идут к нам? Пустят ли они под откос поезд, разберут ли мост или взорвут завод?

Мы этого не знаем. Хитрый, коварный враг может сделать все. И наша задача — не допустить его до цели, перехватить, догнать, обезвредить. Главное для нас — не сорвать свои силы, не задохнуться в погоне, не остановиться ни на минуту.

По следам было видно, что нарушители шли легко и быстро. Видимо, это были хорошо натренированные и уже подготовленные к таким горным и снежным условиям диверсанты. А у нас — тяжелые полушубки, валенки.

Спустился мрак, упала ночь. Вот здесь нарушители перedyшали, они сидели на валежнике, а здесь они постояли, опершись на камни, видимо, прислушивались, нет ли погони. Мы ни на минуту не останавливаемся здесь. Вперед. Только вперед. Не дать им возможности уйти.

Стоял конец февраля. Днем уже зима отпускала, а ночью снова прихватывал мороз. Но у нас гимнастерки были мокрыми — хоть выжимай, и конца преследованию не было видно. Всю ночь мы шли за ними. Я чувствую, что где-то мы их уже достаем. Федоров дышит тяжело сзади, слышу, нет-нет да и припадет где к камню, где на мгновение к дереву привалится. И у самого-то меня силы уходят.

«Держись, браток, достанем, только поддержишь, еще маленько», — говорю я ему да и себе тоже. А сам думаю: «Не уйдут, по нашей земле ходить им тяжело, чужая она им».

Светать стало. Вроде бы легче на душе. И они где-то тут, рядом, только прошли. Напарник мой на снег падать стал. Глушь кончается, впереди долина. Там плотный, схваченный ночным морозом наст, они пойдут быстрее. Нельзя нам упустить их.

«Где-то они здесь, — шепчу Федорову. — Последний рывок».

И тут мы их увидели. Торкнулись в снег, передохнуть секунду для окончательного броска.

«Ну, — говорю своему другу, — не тушуйся, в случае чего — бей без промаха».

И эти последние двести — триста метров мы одолели одним махом. Когда они нас увидели, было уже поздно — мы взяли их на мушку. Они бросили бинокль, сумки, подняли руки. Под охраной Федорова я связал им руки, обыскал. Упорости от нас далеконок. А все дело в том, что на них были легкие спецкостюмы на беличьем меху. Готовились, видать, хорошо.

— Зря бежали, — говорю им. — Теперь вот — обратно топать. Назад. Ну, пошли, Федоров!

— Пошли так пошли, — как-то странно говорит он, — чего же.

Только тут я глянул на своего напарника. Глянул и обомлел: стоит он в снегу в носках. Без валенок. Носки оголились по щиколотку, и ноги — красные, как у рака. Теперь-то я понял, почему он так быстро бежал за мной на последнем броске. Когда мы залегли, увидев нарушителей, он успел сбросить валенки. Хорошо, что они тут оказались, неподалеку...

Алексей Сергеевич рассказывает о своей тревожной службе, вспоминает боевых товарищей...

Когда началась Великая Отечественная, на границе стало еще труднее. Напротив, в оккупированной Маньчжурии, стояла миллионная Квантунская армия. Вели себя самураи безобразно. Засады, нарушения границы, провокации, бандитские налеты на нашу территорию. Провоцировали нас на войну. Какое надо было иметь пограничнику мужество, терпение, волю, чтобы не дать втянуть себя в вооруженный конфликт.

— Помню январь 1942 года. Служил я в ту незабываемую пору на заставе.

Поступил нам приказ: проложить тропу по линии государственной границы. Приказ есть приказ. Выступили мы втроем: начальник заставы лейтенант Степан Егорович Савинкин, его коновод — вот фамилию его я запомнил. И я. Надели мы лыжи, пошли прокладывать лыжню по Амуру, по линии границы. Амур молчалив. Броня его могуча. Ощетинился он, как еж, торосами. Течение в этом месте сильное, бурное, в ледостав он долго тут не смиряется. Мы проложили лыжню. Оставалось метров пятьсот еще. А у них тут как раз располагался японский погранполицейский пост. Наблюдательная вышка стояла. Метров сто пятьдесят было до нее. С этой-то вышки они и ударили пулеметным огнем. Мы только успели упасть за торосы. Это нас и спасло. Мощная ледовая броня Амура. Укрыл он нас. Час лежим, другой. Только шевельнешься, над головой пулеметная очередь — так и срубает ледяные кромки. Пограничник, конечно, приспособлен ко всякому и терпелив, но, чуя я, что замерзать начал смертельно: ноги, руки коченеют, стучу ногами по льду, друг об дружку колочу, как-то надо продержаться до темноты.

Стрелять нам было строго-настрого запрещено. Он тебя бьет, сволочь, насмерть вколачивает в лед, а ты и ответить не можешь, хотя при полной боевой выкладке: винтовка, «дегтярь», гранаты.

Коновод был пошустрей нас на ноги, помоложе, не окончен еще. Ну, я лежу, затаился, прислушиваюсь. Слышу, подполз к командиру:

— Разрешите, товарищ лейтенант. Я сумею. Не возьмет он меня, самурай, черт косоглазый. Обведу я его. Добраться бы до линии связи, сообщить на заставу.

— Давай! — согласился командир. — Положение, сам видишь, безвыходное.

Юркнул солдат за один, за другой торос, как змей. Что тут началось, мать родная! Да, видно, не судьба ему была тогда умирать. Ушел он. Обвел самураев. Позвонил на заставу. Подоспел резерв. Но ввязываться в бой мы так и не стали — уже наступала ночь. Только по темноте мы смогли уйти и пулемет утянуть за собой. Пообморозились, но руки, ноги, голова целы. А что еще солдату надо, чтобы остаться в боевом строю.

Правда, сойтись с самураями в бою мне все же довелось. И не один раз. Когда была объявлена война империалистической Японии, громили мы их полицейские посты, били хваленую, вооруженную до зубов Квантунскую армию. Да так били, что драпали они от нас без оглядки, только пятки сверкали...

Какое высокое небо над головой! Туда, в небесную лазурь, тянется опьяненная внешней радостью черемуха. Сколько раз повторялось оно, это цветущее сияние? Сколько раз буйствовал и ликовал грушевый сад? Когда этот праздник начался впервые? Ах, да. Это было в сорок четвертом. Нет, нет, этого забыть нельзя. Такие крохотные саженцы. Он держал их в руках, он опускал их тоненькими, как ниточки, живыми, жаждущими жизни корешками в живую землю. Он и Надя. Надежда. Надежда Андреевна. Такая же юная, как эти трепетные саженцы, девочка. Девушка. Жена. Боевая подруга. Разделившая с ним все тревоги, все опасности, все лишения и невзгоды границы за все эти три с половиной десятилетия.

Есть одна удивительная в мире закономерность: чем суровее время, чем мужественнее люди, тем нежнее, тем отзывчивее их души. Отзывчивее на человеческую доброту, улыбку,

на любовь. В суровом 1944 году пограничник заставы встретил свою любовь. Здесь, на этой самой заставе, в те годы и были посажены первые деревца, которые сегодня уже вымахнули под солнце. В те жестокие годы, принесшие нам столько бед и унесшие столько жизней. Но люди и тогда думали о жизни. Люди и тогда верили в прекрасное. Через лишения, испытания и потери, через грохот смертельного боя и зменное коварство врагов из-за кордона люди шли к победе. Это было суровое время — время борьбы. Но это было и прекрасное время — время любви и надежды.

Тридцать лет прослужил на своей родной заставе Алексей Сергеевич Жаров. Старшина заставы. Большинство из того, что сделано здесь, сделано с его участием. Пограничники выхаживали кусты черемухи, высадили елки, разбили, спланировали и привели в современный вид территорию, а в 1962 году — заложили грушевый сад.

Здесь, на самой границе, родились и выросли дети Надежды Андреевны и Алексея Сергеевича Жаровых — Валерий и Наталья, здесь встают на ноги и их внуки — Алешка, Марина, Наталья, Анюта.

— И дети, и внуки — это же все пограничники, — говорит Алексей Сергеевич.

От отца и деда унаследовали они любовь к границе, любовь к природе и красоте земли.

— Человек, который любит природу, — счастливый человек, — улыбается Жаров.

Давно ли он говорил, когда привез черенки груш: «Сад будет, Надя». И вот уже вырос сад. Цветет. Плодоносит. И не его ли белым цветом полыхающая метель так посеребрила голову?..

А граница как граница. Наряды и тревоги. Тревоги и наряды. Служба. Пограничная служба. Во все времена — тревожная. Во все времена — ответственная. Ведь за твоими плечами — Родина.

— Как мы служили? — вспоминает свою молодость Алексей Сергеевич. — Все больше по смекалке да по интуиции. Где по сбитой росе след ведешь, где по примятой травке, где по песку да по снегу. Собаки пограничные нас выручали хорошо. Революционная стойкость и вера в правоту своего дела — дела Октября, дела молодой Республики Советов — давали нам силы держать границу. Народ наш, земля наша варварства не переносят. И мы свое дело свершили — по дол-

гу, совести и чести. Смотрю я на нынешних молодых пограничников — и душа у меня радуется. Крепок в них, крут солдатский замес. Сложнейшей техникой владеют в совершенстве. По тревоге идут — как в огонь. И следопыты хорошие, и стрелки отличные. Им хранить ненарушенной нашу землю. Им беречь священный рубеж нашего социалистического Отечества...

Ночные стрельбы

Между окатистых сопok выпучилась круглая, как свиный глаз, желто-красноватая луна. Такая огромная, что едва-едва вмещается в темный горный развал. Поползла было по лохматому склону сопки да скатилась обратно, не хватило ей сил одолеть крутосклон. Но вот качнулся мрак, вздрогнула и колыхнулась тишина — взревели машины, лучи от фар прорезали тьму, выхватывая из нее бледные деревья и серую ленту ночной дороги.

В бледном мерцающем свете темна и загадочна сопка Безымянная. Поднимаясь от подножия, долго огибаем ее дремотные бока, покуда не забираемся на небольшое горное лысоватое плато.

Стрельбище. Исходный рубеж. Во мгле на сонке Безымянная, несколько возвышаясь, маячат в электрическом свете мишени. Погасли. Там орудует группа пограничников из команды, обеспечивающей стрельбы. У них свое хозяйство: надежный блиндаж, рельсы, мишени, ручная лебедка для передвижения мишеней, освещение, телефонная связь с руководителем стрельб — все честь по чести. Руководит стрельбами сегодня Петр Николаевич Кубликов, на пункте боевого питания распоряжается прапорщик Солдатенков.

Четкие, размеренные команды. Редкие, приглушенные — по пограничной привычке — разговоры. Проверка готовности всех звеньев. Все четко, отлаженно.

Все выше карабкается на небо луна, безгранична и настроенна тишина ночи. И только гулко стучит сердце, будто отбрасывая секунды, остающиеся до огненного начала. И вот...

— На огневой рубеж вызывается... Приготовиться к бою...

Ломкую ночную тишину рассекает хлесткая, как удар бича, автоматная очередь. Одна. Другая. Третья...

Гулкое дикое эхо будит, сминает, кромсает, рвет на части ночную тишину.

— К бою!.. К бою!.. К бою!..

Один, другой, третий... Пограничники выходят на огневой рубеж. И все повторяется сначала: замирает тишина, раскалывается ночь.

Те, кто еще не стрелял, вслушиваются в команды, стараясь уловить донесения о точности стрельбы. Другие переживают за товарищей. А те, кто отстрелялся, покидают исходный рубеж, сосредоточенные и серьезные, будто перед их глазами все еще стоит дальний мерцающий огонек, который надо погасить меткой очередью.

Огневой рубеж...

В боевой обстановке у солдата нет идеальных условий для ведения огня и боя. Каждый кустик, каждая воронка и выбоина, каждое дерево, каждый камень — вот огневой рубеж пограничника. Он не должен, не может плохо стрелять, ибо его оружие — это его жизнь. Его оружие — это сила, опора, уверенность солдата в том, что он не пропустит непрошеного гостя. И чем лучше, искуснее владеет он автоматом и самой современной техникой, тем надежнее наша государственная граница.

Автомат — верный друг пограничника. Пограничник должен знать, чувствовать его до самого малого винтика, наощупь собрать и разобрать его в кромешной тьме. Он должен уметь бить из него из любых положений: стоя, лежа, в беге, на ходу, из автомобиля или стремительно несущихся катера и бронетранспортера, из вертолета, с дерева, в прыжке или падении. В любую погоду: дождь или снег, ветер или туман. И днем и ночью. Бить точно. Без промаха. Наверняка. Пограничник — это тот человек, который первым встречает и останавливает врага. Ему надо иметь точный глаз, твердую руку, железную волю. А главное — горячую любовь к Родине в своем сердце.

Сегодня все пограничники стреляют хорошо. Руководитель стрельб доволен. Бледная рассеянная мгла неторопливо затягивает небо. И все выше над горами поднимающаяся луна укрывается за надвинувшиеся как волны тучи, будто бы прячется от этого полуночного грохота, лишившего ее своего глубокого покоя. Солдаты стреляют уверенно, точно поражая мишени. Радостно улыбается ефрейтор Юрий Летагин, мастер электроприборов, все его пули легли точно. Довольны

результатами ночных стрельб рядовые старший стрелок-пограничник Александр Серебряков, повар Олег Бывальцев, старший наряда ефрейтор Геннадий Романов.

Уложены простреленные мишени. Свернута аппаратура. Молчат настороженно притихшие темные сопки. В автомобиле неторопливо переговариваются пограничники. Опустела, обезлюдела сопка. Снова покачивает нас каменистая дорога. Теперь уже наш путь назад, к заставе.

Косуля

Машина мчалась вдоль границы на большой скорости. Считанные метры оставались до участка, где должна была высадиться тревожная группа. За рулем знающий здесь каждую ложбинку, каждый камень и выбоину опытный водитель Анатолий Леготин. Последний поворот. И вдруг из-за кустов, как молнии, сильными прыжками метнулись в сторону две косули. Третья с перепугу бросилась прямо под машину. Дико взвизгнули тормоза.

Тревожная группа вышла в поиск. Водитель подошел к животному. Это была молодая косуля. В стремительном прыжке она ударилась в машину и, видимо, ушиблась. Она не могла встать и только своими большими глазами печально смотрела человеку в глаза. Солдат погладил косулю. Видимых ранений у нее не было. Вероятно, были скрытые ушибы, а скорее всего — шоковое состояние от испуга.

Вскоре вернулась тревожная группа. «Возмутителем спокойствия» оказался енот, решивший преодолеть инженерное сооружение. Солдаты бережно подняли косулю, кто-то бросил в кузов охапку прошлогодней травы для подстилки. Машина двинулась в обратный путь.

На заставе косулю поселили в гараже. Кто-то из солдат принес ей кусочек хлебушка, кто-то налил водицы, и даже раздобыли для «больной» молока. Несколько часов отлеживалась косуля. А потом резво встала на свои точеные изящные ножки и к общей радости вышла во двор заставы. Дети начальника заставы — Наталья и Юра, свободные от службы солдаты не отходили от нее, всем хотелось погладить, угостить чем-то лакомым, приласкать таежную красавицу.

— Сутки прожила у нас на заставе косуля, — рассказывает Анатолий Леготин. — Бегала везде, людей не боялась.

Чтобы она не привыкла к людям, мы решили ее выпустить на волю, ведь она все же дикое животное, ее дом — тайга, сопки. Посадили ее в машину, я сел за руль. Отвезли чуть подальше от того места, где произошла эта непредвиденная встреча, чуть выше небольшого таежного ключа выпустили. Она неторопливо побежала в лесок. Метров через двадцать остановилась, посмотрела на нас и скрылась в зарослях.

Мы проезжали это место, и пограничники мне показывали, где выпустили косулю. А Анатолий Леготин не мог удержаться от восторга:

— Места здесь красивые! Зверя много. Скоро птица перелетная пойдет, вот будет диво!..

Я вполне понимаю Анатолия, выросшего в селе Риге, Шумихинского района, Курганской области. Ведь сейчас наступает золотая пора в деревне, в поле, в его родных лугах и лесах. Его пора! Мало того что он вырос в селе, до армии он полтора года работал трактористом. Осушал болота, зарабатывал под пашню целину, возил в поля перегной. И в пору ранней весны от зари до зари пропадал на тракторе в поле. И хоть горячая идет в это время работа, а нет ничего милее, как в короткую минуту передышки услышать жаворонка над полем или трубный гогот летящих в самом поднебесье гусей.

Скоро, скоро, вот-вот уже полетят утки и гуси, потянутся к родным гнездовьям: рекам, болотам, озерам и озерцам, ключам и низовьям, разбросанным на великом пространстве нашей Родины. Пограничники будут первыми встречать многих птиц. Скоро и тайга, и небо — все огласится, все наполнится птичьим щебетом, гомоном, клекотом, пением. Прислушайся: уже подает голос жизни весенняя пробуждающаяся земля.

Банька

Что может быть прекраснее для уставшего в дальней дороге человека, чем банька? Деревянная, духовитая. Каменка, полчок да березовый веничек. Замочил в кипятке веник, распарил его, поддал жарку да погнал его по закоулкам — этот сильный березовый дух. Одно это уже чего стоит.

Радостью загораются глаза у прапорщика Матвея Алексеевича Беззубова, когда он рассказывает про баньку.

— Вроде она и неприметна, банька, а жизнь солдата на заставе начинается с нее. Приезжает солдат на заставу, мы его первым делом — в баньку. С ходу, как говорят. Потом обед. А после этого уже и разговор о деле идет веселее, настроение у солдата — что надо! Наша-то банька поставлена давно — более четверти века. Помню, начальником в то время на заставе был капитан Илья Петрович Губский. И двух солдат помню, что ставили ее. Это Дмитрий Егорович Гаврин, ныне директор молочного завода в Амурзете, и Владимир Александрович Забродин. Он до сих пор в пограничных войсках — служит мичманом в морской пограничной части. Вот ведь как получается: давно уже эти люди ушли с нашей заставы, а память оставили хорошую — доброе помнится долго.

Матвей Алексеевич задумывается, видимо припоминая многих прекрасных людей, с которыми он встречался за свою долгую службу на границе и которые оставили добрую память о себе. Сколько их — десятки, сотни? Всех, конечно, не упомнишь. Но жизнь на заставе, жизнь на границе складывается из этих, на первый взгляд малых крупин: поставили баньку, с любовью оформили ленинскую комнату, посадили дерево, продолжили пограничники лунки на амурской протоке в зимнюю пору, чтобы уберечь рыбу от замора, помогли местному совхозу перевезти сено во время наводнения... Все это — повседневная жизнь. Но сколько за этим стоит! Какое это создает человеку настроение, как формирует, лепит его душу, придает ей ювелирную огранку. Человек — хозяин на своей родимой земле. И здесь он отвечает за все: за ее красоту, за ее судьбу, за ее плодородие. И за покой, за мирное небо над ней.

Матвей Алексеевич показывает баньку, хвалит ее да припоминает добрым словом людей, что ее поставили. А я думаю о нем, о прапорщике заставы. О том, что нет у него выше заботы, чем о пограничниках, которых он любит, как своих детей, душу свою, жизнь отдает людям и границе. Ведь с ними, с этими солдатами, он каждый час, каждый день, многие годы. Он во многом создает хорошее настроение солдату, от него зависит, как солдат отдохнет, с какими думами выйдет на границу, с каким аппетитом сядет за обеденный стол, как отстреляется на стрельбище, в какие секунды выйдет по тревоге...

— Служба у солдата на границе не мед, — будто сам

с собой разговаривает Матвей Алексеевич. — Взять хотя бы зиму. Морозы, ветер, пурга. Настынет на холоде солдат, устанет, уморится. А сходит в баньку — все как рукой снимет. Ни усталости, ни хворости какой простудной. А летом? Гнус донимает, солнце печет. Жара порой несусветная. Служба на границе пешая. Ноги солдат набьет, пропотеет, запылится. В это время для него опять же что самое лучшее? Банька. Выйдет он из нее — душа и тело обновленные. Любо-дорого посмотреть на солдата!

Каждое лето пограничники заготавливают веники. Березовые, дубовые. Режут ветки. Вяжут веники. Вешают на вешала. Чтобы целый год был с ними этот благодатный банный праздник.

Вот служат у нас солдаты из Узбекистана или с Кавказа. До заставы иные из них русскую баню и в глаза не видели и слухом о ней не слыхивали. А потом привыкают, да еще как. Вот татарин Рауф Мухтаров или башкир Мухлисов. Да сколько у нас таких солдат, что с удовольствием ходят в баньку — все до единого!

Пронял меня старшина Матвей Алексеевич Беззубов. Доконал со своей банькой. Я решил, пойду, испытаю. Что говорить о бане, если не парился в ней. Но как на грех не было ни часу свободного — такая уж она журналистская служба: не упустить мгновения. Уже во дворе тарахтела машина, мой путь лежал дальше. Но зато когда я попал на соседнюю заставу, то в первую очередь спросил у начальника: «А баня у вас на заставе есть?» Он на меня посмотрел со странным любопытством и интересом — с чего бы это вдруг? А потом оживился:

- Есть баня, конечно есть! А как же ей не быть.
- Парная баня?
- Парная!
- И веники есть?
- Есть! Что за баня без веника! И березовые, и дубовые.

Я не утерпел и пошел смотреть баню. Два пограничника — Александр Серебряков и Владимир Атаев — перестили в ней пол.

Работа уже подходила к концу — пол был поструган и свеж. Стояла новая белая деревянная лавка вдоль стены, золотились кругом кружева стружек. И стоял такой густой смолистый запах, что поневоле душа моя разомлела.

— В ночь затопим баню, завтра у нас банный день, приходите попариться, — пригласил Александр Серебряков.

— Обязательно!

Следующий день на границе выдался плотный: встреча со старожилами и ветеранами границы, поездка на пасеку. Но к вечеру мы были на заставе. И, конечно же, я не мог, никак не мог не отведать жару в пограничной баньке. Легкого жару, с крутым парком да веселым веником. Да со студенной звонкой водицей из горной речки. Одно скажу: хороша банька на границе! Хороша.

Штатная корова Красуля

Я услышал глухой, будто отдаленный пароходный гудок, коровий рев и подивился: откуда на заставе коровы? Я недоуменно поглядел в сторону Амура. Еще закованный в тяжелую ледяную броню, он не подавал признаков жизни: о парходах не могло быть и речи, до навигации еще месяц с лишним. А вот корова... Рев повторился дважды, в нем слышались нетерпеливые нотки.

— Голос подают своему хозяину, — развеял мои сомнения старшина заставы, — время вечерней дойки подошло. Серебрякова, кормильца своего зовут. Соскучились.

Если бы солдату Александру Серебрякову до службы на границе сказали, что ему придется когда-нибудь доить корову, то он посмеялся бы над таким человеком, да и только. Какая в армии корова? Откуда? Военная служба — это военная служба. Другое дело — в родной деревне Листвянке, где все живут крестьянским укладом и сами они водят коров, свиней, овец и всякую птицу... Да и то — виданное ли это дело — чтобы юноша доил корову.

Александр Серебряков родом из Целинного района Курганской области. До армии закончил десять классов.

— Я успел еще и поработать в совхозе разнорабочим. У нас вся семья в совхозе. Отец мотористом, мать — на разных полевых работах. К сельскому труду мы привычны: ухаживать за скотиной, работать в поле, копать в огороде. Но чтобы этим мне пришлось заниматься на военной службе, конечно, я этого даже во сне увидеть не мог. И все же пришлось, к моему немалому удивлению, а потом и радости — ведь этот труд мне так знаком и доступен.

На заставе я освоил свою воинскую профессию стрелка-пограничника. И когда стал наравне со всеми нести воинскую службу, командир мне поручил в свободное от службы время доглядывать за нашим коровьим хозяйством. Вместе с воинской мне пришлось здесь заниматься и своей крестьянской профессией. Ведь на заставах каждый солдат имеет одну, две, а то три или четыре гражданских профессии. Наши пограничники — они же повара, столяры, печники, слесари, пекари, медики, маляры, садоводы, огородники, кочегары, строители. Десятки профессий надо иметь пограничнику, чтобы ни в чем не ощущать нужды, чтобы в любое время справиться с любой неожиданной задачей.

В то время у нас были две коровы — Красуля и Дочка да бычок Мишка. Прошлой зимой Дочка отелилась, телочка прибавилась в нашем хозяйстве, теперь она подросла. Я за ними уже доглядываю больше года. И хоть мне было знакомо то занятие, а вот доить коров я научился не сразу. Сперва не получалось. А потом приновился, пообвык. Да и они ко мне попривыкли.

Луга у нас тут летом вольные, травы сочные, наливные. Прошлым летом сено на тракторе косил ефрейтор Владимир Атаев. До армии он трактористом работал в Карагайском совхозе. Также заготавливал корма, землю пахал да хлеб выращивал. И здесь с большой охотой работал.

Зиму наше хозяйство горя не знало — сена хватило. Да и скошено оно было в самую хорошую пору — в пору сочного травостоя. А теперь уж вот выпускаем буренок на вольную пастбу.

С Александром мы идем к небольшому скотному двору. Деревянная загородка, добротный сарай. На высоком чердаке — сено. Александр несет несколько кусочков хлеба. Его питомцы мычат и нетерпеливо тянутся к своему хозяину. Он дает им по кусочку хлеба, открывает широко ворота:

— Ступайте, погуляйте на воле.

Рогатое хозяйство потянулось на повлажневший, уже освободившийся от снега лужок, мимо двух больших старых тополей. Еще неделя-другая, и из этих сучьев брызнет зеленый огонь — огонь жизни. И зашумят они как молодые. Кое-где по лужку уже зазеленела среди бурой прошлогодней травы новая. Коровы мерно движутся через лужок, останавливаясь, чтобы тронуть губами молодую травку. Потом они идут к роднику, который прозрачно звенькает камешками.

Подошли. Стали. Слушают родник. Пестрая Красуля и палевого цвета остальное коровье семейство.

Стоит солдат, опершись локтями на ограду. Смотрит в задумчивости на луг. Вспоминает свою родную деревню Листвянку. Дом родительский вспоминает. Мать. И тихо говорит, будто сам с собою:

— Молоко на заставе везде требуется: и в стряпню какую, и каша на воде не сравнится с кашею на молоке. Да и просто подать пограничнику стакан парного молока — это же ему такая радость, будто дома он побывает, у матери или бабушки, которые самым лучшим потчевали и баловали тебя...

Косолапый следопыт

Застава эта стоит в самой таежной глухомани, в устье каменистой речки-говоруньи. Высокие густые ели, лет двадцать назад посаженные пограничниками, темными своими кронами вознеслись в голубизну неба. С одной стороны реки крутолобая высокая сопка, с другой — медленно поднимающийся, перерезанный долинами увал. Тишина и покой. Райским уголком называют старожилы это место.

— Да, природа здесь полна великолепия и жизни, — говорит замполит заставы Константин Максимович Шорхов. — Нетронутая тайга, непуганый зверь. Косули ходят рядом с заставой. Другой раз такие бывают встречи, ну прямо хоть садись и пиши об этом. Но зверь есть зверь. И в тайге с ним не до шуток. Взять того же медведя. Умный, хитрый, осторожный зверь. Хотя о нем и рассказывают байки, но они во многом правдоподобны: ума, проворства и осторожности у него не отнять. Ведь почти всегда, когда медведь рядом, его чувствуют, как говорят, десятым чувством. А вот увидеть — не так-то просто. Умеет он бесшумно ходить, умеет искусно прятаться. Он тебя видит, знает, куда ты пошел и чем занимаешься, следит за тобой, а ты его не видишь.

Один раз идет наш наряд по дозорной тропе. Ночь — хоть глаз коли. Небольшой ветерок тянет навстречу с горного массива. Вдруг впереди будто кто-то переступил дважды. И затаился. Наряд затаился тоже. Собака проявляет нетерпение — так и рвется с поводка. Тут уж безошибочно — кто-то есть. Но человек или зверь? Если бы копытный,

то он бы уже снялся и пошел. А тут нет. Прижух, будто помер. Потом еще ступнул, раз да другой, будто человек шагнул. И ничем себя больше не выдает.

— Стой! Кто идет? — окликнул его старший.

Тут-то он и подал голос. Как рявкнет. И наутек. В чашу. Медведь. Косолапый следопыт выискался. Шел прямо по дозорной тропе. Любопытные они, медведи. Оружие и человека чувствуют далеко, а все одно — надо им узнать, кто это на их участке ходит, куда и зачем. Где только можно, медведь везде ставит свои охранные знаки, метит участок обитания: задиры на деревьях ставит, иногда так высоко, что рукой не достанешь. Следы на песчаных отмелях и косах оставляет. Умный зверь. Человека зря не тронет. И что самое интересное — деликатное к себе отношение понимает и уважает; видит, что его не трогают люди, не мешают ему жить своей медвежьей жизнью, и сам старается проявлять ту же деликатность; редчайшие случаи, чтобы медведь здесь когда пакостил. О них помнят десятилетиями.

Все это — обычные пограничные будни. Дни не похожи здесь один на другой. Каким-то штрихом, какой-то встречей на тропе, каким-то «свиданием» у контрольно-следовой полосы. Вот наряд идет вдоль нее. Чу! Когтистый мягкий след... Его цепочка потянулась вперед. А вот и она. Рысь. Темно-серая, с легкими подпалинами. Постоля. Легла. Вжалась в землю. И вдруг молниеносно, как пружина, высоко взлетела над забором и, перемахнув, мгновенно скрылась из глаз. В другой раз встреча произошла еще более удивительная — рысь вела свое потомство, двух уже довольно больших котят. Видно, повела их на охоту.

Пограничники часто встречают рысь в тайге. Ведет она скрытый, потаенный образ жизни. Если наряд идет ночью по тропе, она чаще всего следует параллельно, но чуть поодаль, сзади. На нас не нападает, что ни говори, у нас собака. Зверь зверя чует далеко. А иногда рысь подает голос — мяукает в ночной тишине и глаза ее горящие вспыхивают во мраке.

Глубока и бесконечна дальневосточная тайга. То наполнена щебетом, шелестом и звонами и насквозь пронизана солнцем, то глуха, угрюма, безжизненна и потаенна. Но пограничник в самых ее глухих дебрях и чащах улавливает по одному лишь ему знакомым приметам движение жизни. Прострекочет ли сорока, подаст ли свой голос кедровка, или от неосто-

рожного шага зверя на каменистых кручах вдруг свалится один камень, увлекая за собой каменную лавину. Часовой границы выслушивает тайгу. Пограничник все видит, все слышит. Дробный стук раздался невдалеке и посыпался понад склоном. Это дятел начал свой трудовой день в таежной кузнице. Кто-то шебуршит под старыми листьями и травой. Это мышь вышла на весеннюю кормежку, и, конечно, ей лучше всего хорониться под листьями — ведь почти все хищные птицы не откажутся от того, чтобы добыть ее на обед, не говоря уже о зверьках и зверушках. Ворохнулась ветка над головою. И тут же послышалось такое характерное стрекотание. И если у тебя острый глаз, то ты тут же заметишь таежную пушистую красавицу белочку. Она припала к корявому сучку, будто слилась с ним, свесила хвост и темными бусинками глаз уставилась на незваного пришельца. Рыба плеснулась в реке, вскрикнула где-то птица, змея метнулась серой лентой с камня, где она грелась на солнце после зимней спячки, свежие насыпи земли появились неподалеку от дозорной тропы — это крот тянет свои «ходы сообщения». Здесь прошла по берегу выдра. А там, около озера, которое в большую воду соединяется с Амуром, тоже петляют чьи-то следы. Вот они потянулись под ледяные пустоты, образовавшиеся от упавшей за зиму воды. Так и есть — здесь подбирал пропавшую рыбу и улиток снот.

Тайга для пограничника — родимый дом. До небольшой рожицы, до каждой поляны, речушки, пади, до каждого ключа, распадка, дерева, до каждого камня на тропе он знает здесь все. И это помогает ему охранять покой границы, тишину этих сопков, тайги и просторов. Он пройдет здесь в крошечной тьме. Каждый ключ утолит его жажду, каждое дерево, каждый кустик и камень укроют его от недоброго глаза.

Пограничник Павел Ячменев мне рассказывал о многих встречах на таежной тропе.

— Природа на Дальнем Востоке очаровательная. Хоть не всегда мы тут ею любимемся — служба есть служба, но все же глаз от нее не отвести. Буйная, живописная, цветущая, полыхающая жизнью земля. Фазанов я здесь увидел впервые. Косули — так эти человека и не боятся, если встретятся, отбегают метров на пятьдесят и снова пасутся. Кабанов встречаем табунами, по пять — семь голов. Сильные и не пугливые, хотя и осторожные звери. Как-то идем дозором, смотрим, стоят у тропы. Секач и еще несколько голов. Могучие старые

звери. Подпустили нас довольно близко. Кормились тут кореньями да желудями. А мы, видимо, им помешали. Секач поднял голову, уставился на нас. И вдруг сердито фыркнул. И они бросились в чашу, черные, ошетинившиеся, быстрые, как ветер...

Проломится ли чаще лось, простучает ли своими изящными копытцами по камешкам кабарожка, трубят ли воинственно изюбр, — все это находит свой отклик в душе человека. И во всем этом есть капелька и его участия, его жизни: сбереженная красота природы, во всем своем блистательном великолепии, во всей своей чарующей неповторимости.

ЮРИЙ ГУРЬЕВ

ВЛЮБЛЕННЫЙ В НЕБО

Сигнал тревоги прозвучал неожиданно. Капитан Владимир Степанович Капуста посмотрел на вертолетную площадку, где стояла его винтокрылая машина, поправил фуражку и резко бросил: «К вертолету!» Члены экипажа старший лейтенант Владимир Обувалов и старший лейтенант Виктор Орлов поспешили за командиром.

У вертолета уже сустились младшие авиационные специалисты. По всему чувствовалось, что дело они свое знают хорошо и действуют быстро, уверенно. Особенно выделялся среди них рядовой Зуфар Латыпов. Опытный механик, специалист I класса.

Прошло еще несколько минут. Двигатель опробован. Все узлы и агрегаты, приборы работают нормально. Можно взлетать. И вот машина взмывает в воздух и берет курс в указанном направлении. Где-то там, в Н-ском квадрате, вблизи границы появилось трое неизвестных. Необходимо отыскать и задержать их. А дело это нелегкое. Повсюду тайга, и спрятаться в ней не так уж трудно. Единственная надежда на следы, которые хорошо видны на глубоком снегу.

А вот и заданный район. Искать надо где-то здесь. Капитан Капуста снижает машину. Летчики отчетливо видят следы на снегу, много следов, но все это не то, что надо. По всем признакам видно, что тут проходили люди поодиночке и в разное время. А здесь нарушителей трое, а значит и следов должно быть больше.

Но вот обнаружены еще следы, совсем свежие. Владимир Степанович разворачивает вертолет, строго следуя по следам. Один галс, второй, третий... Нет, никого обнаружить не удалось.

На четвертом галсе командир обратил внимание, что следы свернули в сторону молодого дубняка, сохранившего порывевшую листву. И снова разворот. Тут-то летчики и увидели троих неизвестных. Рассчитывая, что вертолет полетит дальше, неизвестные ринулись на небольшую поляну, где стояла скирда соломы, надеясь спрятаться в ней. Но не тут-то было. Капитан Капуста и его товарищи уже следовали на посадку. Через несколько минут учебные нарушители были задержаны.

При разборе учения командир части отметил высокую летную выучку экипажа вертолета, которым командует капитан Капуста, их чекистскую бдительность, пограничное мастерство.

Капитан Капуста в летном деле не новичок. Уже около десяти лет летает он на вертолете, охраняя дальневосточные рубежи нашей Родины. За это время он провел в воздухе около двух тысяч часов...

Получен приказ: отыскать появившегося неподалеку от границы преступника. Искать одного человека в тайге, который не хочет встречаться ни с пограничниками, ни с местными жителями, все равно что найти иголку в стоге сена. Но граница есть граница. Она должна оставаться ненарушенной. И многое здесь зависит от вертолетчиков.

Машина, ведомая опытным пилотом, неторопливо пролетает над тайгой. Круг за кругом, сужая радиус действия, вертолет плавно парит в небе. Капитан Капуста и его товарищи внимательно осматривают каждый клочок земли. Прошел час, за ним второй. И вот удача. На таежной просеке пограничники увидели человека. Он шел, озираясь по сторонам. Командир экипажа принял решение приземлиться на небольшую поляну неподалеку от дороги. И в это время поступила радиogramма, что преступник задержан и можно возвращаться на аэродром.

«А что это за человек, откуда он здесь взялся? — подумал Владимир Степанович и решил все-таки проверить у него документы. — Мало ли кто может появиться вблизи границы».

Документов у неизвестного не оказалось. Пришлось задержать его и доставить на заставу.

Стать хорошим летчиком — дело непростое. Нужно быть горячо влюбленным в свою мечту, настойчиво добиваться намеченной цели. После окончания летного училища Вла-

димиру Степановичу недолго пришлось летать на истребителях. Расставание с армией, авиацией переживал тяжело. И все же не совсем ушел он из авиации. Устроился на ремонтный авиационный завод, работал слесарем по ремонту двигателей вертолетов. Конечно же, не терял надежды когда-нибудь снова сесть в боевую машину, подняться в голубую синь неба.

Пока работал на заводе, настойчиво изучал устройство вертолета. Потом поступил на курсы. Так стал Владимир Степанович Капуста вертолетчиком, а затем и офицером погранвойск.

Беспокойная и трудная служба у авиаторов-пограничников. Напряженные учебные будни сменяются полетами вдоль линии государственной границы, трудными поисками. И нужно всегда быть готовым к вылету, к выполнению любого задания. А они бывают порой самыми неожиданными.

Следы на снегу

Глубокой ночью в комнате дежурного по части зазвонил телефон. Лейтенант Николай Павленко резко поднялся и пошел к телефону:

— Слушаю вас!

На другом конце провода что-то щелкнуло, затем послышался незнакомый голос.

— Простите, что беспокою в столь поздний час, но мне кажется, что это очень важно. Дело в том, что...

— А вы не смогли бы зайти к нам и рассказать о случившемся подробнее? — вежливо перебил незнакомца офицер, почувствовав в его голосе тревожные нотки.

— Хорошо, я сейчас приду.

И вот они сидят друг против друга: офицер-пограничник и рабочий завода Александр Клименко. Оба молодые, чуть выше среднего роста, черноволосые. Теребя в руках мохнатую шапку-ушанку, Клименко сбивчиво рассказывает о том, что привело его к пограничникам в ночное время.

...Рано утром в квартиру Полины Алексеевны Колесниченко кто-то тихо постучал. Открыв дверь, хозяйка увидела молодого человека с небольшим чемоданом в руке. Одет он был в коричневое демисезонное пальто, на ногах остроносые туфли.

— Мне бы обогреться, — робко попросил незнакомец, поживаясь от холода.

— Входите, нам тепла не жалко, — приветливо улыбнулась Полина Алексеевна, пропуская в комнату пришельца. — Уж больно вы легко одеты, не по сезону. На улице-то, поди, за тридцать.

Нежданный гость быстро прошел в комнату, снял пальто, шапку, прижался к печке, жадно вбирая тепло. Окинув внимательным взглядом квартиру, он присел на край стула и сбросил туфли, затем — носки. Колесниченко заметила, что ступни его ног обморожены.

Как гостеприимная хозяйка, Полина Алексеевна накормила гостя и предложила отдохнуть, но неожиданно незнакомец вдруг заторопился, объяснив, что опаздывает на поезд.

Происшедшему событию Полина Алексеевна не придавала бы серьезного значения и, может быть, вовсе забыла о нем, если бы вечером не пошла с матерью в кино. В местном клубе в тот день шел фильм «Ошибка резидента». Глядя на события, происходящие на экране, Полину Алексеевну вдруг охватило непонятное чувство тревоги. Она все больше задумывалась над появлением неизвестного в ее доме, его странным поведением.

Кто он? Откуда? Зачем пришел в поселок? Вопросы наплывали один за другим, но ответа на них Колесниченко дать не могла. Возвратившись домой, Полина Алексеевна решила немедленно сообщить о случившемся пограничникам, но как с ними связаться, она не знала. Тогда она пошла к соседу. Им оказался уже знакомый нам ночной посетитель Алексей Клименко. Он-то и пришел к лейтенанту Павленко с тревожным известием.

С рассветом начались поиски неизвестного. Трудно было установить, где он, какой выбрал маршрут, каков его замысел. Ясно было лишь одно: в поезде, которым собирался ехать незнакомец, его не было, так как вечером того же дня местные жители видели его на окраине поселка. Отсюда и начали поиски.

В первую очередь необходимо было найти след той обуви, которую видели на таинственном прохожем. Остроносые туфли с чуть стертymi каблучками — вот все, что известно. Да разве их отыщешь, когда снег истоптан многими прохожими! Прибывшие к месту лейтенант Павленко и старший сержант Николай Бабенко терялись в догадках, но решили

не отступать от задуманного замысла, не сомневаясь, что отыщут знакомые следы.

Лейтенант Павленко и старший сержант Бабенко оказались здесь не случайно. Павленко хорошо знакомы основы следопытства, ему известны многие ухищрения, применяемые нарушителями при переходе границы. У старшего сержанта Бабенко тоже накоплен определенный опыт в распознавании следов. На границе он служит инструктором службы собак, специалист второго класса. Однако на этот раз пограничникам пришлось отыскивать следы без собаки. Никакая овчарка уже не могла помочь воинам. Слишком много времени прошло с момента пребывания здесь неизвестного.

Лейтенант Павленко и старший сержант Бабенко продолжали поиск. Метр за метром обследовали они снежный покров, до боли в глазах всматриваясь в очертания следов. Постепенно, по мере удаления от поселка, их становилось все меньше и меньше.

— Товарищ лейтенант! — услышал вдруг офицер радостный возглас подчиненного. — Кажется, это он.

Вдвоем опытные следопыты определили, что след оставлен именно остроносым ботинком. Пощупав рукой отпечаток, Павленко пришел к выводу: каблук ботинка изрядно изношен. Теперь следовало определить, куда шел неизвестный, и с этой задачей пограничники справились успешно. Пройдя несколько десятков метров по полю, укрытому белым снежным покрывалом, воины видели уже четкие отпечатки, которые вводили все дальше и дальше через поле, к кустарнику.

Началось преследование. Лейтенант Павленко и старший сержант Бабенко бежали быстро. Все их внимание было приковано к следам на снегу, которые то исчезали, то появлялись вновь. Над давно выпавшим снегом изрядно «поработал» ветер, и теперь земля во многих местах оголилась. Это-то и затрудняло движение пограничников. Дальнейший путь неизвестного следопытам приходилось отыскивать по едва заметной светлой полоске, оставленной на прошлогодней траве, вмятинам, надломленным былинкам...

Воины давно миновали поле, прошли кочкастое болото, где особенно легко было сбиться с правильного пути. Позади уже десять, пятнадцать километров, а Павленко и Бабенко словно не заметили их. Они неутомимо шли вперед, влекомые одним стремлением и желанием — задержать неизвестного.

К реке пограничники подошли, когда солнце уже клонилось к горизонту. На землю опускались сумерки. Следы на снегу стали едва заметны. Так можно и сбиться со следа, потерять последнюю нить. А если ночью выпадет снег и скроет едва заметные отпечатки? Только не это. Уже несколько дней погода была безоблачной, да и на ближайшие дни осадков не предполагалось.

Через несколько минут лейтенант Павленко и старший сержант Бабенко уже сидели в машине. Только теперь они почувствовали усталость во всем теле. Оба думали об одном и том же: далеко ли ушел неизвестный и почему они ни разу не обнаружили следов его чемодана, хотя человек неоднократно отдыхал в пути? Все это оставалось загадкой.

Между тем следы рассказали многое. Было ясно, что человек шел весь день, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть, еще раз проверить, правильным ли маршрутом идет. Добравшись до реки, он долго шел по берегу, пока не увидел небольшую полынью. Отыскал сухую ветку, бросил в воду. Быстрое течение подхватило ее и понесло. Путник тоже пошел вниз по течению. Так он продолжал идти несколько километров.

Впереди показались домики. Они стояли на берегу реки. Это был небольшой дачный поселок, куда летом съезжались на отдых рабочие и колхозники. Зимой домики пустовали. Человек замерзшими руками с трудом открыл дверь и вошел в дом. Неизвестный бросал в печку все, что могло гореть. С рассветом ему предстояло проделать длинный путь, а пока нужно было обогреться, отдохнуть...

На следующее утро лейтенант Павленко и старший сержант Бабенко начали поиск именно с того места, где прервали его накануне. Вместе с ними продолжал преследование и рядовой Валерий Шорохов. С радиостанцией на спине молодой солдат неотступно следовал за товарищами, останавливаясь лишь для того, чтобы сообщить о местонахождении группы и результатах поиска. Пограничники побывали и в домике, где отдыхал неизвестный, и, распутав клубок следов, снова двинулись в путь. Узкая лента отпечатков обуви уводила их снова к реке, а оттуда дальше по замерзшему болоту.

Два дня пограничники неотступно следовали по пятам неизвестного. Воины знали, что идут по правильному пути, и были в любую минуту готовы к встрече с ним. Граница была

настороже. Пограничные наряды усиленно вели наблюдение за местностью, в небе постоянно кружил вертолет.

Лишь на третий день группа воинов в составе лейтенанта Николая Павленко, старшего сержанта Николая Бабенко и рядового Валерия Шорохова настигла неизвестного и задержала его. Около пятидесяти километров прошли пограничники по трудному маршруту, проявив высокое пограничное мастерство, выносливость, волю к достижению цели, стремление с честью выполнить поставленную задачу. Они справились с заданием успешно.

ВИТАЛИИ ЗАХАРОВ

ЗА ЛЕДОХОДОМ ЛЕДОХОД

За окном вешнее тепло оплавляет сугробы, звенит капелью, заливая верховой водой ледяной панцирь Амура; чувствуется, что не выдержит скоро великая река весеннего напора и потянутся льдины караваном к океану, словно листки старого календаря. И очищается река от корки зимы, будто обновляется. Новая весна, новые надежды... Всегда волнуешь и прекрасен момент ледохода. Ни одного Анна Михайловна не пропустила.

Тридцать два года назад, когда она стала женой старшины сверхсрочной службы Федора Михайловича Сумина, с подругами, женами военнослужащих, с весны до осени проводила на реке и в лесу: то рыбачили, то собирали грибы и ягоды.

Подрастали дети — Валя и Николай. И тоже в летнее время пропадали в лесу да на Амуре. А с осени и всю зиму — на заставе. Жизнь здесь как в единой семье. И малыши не скучали: солдаты-пограничники то им дудочку смастерят, то из своих посылок гостинцы принесут. И, конечно же, найдется рассказчик, который к былям присовокупит столько небылиц, столько присочинит, что ребятишкам даже домой не хочется: только бы слушать и слушать. Мать всегда была спокойна за своих детей: пограничники с большой нежностью относились к ребятишкам.

И хотя Анна Михайловна родом из семьи коренных дальневосточников, поначалу она не могла привыкнуть к тревожной пограничной жизни. Муж всегда на глазах, всегда в заботах, и в то же время сутками дома не ночует: то дежурство, то тревоги...

И не однажды сжималось сердце: не случилось ли что

с Федором, что-то долго задерживается. Такое уж оно, женское сердце, не может не переживать, не волноваться. Но приходится сдерживать свои чувства. К тому же неудобно перед другими женами пограничников, особенно перед молодыми, которым непросто привыкнуть к столь необычной обстановке.

Однажды получил назначение на заставу молодой заместитель начальника заставы. Зашел в гости, познакомил Анну Михайловну со своей женой. Такие оба милые, обаятельные, и словно увидела она в них свою былую молодость.

Поговорила с ними по душам, высказала множество практических советов, проверенных личным опытом.

Мужья ушли на службу, а женщины почти весь день провели вместе, в уютном домике Анны Михайловны. А через несколько часов молодая женщина в растерянности прибежала к Суминой:

— Нет моего Гриши, что с ним могло случиться?

Анна Михайловна спокойно улыбнулась:

— Только что видела их на заставе. Не скоро обещались прийти...

— Да я же с ума сойду, ожидая, — на глаза женщины навернулись слезы.

Анна Михайловна усадила рядом молодую подругу:

— Эх, доченька, ваша жизнь только начинается. То ли еще будет... Иногда я своего неделями не видела дома, только издали; вот — уехал с заставы, вот — приехал... Подожди, дети пойдут, там в заботах по-другому время помчится...

Анна Михайловна ободрила молодую женщину, успокоила, а сама все поглядывала на дверь: скоро ли Федор появится. Дети уже спят. Мало видит он их: приходит и уходит на службу, когда они в постели.

Да, много воды утекло в Амуре за те тридцать два года, как стала Анна Михайловна женой пограничника. Так вот вся жизнь и прошла в хлопотах и заботах о семье. И прожили все это время на одной и той же заставе.

Сколько связано с этой заставой, которая теперь носит имя Героя Советского Союза Петра Кагыкина... Знали Петра, дружили с ним. Организовывали для солдат художественную самодеятельность, устраивали вечера, на которых чествовали именинников. И тут женщины разворачивались: затевали стряпню, пекли праздничный пирог. И конечно, разучивали песни. Жили дружно, радости и беды — все делили поровну.

В послевоенные годы дважды заставу заливало вешней водой. В первый раз Анна Михайловна вместе с другими женщинами спасала хозяйство подразделения. А во второй паводок она возглавила эвакуацию воинов и их имущества. Откуда что взялось: и умение оценивать обстановку, и правильно расставить воинов. Имущество было спасено, правда, ноги она тогда сильно застудила, порой и сейчас дают о себе знать.

Трудно, трудно приходилось: сами и дрова заготавливали, и воду возили, и за хозяйством следили — своим и заставским. И детей каждый день на санях или телеге возили в школу в село за семь километров. А сейчас все рядом, все под боком. Условия изменились. Какое здание у воинов! Каменное, просторное, светлое, с прекрасными учебными классами. Все есть для отдыха и занятий.

Порою об одном жалеет Анна Михайловна: так и не удалось ей поработать на производстве. Желание было, а возможности не представилось. Трудовой стаж исчисляется всего несколькими годами, но зато она выполняла большую и ответственную задачу на заставе: помогала мужу в его службе, воспитывала детей.

Дочь Валя закончила индустриальный техникум, сейчас живет и работает в Хабаровске. Внук вот здесь, у бабушки гостит, в ее доме. Бабушка Анна даже дня не проживет без дела. Летом хоть можно на огороде покопаться. А зимой что делать? Благо внук Сережа такой непоседливый, что ни минуты не дает покоя: любознателен и энергичен. Наверное, весь в дедушку. Чем-то он напоминает Анне Михайловне сына Николая. Вот такой же был подвижный. Закончил пограничное училище, сейчас командует заставой. Недавно отгуляли свадьбу. И снова пришлось Анне Михайловне наставлять молодую женщину, теперь уже свою невестку, рассказывать о буднях границы, какая тревожная, как и у мужей, жизнь у жен пограничников, какой нужно быть любящей и самоотверженной, чтобы не поддаться минутной слабости, малодушию. Как это важно здесь, на границе, сохранить все прекрасное в душе, сохранить веру и любовь, здесь, где от людей граница требует повседневного мужества, отваги и воинской доблести.

ОЧЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ

СВЕТЛАНА ШЛОТГАУЭР

В РЕЛИКТОВОМ ЛЕСУ

Стояла та удивительно прекрасная пора, когда природа уже близко подошла к началу своего цветения. Пора амурских ветрениц и хохлаток подходила к концу. Золотисто-белая волна лесного мака, василистника и калужницы сменила их. Ожили тысячи насекомых. Жужжали жуки, вились пчелы, в малахитовых чащах папоротника осмунды нежились пеструшки и шашечницы. Часто трепеща темно-бархатными крыльями с красными «глазками», амурская переливница планировала между цветущими кустами спиреи. Таежный гнус только еще приступал к своим «обязанностям».

Это время застало нас на южных отрогах Хинганского хребта, невысокого массива, вытянутого с юго-запада на северо-восток в излучине Амура. В долине Амура высоты Хингана, как правило, редко превышают пятьсот метров, лишь на севере Еврейской автономной области, где он стыкуется с Буреинским хребтом, сопки поднимаются до тысячи метров над уровнем моря. Склоны этого хребта одеты лесами, большей частью нарушенными рубками и пожарами.

Но по долинам горных рек и ручейков, мчащихся к Большому Ину, еще можно попасть в папоротниковый кедрово-широколиственный лес, где кедр соседствует с орехом маньчжурским, тис — с диким жасмином, а кусты орешника перевиты лозой винограда.

Большая удача очутиться в таком лесу, на берегу играющей горной речки, на рубеже весенних и летних дней, когда смена дня и ночи еще как бы символизирует борьбу света и мрака, тепла и холода. Когда терпкий запах отогревшейся земли, смешанный с душноватым ароматом лесной прели сменяется ночной свежестью. И хотя с шумом разрушены последние форпосты зимнего царства — наледи на реках, а

утренние заморозки отступили к ущельям Буреинских гор, амурские реликты — бархат, ясень, орех не спешат раскрываться навстречу лету и солнцу.

Их кроны еще редковаты, сквозь них бьет солнце, проникая под полог. Лесные тропинки еще свободно выются, и можно их бег угадать далеко-далеко: жирные долинныя травы какалии, крестовника и дудника еще не скрыли их вольного кружения по долине.

По сырым ложкам, где развитие растений задержалось на неделю-другую, еще только поднимают свои ржаво-бурые от густого опушения спирали древние папоротники, чистоуст и осмунда. Крохотный зародыш листа нежно-зеленого орляка еще туго спеленат и прижат к стеблю. Прямо у мочажинки густая поросль молодой черемши. Она словно зелеными копытами пробивает прошлогоднюю лесную подстилку.

На прогреваемом склоне цветет дальневосточная лиана — лимонник. Ее крошечные беловато-розовые колокольчики источают тонкий, едва уловимый аромат, столь свойственный всем представителям семейства магнолиевых. На темно-зеленом фоне пильчатых листьев дикого жасмина взбухли первые пузырьки-бутоны. Их молочно-белые, как бы светящиеся соцветия распускаются через неделю-другую, но уже сейчас они словно согревают подлесок своим дыханием.

В прямых и неразветвленных стволиках аралии маньчжурской еще нельзя увидеть пальмовидной красавицы женьшеневой сестры. Ее пышные, дважды перистые листья еще не развернулись. Почти крючьевидные шипы угрожающе торчат — попробуй подойди.

Другое растение из семейства аралиевых — элеутерококк или дикий перец — радует своими пальчатыми листьями на двухметровых светло-серых побегах. Но, в отличие от аралии, шипы у него тонкие, ломкие, слегка направленные вниз.

Грустно смотрится вечнозеленая хвоя у реликтового красавца — тиса. На отрогах Хингана этот редкий представитель субтропической флоры низкоросл и вечно прячется в густом подлеске. На Земле известно восемь видов тиса, в нашей стране распространены два представителя семейства тисовых. Тис ягодный обитает в Карпатах, Крыму и на Кавказе. Тис остроконечный — наш земляк — растет в Приморье, Приамурье и на юге острова Сахалин. На юге Приморского края тис остроконечный — красивое стройное дерево, достигающее

10—15 метров; на территории Приамурья он нередко имеет форму кустарника, с конусовидной или шаровидной кроной. Низкорослость тиса на территории Приамурья ученые объясняют влиянием суровых климатических условий.

В древесном ярусе неповторим в своей величественной красоте кедр. Соседствуя с ясенем, ильмом и амурским пробковым деревом — бархатом — он стоит как строгий наставник, как страж своей долиной широколистной братии.

В вечерних сумерках наполняются жизнью самые отдаленные уголки леса. Слышна песня синего соловья. Ему вторят голоса мухоловок. Чета седоголовых овсянок, перепархивая у самой земли, скрывается в густых зарослях рябинника. Там, в корзиночке из сухой травы, выстланной шерстью изюбра, покоится пять яиц. По их чуть голубоватому фону равномерно разбросаны буровато-коричневые пятна и пестрины.

Серый личинкост — небольшая птица в черном фраке, — родственные связи которого очень близки к тропическим видам этого семейства, — тоже приступил к созданию гнезда. Его серебристая трель неумолчно звенит в ветвях старого исполина — ясеня...

Весь этот мир, окружающий нас в такие минуты, остается единственным домом, в котором мы можем существовать на безбрежных просторах вселенной вместе с вековыми деревьями, с травами, веселым пернатым царством.

Человек часть природы, он многому научился у нее, и жизнь его невозможна без воды, травы, леса и голубого неба над головой. И кому, как не человеку, беречь этот безбрежный живой мир.

Победитель гор

Яркие пятна зелени кедрового стланика, цветущие рододендроновые заросли — все в неярком свете уходящего солнца. Сухо поскрипывают на теплых глыбах листоватые лишайники...

Смотришь на плоскую поверхность гольцового плато, и кажется невероятным, что всего в 300—400 метрах ниже по склону произрастают еловые леса, их двадцатиметровые пики рассекают небо своими темными вершинами.

Гряды гор, насколько хватает глаз, безлесны, их нечеткие контуры одеты в голубоватую предвечернюю дымку.

Причины безлесия дальневосточных и сибирских гор до

сих пор точно не определены. Но в последнее время ученые пришли к общему заключению, что виновниками этого являются постоянные ветры. Они чрезмерно увеличивают испарение с поверхности побегов и листьев. А в горах, известно, воды мало.

Правда, несмотря на всю категоричность термина «безлесие гольцов», отдельные деревья лиственницы встречаются и здесь. Вот у самых наших ног ее распростертые, прижатые к земле ветви. Высота этих отдельных покорителей гор колеблется от 50 сантиметров до метра и определяется мощностью снежного покрова, с которым и связано их существование. Выступающие над его поверхностью ветви зимой сильно высыхают. Сильнейшие морозы и ветры обезвоживают ткани. Кристаллы плотного снега во время сильных ветров шлифуют поверхность веток, и они очень быстро отмирают. Вот таким образом и происходит «регулировка» роста стланика, ольхи кустарниковой, ивы растопыренной и рододендрона золотистого.

На высоте тысяча пятьсот метров кустарники встречаются реже. Куда ни бросишь взгляд — везде каменные россыпи перемежаются с небольшими коврами кустистых лишайников. По этому цветному ковру, состоящему из черно-коричневых пармелий, золотистых цетрарий, дымчатых пепельников, снежно-белых алекторий и салатных цетрарий, изредка разбросаны кустарнички и цветковые растения. Каменные глыбы тоже обитаемы, на них корочки пепельно-серых, лимонного и оранжевого цвета накипных лишайников. Развитие мхов и лишайников на гольцах самое яркое отличие дальневосточных гор от высокогорий Альп, Кавказа. Там на этих высотах растут леса и благоухает пышное субальпийское разнотравье. Причины столь широкого развития споровых растений на горах Приамурья уже назывались крупнейшими отечественными ботаниками. Это малоснежность, морозные зимы, интенсивное промерзание почвы, сильное летнее иссушение грунта и среднегорный рельеф.

Эмблемой наших дальневосточных гор можно назвать кедровый стланник. Темно-зеленым ожерельем он опоясывает гольцы Буреинского хребта. Гибкие ветви этого «северного кедра» обладают интересным свойством полегать при сильных морозах. Выпавший снег затем покрывает их глубоким слоем и тем самым сохраняет от вымерзания.

Не менее примечательно и другое свойство этого «дерева-

куста»: прижимаясь к почве, стволы образуют придаточные корни. Вот поэтому стланник растет густыми куртинами и продолжает жить даже после того, как основные корни и стволы отомрут.

Развитию стелющихся лесов из стланика на горах Приамурья способствовала суровая климатическая обстановка. Ученые считают, что этот вид возник и сформировался на горах Джугджура и в периоды оледенений мигрировал к более южным горным системам Приамурья и Приморья. Небольшие деревца этого вида, переплетаясь кронами, прижимаются к земле, «ползут» и стелются по ней, образуя нередко на склонах непроходимые заросли. Высоким деревьям и кустарникам не вынести свирепствующих здесь ветров и ледяную зимнюю стужу.

Так же, как горная суровая обстановка создала этот необычный вид, так же и стланник полезен тем ландшафтам, где он обитает. Он укрепляет горные склоны, накапливает снег и регулирует водный сток. Своими длинными и сильными корнями он отлично противостоит смыву почвы и выдуванию ее ветрами.

Заросли этого ценного вида являются кормовой базой для птиц и животных. В урожайные годы к гольцам устремляются белка, горностай, соболь, бурундук, медведь, из птиц — глухарь, кукушка, щур, кедровка. Ко всему прочему орешками стланика любит полакомиться и человек. В очищенных ядрышках ценное масло, по пищевым качествам не уступающее прованскому и миндальному.

Одно только надо помнить, пробираясь через густые куртины этого победителя гор. Его ветви — сущий порошок! В сухую погоду он вспыхивает мгновенно от небрежно брошенной спички или окурка. А уж вспыхнув, он выгорает дотла, вместе с корневой системой, со слоем почвы.

...Между тем вечерние тени с каждой минутой удлиняются, растут, заполняя своей темнотой ущелья и долины. Мы спускаемся вниз, а зеленый победитель гор остается на гольцах, как навечно приставленный к ним страж.

Свидание с вечнозеленой кувшинкой

Когда приходится останавливаться на ночлег в поймах рек, то почти всегда становишься невольным слушателем пения дроздовидной камышовки. Ее неумолчная, четкая, захле-

бывающаяся трель звучит непрерывно и наполнена мощной жизнеутверждающей силой.

Щелканье и «чоканье» этого типичного обитателя травяных болот ивейников ивняков сопровождает вас всюду: у озера, возле утреннего костра, в нелегком переходе по осоково-кочкарному лугу. Певцов поймы не останавливает дурная погода, моросающий дождь и серое небо. А уж в солнечное росистое утро просто некуда деться от четких и ритмичных звуков, которые несутся с одиноких кустов спирей, сухих деревьев ивы, из зарослей камыша.

Так было и в то раннее утро, когда мы остановились на озерах в пойме Большого Ина.

Под неумолчный аккомпанемент нескольких трещоток мы завтракали, собирали оборудование и, наконец, двинулись к интересующему нас заливчику. Там нам предстояло собрать редкие водные растения. Интерес к этим местам возник после рассказов известного специалиста по ондатре, зоолога, кандидата биологических наук Владимира Маркияновича Сапаева, который, странствуя по поймам приамурских рек, нередко видел в озерах диковинный для Приамурья вид кувшинки — бразении Шребера. К сожалению, встречи с водным реликтом не всегда подтверждались фактами. К тому же реликтом лакомится ондатра и нередко выедает целые заросли ее. Было просто необходимо уточнить месторасположение озер, где обитает бразения.

Это небольшое водное растение из семейства кувшинковых ботаники называют сестрой лотоса. Листья щитовидные, плотные, кожистые, сверху — темно-зеленые, снизу — пурпурные. Бросается в глаза отличие листа бразении от других кувшинковых. У нее листовая пластинка цельная, а у кубышки и кувшинки она раздвоенная.

Цветки бразении невзрачные, мелкие темно-пурпурные. В солнечный день кубышки и кувшинки светятся на водоемах своими яркими цветами, как лампочки, а бразения свои цветы ненадолго показывает над водной поверхностью.

В конце третичного времени этот водный реликт был широко распространен в Европе, Сибири и Северной Америке. Затем резкая смена климатических условий в северном полушарии привела к гибели этого растения повсеместно в Сибири, Европе, на значительной площади в Северной Америке.

Наибольшее распространение бразения получила в тропи-

ческих и субтропических водоемах Америки, юго-восточной Азии и на севере Австралии.

На советском Дальнем Востоке считалось, этот водный реликт обитает лишь на юге Приморья. Затем ботаники обнаружили ее в низовьях Буреи, на островах Амура, на озерах среднего течения Зеи. Есть достоверные данные, что этот вид обитает в водоемах рек Тунгуска и Большой Ин. Выяснение северных форпостов бразении в пределах Приамурья — важнейшая задача, которая стоит перед местными ботаниками. Несомненно, что в пределах Еврейской автономной области бразения встречается только в водоемах Большого Ина.

...Мы достигли удобного подхода к заливу. Он тускло поблескивал в лучах утреннего солнца. Большая часть водной поверхности была покрыта сложным кружевом водных растений. Тут были кубышки, кувшинки, водные орехи, называемые в народе чилимами, несколько видов рдестов.

Невдалеке от зарослей монохории мы увидели бразению. Ее побеги свободно лежали на водной поверхности. Извлеченные из воды, они подрагивали, и медленно капала прозрачная слизь. Назначение этой слизи — защищать растение от испарения и высыхания.

Детальные наблюдения над бразенией, проведенные А. П. Нечаевым и Г. Е. Павленко, показали, что осенью эти верхушки побегов находятся в верхней толще воды, а с наступлением зимы вмерзают в лед. Видимо, слизь и в этом случае несет защитную функцию, предохраняя поверхность листьев и побегов от соприкосновения со льдом.

Весной эти побеги погружаются на дно, выбрасывают корни и летние побеги. Бутоны бразении, одетые чехлом слизи, закладываются ранней весной. К лету цветоножки сильно вырастают и цветки всплывают на поверхность водоема. Семена у бразении созревают под водой и опускаются потом на илистое дно.

Являясь реликтом третичного периода, бразения в то же время довольно неприхотлива. При правильном уходе она хорошо приживается в бассейнах оранжерей и в естественных водоемах европейской части СССР.

СЕРГЕЙ КУЧЕРЕНКО

ВСТРЕЧИ В ПРИРОДЕ

Удивительно: время в нашем сознании то плетется черепахой, то летит, гонимое нами день за днем, от события к событию быстрокрылою птицей. Куда? Зачем? Годы такие долгие, но такие незаметные, один за другим уходят в прошлое, и сколько их безжалостно и невозвратно промчалось, отложив бесчисленные разноликие мгновения настоящего в сложившиеся пласты и окаменелости прошлого.

С годами мы все чаще и чаще оглядываемся в невозвратное былое, ворошим память о разрушенном и размытом времени прошлом и с удивлением замечаем, что, чем больше мы живем, тем быстрее разрушается и осыпается наша память о том, что только что было, и тем ярче вспыхивают воспоминания даже о далеком прошлом.

Многое забывается совершенно, напрочь выпадает из памяти. Другое можно вспомнить, осторожно вытягивая события «давно минувших дней» тонкими, непрочными, то и дело обрывающимися нитями из немислимых глубин памяти. Иное помнится пусть и не яркими, но вечными картинами. А то, что когда-то потрясло, перевернуло, обожгло или заледенило, крепко засело в удивительных тайниках мозга с годами не тускнеющими картинами, звуками, движениями. Мгновениями прошлого. Мгновениями жизни.

Калуга

Я, двенадцатилетний пацан, плыл на легкой оморочке по широком разливе июньского половодья Тунгуски. Было тихо и жарко, с полуденной глубокой голубизны яростно шпарило солнце. Иногда его прикрывали своей ослепительной бело-

снежностью облака, и тогда становилось удивительно приятно: жара сменялась заметной прохладой и оттого, что солнце скрывалось, и потому, что тут же, как по взмаху палочки волшебника, начинал тянуть легкими порывами ветерок. Воду рябило, еще нежно-зеленые верхушки торчащих из воды трав покачивало, а листья тальников показывали свои серебряные изнанки и начинали о чем-то шептаться.

Я смотрел на все это буйство лета и думал, где еще порыбачить. В оморочке тихо серебрились два десятка карасей и желтела дюжина косаток, но мне так хотелось выудить сазана...

Когда я сплыл с речного разлива на темное глубоководье, в какое-то неуловимое мгновение в дно оморочки глухо и сильно ударило, по обеим ее сторонам поднялись огромные сверкающие пласты воды, а я, растопырив руки, полетел за борт.

Я скорее не испугался — не успел, а удивился: что это, кто и откуда? И стремился воспротивиться инстинктивному зажмуриванию глаз при падении в воду, чтобы все увидеть, понять. Увидел, понял и навсегда запомнил. Будто сфотографировал в памяти.

Я неожиданно наплыл на гревшуюся под солнцем или просто зачем-то всплывшую со дна одну из тех громадных рыбин, какие водятся лишь в бассейне Амура. Это была калуга. На той фотографии памяти я и сейчас вижу за переворачивающейся оморочкой мощную лопасть загребавшего воду растопыренного хвоста, а рядом с собой... громадную рыбью голову. Если прикрыть глаза и все внимание сосредоточить на памяти, то видится широкое светлое брюхо, желтые грудные плавники размером с хороший веник, желто-зеленая могучая шершавая спина, вся в островерхих костяных пирамидах рядками. И еще проявляются маленькие круглые, ничего не выражающие глазки. Кажется, желтые. Такая громадина — и такие глазки.

А больше из того случая ничего не помню — даже как вычерпывал воду из оморочки и подгребал к далекому берегу и в какую часть суток вернулся в отчий дом...

Косолапый пчеловод

Стоял летний зной. Забравшись на крутую сопку, я уселся на большом камне и, переводя дыхание, смотрел в даль-

ние дали горной лавы тайги. Огромные зеленые «волны», кое-где увенчанные светлыми плешинами каменистых россыпей и скал, с расстоянием голубели, а где-то далеко-далеко как бы таяли в жарком мареве и сливались со струящейся светлой дымкой горизонта. И над всем этим царством величественных гор, роскошно-дремучих лесов и затейливой системы ключей, ручьев и рек опрокинулось бездонно-глубокое ослепительное небо с белыми айсбергами облаков.

Меня обступили могучие кедры, задумчивые ели, стройные и красивые каменные березы. Рядом толпились белокорые пихты, развесистые клены, коренастые дубы, тихие и огромные липы, а вперемежку с ними — экзотические бархат амурский, орех маньчжурский, пальмовидная аралия и даже никак не понять откуда взявшийся здесь древний старичок — тис остроконечный.

Все они мне были давно и хорошо знакомы, даже друзьями были, и я рассматривал их тихо и спокойно, внимательно и любовно.

В какое-то мгновение я от неожиданности вздрогнул: где-то недалеко, ниже меня по склону, явно под тяжелой лапой громко хрустнула сломанная ветка, потом мелькнуло что-то черное, застыло в тени и снова зашевелилось. Все ближе и ближе ко мне...

Зверь шел крупный, но лес был так густ, что я увидел его не далее как за тридцать метров. Это был уссурийский медведь, которого называют то черным, то белогрудым, то гималайским, а некоторые охотники даже муравьятником. Он брел спокойно и неторопливо, уткнув сопящий нос вниз, временами останавливался, сосал ягоды, хрумкал кореньями и аппетитно причмокивал.

Потом остановился около старой большой липы, привстал на задних ногах и облапил ее толстый ствол. Приложил ухо к нему, внимательно прислушался, шумно задвигал черным носом, часто вдыхая и выдыхая воздух, очевидно чем-то соблазнительно пахнущий.

Нетрудно было догадаться, что медведь учуял диких пчел, до меда которых он большой охотник. И разве же мог он упустить возможность полакомиться!

Но не так-то и просто было добраться до соблазнительных сотов. Сильно шлепнув своей увесистой лапой несколько раз по стволу липы и прислушавшись к «тону» звуков от удара, зверь понял, что его не сломать, и начал грызть.

Сначала облетала темно-серая шершавая кора, оголился желтый луб, потом ярко забелела живая влажная древесина. В нетерпении и азарте медведь сначала ворчал, потом коротко взревел раз, другой, третий и, наконец, закричал громко и зло, в нетерпении дергая ствол липы.

Пчелы набросились на грабителя дружно и ожесточенно. Медведь от них сперва отмахивался то одной лапой, то другой, упрямо добиваясь своей цели, потом замахал обеими, а рев его перешел в высокий и обидный вой. Не выдержав бурной атаки многочисленного пчелиного войска, самоотверженно защищавшего свой дом и плоды неустанных трудов, медведь, окруженный клубом крохотных истребителей, с отчаянным криком помчался... прямо на меня.

Я знал, что белогрудый медведь на людей не нападает, но, опасаясь, что мне от пчел тоже может достаться, вскочил со своего камня, громко крикнул: «Куда прешь, косопалый!» — для надежности крепко ударил палкой по стволу ближнего дерева и замахал руками.

Увидев нового недруга, белогрудка взревел еще громче и обиднее и... вскочил на большой кедр. Правильнее было бы сказать «залез», но он забрался по необхватному стволу на десятиметровую высоту так ловко и быстро, что я и употребил именно это слово — «вскочил».

Усевшись на толстый сук, медведь одной лапой обнял дерево, а другой отбивался от одиноких пчел — остальные потеряли его при столь неожиданном маневре, — чесал нажаленную морду и недовольно посматривал на меня с высоты своего положения. По всему виду этого зверя было ясно, что и там, высоко в кроне кедра, он был тоже как дома.

Я отступил, спрятался в густом кустарнике и наблюдал за неудачником еще несколько минут. Немного успокоившись, он осторожно, вроде бы пятась, сполз с кедра и опрометью кинулся куда-то вниз по склону горы. Вероятно, к речке, чтобы умыться, охладиться и оправиться от боли и обиды.

Енот, да не тот

Желто золотились березы и лиственницы, знаменами краснели клены, стогами залежалого сена бурели дубы. Со всех сторон доносились прощальные тревожно-печальные переговоры улетающих гусей и тугой свист стремительного полета утиных стай.

В тот день осенней охоты мне не везло: гуси обходили стороной или шли слишком высоко для картечи, по уткам я нещадно мазал, успокаивая свое охотничье самолюбие ссылками на плохие заряды. Зорька быстро и незаметно ушла, отпустив мне всего-навсего одну шилохвость, и я решил поискать счастья на озерах, знакомых мне по прошлым охотам: на них частенько присаживались утиные, а изредка и гусиные стаи на отдых и кормежку.

К одному большому круглому озеру я подходил вдоль истекающей из него в широкую Тунгуску узкой проточки. Кое-где она расширялась до пяти-шести метров и тихо плавила серебром, затем глинистые берега сжимали ее до полуметра, вода скручивалась в быстрые, тугие и шумные струи и спешила к следующему плесу, чтобы успокоиться и очиститься от мути.

Двух зверей ростом с небольшую собаку я увидел из-за крутого поворота проточки заблаговременно — метров за пятьдесят. Один из них только что вылез из воды и отряхивался, другой аппетитно причмокивал. Я тотчас же узнал в них моих старых знакомых — енотовидных собак и тут же понял, что они рыбачат.

Странно: я метров пятьсот брел вдоль проточки и не обратил внимания, что по ней густо скатывается из озера в реку рыба. Караси, щуки, змееголовы, но больше молодь всякая, пескари...

Енотовидная собака — название зверя ученое, его в народе больше зовут просто енотом, хотя на настоящего енота с американского континента наш уссурийский похож лишь внешне, биологически же в родстве не состоит. Енот, да не тот, но все равно енот.

Тихо отойдя от проточки в густые вейники, я осторожно подполз к енотам метров на десять и затаился, наблюдая танство дикой жизни.

В осенний листопад молодые еноты, которым по пять месяцев, становятся «сами с усами», разбредаются в поисках пары и самостоятельности, а «старики», неизменно сохраняющие прочную супружескую верность не хуже знаменитых лебедей, отдыхают от изнурительных летних забот, поправляют здоровьице, усиленно копят жир для долгого зимнего сна на медвежий или барсучий манер — на все снежные холода. «Стариков» я и видел.

Еноты едят почти все. Рыбаки они неважные, но про-

бавляются рыбой частенько: то в совсем обмелевшем озерке берут ее сколько угодно много, то между кочек да в траве ловят. Эти же «старики» познакомили меня с определенно новым промыслом, что в который раз убеждало меня в том, что звери «кумекают» неизмеримо лучше, чем о них думают.

Судя по многочисленным свежим следам вдоль кромки воды, «еноты» рыбачили давно, но не весьма успешно — их бока не округлялись. Видимо, не так-то просто было схватить зубами плывущую вниз по быстрому течению рыбу. А незадолго до моего подхода они додумались до более производительного промысла: один в самом узком и мелком месте проточки, где вода не просто течет, а журчит, входил в воду, ложился поперек течения на брюхо, образуя запруду и пугая рыбу, другой же чуть выше по течению неподвижно смотрел в воду. Когда рыба густо скапливалась перед живой шумной запрудой, этот другой прыгал в воду, хватал ее зубами, выбрасывал лапами на берег. Часть перепуганной рыбы устремлялась к «запруде», и этот енот тоже вскакивал, хватал рыбу. Шум, плеск, каскады брызг — с четверть минуты, не больше. Потом «рыбаки» деловито изучали результаты работы, отбрасывали подпрыгивающих рыбин подальше от воды, а когда все стихало, начинали аппетитно трапезничать.

За полчаса моих счастливых наблюдений не менее счастливые еноты принимались рыбачить так раз десять и наелись до отвала, да еще немало крупных рыбин лежало про запас, среди которых я воровски облюбовал глазами пару добрых щук да с полдюжины карасей-лапотников. Не ускользнула деталь: еноты ели мелкоту, вроде бы пренебрегая крупной рыбой, на самом же деле они не без смысла одно съедали сразу, другое оставляли впрок.

Сытые звери, отвалив от «стола», привели себя в порядок, почистили уже довольно пышные шубы о траву и блаженно растянулись на припеке. Подождав минут десять, пока они обсохнут, я приступил... к осмотру енотов в руках. Сделать это было вовсе не сложно.

Есть у этих зверей престранная особенность: при испуге они замирают, притворившись мертвыми. Замирают, увидев страшное в упор, замирают от резкого движения или крика вблизи.

Неожиданно, с криком выскочив из своего укрытия, я запрыгал к енотам, на ходу выпалив из двух стволов в воздух. И все. Оба «старика» были готовы. «Умерли». Осторож-

но перевалил их носком сапога на бок-другой, на спину — никаких признаков жизни. Глаза плотно закрыты, на дыхание ни малейшего намека, все тело обмякшее. Делай теперь с ними, что хочешь.

Прикинул вес ентов — килограммов по шесть были — обмерил их портновской лентой, потом уложил рядком, на брюхо, как просто отдыхающих, а сам сел рядом на кочку, закурил и разглядывал их симпатичные остроносые, в пышных бакенбардах мордашки. Минуту смотрю, вторую, третью. Хулиганисто дунул в носы сигаретный дым — абсолютно никакой реакции. Мертвецы. Трупы. «Да дышите хоть вы, черти?» Взял одного за хвост, осторожно поднял, поднес к воде и опустил в нее кончик носа. Секундная стрелка обежала почти полный круг, и тогда лишь засеребрился бисер воздушных пузырьков. Выдал-таки себя, не выдержал. Поднял его, отнес на прежнее место. Собрал облюбованную рыбу чужого улова в рюкзак, пребывая в полной уверенности, что «старики» от этого не обеднеют, отошел метров десять и залег, рассматривая их через телеобъектив фотоаппарата — будто в упор глядя.

На пятой минуте самка медленно открыла глаза, потом чуть шевельнула носом, обследуя струйки воздуха. Через минуту это повторил ее спутник жизни. На восьмой минуте оба приподняли головы в мою сторону и замерли. Но я тоже замер, затаился — кто кого обманет?

Трава и кочки от ентов были рядом. Убедившись в том, что опасность миновала, они юркнули туда так резво, что я не успел пожелать им добра и попросить, чтобы не таили на меня зла.

Журавли

Широким фронтом победно наступал ликующий мир весны и солнца. В яростно горячих лучах тепла и света млела уставшая от зимних холодов земля, выталкивая из себя на солнцепеках невообразимо нежные зеленые ростки новых жизней, напитывая корни деревьев живительными соками. Тишина светлого и ласкового дня звенела серебряными песнями жаворонков, разбойными трелями бекасов, далеким курлыканьем журавлей.

На десятом километре нудного перехода по кочкам и бо-

лотам я шатко поднялся на высокую березовую релку, повесил рюкзак и ружье на сучок и блаженно растянулся на сухой траве.

Небо было таким блестяще-синим и бездонным, что хотелось слиться с ним, улететь в далекие дали и ни о чем не думать, не заботиться.

Но недолго мечтал я о несбыточном: неподалеку неожиданно прозвенели волнующе-трубные голоса журавлей — йянг-яаг-йянг... Я тихо обомлел и, не веря своему слуху, осторожно приподнял голову. Не далее чем в трехстах метрах белоснежным кругом стояли маньчжурские журавли. Теперь я не поверил глазам и полез за биноклем. Оптика волшебным образом сократила расстояние в двенадцать раз, и увиденное в упор крупным планом захватило меня.

Журавли танцевали. И потому, что была весна, и потому, что эти чудные птицы вообще любят танцы. В том кругу были самцы и самки, но различить их по каким-либо признакам я не мог. Все они были крупными, голенастыми, длинноклювыми, чисто-белыми. Лишь шея и концы крыльев отличались угольной чернотой да на голове ярко краснела изящная красная шапочка. В середину просторного круга поочередно церемонно входил то один, то другой журавль, и начиналось нечто поразительное.

Танцуя, птицы демонстрировали свое чистое оперение, поворачивались в прыжке спиной, широко разбросав белые крылья с черной оборочкой, прижимали голову к груди, круто выгнув шею для того, чтобы показать красную шапочку. А то вытягивались, поднимая высоко-высоко длинный и острый клюв, и трубно кричали, изливая в чудном волнующем голосе всю радость и силу весенней страсти.

Танцевали журавли самым настоящим образом: красиво распускали веера своих больших крыльев и взмахивали ими, хлопали, картинно подпрыгивая, приседая, низко кланяясь и музыкально покрикивая в такт своим движениям. Натанцуется один журавль вволю и в круг становится, а его место занимает другой. Этот, другой, как бы стремился перетанцевать своего предшественника, чтобы больше понравиться внимательным и строгим журавлихам.

Наверное, с час горели журавлиные пляски. И вдруг все шумно взлетели и закружились белым в голубом величественно и слаженно, переговариваясь так оживленно и страстно, как можно только в любви. Зная, что эти птицы донельзя

осторожны и подозрительны, я втиснулся в траву и замер, лишь краешком глаз следя за ними.

Журавли разбились по парам и запланировали, широко распластав крылья, к земле. Две птицы садились на прежнем месте, а остальные подальше. Эти ближние после пробежки, загасив инерцию полета и сложив крылья, замерли, еще раз убеждаясь в безопасности, прощупав чутким слухом все полоски шороха и осмотрев зоркими глазами каждую былинку и ничего подозрительного не обнаружив, радостно обратились друг к другу и начали прежние свои парные танцы любви и нежности.

Птицы кланялись, вытягиваясь слегка прогнутыми шеями друг к другу, ласково и томно кивая красношапочными головками. Покланявшись и покивав, они вдруг захлопали крыльями, затанцевали один возле другого, красиво и элегантно припрыгивая и играя огромными веерами крыльев.

И вдруг журавли стали баловаться. Схватят с земли какой-нибудь прутик, подбросят его повыше и ловко поймут, а потом зашвыривают по ненадобности и бегают друг за другом, как разыгравшиеся дети.

Птичьи страсти раскалялись, прыжки становились выше, журавли как бы замирали в воздухе, потом поднялись на крыло, несколькими сильными взмахами взлетели невысоко и снова грациозно запланировали вниз, касаясь крыльями друг друга.

А там, подальше, танцевали другие журавлиные пары, и мне казалось, что затанцевала вся земля.

Я был готов любоваться этими танцами сколь угодно долго. Но танцы оборвались так же неожиданно, как и представились мне: за релкой шумно взревел вертолет и вдребезги разбил все, что я слушал только что, а когда его рев замер и растворился, я увидел, как белый клин птиц скрывается за горизонтом...

Странная птица дикуша

Осенью со своими друзьями Сашей и Николаем я уходил на полевые работы в хребты Малого Хингана. Была в силе осень, по первой нежной пороше набродили медведи, соболи, лоси, настроили крестиков рябчики.

Еле заметная зверовая тропа, по которой мы шли, то при-

жималась к ельникам, то уходила к террасам, но мы слепо доверяли ей и не задумывались, почему звери ее так проложили.

Было тихо, как бывает лишь осенью, когда лес молчаливо печален, а воздух неподвижен. Эту тишину нарушали только шум бегущего по камням ключа да наши трудные шаги.

В какое-то мгновение у реки кто-то коротко вспорхнул, потом еще и еще. Мы остановились. Саша сбросил рюкзак, осторожно пошел на шум, замер и поманил нас пальцем, улыбаясь. То были таинственные дикуши, «персонаж» Красной книги редких и исчезающих птиц и животных.

Мало кто знает эту странную птицу. Охотники зовут ее черным рябчиком, корягой или смиренным рябчиком, и названия эти говорят сами за себя, хотя на рябчика дикуша похожа больше внешне, чем по своей биологии. Живет дикуша в Забайкалье да на юге Дальнего Востока, в основном в Приамурье, где прячется в самых что ни на есть темных дремучих ельниках, которые скрывают истоки горных ключей и рек. Здесь тихо и мрачно, сыро и прохладно. Кругом обомшелые каменные глыбы и валежины, земля покрыта толстым одеялом сфагновых мхов. Идешь по такому угрюмому лесу и недоумеваешь: «Какая радость жить здесь зверю и птице?» А вот дикуше здесь прекрасно, лучшего ей и не надо. Каждому свое.

Дикуша совершенно не боится человека. Даже выстрелов. К ней всегда можно подойти вплотную. И к сидящей на гнезде — тоже. Если не делать резких движений, то можно под нее руку подсунуть. Легкая добыча. Потому и перестреляли ее охотники.

Дикуши — а то были два самца — дрались под деревом. Дрались, как наши петухи. Перья у них были взъерошены, они прицеливались друг в друга клювами, насакивали, бились головами, ногами, крыльями и снова замирали, выбирая удобный момент для прыжка. Я заметил, что оба они бросали короткие взгляды куда-то вверх. Перевел туда же глаза и увидел на елке самочку. Теперь стало ясно, что не поделили петухи.

Курица, казалось, не обращала на шумно соперничавших кавалеров никакого внимания и спокойно склевывала еловую хвою, медленно прохаживаясь по толстому суку.

Мы подошли к дикушам на три метра, а они все дрались.

Та, что была на дереве, лишь изредка устаивала нас коротким взглядом и продолжала есть хвою.

Я взял длинный сухой прут и стал осторожно махать им между драчунами. Только это и положило конец драке. Один петух вспорхнул на корягу, взъерошил перья, опустил крылья и высоко запрокинул голову, пугая, наверное, нас. А другой тем временем взлетел к курице. Увидев это, тот, что пугал, тут же последовал за своим соперником, и вот все три, чудные в своей редкости и непонятной оригинальности поведения, птицы сидят рядом на одном суку, совсем близко, равнодушно-спокойно взирая на нас, медленно прохаживаясь, издавая какие-то непонятные фыркающие или хрюкающие звуки.

Концом этого же прута я тихо провел по перьям одной птицы, другой, третьей, а они на прутик смотрели даже без любопытства. Их внимание больше привлекали щелчки фотоаппарата. Даже не верилось, что дикие птицы могут быть такими беспечными.

Потом мы немного отошли от дикуш, уселись на валежнике и стали наблюдать за ними. Смирно сидевшие, мы вовсе перестали интересоваться ими. Петухи начали клевать хвою, а подружка, приткнувшись к стволу дерева, задремала. На фоне шершавой коры она стала почти незаметной. Потом потянуло на сон и петухов... А мы взвалили на плечи рюкзаки и пошли дальше.

ГЕННАДИЙ РОСЛЯКОВ

НА ТАЕЖНОЙ ТРОПЕ

Голубые сороки

Как-то погожим сентябрьским утром шел я по лесной дорожке. Впереди меня бежал мой верный пес — Валет. Осеннее солнце купалось в золотистых кронах берез, прыгало по багряным листьям всегда трепетных осин.

Осень ощущалась во всем. В том, что начался листопад, и в том, что птицы вели озабоченные разговоры, сбиваясь в стаи, и в том, что по утрам стали появляться заморозки.

Неожиданно со стороны зарослей раздались чирикающие крики сорок.

«Голубые сороки!» — отметил я с удовольствием...

Древнейшие птицы. Сохранились у нас с доледникового периода. До чего же они изящны и любопытны! На голове черная шапочка. Глаза темные, ноги и клюв — тоже. Спина сизовато-голубая. Крылья и хвост голубые, а брюшко дымчатое. Полет плавный и красивый. Будто не птица, а огромная бабочка порхает среди деревьев...

Из-за своей любознательности эти сороки часто досаждают охотникам, промысляющим в поймах рек колонков и других пушных зверей. Они часто попадают в кудемки и капканы.

Валет, услышав голоса сорок, насторожился. Вот показала одна сорока. Она села на березу и, увидев собаку, громко зачиликала. На ее крик слетелись другие.

Я присел на пенек в стороне и стал наблюдать. Что же будет?

Птицы облепили все дерево, я насчитал около тридцати длиннохвостых красавиц. Они все наперебой кричали; создавалось впечатление, что сороки проводили летучий семинар по изучению собаки.

Одна сорока слетела на дорожку. Притихли и другие. В это время Валет бросился на птицу. Она ловко увернулась, почти задев хвостом пса по морде. Валет залаял незлобиво и закрутился у березы.

Теперь с дерева слетели сразу несколько сорок и стали кружить над собакой, то спускаясь, то взмывая вверх. Образовалась карусель вокруг Валета. Как мне показалось, сороки даже пытались ущипнуть собаку за спину. Валет прыгал, лаял, но схватить зубами сорок не удавалось. Наконец Валет понял, что птицы с ним играют, и принял их предложение. Он ложился на спину и отмахивался лапами от голубых шалуний, прятался в кустах, убегал, но сороки всюду находили его. Подобной игры птиц с собакой мне видеть еще не приходилось...

В царстве цапель

— Кррак! Кррак! — раздаются резкие пронзительные голоса.

Раннее утро. Природа только просыпается, и эти крики серых цапель особенно выделяются на фоне всех птичьих голосов и неприятно режут слух.

Мы пробираемся через высокую, покрытую обильно росой траву к цапельнику, чтобы провести учет численности цапель и проверить состояние гнезд. Цапли, увидев нас, беспокоились.

Птицы, сидящие на ближайших деревьях, слетали и кружили над нами, непрерывно горлая: кррак, кррак, кррак.

У самого начала цапельника нашу компанию встретил малый пестрый дятел. Он встревоженно стрекотал, перелетая с ветки на ветку. В клюве было полным-полно насекомых. Рядом в дупле попискивали его детки. Мы не стали беспокоить дятла и побыстрее отошли от гнезда. Не обращали мы внимания и на франтоватых желтоспинных мухоловок, бесшумно снующих сквозь заросли ив. Наша цель — цапельник. Учет и кольцевание птенцов.

В развилке сучьев старой ивы, на высоте четырех-пяти метров, обнаружили первое гнездо. Осмотрели его. В нем лежало четыре голубовато-зеленоватых яйца, чуть крупнее куриных.

Двинулись дальше. Травостой прекратился и перешел в густые заросли ив. Высокий паводок в реке подтопил берега и залил все ложбины на берегу. Цапельник оказался разделенным на три части, между которыми была вода.

Гнездились цапли в основном на старых ивах с сухими вершинами. На каждом дереве было по три—пять гнезд. Старые гнезда выглядели более солидно, а новые просвечивали насквозь. После учета оказалось, что в этом цапельнике около двухсот гнезд.

Осторожные родители поднялись в воздух. В ряде гнезд виднелись совсем взрослые птенцы, готовые через день-два подняться в воздух.

Решили затаиться и понаблюдать за жизнью цапель...

Со всех сторон раздавались зовущие голоса птенцов. Похожи они были на потрескивание или пощелкивание, чем-то напоминающее барабанную дробь. Так молодые требуют пищу, заведя своих родителей.

Вот в одно гнездо спустилась цапля-мать. Не успела она сложить крылья, как четыре взрослых птенца бросились к ней. Птенцы совали свои головы в разинутый клюв прилетевшей мамы и выхватывали рыбу. Потом стали теснить ее к краю гнезда и столкнули — таким путем заставив еще раз лететь за кормом на ближайшее озеро, где гурьбой бродили цапли, подкарауливая жертву. Неуловимыми движениями цапли склевывали рыбешек и набивали ими зоб, потом снова летели к птенцам.

Если над колонией пролетали хищники, то цапли всем скопом взлетали над деревьями и не давали возможности хищнику приблизиться к птенцам. Птенцы же в это время сразу прекращали крики и затаивались в гнездах.

Потом, занимаясь кольцеванием, мы заметили, что почти во всех гнездах были разновозрастные птенцы. Встречались и яйца. Это говорило о том, что жизнь цапель не такая уж и спокойная. То нахалки вороны и сороки утаскивали яйца, то другие враги разоряли гнезда. Приходилось все начинать сначала.

В разных местах встречались останки погибших цаплят. Одни случайно вывалились из гнезда, другие погибали от коршуна или орлана.

Когда мы надевали птенцам алюминиевые кольца-метки, то не обходилось без курьезов. Вначале птенцы затаивались, чтобы мы их не заметили в гнезде. Но потом, когда это не

удавалось, начинали отрывать на наши головы остатки рыб или поворачивались задом и вели прицельный обстрел. Если и это не помогало, то стремились клюнуть точно в глаз. Некоторые, более взрослые птенцы убегали от нас по деревьям, лазая по веткам проворно-ловко, как обезьяны...

Прощаясь с царством цапель, мы помахали птенцам и пожелали благополучного возвращения на родину в следующую весну...

ВИКТОР ГОРЕЛОВ

ЗВЕНО БРУСИТОВОГО ОЖЕРЕЛЬЯ

Это была настоящая сенсация. В кабинет главного геолога приходили люди из всех отделов управления, чтобы посмотреть, попробовать на ощупь серовато-белые твердые крупинки. Слышалось профессиональное: «Карбонатные породы», «На контактах интенсивный гидротермальный прогрев», «Тригональная система»...

У главного же нетерпение было столь велико, что, истерзав телефон, вызвал наконец на провод Пелиховского и закричал в трубку:

— Бронислав Антонович! Ты гений. Это брусит!

Дальневосточное геологическое территориальное управление ходило в именинниках. На семнадцатом километре от станции Известковая в урочище Карадуб был обнаружен брусит — редчайший минерал Земли, самый стойкий из огнеупоров, созданных когда-нибудь природой.

...Полевой сезон подходил к концу. Ночами в горах крепко подмораживало, хотя днем еще было по-летнему тепло. Стояла удивительная пора поздней осени, когда природа, еще не уснувшая, находилась как бы в оцепенении, выплеснув напоследок под темно-синее небо все свои изумительные краски. Полыхали высокими кострами клены, дубы оделись в золотистые шубы. В посветлевших кронах молодых берез издали виднелись коралловые гроздья лимонника. Коренастые густые кусты барбариса, потеряв свою мелкую листву, стали нежно-розовыми от обилия созревших плодов. В этом смешении красок светлых тонов хвоя елей и кедров казалась еще темней и сумрачней.

Шли легко. Сегодня было решено подняться к вершине крутобокой сопки и там, на обнажениях, взять пробы. Не-

большой отряд Пелиховского искал мрамор, оконтурив за лето несколько новых залежей. Но то, что было обнаружено на этой сопке, ввело его, опытного минеролога, в растерянность. Почти три десятка лет работал он на Дальнем Востоке и ничего подобного не встречал. Знал хорошо мраморы и цветные граниты, известняки, каолины, кварциты...

Он держал в руке белый, очень похожий на мрамор, но все-таки не мрамор камешек, выжидающе поглядывая на помощников. Но ни Римма Конченкова, геолог отряда, ни Гена Коногоров, студент-практикант, ничего подсказать начальнику не могли.

— Ладно, чего гадать, — сказал Пелиховский, — не знаю, что это такое, но, мне кажется, не пустяк. Отправим пробу в управление, пусть в лаборатории посмотрят...

Кусочек пробы измельчили. Бронислав Антонович ссыпал щепотку крошек в конверт и, написав адрес, опустил в почтовый ящик.

А через несколько дней из Хабаровска позвонил главный, и Пелиховский услышал возбужденное: «Это брусит!»

Так вот он каков, этот редчайший минерал планеты, о котором знает далеко не каждый геолог, а уж держать в руках его доводилось единицам. Отечественная минералогия дает лишь общую характеристику брусита, да в таблицах приведен лабораторный анализ его состава. Единственное на Земле месторождение магниевого камня в 1934 году было открыто в штате Невада в США. Вкрапления брусита в горных породах находили на Урале, но в количестве, способном удовлетворить лишь простое любопытство. Не случайно единственным печатным трудом о брусите были «Записки Российского минералогического общества», изданные еще в 1926 году.

Бронислав Антонович до окончания полевого сезона успел еще установить приблизительные границы бруситовой линзы, а на другой год детальную разведку месторождения, названного Кульдурским, повели его товарищи Владимир Кузьмин и Вячеслав Успенский.

Постепенно вырисовывались контуры линзы, представляющей из себя конусообразное тело, суженным концом уходящее под подошву сопки. Оно оказалось уникальным — Кульдурское месторождение брусита. Сейчас известны общие запасы магниевого камня — четырнадцать миллионов тонн!

Но Кульдурское месторождение лишь одно звено драго-

ценного бруситового ожерелья, подаренного людям Малым Хинганом. Вячеслав Успенский, работая уже целенаправленно, открыл Савкинскую залежь минерала. Затем последовала еще одна новость: брусит обнаружен в верховьях реки Биджан!

Миллионы лет назад здесь бушевали вулканы, вспучивая и ломая земную кору. В глубине молодой планеты, как в котле, начиненном множеством специй, бурлила «похлебка» из магмы, время от времени выплескиваясь наружу. Разлился и застыл блок карбонатных выбросов, рядом образовалось гранитное тело. А на контакте между ними, подвергаясь еще длительное время гидротермальному прогреву, образовалась бруситовая линза.

Счастлиное и редкое сочетание сложных процессов родило самый стойкий из природных огнеупоров. Ему не страшны громадные температуры. Так, затворы доменных печей, изготовленные из брусита, выдерживают в несколько раз больше плавов, чем магнезитовые. Миллиметровой толщины бруситовая пластинка не разрушается электрическим током напряжением в шесть тысяч вольт. Варка целлюлозы с применением брусита происходит втрое быстрее. Брусит успешно применяется в тринадцати видах промышленности, в том числе фототехнической, медицинской. Единственное в нашей стране и второе в мире Кульдурское месторождение минерала уникально еще и своим необычайно высоким содержанием магния. Его в нем до 70 процентов, поэтому обогащение происходит быстро, при минимальных затратах.

...Когда началась промышленная добыча брусита, верх сопки вскрыли бульдозерами, обнажив линзу. Она уже опоясана несколькими уступами, на одном из которых работают экскаваторы, бульдозеры, тяжелые самосвалы. Измельченный взрывчаткой брусит вывозится с уступа к дробильному отделению, откуда, пропущенный через щековые мельницы и грохоты, измельченный минерал доставляется к железной дороге. Отсюда, в среднем по 40—45 вагонов ежемесячно, брусит уходит в дальний путь — на Богдановичский завод огнеупоров в Свердловской области и в уральский город Сатку для комбината Магнезит. Добывает минерал коллектив Кульдурского рудника Министерства черной металлургии СССР.

— Мы здесь с 1972 года, — рассказывает главный инженер рудника. — Был трудный период становления: формировался коллектив, строили базу, подъездные пути, жилье, об-

заводились техникой. Сейчас производство отлажено, имеем все, что требуется для нормальной работы.

Да, сегодня рудник — высокомеханизированное предприятие с налаженным производством, надежными людьми. По серпантину дороги, что опоясывает крутой склон горы, идут один за другим тяжелые КраЗы и МАЗы, неустанно вращаются стрелы экскаваторов, грохочет дробилка. Из-под нее, получив измельченный минерал, самосвалы идут в Известковую, чтобы, освободившись от груза, вновь вернуться на месторождение.

В год коллектив рудника добывает 3000 тонн брусита, обеспечивая нужды перерабатывающих предприятий. Но это лишь начало интенсивной добычи магнезиевого камня. У подножия бруситовой сопки поднялись корпуса будущей котельной, административно-бытового корпуса, механических мастерских. Строится вторая очередь рудника. Он оказался в очень удачном месте. Рядом проходит линия высокого напряжения, и энергоснабжение не является проблемой. Достаточно было построить подстанцию, чтобы дать ток экскаваторам, в мастерские, другие службы предприятий. А всего в трех километрах от месторождения находится железнодорожная колея, связывающая Транссибирскую магистраль через Известковую с БАМом. Есть проект отвода от нее ветки к самой бруситовой линзе.

На редкость удачное сочетание этих факторов делает добычу минерала дешевой и простой. Поэтому практически без увеличения численности работающих и расширения мощностей рудник уже в 1982 году станет давать брусита почти в три раза больше, чем сегодня. Спрос на него большой. Все, кто брал пробы кульдурского минерала, присылали восторженные отзывы о его замечательных свойствах. Просят брусит бумажники, медики, химики, металлурги.

Спрос большой, предложение пока, к сожалению, ограничено. Вот почему ускоренными темпами развивается рудник. На нем кроме эксплуатационников продолжают работать и геологи. На базе месторождения создана первая отечественная научная работа, посвященная в «чистом» виде, так сказать, бруситу.

Что знали минералоги об этом камне, названном так в честь американского ученого прошлого века Бруса? Считалось, например, что брусит образует лишь пластинчатые слюдоподобные кристаллики.

Всесторонняя характеристика Кульдурского месторождения легла в основу кандидатской диссертации, написанной геологом П. П. Смолиным. Его коллега В. В. Шепилов, возглавляющий эксплуатационную разведку месторождения, считает, что линза еще не все «рассказала» о себе. Так, до недавнего времени брусит делили на сорта. Между тем последние исследования показали, что разницы между первым и вторым сортом практически никакой. Брусит отвечает самым высоким требованиям, за ним большое будущее не только в традиционных отраслях промышленности, применяющих магнезиты. И минералоги продолжают изучать это поистине бесценное звено Малохинганского бруситового ожерелья.

Бронислав Антонович Пелиховский живет в Хабаровске. Он пенсионер. Много лет искал геолог камни, исходил чуть не весь Дальний Восток. Счастливая звезда привела этого человека на Кульдурское месторождение брусита, навсегда оставив его имя в отечественной минералогии. И камням, которые он понимает и любит, по-прежнему отдает Пелиховский свое сердце. Есть в краевом центре на улице Ленина геологический музей. Там, на стендах, его работы, выполненные из цветных мраморов, гранитов. Этому увлечению старый геолог отдает все свободное время, весь талант самобытного художника.

И. ФЕДОРОВ,
старший охотовед госохотинспекции
Еврейской автономной области

БЕСЦЕННЫЕ СОКРОВИЩА ПРИРОДЫ

Красива и живописна природа нашей области, неповторимы пейзажи с величавостью рек, привольностью равнин, малящей дымкой сопок. Своеобразен растительный мир. Ель, пихта и кедр растут рядом с липой, кленом и бархатом. Виноград и лимонник обвивают белую березу.

Поражают обилием естественные плантации ягод голубики, клюквы, брусники. Лесные кладовые в изобилии дают сладкий душистый мед. Среди многообразия лекарственных растений произрастают «братья» корня жизни женьшеня — аралия и элеутерококк.

Леса дают пристанище многим животным и птицам. Здесь «северянин» — бурый медведь делит трапезу и жилье с «южанином» — гималайским медведем. Харза — житель субтропиков — уживается с типичным «сибиряком» — соболем. Краса наших лесов — дикие копытные животные: изюбр, лось, косуля, кабарга, дикий кабан. Дают «мягкое золото» ценные пушные зверьки: лисица, енотовидная собака, выдра, белка, норка, колонок и гордость наших лесов — соболь.

Из лесных птиц обитают тетерев и рябчик, из пролетных — утки, гуси, кулики и дикие голуби. Все это прекрасное дано нам в наше пользование, и мы смотрим на наш чудесный край глазами влюбленного в природу натуралиста и радушного, бережливого хозяина. Природа — сокровищница многих благ человека. Но пользоваться этими благами надо с расчетом на будущие поколения.

Многие дикие животные дают ценную продукцию: мясо, кожу, пушнину, материал для сувениров. Например, неокостеневшие рога изюбра — панты — дают драгоценное тонизирующее лекарство — пантокрин, популярны в народной

медицины — медвежье сало и желчь. Некоторые редкие птицы, обитающие в нашей области, занесены в Красную книгу и являются объектом особой охраны и заботы. Например, белый и черный аисты. Запрещена охота на редких и особо красивых зверей и птиц. Например, на барсука, фазана, утку-мандаринку.

Все дикие животные, являющиеся объектами охоты, составляют государственный охотничий фонд. Пользователи его государственные организации — госпромхозы, кооперативные — коопзверопромхозы и общественные — общества охотников и рыболовов.

Общества охотников являются добровольными организациями охотников-любителей. Эта категория людей объединяется в охотничьи коллективы учреждений, организаций и предприятий. Эта массовая организация насчитывает в нашей области в своих рядах около четырех тысяч человек. Прием в члены общества охотников производится по личному заявлению и двум рекомендациям от охотников со стажем не менее трех лет. Причем в члены общества не принимаются люди, уличенные хотя бы однажды в браконьерстве. За охотничьи коллективы предприятий и организаций закрепляются охотничьи хозяйства, где они обязаны в первую очередь заниматься воспроизводством дичи и ее охраной. В них проводятся биотехнические мероприятия — засолка солонцов, заготовка подсолненного сена, посев кормовых трав.

Охота разрешается в тех охотничьих хозяйствах, где нормальна численность дичи, выполняются планы воспроизводственных мероприятий и обеспечена хорошая охрана от браконьерства.

Для рационального освоения охотничьих угодий охота производится только по путевкам. Добыча диких копытных с целью спортивной охоты или заготовок производится только по специальным разрешениям (лицензиям).

Кроме приписных охотничьих хозяйств на территории области есть охотничьи угодья, в которых охота полностью запрещена. Это заказники «Ульдуры», «Чурки» и «Шухи-Поктой». Они являются резерватами дичи, которая при достижении большой численности расселяется естественным путем на соседние территории охотничьих хозяйств. Заказники являются предметом особой заботы и охраны, которая осуществляется государственной охотничьей инспекцией. Ежегодно в заказниках заготавливаются на случай бескормицы

и суровой зимы десятки тонн сена, веточных веников и зернового фуража. Охрана и другая деятельность в заказниках обеспечивается специальной егерской службой, оснащенной современными техническими средствами.

Ограничение сроков охоты, строгое регулирование порядка охоты, усиленная охрана и проведение биотехнических мероприятий послужили увеличению численности диких животных как в заказниках, так и в охотничьих хозяйствах.

Вот уже на протяжении десяти лет в нашей области запрещена весенняя охота и большинство охотников поддерживают эти меры, понимая, что перелетная дичь, зимующая в соседних странах, должна согласованно охраняться во время размножения.

Люди стали понимать, что в век технического прогресса наши «меньшие братья» нуждаются в особой заботе. За бережное отношение природа нас со всей своей щедростью вознаграждает.

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА

Л. УЛИЦКАЯ

ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРНЫЙ...

В десять утра актеры пришли на репетицию и занятия начались. У доски, на которой написаны непривычные глазу буквы еврейского алфавита, стоит преподаватель. Карандаши и тетради в руках актеров: их обучают грамоте.

«Ребе, их фарштее нихт!» — говорит ученик, и преподаватель, Александр Евсеевич Герцберг, начинает объяснение. Это не сцена из будущего спектакля, это сцена из жизни нового еврейского театра.

А в одиннадцать часов все собираются возле рояля. Солистка балета Наташа Чичерова занимается распевкой. Она прекрасная балерина, движения ее выразительны, своим телом она владеет так, как поэт — словом, художник — цветом. Но этого мало. Балерина осваивает помимо еврейского языка еще и язык вокала.

Пятьдесят минут музыкальных упражнений — и на сцене труппа в черных трико. Балетмейстер Элеонора Власова сменяет хормейстера, и солистка оперы Марина Бухина, одна из ведущих актрис театра, вместе со своими товарищами по сцене изучает науку движения, постигает законы пластики, преодолевая оперную статичность.

Главный режиссер театра Юрий Шерлинг глубоко уверен в том, что каждый человек наделен многими талантами, надо только суметь раскрыть их.

Камерный Еврейский музыкальный театр существует всего четыре года. В марте 1977 года было напечатано постановление Совета Министров РСФСР об организации театра.

«Уже тогда я знал, каким должен быть актер нового театра, — вспоминает Юрий Шерлинг. — Драматическое мастерство, умноженное на искусство виртуозного танцора и профес-

сионального певца. А каким же станет новый театр? Как всякое новое здание, театр строится не на пустом месте, а на фундаменте национальной литературы, музыки, изобразительного искусства — культуры в широком смысле этого слова».

Еврейская театральная жизнь во всем мире была прерывной, эту пунктирную линию надо уловить, восстановив то, что еще можно восстановить, и наполнить новым, современным содержанием. В этом сложном деле равно важна и преемственность традиций и смелость в их сегодняшнем воплощении.

Еврейская музыкальная традиция, песенный фольклор, обилие своеобразных исторических и современных сюжетов — все это прекрасные предпосылки для создания на их основе театра, по-своему интерпретирующего интересное, богатое наследие прошлого.

Синтетический театр, оперирующий элементами драмы, оперы и балета, имеет возможности многоканальной связи со зрителями, но необходимым условием при этом является мастерство режиссера, способного сплавить все эти составные элементы в органический спектакль.

В декабре 1977 года был объявлен первый конкурс, и отовсюду — из Москвы и Хабаровска, Минска и Полтавы и многих других городов страны в театр собралась артистическая молодежь. Люди различной профессиональной специализации — оперные певцы, солисты балета, драматические актеры должны были, по существу, пройти переподготовку, чтобы удовлетворить тем сложным требованиям, которые предъявил новый театр к своим актерам.

Сейчас, когда позади два года работы и в театре создана уникальная труппа, в которой хор — танцующий, а танцовщики — поющие, можно сказать, что цель достигнута. Впрочем, цель, конечно, прежде всего в создании, выращивании спектакля, давно задуманного и вынашиваемого авторами...

«Все мы, люди XX века, активные участники строительства коммунистического общества, одновременно участвуем в удивительном процессе, который бы я назвал «ускорением времени», — говорит главный режиссер Юрий Шерлинг. — Как медленно, по нашим представлениям, течение времени в древности, как нетороплив XIX век в сравнении с бешеным ритмом сегодняшнего бытия... Бурный технический прогресс, колоссальная напряженность. Конфликты все острее, зло все труднее различать в нашем мире, оно стало респектабельным,

изменило свое лицо. Об этом и наш спектакль — извечная борьба Добра и Зла в сознании современного человека».

«Черная уздечка белой кобылице» — первая опера композитора Юрия Шерлинга, произведение, пронизанное национальным духом, опирающееся на глубинные народные традиции.

Пьеса построена на материале народных преданий, полна исторических ассоциаций. Используя своеобразный фон еврейского местечка начала века, автор пьесы ленинградский поэт Илья Резник (еврейский текст Хаима Бейдера) рассказывает о борьбе духовного начала в человеке с меркантилизмом, корыстолюбием. Это повествование о победе Добра над Злом.

В марте 1978 года в Биробиджане состоялась премьера оперы-мистерии, подлинный день рождения театра.

С тех пор опера-мистерия «Черная уздечка белой кобылице» была показана около ста раз во многих городах нашей страны: в Москве, Риге, Вильнюсе, Каунасе, Минске, Свердловске, Челябинске... В Хабаровске театр с успехом выступил перед участниками XIV Тихоокеанского научного конгресса.

Недавно театр сдал свою вторую работу, спектакль-концерт «Ломир алэ инейнем!» («Давайте все вместе!»). Трудно определить жанр этого произведения. Мюзикл? — отчасти, да. Концерт? — можно назвать и так. А может быть, три одноактных балета...

Перед зрителем — жизнь маленького местечка середины XIX века. Все словно в дымке, в полубытии, обманчивая память воскрешает выразительные образы, гротескные маски... Ученик ешибота, еврейской религиозной школы, в окружении двух местных красавиц... извозчик «балаголэ», беседующий со своей лошадью... танец «Ретро», в котором все жители городка проходят перед зрителями.

Жизнь простого народа, жизнь человеческого сердца во всех ее проявлениях и связь современности с грустным, мужественным, незабвенным прошлым, — таков лирический лейтмотив музыкального повествования «Давайте все вместе!»

Эти два спектакля: опера-мистерия «Черная уздечка белой кобылице» и «Ломир алэ инейнем!» продемонстрировали творческие возможности театра и его размах, от мистерии, с эпическими нотами, с серьезным философским подтекстом до музыкального представления, в своей структуре имеющего

многие черты народного действа, знаменитой игры «пурим-шпиллеров».

Разнообразны и интересны творческие планы театра.

Продолжается работа над оперой «Бар-Кохба», Юрий Шерлинг снова выступит как композитор. В опере развивается тема борьбы еврейского народа с римскими поработителями, противостояние Востока рабовладельческому Западу, изображение сильной человеческой личности Бар-Кохбы, увлеченного высокой идеей борьбы за освобождение народа, за человеческое и национальное достоинство, и мудрого народного учителя Акибы.

Одновременно Юрий Шерлинг готовит спектакль-реквием о погибших во время второй мировой войны. Отталкиваясь от известного во всем мире «Дневника Анны Франк», привлекая подлинные материалы Нюрнбергского процесса, включая в театральное повествование героев, внешне не связанных с событиями жизни Анны Франк и ее семьи, спектакль раскрывает сложную психологию современного человека, поставленного в экстремальные условия...

И снова мы возвращаемся на репетицию. Идет читка пьесы американского драматурга Джери Бока «Скрипач на крыше», написанной по мотивам знаменитого произведения Шолом-Алейхема «Тевье — молочник».

Оригинальное решение спектакля предлагает приглашенный для этой постановки режиссер Михаил Хусид, соединивший на сцене драматических актеров и их двойников — кукол...

Доброго пути, Камерный Еврейский Музыкальный театр!

ШНЕЕР КОНИК

ИГРАЕТ АНСАМБЛЬ СКРИПАЧЕЙ

Просторный зрительный зал городского Дома культуры заполнен до отказа. Открывается занавес, и под сводами звучит очаровательная музыка... Идет концерт ансамбля скрипачей Биробиджанского Дома культуры. Недавно ансамбль отметил пятнадцатилетие со времени создания.

Мне вспоминается первый его концерт в 1964 году. В то время ансамбль состоял из шести человек, из шести энтузиастов. Душой творческого коллектива был его основатель и бессменный руководитель, преподаватель Биробиджанского педучилища Семен Наумович Гройсман. Этот замечательный, энергичный человек смог понять и полюбить людей, сплотить их в единый творческий коллектив. Уже спустя некоторое время в музыкальном сопровождении ансамбля скрипачей Биробиджанский народный театр показал многоактную пьесу Шолом-Алейхема «Степеню». Пришел успех, признание зрителей.

Счастливая судьба у Семена Гройсмана и его семьи. Советская власть открыла для евреев, как и для всех советских людей независимо от их национальности, все дороги к знаниям, к развитию таланта. Отец его был простым рабочим, но все дети — Семен и сестры София и Зинаида — стали музыкантами. Они учились сперва в Биробиджанской музыкальной школе, потом продолжили учебу в специальных учебных заведениях. Сестры стали пианистками, а Семен — скрипачом.

Более тридцати лет Семен Наумович работает преподавателем — сначала в детской музыкальной школе областного центра, где сам когда-то был учеником, а потом — в Биробиджанском педагогическом училище.

В ансамбле занимаются люди различных профессий, но их объединяет искренняя любовь к искусству. И каждый концерт, каждая встреча со зрителями для участников ансамбля — большой праздник. Много лучших сил отдал музыке один из самых активных участников ансамбля — Абрам Анисимович Гершков, страстный любитель музыки, большой энтузиаст культурного фронта. Любовь к музыке он привил сыну Феликсу — директору межшкольного производственного комбината. Феликс Абрамович — активный солист ансамбля.

Почет и уважение у жителей города и области заслужил заведующий неврологическим отделением областной больницы Семен Иосифович Вайнберг. Многим людям он вернул здоровье, избавил от недугов. И, несмотря на свою занятость на поприще медицины, он всегда находит время для участия в работе ансамбля. Он тоже бывший воспитанник Биробиджанской детской музыкальной школы.

Музыке, служению искусству отдают свободное время преподаватель педучилища Эммира Иосифовна Княжевская, работник областного управления внутренних дел Евгений Борисович Волкомировский. Один из старейших участников ансамбля — ученик Семена Наумовича Гройсмана Лев Меерович Финкель, ныне заведующий скрипичным отделением Хабаровского училища искусств. Он является первым помощником руководителя и постоянным участником концертов коллектива.

Богат и разнообразен репертуар ансамбля. На его концертах звучат произведения Чайковского, Дворжака, Штрауса, Бетховена, Шостаковича, Дунаевского, Пахмутовой, Блантера и других русских и зарубежных классиков и советских композиторов.

За годы своей творческой деятельности ансамбль скрипачей добился многих творческих успехов. Заметные перемены произошли в качестве звучания, исполнительской манере, и это достигнуто благодаря кропотливой и напряженной работе, высокой требовательности исполнителей к своему мастерству. У многих участников ансамбля давно уже появились ученики и последователи. Это Дора Тенцер, Ольга Белоуско, Наташа Гапонова. Наташа Дежур стала студенткой института культуры. Коллектив пополняется новыми учениками Семена Наумовича Гройсмана. Это музыкальные работники Светлана Бородинова, Светлана Карбышева, тракторист колхоза «Заветы Ильича» Леонид Рак, школьница Ирина Почи-

нок. Много сделала для ансамбля концертмейстер Лариса Семеновна Лисичкина.

Доброй славой пользуется ансамбль скрипачей у труженников области. Он участвует в концертах в Домах культуры, выступает на производственных участках, на полевых станциях. Ансамблю скрипачей присвоено высокое звание народного коллектива. Ансамбль — неоднократный лауреат областных, краевых и зональных смотров. Ему, лауреату первого Всесоюзного фестиваля художественного самодеятельного творчества, была оказана честь выступить в Кремлевском Дворце съездов, по всесоюзному радио и телевидению. Его музыка звучит на грампластинке всесоюзной фирмы «Мелодия». За большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи и активное участие в развитии художественной самодеятельности народный ансамбль скрипачей Биробиджанского Дворца культуры награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Коллектив ансамбля — в расцвете творческих сил, он готовится ко второму фестивалю художественного самодеятельного творчества трудящихся. А значит, впереди еще много прекрасных встреч с музыкой.

ЛЮДМИЛА УСОВА

КИДАЯСЬ В ТАНЕЦ, КАК В ОГОНЬ

— Девочки, мальчики! Все по местам. Начинаем... Ира, Ирочка, ручку вот так держать. Так, так, прекрасно! Олечка, не отвлекаться! Встали в ряд, делаем супер-гранд батман... А теперь еврейский ход. Мягче, мягче! Герман, плавнее шаг... Отлично!

Идет репетиция танцевального ансамбля «Юнгкайт». Занимается с ребятами танцмейстер Леонид Семенович Вишневецкий. Работа на классическом станке, крутки «козленок» и «турчки», присядки и «веревочка», притопы и наклоны. Эти гибкие юноши в трико и стройные девушки в розовых юбочках словно одержимые. Три часа без усталости и лени занимаются то в разминке, то в танце. То повторение «пройденного», то новый элемент. Прямо не репетиция, а тренировка! Уже и жарко всем, а продолжают — искусство требует жертв!

Так вот они какие, ребята из «Юнгкайта»... Впервые я их увидела не на сцене — на репетиции. И оказалось, что это не менее интересно. В тот вечер репетировали новый танец. У него пока нет названия, не завершён рисунок, музыкальное сопровождение условно, схематично, переходы из одной позиции в другую продуманы не до конца, не определены солисты и дублиры. Танец только рождается. В его создании принимают участие все. Это панорама по мотивам народных танцев. Ансамбль исполняет ее в своей традиционной манере, в народной тональности.

...Вначале их было четверо. Теперь трудно сказать, кто зачинщик: преподаватель Леонид Семенович Вишневецкий или студент Николай Чичикин? Тогда, в 1965 году, танцоры подготовили для городского смотра украинский танец. На

следующий год в группу записалось восемь человек, а через два года было уже около сорока. Пришлось даже подготовить группу организовать.

Теперь в ансамбле Биробиджанского механического техникума «Молодость» (на идиш — «Юнгкайт») — около пятидесяти человек. Состав постоянно меняется. Ведь ребята учатся в техникуме три с половиной года, а потом уезжают. Ветеран, пожалуй, один — Оля Ремизова. Оля в техникуме не училась, она воспитательница в детском саду. Пришла в ансамбль семь лет назад. Тихая, робкая девочка. Танцевать не умела, на первые роли никогда не претендовала. Теперь она солистка.

«Юнгкайту» — шестнадцать лет, средний возраст танцоров — тоже шестнадцать. В репертуаре — народные танцы. Русские, еврейские, украинские, молдавские. Сопровождает выступление оркестр, в нем свои ребята, техникумовские.

Каждый год ансамбль участвует в городских и областных смотрах художественной самодеятельности. А в 1973 году на Всесоюзном смотре в Москве он завоевал диплом и звание лауреата. Тогда ансамбль за десять дней дал шесть концертов. Выступали в Колонном зале Дома Союзов, на заводе «Калибр», в Центральном доме работников искусств. Ребята выдержали трудный экзамен. Жюри отметило высокую техничность самодеятельных артистов, темпераментность, хороший вкус. Этих позиций ансамбль не сдает и сейчас.

Хорошо знаком «Юнгкайт» телезрителям. На голубых экранах они видели спектакли «Шер» — «Ножницы», «Фрейлахс» — «Веселье», «Дальневосточные картинки».

Много способных парней и девушек получили в «Юнгкайте» путевку в искусство. Анатолий Хренников несколько лет танцевал в ансамбле песни и пляски Краснознаменного Тихоокеанского Флота, зачислен туда и Валерий Абрамов. Светлана Кучеренко закончила отделение оперетты в институте искусств, она — артистка Хабаровского театра музыкальной комедии. Людмила Сафонова принята в Казахский ансамбль песни и танца.

А те, кто теперь не танцует, наверное, навсегда сохранят в душе окрыленность, великое влечение к прекрасному. Кстати, сам танцмейстер танцует с детства. Вначале в «Уманчанке», а потом в хореографической группе Черкасского народного хора. Ставить танцы начал в армии.

Дипломы, грамоты, свидетельства, благодарности, суже-

ниры... Это награды. Ребята много ездят по селам, на пограничные заставы.

Замыслов у руководителя и у танцоров много, столько интересных вещей задумано! Сюита «Хлеба России», украинский «Ползунец», «Забытые кадрили», танец с куклой, шуточные «Соперники» и «Топотухи».

Похоже, что скоро «Юнгкайт» станет ансамблем песни и пляски. Хор, оркестр и танцоры техникума объединят усилия. И тогда жизнерадостное, искромётное искусство «Молодости» будет еще выразительней, ярче...

— Мальчики, девочки! Перерыв окончен. Приготовились... Повторяем «Кадриль»!..

Репетиция продолжается. «Юнгкайт» готовится к концертам. До новых встреч, «Юнгкайт»!

«Жемчужина»

Колю Канделю, этого быстроглазого мальчика, я встретила в зеркальном спортивном зале цирковой студии «Жемчужина». Он бегал, прыгал, кувыркался. Весь как на невидимых пружинах. Он уже выполняет довольно сложные прыжки, пока еще, правда, со страховочным поясом. «Шпагат» — для него пустяк. Умеет ходить и на руках.

Коле Канделе восемь лет, он второклассник. Заниматься акробатикой начал год назад.

— Способный мальчуган, — говорит о нем руководитель студии Вячеслав Григорьевич Ункинд.

Здесь же, неподалеку, Наташа Киреева крутилась колесом. Раз, два, три... десять! Могла бы еще. Но через полминуты — прыжки. Посложней, чем у Коли, но тоже со страховкой. Рандат-фляк, рандат-фляк-сальто. И почти без перерыва — работа в паре, силовая акробатика. И все как будто на одном дыхании — легко и грациозно.

Наташе двенадцать лет, акробатикой занимается шесть лет — полжизни. В школе учится отлично. Не мешает ей увлечение цирком.

Чем же заняты остальные циркачи? Кто чем. Три мальчика выполняют упражнение на аппарате «дина». От слова «динамометр», — измеряющий силу. Девочки, что постарше, у станка делают разминку. Новички «тянут полушпагат». Там четверо на голове стоят и даже ходят — где еще позволят

такое? А те идут гусиным шагом и все сосредоточенны, деловиты.

Тренер Михаил Талисман вполголоса подает команды. Подойдет к одному, другому. Остановит, покажет, как держать руку, ногу, голову. Поможет. Вдруг хлопнет в ладоши: «Взять скакалки!» Команда — и все прыгают. Ровное жужжание, легкий перестук. Минута, две, три. Перерыв.

А у канатоходцев и воздушных гимнастов перерыва нет. Они отрабатывают упражнения на канате и подвесках.

Одна девочка из новеньких сказала: «Я пошла в студию потому, что меня бабушка зовет циркачкой, когда сердится. А я подумала, пусть она назовет меня циркачкой, когда я ее развеселю».

У клоунов в этот день был выходной. Вячеслав Григорьевич показал сценарий, по которому они готовят программу для концерта. Рассказывать о клоунаде «Силовые акробаты» не буду. Скажу одно: зрителям клоуны скучать не дадут!

Есть в «Жемчужине» и фокусник, Юра Шипилов. Он семиклассник, четыре года занимался акробатикой. Юра очень артистичен, аккуратен в работе. Что умеет? Около десяти фокусов. Они у него получаются ловко. Коллеги-профессионалы видели и одобрили его мастерство.

Цирковая студия «Жемчужина» возникла не на пустом месте. Была «Жемчужинка» — акробатическая группа, которая зародилась в 1973 году в летнем спортивном лагере «Олимпия». Ребята выступали в концертах, ездили с агитбригадами по селам, на пограничные заставы. С 1977 года они призеры краевых соревнований.

А в прошлом году Вячеслав Григорьевич Ункинд при Биробиджанском Дворце культуры создал цирковую студию. Двадцать человек из «Жемчужинки» — ее сила и гордость.

Цирк — манящее, звонкое слово. Это оно привело ребят в «Жемчужину». Их уже сто пятьдесят. И у всех одна мечта — цирк. У всех над головой — купол.

НИНА КИРИЧЕНКО

ПОЮ ТЕБЯ, БИРОБИДЖАН

Люблю тебя, Биробиджан!
Пою тебя, Биробиджан!
Мечтой твоей, весной твоей
Любуюсь и горжусь...

Музыкальным фрагментом из песни «Пою тебя, Биробиджан» самодеятельного композитора Роальда Васильева каждое утро открывает свои программы областное радио. И эта мелодия удивительно органично вплетается в привычные звуки просыпающегося города.

Утром как-то особенно тихо и просветленно кругом. Обостренно чувствуешь каждый звук. Вот первый солнечный луч робко коснулся переплета рамы и весело заиграл на оконном стекле. Неторопливо выезжают на маршруты автобусы. Шаги прохожих... Спешат к проходным фабрик и заводов комбайнстроители и трансформаторщики, швеи и трикотажницы, кондитеры и обувщики...

Родной город, эти люди, эта земля стали тем неиссякаемым родником, который питает творчество композитора, дает ему силы и вдохновение.

Многоцветье полей, буйная зелень таежных дебрей, причудливые изгибы реки, название которой легло в основу имени города, раздолье натруженной пахотной земли — хлебного поля человека. И жажда песни, живущая в каждом из земляков. Впитывать все это сердцем и памятью стало для композитора так же естественно, как жить.

Музыка звучит ему и в нем — с детства. Родился в небольшом сибирском городке Ленинск-Кузнецке. Как и все семьи военнослужащих, Васильевы часто переезжали с места на место. Где только не побывали! Сложи все отцовские километры, не одна кругосветка получится.

Огневые песни гуцульщины, раздолные напевы средне-русской полосы, безудержная удаль и широта уральских и сибирских песен — все это бережет память с детства.

— Ясной звездочкой светит из того далекого далека мама, — рассказывает Роальд Леонидович. — Она родилась и выросла в музыкальной семье. Тонко и глубоко чувствовала музыку.

Задумывались ли вы о том, что такое «душа»? Душевные песни матери, ее красивый, мягкий голос, игра на гитаре, их совместное музицирование — все это принадлежит к числу самых ранних и сильных художественных впечатлений Васильева. Уже тогда появлялась в нем, вначале не осознанная, необходимость по-своему «озвучить» окружающий мир. Воплотить в звуках солнечный тихий трепет сосновой рощи и журчанье горного родника, легкое парение птицы и хрупкие мечтания ребячьей души...

Музыка непреодолимо влекла мальчика. И родители решили помочь ему. Отец подарил аккордеон. Большой, с блестящими, отливающими перламутром клавишами. Парадно красивый, он поразил Роальда. И теперь его уже невозможно было разлучить с инструментом. Ради музыки он забывал учебники и прогулки с друзьями. Готов был часами завороченно вслушиваться в звучание отдельных регистров, безотчетно пытаясь подбирать услышанные мелодии и напевы. Первым произведением, которое он самостоятельно разобрал по нотам и выучил, был один из вальсов Штрауса. Играл он и, без устали импровизируя, при этом увлекался до самозабвения. Все очевиднее становилось: это не ребячья забава.

Решение сына поступить на учебу в Станиславское (ныне это город Ивано-Франковск) музыкальное училище в семье Васильевых было воспринято как должное. Правда, дело несколько осложнилось тем, что в училище не было класса аккордеона, но Роальда это не остановило — решил перучиваться на баян.

Закончив первый курс, Васильев переезжает с родителями в Киев, а затем в Хабаровск. С третьего курса Хабаровского училища искусств его призвали в ряды Советской Армии.

Поезд метет дымным шлейфом мокрые поля. Далеко от родных мест увозит он Роальда. Под стук колес память еще волнуют последние напутствия матери, но и они постепенно уходят, уступая место реальному: какой она будет, служба?

Участие в армейской самодеятельности стало серьезной школой музыкального воспитания самодеятельного композитора. Веселый, общительный, Васильев обрел здесь много друзей. А стоило в минуты короткого отдыха взять в руки

баян, как оказывался он в тесном кругу однополчан. И мелодия захватывала, тревожила душу, уводила в родные края, к родительскому порогу.

Где-то далеко старушка
Сына родимого ждет.
Снегом покрыта избушка,
Дым из печурки идет.
Вечер в окошко стучится.
В сердце — тревога и грусть.
Мать, не грусти, не волнуйся,
Выполню долг и вернусь...

Бесхитростные строчки и мелодия этой песни, написанные сержантом Роальдом Васильевым, по душе пришлись воинам. Ее пели на привалах, звучала она в исполнении автора со сцены клуба. Записав первое в своей жизни произведение на магнитной ленте, он отправил это необычное музыкальное письмо матери, самому ревностному и строгому своему ценителю.

Отслужив срочную, Васильев продолжал учебу в Хабаровском училище искусств. Окончил его в 1958 году и по распределению был направлен преподавателем в Биробиджанское культурно-просветительное училище.

Биробиджан... С этим молодым дальневосточным городом, выросшим на берегах Биры, связана вся его дальнейшая творческая судьба, удачи и неудачи в композиторской работе. Но все это еще только предстояло, а тогда...

Как волновался, как тревожился молодой преподаватель, приступая к своим первым занятиям... Однако преподавательская деятельность увлекла. Так много нужно успеть сделать. Занятия в училище с первых дней и по сей день Роальд Леонидович совмещает с большой работой в коллективах художественной самодеятельности областного центра.

Агитбригада «Иголочка»... С ней у Роальда Леонидовича связано так много дорогого. Вспоминается первая встреча с молодыми швейницами. На баяне он проигрывал им мелодию песни, потом начинал снова, они подхватывали, и... на него обрушивалось нестройное разноголосье. Баян испуганно захлебывался. Роальд Леонидович досадливо морщился, поднимал руку:

— Нет, нет, нет, стоп!

Проигрывал мелодию снова:

— Начали! Следите за мелодией!..

Третий, пятый, десятый повтор, и он, раскрасневшийся от жаркой своей работы, горячо вздыхал:

— Еще раз!

А где-то в тихих глубинах его слуха жил и пел неощутимый крошечный хор. Роальд Леонидович ясно слышал его пение, полное чистой гармонии, красоты, и упрямо вел на сближение с ним вот эти неслаженные «необработанные» голоса.

Он стоял, вскинув подбородок, баян будто сам играл у него на груди, дирижировал не руками, а мимикой, глаза его живо находили тех, кого надо, и словно выхватывали нужные звуки.

— Замучились вы с нами! — простодушно сочувствовали девчата, успокаивали:

— Немного получается и ладно, не хор Пятницкого.

Роальд Леонидович качал головой.

— Давайте договоримся: никаких скидок. Искусство должно всегда быть настоящим искусством, какая бы ни была сцена — профессиональная или самодеятельная.

Закончилась очередная репетиция, не хотелось расставаться. Потом начинали выходить, осторожно спускаясь с крыльца клуба швейной фабрики в ночную темень. Тут и там продолжали напевать, и теплые эти отголоски спевки долго разбредались по сонным биробиджанским улицам, постепенно затихая в ночи.

Веря и не веря, он ждал минуты, когда откроет их настоящему, откроет для себя, для них самих и, наконец, для всех, кто встретится с этим самобытным коллективом.

Им уже аплодировали в родном фабричном и сельских клубах, на городском и областном смотрах. А в 1974 году агитбригада «Иголочка» завоевала первенство в крае и представляла Дальневосточную зону в Москве.

Да, так уж хитро и мудро устроена жизнь, что получить от нее глубокие впечатления радости и счастья можно, лишь заплатив за них живым чувством, не пожалев пламени своего сердца.

Роальд Леонидович много путешествует с самодеятельными коллективами по родному краю. Может, это потому, что по натуре он непоседа.

Особенно памятной была одна из первых поездок.

Ломался июль — макушка лета. Пыльные цветы и травы, томясь в жаре, звенели несмолкаемыми хорами кузнечиков,

Воздух был чист и пахуч. Автобус плавно притормозил. И водитель, весело прищурив глаза, обернулся:

— Приехали, товарищи артисты.

Гурьбой посыпались в раскрытые дверцы девчата. Зазвонили их чистые голоса.

— Роальд Леонидович, посмотрите, как хорошо!

И верно, хорошо. Успокоительно шумят молодые березки, а впереди, всего в десяти шагах, стоит перейти прямую полевую дорогу, почти до самого горизонта плещется, радужно сверкает разлив золотого летнего солнца, слегка колышется под свежим утренним ветром.

За созревающей хлебной нивой, там, вдали, другие поля, отгороженные лесными полосками. Идешь полевой дорогой, смотришь на эту возделанную, любовно ухоженную землю, вдыхая терпкий воздух, и охватывает необыкновенное чувство радости и гордости за земляков. Ликует в душе песня.

— Честно говоря, не мыслю себе работу без частых творческих поездок, — рассказывает Роальд Леонидович. — Мне лично концерты на луговых и полевых станах, в животноводческих лагерях, на сцене сельских клубов, знакомства с новыми людьми, наблюдения позволяют острее воспринимать приметы нового, сегодняшнего дня. Задумываешься над тем, как далеко мы ушли, как много сделали, как вырос, изменился человек, стал духовно богаче.

Посмотрите, чем живет, каков он: жаден до знаний, жизнелюб, оптимист, он уверен в себе и столь же уверенно смотрит в будущее. Можно ли не восхищаться этими качествами современника!

В одной из таких поездок и родилась известная в крае песня «Над тайгой заря занимается» на слова М. Яковлева, которая была позднее записана на пластинку фирмой «Мелодия». В напевной лирической теме заложена безграничная любовь к Дальнему Востоку. Она ведет за собой слушателя, открывая безоглядные просторы родной области, добрую душу человека-созидателя.

Через личный, даже интимный тон в песнях Васильева проступает тема гражданственности.

Великая Отечественная война... Пожалуй, нет в области села, в центре которого не возвышался бы обелиск в честь односельчан, не вернувшихся домой с войны. Песню «Слушает Красная площадь» на слова В. Давидовича Васильев посвятил их памяти.

Поэтический образ Родины и истоки патриотизма — тема эта прослеживается и в других произведениях Роальда Васильевича. В дни, когда Еврейской автономной области вручался орден Дружбы народов, на торжественном вечере прозвучала новая песня Васильева — «Песня о дружбе» на слова Н. Доризо в переложении для смешанного сводного хора и оркестра.

Сейчас композитор пробует силы в новом жанре. Им написана 1-я сюита для солистов, чтеца и детского хора в сопровождении фортепиано на стихи Марка Лисянского.

Роальда Леонидовича Васильева знают как певца родного края. Множество лирико-патриотических песен написано самодеятельным композитором. Их объединяет пламенная любовь к Дальнему Востоку, к Биробиджану. На его глазах растет и хорошеет город. Широко с запада на восток отдвинулась городская черта. На бывших пустырях и болотной кочке протянулись дороги, взошли современные жилые и промышленные районы. Самые душевные песни посвятил Васильев родному городу. Лирическими настроениями проникнуты песни «Молодежная» на стихи М. Рианта и «У костра» на стихи молодой поэтессы, учащейся Биробиджанского педагогического училища Веры Купцовой. Размышления поэтессы о чувствах, возвышенных нашли органический отклик в музыке. За эту песню, которую исполнил квартет ансамбля песни и пляски Советской Армии Дальневосточного военного округа, композитор получил звание лауреата Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества и диплом III степени.

Новый день начинается с песни. Сколько теплых чувств, отражающих любовь к родному городу, вложили поэтесса Элла Иоффе и Роальд Васильев в песню «Пою тебя, Биробиджан», ставшую своеобразной визитной карточкой города.

Судьба композитора, его жизнь, его песни неотделимы от судьбы дальневосточной земли, ставшей для него родной. Ей, людям отдает он всю красоту своей души, всю любовь своего сердца. А что может быть прекраснее этого...

ГЕННАДИЙ ГАПОНОВ

НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ НАВЕРХ

— Вот и Биробиджан стал хоккейным городом, — сказал молодой парень, кивнув на многолюдный поток, текущий в направлении стадиона «Дальсельмаш».

— Почему стал? — возразил ему мужчина лет пятидесяти, в полушубке и валенках. — Он всегда был хоккейным, только что «буквы» не было...

«Буква» в обиходе спортсменов и болельщиков — это первая буква русского алфавита, имеющая для них магическую силу. Играть в классе «А» — заветная мечта любого спортсмена-игровика.

Для хоккеистов биробиджанского «Дальсельмаша» эта мечта исполнилась в 1979 году. И разговор, невольным свидетелем которого я стал по дороге на стадион, состоялся в день хоккейной премьеры — первого матча биробиджанских хоккеистов на своем поле в ранге команды класса «А». Нет сомнения, что команда «образца 1979 года» выходом в класс «А» как бы завершила усилия своих предшественников, мечтавших об этом на заре биробиджанского хоккея.

Нелегким был путь в класс «А» для заводских хоккеистов. Не громко будет сказано, он занял ровно четверть века. Сейчас трудно сказать, кому первому пришла идея создать на заводе хоккейную команду. За ее организацию взялись термист Василий Коротков и токарь Владимир Земельман, игравшие в хоккей сами. Долго собирать ребят не пришлось: хоккей с мячом любили многие молодые рабочие. И новопеченная хоккейная дружина включилась в борьбу на первенство области.

В то время, как и сейчас, ценились игроки, обладающие высокой скоростью, тактической сметливостью, мощными уда-

рами. Именно эти качества демонстрировали на ледяном поле В. Глейзер, А. Китайцев, В. Коротков, В. Воякин, В. Шувал, И. Шанаев. Последнюю фамилию на матчах с участием «Дальсельмаша» можно услышать и сейчас. В команде играет сын Ивана Ивановича Шанаева — Николай. Мне это кажется глубоко символичным: сын вместе со своими товарищами добился того, о чем мечтал отец.

Другое дело, что условий для исполнения мечты в то время было не очень много. Команда даже не имела тренера. Качественный скачок в игре «Дальсельмаша» произошел в середине шестидесятых годов, когда в коллектив после окончания Хабаровского политехнического института пришел Виталий Львович Демидов. Он стал кумиром хоккейных болельщиков, заметно выделяясь своей игрой. Отличный игрок далеко не всегда становится хорошим тренером, но в данном случае произошло именно так. У Виталия Львовича не было педагогического образования, но у него оказался педагогический талант. Разве могут забыть его Михаил Вольвовский, Виктор Скопинцев, Валерий Беленький. Именно Демидов дал им путевку в хоккей, разглядев в пятнадцати- и шестнадцатилетних ребятах недюжинные способности. Сейчас без этих игроков команду «Дальсельмаша» невозможно представить. Так же, как и без Изота Борисовича Макаровского — нынешнего начальника команды.

Вот уже два десятка лет жизнь Макаровского неразрывно связана с судьбой заводской хоккейной команды. Защищать ее ворота он стал в шестнадцать лет. А после окончания службы в армии устроился на завод и в свободное время продолжал заниматься любимым видом спорта. За время выступлений на хоккейном поле каждый уголок заводского стадиона стал бесконечно дорог ему. Поэтому предложение руководителей завода возглавить команду после ухода Демидова Изот Борисович принял без колебаний. Произошло это в 1968 году. Став тренером, Макаровский почувствовал, что возможности команды явно превосходят масштабы областного чемпионата. Необходимо было выходить на краевую арену.

Дебют «Дальсельмаша» в первенстве края состоялся в том же 1968 году. Он был не совсем удачным: пятое место. Но от неудач снимают только слабые, сильных поражения закаляют. А команда была сильна крепкой дружбой. Она стала коллективом единомышленников, поставивших перед

собой цель — стать сильнейшими в крае. Уже в 1970 году дальсельмашевцы заняли второе место в чемпионате. До верхней ступеньки пьедестала Почета остался всего один шаг. Но чтобы сделать его, понадобилось долгих пять лет.

За это время возмужали молодые — В. Беленький, М. Вольвовский, В. Скопинцев, Ю. Долгов. Они набрались игрового опыта, окрепли и закалились физически. В сезоне 1974/75 годов дальсельмашевцы были просто неудержимы. И они стали чемпионами края, выиграли «зону» Сибири и Дальнего Востока в Улан-Удэ. Почти все игроки «Дальсельмаша» были в составе сборной краевого совета добровольного спортивного общества «Труд» и добились победы в спартакиаде профсоюзов РСФСР. А в конце того памятного сезона комбайностроители поехали на финал первенства России в Новокуйбышевск.

Там собрались все сильнейшие хоккейные дружины республики. «По инерции», как шутили игроки «Дальсельмаша», они продолжали побеждать и там. Стоило им выиграть последний матч у команды города Карпинска, и они — чемпионы России. Но, словно испугавшись собственной «дерзости», комбайностроители ту встречу проиграли, а высокая плотность в верхней части турнирной таблицы не позволила им попасть даже в число призеров. Пришлось отложить честолюбивые замыслы до будущего сезона.

Но на следующий год дальсельмашевцам «перешли дорогу» хоккеисты хабаровского «Нефтяника», опередившие их в первенстве края. С тех пор в краевом чемпионате борьбу за высший титул вели только эти коллективы. Дважды чемпионом становился «Нефтяник», столько же раз «Дальсельмаш». Но комбайностроители, в отличие от «Нефтяника», за это время не опускались ниже второго места, что говорит о стабильности успехов биробиджанской команды.

Этому во многом способствовал приход в «Дальсельмаш» Петра Видякова, Сергея Янины, Александра Погорелова. Они внесли в игру команды свежесть, молодой задор. Петр Видяков стал играющим тренером «Дальсельмаша». Знания, полученные в институте физкультуры, он старался применить на практике — в подготовке команды. Играющим тренером быть нелегко: в пылу борьбы можно не увидеть необходимости того или иного тренерского решения. Но, с другой стороны, Видякову и легче. То, чего он хочет от хоккеистов, тренер показывает сам, на хоккейном поле. Все эти годы Ви-

дяков был бесспорным лидером атак. Так считает Макаровский, ставший при Видякове начальником команды. «С тех пор, как с хоккеистами стал заниматься Петр Андреевич, — добавляет он, — заметно улучшилась техническая подготовка ребят, возросли тренировочные нагрузки. Причем большая занятость Видякова не мешает ему тренировать и юных хоккеистов нашего клуба».

Это стало традицией в коллективе: в дни самых громких побед не забывать о будущем команды. Поэтому «смена поколений» в «Дальсельмаше», как правило, проходит безболезненно. Вот и сейчас полноправными членами команды стали вчерашние воспитанники заводской детско-юношеской секции хоккея с мячом — Саша Урывский, Женя Березовский, Игорь Балашвили, Костя Чайкин. Еще один воспитанник клуба — Сергей Березовский — защищает спортивную честь армейцев Хабаровска, играющих в высшей лиге.

Товарищеская взаимовыручка — закон законов в команде. Истоки этого — в неразрывной связи хоккейной команды с родным заводом. Хоккеисты знают, что за их выступлениями следит весь трудовой коллектив прославленного завода. Некоторые ребята признавались, что ничего они так не боятся после поражений, как встреч со своими товарищами по работе. Уж они не пощадят того, кто накануне в игре где-то уклонился от борьбы, поберег себя. И наоборот, встретив на заводе, похвалят, пожмут руку, если ты во вчерашней игре сделал все, что мог.

Заводчане прекрасно осведомлены о делах команды. Перед открытием сезона, участием в каком-либо ответственном турнире или просто перед длительной поездкой команда в полном составе собирается на встречу с заводскими любителями хоккея. Здесь хоккеисты и тренеры отвечают на вопросы, болельщики дают им напутствия.

— Такие встречи помогают нам критически относиться к своей игре, заставляют помнить, что мы представляем славный трудовой коллектив «Дальсельмаша», — говорит П. А. Видяков. — И мы очень благодарны руководителям завода за то, что они делают все, чтобы совмещение работы, учебы и спорта не шло во вред ни тому, ни другому, ни третьему. Конечно, чувствуя такое отношение, ребята полностью отдаются борьбе на ледовом поле, считая проведенное там время той же рабочей сменой.

У каждого спортсмена команды — свои игровые особен-

ности, по которым их легко различают заводские любители хоккея. Отменной реакцией обладает вратарь Юрий Долгов. В «непробиваемости» вратаря большая заслуга и игроков обороны: обладающего высокой скоростью Виктора Скопинцева, старательного и настойчивого в отборе мяча Александра Кириллова, самоотверженного Анатолия Фридмана, расчетливого, обладающего сильным ударом Николая Шанаева, осммотрительного Александра Урывского.

В средней линии тон игре задают неугомонные Михаил Вольвовский и Валерий Беленький. Пожалуй, трудно найти еще двух таких непохожих друг на друга людей. Михаил спокойный, рассудительный в жизни, да и на хоккейном поле. Валерий, напротив, горячий, неуравновешенный, за что ему, кстати, нередко достается от судей. Но разность характеров не мешает им вот уже двадцать лет поддерживать дружбу. В детстве Михаил и Валерий вместе гоняли во дворе футбольный и хоккейный мяч, почти одновременно пришли они и в заводскую хоккейную команду. Не удивительно, что друзья с полуслова понимают друг друга на ледяном поле. Мне не раз приходилось слышать от тренеров, что перед играми с «Дальсельмашем» их больше всего беспокоит проблема нейтрализации «связки» Вольвовский — Беленький.

Геннадий Генкин — ветеран команды. Его возраст приближается к тридцати пяти. Но это не помешало Г. Генкину сохранить скорость, а богатый опыт позволяет ему успешно играть на любой линии, что не раз выручало команду в трудные минуты.

Ну, а у молодых Константина Чайкина, Евгения Березовского, Игоря Балашвили все еще впереди. Способности этих ребят не вызывают сомнений. Все трое, а также Александр Урывский играют в сборной юниоров края.

Таков коллективный портрет хоккейной команды завода «Дальсельмаш», ставшей в 1979 году серебряным призером первенства России и получившей путевку в первую лигу класса «А». И это еще не вершина. Каждый взятый рубеж хоккеисты рассматривают как ступеньку перед следующим шагом навверх. Такой у ребят характер. Рабочий характер.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

ВАЛЕНТИНА АБАЕВА

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ЗОРИ

В жизни каждого человека есть особый период, когда формируется его личность. Для меня годами становления были 1927 и 1928-й. Я работала тогда председателем Волочаевского сельсовета.

Мне было немногим больше двадцати лет, а задачи приходилось решать такие, что скорее подходили бы для умудренного опытом человека. Именно здесь и выковались во мне черты, которые помогли переносить любые невзгоды дальнейшей жизни.

В основе воспоминаний лежат мои дневниковые записи, сохранившиеся с тех времен. Много рассказали бывшие товарищи по работе, комсомольцы тех лет. Я признательна за ценные сведения Илье Васильевичу и Нине Васильевне Проценко, Вере Михайловне Чеберяевой и другим.

Приезд в Волочаевку

— Вон ваше жительство! — указал кнутом на красные крыши домов один из извозчиков. Не прошло и пяти минут, как повозки были разгружены. Коммунары осмотрелись. Среди безбрежного кочковатого луга с зарослями орешника два рубленных дома, каждый из нескольких комнат. Окна и двери заколочены. Здесь давно не жили. Рядом добротные постройки: конюшня, коровник, баня, колодец. Место называлось Опытное поле.

Так началась жизнь нашей большой семьи на Дальнем Востоке, куда мы приехали в июне 1925 года вместе с частью коммуны «Луч» из Тамбовской области.

Поселившись в одном из домов, коммунары стали жить дружной семьей. Радости и невзгоды делили пополам. Невзгод было больше. Мыкались, перебивались случайными заработками. Переселенческое управление открылось в Хабаровске лишь год спустя после нашего поселения на Опытном поле. Но и получив ссуду для самостоятельного ведения хозяйства, члены коммуны «Луч» не смогли ею распорядиться. Когда стало ясно, что дела пришли в окончательный упадок, коммунары подались в поисках лучшей доли в разные уголки Дальневосточного края. Часть их обосновалась в Волочаевке. В том числе и наша семья.

Старожилы гостеприимно приняли переселенцев из России. Нашу семью приютил Павел Волочай — сын местного первопоселенца — ходока. Первое время перебивались случайными заработками, батрачили в благополучных крестьянских хозяйствах.

Через месяц, в конце июня, нам улыбнулось счастье — удалось получить ссуду и за 150 рублей приобрести избу. Вид у нее был жалкий. Задняя стенка осела — результат попадания японского снаряда во время Волочаевских боев. Чтобы строение не рухнуло, прежний хозяин подпер стенку тремя толстыми бревнами. Но все же это был собственный дом — утеха любого крестьянина. Теперь как владелец имущества отец мог взять под него более значительную ссуду в переселенческом управлении. Скоро наша семья окрепла, почувствовала твердую почву под ногами. Купили корову и двух лошадей.

Наступила осень. Наша семья, как и многие другие, вышла убирать пшеницу, созревшую на полях, принадлежащих крестному. Особенно старались коммунисты, комсомольцы, активисты из бывших партизан. Мужчины вручную косили ярицу, женщины и девчата вязали снопы. Работали весело и дружно, с прибаутками.

Через неделю после сбора урожая мы, комсомольцы, показали волочаевцам спектакль. Репетировали мало, не до того было. Особенности театрального искусства молодежь Волочаевки представляла себе смутно.

На сцене играли как кому вздумается. Большинство «артистов» просто повторяли слова, подсказанные суфлером. Но успех, разумеется, был огромный. Вечер закончился танцами и пляской с частушками. Зрители и организаторы праздника

разошлись по домам поздно вечером. Все остались очень довольны.

В середине деревни стоял большой рубленый из больших бревен дом. Это и был клуб — место встреч комсомольцев, сельских сходов, собраний.

Под сцену приспособили козлы, на них наложили толстые неотесанные доски. Обстановка сцены — старый стол и табурет, но зато имелась всамделишная суфлерская будка. Занавес составляли из простыней, одолженных у односельчан на вечер. Несколько низких, грубо сколоченных скамеек служили местами для зрителей.

Освещения и отопления в нашем клубе, увы, не было. Репетировали при керосиновой лампе и свечах.

Организатором всей культурно-массовой работы был секретарь комсомольской ячейки Гриша Проценко — младший брат партийного вожака Ильи. Серьезный, вдумчивый человек, Гриша не участвовал в спектаклях, но посещал репетиции. Юноши и девушки Волочаевки находились под его влиянием.

В моей судьбе его роль особая. Когда Гриша Проценко уезжал на учебу в Ленинград (через три месяца после нашего переселения), завещал мне быть активной в комсомольских делах, советовал продолжать образование.

Здесь уместно сказать несколько слов о Гришиной семье — одной из самых развитых и культурных в Волочаевке. Ее основатель Василий Проценко, выходец из Краснодарского края, поселился на Дальнем Востоке в 1908 году, умер перед Октябрьской революцией. У него было шесть сыновей и одна дочь. Все дети сразу приняли идеи Великого Октября и стали их горячими сторонниками и пропагандистами.

Старший из братьев, Александр, широко образованный человек, первый председатель Тунгусского волостного Совета был казнен белогвардейскими палачами. Владимир — первый председатель Волочаевского сельсовета, восстанавливал пострадавшую после боев Волочаевку, организовывал захоронение павших воинов. Впоследствии служил в органах государственной безопасности.

Илья — секретарь сельской парторганизации, на этом посту он был несколько лет во второй половине 20-х годов. Антонин — чекист с 1919 года, работал в пограничных войсках, участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Анатолий с 16 лет воевал в отряде Ивана Шевчука, участ-

вовал в Волочаевских боях, при этом был дважды ранен и получил жестокое обморожение, подорвавшее его здоровье. По поручению хабаровских партийных органов он приехал в Волочаевку для организации первой комсомольской ячейки.

Гриша и Нина, младшие дети в семье Проценко, были связными партизан во время интервенции. Нина посвятила себя работе в ЧК, а затем в органах госбезопасности, Гриша жил и работал в городе на Неве, был секретарем одного из Ленинградских райкомов. Он прошел Великую Отечественную войну, имел много боевых наград.

Все младшее поколение семьи Василия Проценко активно участвовало в общественной жизни Волочаевки. Эти люди заметно влияли на все дела односельчан, сохранились на долгие годы в памяти моих современников.

Еще один человек, оставивший глубокий след в моей жизни — учительница Анна Александровна Загоскина-Чернова. Внешне ничем не примечательная женщина, она была на редкость обаятельной. Горячо принялась за оживление нашего самодеятельного театра, руководила постановками и репетициями, суфлировала актерам, многие из которых не имели досуга для заучивания ролей.

Почти каждый вечер я проводила у нее или мы вместе сидели в красном уголке школы. Заметив, что я тянусь к знаниям, она стала давать мне книги, шлифовала мою грамотность, всячески расширяла кругозор.

В ноябре двадцать шестого года комсомольская ячейка выбрала меня избачом и тут же поручила вести две группы ликбеза.

Мои ученики до сих пор у меня перед глазами. Тети и дяди, едва втиснувшиеся в детские парты, неумело держат в корявых от работы руках карандаши. Раскрытые тетрадки лежат перед ними. Они старательно выписывают буквы и радуются каждому новому шагу на нелегком пути к вершинам грамотности.

Неожиданная «карьера»

В начале января двадцать седьмого года состоялись выборы в сельсовет. Секретарь комсомольской ячейки Гриша Артеменко предупредил всех комсомольцев, что наша явка на собрание обязательна.

На улице морозно, а в клубе чуть теплее. Народу явилось много, и тем, кто помоложе, пришлось стоять.

Стали выдвигать кандидатуры в новый состав сельсовета. Со всех концов зала посыпались предложения. Выдвинули неожиданно и меня.

Обсуждение кандидатур проходило гладко. Но когда дошла очередь до моей, на сцену поднялся дед Григорий Кошель, крепенький хозяин, обладатель двух неводоов.

— Граждане, — обратился он к народу, — кого мы выбираем и куда? Хиба вона можэ работать у сельсовети? Управлять народом? — При этом дед грязным пальцем показал на меня, готовую от смущения провалиться сквозь землю. — Вона ж дивка. Як шо — вона верть, верть хвостом, та в сторону! Чего з нэй спросить? Чи мы выбираем на танцы? Чув, там вона мастер. Дрибно выстукивает ногами. Казали люди, спивае добре. Але ж в сельсовете треба робить не горлом та ногами, а головой.

В мою защиту выступил Павел Макарович Волочай, первым принявший нас на квартиру. Он рассказал о том, как наша большая семья поселилась в Волочаевке, как мы с сестрой отличились в уходе за огородами.

— У кого бы сестры Абаевы ни батрачили, все оставались довольны, — закончил Павел свое выступление. — Если человек спор в деле, он везде сгодится.

Поднялся Иван Кучмижак и, обращаясь к Кошелю, сказал:

— Диду, надо бы тебе записаться в ликбез. Она бы тебя научила грамоте. Говоришь, дивка. Дивки тоже разные бывают! А что веселая, и поет, и танцует, так от этого вреда никакого не будет, и, главное, в сельсовете нужен грамотный человек, а много ли таких на селе?

Мою кандидатуру поддержал и мастер железнодорожного участка Степан Перминов. Он напомнил, что на ремонте путей среди лучших оказалась моя бригада, приведшая в порядок семиверстный участок от Поперечки до Волочаевки.

Чаша весов окончательно склонилась в мою сторону. Последним слово взял Илья Проценко. Он подчеркнул, что есть установка выдвигать женщин и девочек на ответственную работу, и, если девушка хорошо проявила себя в деле, активная комсомолка да к тому же и грамотная, она принесет большую пользу сельскому Совету.

Членами сельсовета избрали кроме меня Б. М. Дроздова,

И. П. Кучмижака, И. В. Проценко и Григория Пенигина, кандидатами в члены сельсовета Д. Г. Абаева, В. В. Терлякова.

При распределении сельсоветских портфелей мне досталось быть секретарем. Это была почетная для девушки моего возраста работа с твердым окладом в двенадцать рублей.

Вновь избранный председатель сельсовета Волочаевки Борис Макарович Дроздов наотрез отказался забрать от прежнего председателя стол с делами сельсовета:

— Так я ж малограмотный. Все равно в бумажках не разберусь. Есть у меня теперь секретарь, ей бумажки писать! Пусть забирает домой всю канцелярию.

Так и получилось, что сельсовет прописался в нашей хате.

Итак, теперь я — секретарь Волочаевки! А что такое Волочаевка? Как ее назвать? Станция? Село? Деревня? На двух безымянных улицах 39 дворов, четырехклассная школа, где преподает одна учительница, работавшая в две смены, филиал почтового отделения с единственным работником. Магазины нет. Железнодорожники покупают продукты в вагонлавке, появляющейся периодически на станции. Крестьяне ездят в Хабаровск или на станцию Ин за 50 верст. В крошечной монополюшке продают лишь вино, водку.

При станции, а также на окраине Волочаевки небольшие бараки, где жили железнодорожники. К сельсовету относились разъезды Поперечка и Ольгохта, по существу, минитюрные поселки, и, кроме того, фанзы гольдов, разбросанные по займам.

Жизнь была суровой. Чтоб прокормить себя, люди работали, не зная отдыха. Сами выращивали овощи, картофель, ловили рыбу. Все это заготавливалось на зиму. Одевались скромно. Недавние переселенцы быстро вращались в общество, и через два-три года их нельзя было отличить по внешнему виду и образу жизни от старожилов.

Теперь все эти люди, их дела стали предметом и моей заботы. Такая у меня служба. Принялась знакомиться с документами. Первое, что бросилось в глаза из разрозненных бумаг, — напоминания РИКа о задолженности сельсовета по сбору налога и страховке за 1925—1926 годы.

Вечером посоветовалась с отцом, как быть. Он выслушал меня, задумался.

— Выписывай каждому неплательщику напоминание о по-

гашении им задолженности. Нельзя забывать о долге перед государством, — сказал отец.

Так я и сделала. Подруги Нина Проценко и Маруся Артеменко помогли разнести повестки.

Первый мой посетитель переселенец Шакитов явился с просьбой выдать ему удостоверение личности и справку, что он построил хату. Документы нужны были, чтобы под имущество получить в Хабаровске дополнительную ссуду.

Что ответить? Расписаться в незнании нельзя — подорвешь авторитет.

— Товарищ Шакитов, — обратилась я к переселенцу, — круглая печать находится у председателя сельсовета, а без нее документы недействительны. Сегодня я их приготовлю, а вечером Дроздов подпишет. Получите завтра!

На том и порешили.

— Папа, научи меня писать справки и удостоверения, — взмолилась я, как только отец пришел со двора.

— Пиши черновик удостоверения, — приказал отец и начал диктовать образец.

Вечером пришел Дроздов. Я доложила, что сделала за день. Прочитала заготовленные справки и удостоверения.

Дроздов плотный мужчина, среднего роста. Лицо круглое, немного рябоватое. Симпатичен, но очень застенчив. Мнение свое не торопился высказывать. Кажется, стесняется малограмотности.

Какими-то неловкими движениями он берет ручку, расписывается на том месте, где я ему указываю. Затем лезет в карман, достает из черного мешочка круглую печать. Тукает ею в подушечку с мастикой. Потом дует на нее и прикладывает на бумагу рядом с подписью.

На этом, он считает, его функция закончена. Посидев несколько минут для приличия, встает:

— Ну, я пошел. А ты работай! Я тобою доволен!

Больше всего посетителей приходило за удостоверением личности. Оно требовалось для того, чтобы поехать в город за покупками или по другим делам. К этому времени в Хабаровске была организована переселенческая больница. Чтобы там приняли переселенца, он также должен иметь на руках удостоверение, выдаваемое сельсоветом. Иных документов, подтверждающих личность, не было.

За 1925 и 1926 годы Волочаевка увеличилась за счет переселенцев. В ней осели семьи из Тамбовской губернии:

Абаевы, Терляковы, Пановы, Луговцовы, Манаников; из Пензенской губернии: Сафоновы, Аксеновы, Косовы, Кожевниковы; выходцы из Сибири: Колесниковы, Шакитовы, Барбасовы, Кузнецовы и другие.

Узнав, что рассрочка на ссуду продлена на 15 лет, переселенцы потянулись в сельсовет за справками и удостоверениями. Каждая семья торопилась обзавестись домом, хозяйством, живностью.

Несмотря на загруженность сельсоветскими делами, я продолжала вести комсомольскую работу. Когда инспектор отдела народного образования из Хабаровска тов. Беликов проверил, как работает ликпункт, он остался доволен, похвалил меня и в то же время указал на некоторые недостатки. После такой оценки хотелось работать еще лучше.

Приближались две даты: 3-я годовщина смерти Ленина и 22-я годовщина кровавого воскресенья. Культкомиссия в составе Ивана Кучмижака, учительницы Анны Александровны и секретаря сельсовета занялись подготовкой к этим датам.

Анна Александровна репетировала две пьесы: одну с комсомольцами, другую с пионерами. Я взялась приготовить с пионерами несколько революционных песен.

Торжественные вечера прошли организованно. Самодеятельные артисты — комсомольцы и пионеры — показали пьесы, правда, с большой помощью суфлера (эта роль неизменно была за Анной Александровной). Пионерский хор под моим руководством исполнил «Смело, товарищи, в ногу», «Замучен тяжелой неволей», «Во поле березонька стояла»... Пели слаженно, с энтузиазмом — спевки не прошли даром. Родители с умлением смотрели на своих детей и хлопали не жалея сил...

Полтора месяца, как я на ответственной работе. За это время собрала недоимки прошлых лет, на 1927 год раздала окладные листы, провела страхование. Вроде бы справляюсь?

Между тем морозы поджимали. Школа могла остаться без отопления. Если не принять срочных мер, хоть закрывай ее, а занятия по ликбезу и вовсе пришлось из-за холодов временно прекратить.

Именно поэтому мы с председателем решили собрать заседание сельсовета 24 февраля. Вопрос рассматривали недолго. Постановили провести воскресник, на который при-

гласить всех членов партии, комсомольцев, привлечь население. Владельцы лошадей будут вывозить бревна из леса. Остальные — валить деревья в лесу, распиливать бревна и колоть их на дрова в ограде школы.

Я была довольна быстрым решением давно наболевшего вопроса. Заседание закончится, и я смогу тут же, не сходя с места, оформить протокол.

Но все мои расчеты рухнули. Неожиданно председатель сельсовета Борис Макарович Дроздов поднялся, положил на стол круглую печать и листок бумаги — как оказалось, заявление об освобождении от председательских обязанностей.

— Стыдно получать жалованье только за то, что подписываешь бумажки, — объяснил он. — А у меня ведь хозяйство, семья, мне их кормить надо. Вон Валентина, — указал на меня, — разъясняет новые законы, любую справку может составить, а я что? Мне на это грамотности не хватает. Надо мной уж смеются. Иду по селу, а вслед кричат: «Вон председатель пошел печати ставить!»

В заключение Дроздов произнес страшные для меня слова:

— Пусть Валентина и в председателях и в секретарях ходит. У нее — получится!

Я имела некоторое представление о председательских обязанностях. Устройство прибывающих переселенцев на новые участки. Выделение усадеб, леса на постройки. Помощь в закреплении на селе. Разъяснительные беседы. Разбор конфликтов, а то и драк. В селе не было агронома и милиционера, поэтому и их функции выполнял председатель.

Именно поэтому я решительно протестовала против предложения Дроздова. Но моя хрупкая решительность разбилась о железную необходимость. Меня единогласно избрали председателем сельсовета.

Скорым шагом шла домой. В голове сумбур. Всего три часа прошло, как радостная бежала на заседание. Не терпелось похвастаться, что сделала за короткое время. Ну, думала: выскажут замечания, посоветуют, как улучшить работу. А вместо этого на тебе — председатель сельсовета! Под мышкой папка с протоколом, а кажется, будто с приговором, который я должна сама отправить в райисполком на утверждение. Печать в черном мешочке перекачивала из кармана Дроздова в мою варежку...

Наутро от вчерашней неуверенности не осталось и следа.

Первым моим желанием было энергично взяться за дело. Раз уж выбрали в председатели — надо стараться с первых дней показать, на что способна. Пробным камнем стал воскресник.

Начало председательства

В субботу мы вывесили объявления на воротах сельсовета и на станции, призывающие односельчан к новому для них виду деятельности — безвозмездной работе в выходной день. Этого я посчитала недостаточным. Разбила село на отдельные участки и направила туда комсомольцев и пионеров. Они заглянули в каждую хату и передали хозяевам просьбу о явке на воскресник с точным указанием, кому ехать за лесом, кому с пилой и топором идти в школьную ограду на распиловку бревен и колку дров.

Как только рассвело, кто пешком, а кто с повозкой потянулись в сторону березовой рощи и к школе. Не желая отставать от других, мой отец выскочил из хаты запрягать Рыжку. На ходу он крикнул Николаю, чтобы тот живее собирался.

Не дожидаясь, когда отец с братом выедут из ворот, я поспешила к школе. В кармане у меня самодельный, сшитый из обрезков бумаги блокнот и карандаш. Бежать вроде бы теперь несолидно — пошла размеренным шагом.

У школы сидели несколько крестьян с пилами. Анна Александровна, закутанная в теплый платок, рассказывала им про успехи детей.

Скоро один за другим потянулись из леса возы. Бревна быстро сбрасывали, носили во двор и тут же распиливали. Соревнуясь друг с другом, крестьяне ловко подхватывали чурбаки, ставили их «на попа» и, размахнув топором, с громким выдохом били по ним так, что поленья летели веером.

Пионеры носили готовые дрова к задней стене школы, там их укладывали в аккуратную поленицу два пожилых волочаевца.

Я с карандашом бегала между возами, работающими мужиками, занося в свой блокнот количество привезенных и распиленных бревен.

Через несколько часов работа закончилась. В первую очередь отпущены по домам возчики с лошадьми. Скоро три четверти всех привезенных дров были распилены, расколоты

и сложены. Остальные бревна подкатили поближе к школе и сложили в штабеля. Мы с Анной Александровной поблагодарили всех участников воскресника. Знали, что теперь топлива хватит.

Домой я вернулась окрыленная.

Машина объединяет людей

В середине июня я поехала в Николаевку, бывшее районное село, на кустовое собрание председателей и секретарей окрестных сельсоветов. От Волочаевки Николаевка в 23 верстах, расположена на берегу Тунгуски. Она крупнее нашего села: в ней есть лесопильный завод, фельдшерский пункт, кооператив.

В Николаевку съехались председатели и секретари соседних сельсоветов. Разумеется, все мужчины, намного старше меня. Добирались сюда разными путями: кто на лодках по Тунгуске, кто по железной дороге, кто на телегах, а кто и пешком. Только я примчалась на коне.

Кустовое собрание имело для нас огромное значение. Избранные в январе, многие к тому же впервые, мы еще не только не постигли тонкостей своего дела, но большинство и обязанности свои представляло смутно. С кем я ни разговаривала, знали работу сельсовета не больше, чем я, а то, пожалуй, и меньше.

В Николаевке нам дали направление, подсказали, как работать и за что отвечать, на решении каких вопросов сосредоточить усилия. Доклад делал председатель райисполкома тов. Цыбин. Он сказал, что основная задача местных органов — заботиться об укреплении Советской власти, формировании нового уклада жизни. На Дальнем Востоке частный сектор был еще силен. Поэтому мы должны оказывать содействие любым попыткам кооперации в сельском хозяйстве.

Вскоре после кустового собрания в сельсовет пришло письмо из райисполкома, в котором предлагалось выделить человека для обучения на курсах трактористов в Хабаровске. В случае, если в селе будет создано коллективное хозяйство, обещали выдать трактор.

Это стало мощным толчком к давно желанной кооперации. Все понимали, что для переселенцев с их слабой обеспе-

ченностью угодьями и сельскохозяйственными орудиями труд в одиночку непосилен. Поэтому именно выходцы из России стали зачинателями коллективизации в Волочаевке. К тому же у нас уже был первый опыт объединения в коммуне, хотя и неудачный.

Помню, сколько разговоров о коммуне, о необходимости держаться вместе было по вечерам в нашей хате, где обычно собирались переселенцы для общей беседы. Мужчины обсуждали новости, вычитанные из газеты, комментировали отдельные статьи.

Говорили о том, что до недавнего времени приходилось перебиваться случайными заработками, батрачить. Ссуду начали давать меньше года назад. Ну, хорошо, за лето успели приобрести кто конягу, кто дом, кто телегу и плуг. Но разве этого хватит, чтобы поднять целину?

А ведь у каждого семья, и немалая. У Колесникова четверо детей, у Терлякова двое, у Шакитова семь, у Абаева пять. Только подавай есть!

Так от любой темы вновь и вновь возвращались переселенцы к самой насущной — необходимости объединения. Поэтому вест из райисполкома встретили с радостью, решили объединиться в товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ).

Для начала создали инициативную группу, в которую вошли Абаев, Терляков, Колесников. Ей поручили отобрать желающих вступить в товарищество. Таких находилось немного. Ни одна семья из старожилов не захотела работать вместе с переселенцами, связываться с людьми, не имевшими ни кола ни двора.

Мысль о коллективной работе была для них непривычна. Каждый думал: «Посмотрю, что из этого выйдет... Трактор не получен, и неизвестно, дадут ли его».

Чтобы товарищество было правомочно, в нем должно быть не меньше восьми семей — так было обусловлено в риковском письме. В маленький коллектив вошли люди преданные, сочувствующие Советской власти, в основном малоимущие: семьи Абаева, Дворного, Колесникова, Барбасова, Петра Мальцева, Федора Мальцева, Шакитова и Терлякова. Девятой для придания большей солидности организации записался я. Председателем единогласно избрали Николая Колесникова.

Стали обдумывать, кого направить на курсы трактористов.

Из переселенцев по состоянию здоровья, грамотности (три класса сельской школы) подходил больше всех Василий Барбасов. Его и выбрали. Сельсовет написал Василию удостоверение личности и соответствующую справку. Он выехал на другой же день.

Тем временем тозовцы не сидели сложа руки. Они коллективно распахивали огороды, сажали картошку. Все помогали друг другу, используя различные орудия труда и лошадей — у кого что было. Работа спорилась — впереди теплилась надежда.

Скоро Барбасов вернулся, за ним прибыл на железнодорожной платформе трактор Интер-10-20. «Оседлав» новую блестящую машину, Василий лихо прокатился от станции до конца главной улицы и обратно. Он перебирал рычаги, показывая недоступное остальным мастерство управления техникой. Проезжая мимо школы, прибавил скорость. Трактор заревел, и ученики, забыв о дисциплине и пытавшейся их удержать учительнице, выбежали на улицу и ринулись ему вдогонку.

Взрослые посыпали на улицу, разглядывая диковинку. Когда Барбасов подогнал своего «коня» к сельсовету, у ожидавших его тозовцев лица светились гордостью. Мое сердце колотилось от радости: «Дали нам трактор, дали!!!» Все окружили новенькую машину, заглядывали под капот, поглаживали крылья и колеса. Барбасов не успевал отвечать на бесчисленные вопросы. Когда все уgomонились, он отвел трактор к себе во двор.

Мне до сих пор непонятно, почему небольшой пристанционный поселок, состоявший из полусотни с небольшим хат, оказался счастливым владельцем стальной машины. По-видимому, наше товарищество, несмотря на его малочисленность, пользовалось репутацией хорошо организованного и перспективного общественного хозяйства.

Это был важный этап в строительстве социализма на Дальнем Востоке.

Осенью товарищество было реорганизовано в сельхозартель «Новый быт», председателем которой работал мой отец, Дмитрий Григорьевич Абаев, а трактористом — его друг и соратник по коллективизации Василий Васильевич Терляков, отдавший труду в артели десять лет жизни. Полвека назад славный коммунары разбудил своим плугом нетронутые волочаевские земли.

Емкое слово — жизнь

Много времени отнимала у меня общественная работа. Занятия по ликбезу закончились к началу мая. Хорошо ли я учила своих подопечных? Не решаюсь дать оценку своим педагогическим усилиям. И все же я с гордостью замечала, что некоторые из учеников читали вполне сносно, другие по слогу, расписываться умели все.

Летом, когда в хате спать было душно, я с сестрами перебралась на чердак. Волочаевцы быстро узнали об этом. Если им нужно было обратиться в сельсовет в неурочный час, скажем, ночью (а такая необходимость возникала нередко), они брали палку, стучали в крышу, просили: «Председатель, слазь, сделай нам то-то и то-то». В результате к воскресенью я обычно выдыхалась, голова отказывалась работать. В таких случаях иногда уезжала на лошади верст за десять в лес, ложилась на траву, бездумно смотрела на небо, на изменчивую игру облаков, расслабляясь, отдыхала часа два, а то и спала. Бывало, что плакала, уткнув лицо в шелковистую ласковую мураву.

Это единение с матерью-природой как бы заряжало меня, я оставляла ей все свои горести и слабость, набиралась сил. Когда возвращалась домой, у ворот меня, как правило, ждали посетители. И все повторялось сначала. Заряда хватало на неделю, а то на две...

Одна из моих самых близких подруг той поры — Нина Проценко, сестра Ильи и Гриши, недавно закончившая соответствующие курсы, организовала и полностью отвечала за пионерскую работу на селе. Надо отметить, что Нина выполняла свои обязанности исключительно добросовестно. Пионеры под ее руководством содержали в порядке могилу погибших бойцов на сопке Июнь-Корань. Она рассказывала детям о боях, о лучших комсомольцах и партизанах. Все она видела собственными глазами. Разучивала с детьми стихи, устраивала читки.

Поскольку я руководила пионерским хором, мы часто встречались на сборах. Однажды подруга обратилась ко мне с необычной просьбой. Дело в том, что она, планируя свою работу, пообещала пионерам свозить их на экскурсию в Хабаровск. Подходили сроки. Каждый день дети напоминали вожатой о ее обещании. Нина потеряла покой. Выяснилось, что желающих отправиться в краевой центр около двух де-

сятков ребят. Среди них были озорные, непослушные, и Нина не решалась сопровождать группу одна.

— Поедем, Валя, со мной, а то как бы мне не растерять их, — попросила она.

Я задумалась. В нашей семье своих пионеров трое: Витя, Тоня и двоюродный брат Коля. Услышав об экскурсии, они присоединили свои голоса к просьбе Нины.

После долгих сомнений решила дела оставить на своего заместителя Пеннигина. Отец поможет ему написать справку или удостоверение, если понадобится.

По селу пронеслась радостная весть: «Едем!» Каждому «экскурсantu» родители дали по пять рублей. Дети почувствовали себя счастливыми с того момента, как сели в вагон поезда «Максим Горький». Многие из них впервые ехали по железной дороге, хотя станция была в двух шагах. Ребята прилипли к окнам, радостными криками встречая все, что выходило за рамки их повседневной жизни. Когда поезд шел через трехкилометровый мост Амура, они умолкли — настолько были поражены величием реки.

Помещение нам предоставили шефы: управление Уссурийской железной дороги. Кормились продуктами, что набрали из дома, часть покупали на рынке.

Ребят удивила главная улица краевого центра — разнообразие домов, витринами магазинов итальянской фирмы Кунста и Альберса, русских купцов Чурина и Шикина. Сходили в парки, на Сельмаш — кроме него в городе был только один завод, кирпичный. Побывали на нижнем, продуктовом базаре и на барахолке — тогда это тоже были для нас достопримечательности.

Воображение маленьких экскурсантов поразили «Иллюзион» — единственный кинотеатр Хабаровска. Картина шла под игру тапера на пианино. На экране, будто заведенные игрушки, носились люди. Размахивали руками, смеялись, плакали. Иногда появлялись собаки и кошки, другие животные. Это все, что мы могли понять. Суть картины излагалась в титрах, которые не только ребята, но и мы с Ниной не успевали прочитывать.

Большое удовольствие все получили от поездки на катере на левый берег Амура. Он был пустынен, никаких построек. Прекрасный пологий иляж из мелкого желтого песка, куда по воскресеньям собирались хабаровчане загорать и купаться.

Посетили мы и своих вторых шефов — волочаевский полк. Нам показали красный уголок, знамена, хозяйство полка и накормили красноармейским обедом.

За три дня осмотрели все достопримечательности и очень устали. Транспорта не было — всюду ходили пешком. Извозчицких пролеток нанимать не на что. К тому же полили дожди. На немощеных улицах Хабаровска образовалась такая грязь, что мы еле вытаскивали из нее ноги. Благоустроенной была только улица Карла Маркса.

Перед отъездом домой сфотографировались всей группой. Память об этой экскурсии осталась у пионеров да и у нас с Ниной на многие годы.

...Привожу здесь ключевые события того далекого времени, но были и мелкие, из которых состояла моя жизнь и работа. Вот отдельные факты, зафиксированные в моем дневнике.

12/VII-1927 г. Молодой парень Семен Черемисин, переселенец, серьезно заболел. Чем? Никто не может определить. Перепуганные родители просят помочь. Померила температуру — сорок с лишним. Посоветовала отвезти Семена в переселенческую больницу. Родители — в слезы. Оба неграмотные. Боятся, что заплутают в городе и не найдут больницу. Просят меня: «Полечи порошками, что в твоей аптеке. Бог даст, полегчает».

Жаль и стариков и парня. Пришлось самой везти Черемисина в хабаровскую больницу. Моя медицинская практика на такие случаи не распространяется. Как же не хватает в нашей деревне хотя бы фельдшерского пункта!

9/VII-1927 г. Неожиданно райисполком предложил мне путевку в дом отдыха сроком на две недели. Он расположен в красивейшем месте на берегу Амура. Первые дни я почти сутками спала. Потом чувствовала себя неловко: хожу, гуляешь, купаешься — словом, ничего не делаешь. Состояние для меня необычное.

Всех отдыхающих вместе с дирекцией сфотографировали. Это был первый отдых в моей жизни, в единственном таком учреждении Дальневосточного края. Вернулась домой набравшаяся сил. Спасибо Советской власти за заботу о нас!

23/VIII-1927 г. Заведующий нашей почтой Федор Григорьев уехал в отпуск. Подменил его прибывший из Хабаровска Миша Шевченко — молодой, симпатичный, застенчивый паренек. Приходя в сельсовет с корреспонденцией, он каждый

раз удивлялся, что ее много: «Кто вам пишет?» Я смеюсь и отвечаю: «Пишут те, кто по долгу службы интересуется Волочаевкой. Мои друзья и знакомые, с которыми я поддерживаю отношения на расстоянии».

Работа в сельсовете полностью переменяла мою жизнь. Из простой деревенской девушки, беззаботной и веселой, окруженной массой друзей, я волей-неволей превратилась в деятеля местного масштаба. Веселость, страсть к пению, пляскам, любовь к шутке сохранились, но времени на это было мало. Одолевала озабоченность разными сторонами сельской жизни, занятость канцелярскими делами, беспокойство об исходе тех или иных событий.

К этому времени участились разлуки с друзьями юности. Мои сверстники разъезжались на учебу, работу, устраивали личную жизнь, и хотя первое время, как это заметил Миша Шевченко, нас еще связывали прочные нити, постепенно они ослабевали. На смену периоду дружбы и привязанности неизбежно приходила пора самостоятельности, когда больше сближают не личные, а служебные или общественные отношения.

Между тем в Волочаевку пришли две разнарядки в школу коммунистической молодежи. Гриша Артеменко, воспользовавшись своим правом секретаря ячейки, послал учиться туда своих сестер, не состоявших в комсомоле. Так впервые мы встретились с протекционизмом в нашей среде. Все было устроено незаметно, а когда комсомольцы узнали об этом, было поздно: после драки кулаками не машут.

Сам Гриша Артеменко тоже собирался на учебу. Из активисток остались Нина Проценко и Маруся Артеменко.

Подумывала об учебе и я. Мечтала поступить в комвуз. В райисполкоме на мою просьбу ответили: «Пока продолжай работать». Это мне и оставалось делать. Только мучила меня неудовлетворенность от недостатка знаний.

Клуб обретает лицо

Вскоре после моего возвращения из Николаевки сельский Совет собрался на заседание. На нем я доложила, о чем говорилось на кустовом собрании: от нас ждут не только работы, а и инициативы во всех делах.

С гордостью сообщила, что райисполком дает нам наряд

на материал для ремонта клуба и школы. Доски, рейки, шпатель мы можем получить в любое время и главное — бесплатно. Остается только поехать за ними на лесопильный завод. Сейчас лето, тепло. Самое время взяться за ремонтные работы, хотя и трудно это — денег пока не выделили.

Стали решать, кто же отправится в Николаевку. Все отказывались, хотя и понимали, насколько это важно. Для такой поездки нужно было потерять день, а то и больше. Кучмижак и Проценко работали на железной дороге. Отец и Терляков заняты в ТОЗе. У Дроздова и Пенигина свои займки. Словом, ехать никому.

Тогда отец сказал:

— Поезжай сама. Ты знаешь, с кем договаривалась, на каких условиях. Дорогу изучила. Лошадьми управлять умеешь. С 15 лет снопы с поля сама возила. Возьми Рыжку, он посильней Прибоя, смирный и к телеге привык.

На том и порешили. Рано утром вместе с отцом запрягли Рыжку. Взяв из дома продуктов на день и веревку для увязки груза, я направилась по знакомой дороге. День был яркий, солнечный. Сразу же за околицей безбрежное непаханное поле, все в зелени трав и в ярких пятнах цветов. До чего же хорошо! Рыжка без понукания тихонько то рысит, то идет шагом.

На дворе лесопильного завода меня окружила молодежь. Не успела я оглянуться, как Рыжка был выпряжен, отведен за ворота на траву для подкормки и отдыха.

Оформление наряда заняло немного времени. Пока говорили с директором завода, с секретарем комячейки, наступил обеденный перерыв. Я устроилась в телеге. Достала мешок. Извлекла из него кусок хлеба и кету. Но еду перебили.

Гостеприимные ребята с завода притащили мне кто помидоров, кто огурцов. Откуда-то появилась поллитровая алюминиевая кружка горячего чая. Попросив меня пересест на услужливо принесенную табуретку и продолжать обед, они быстро нагроулили телегу пиломатериалами. Да как — сверх всякой нормы! Сделали это заводские за счет своего перерыва.

А потом посыпались вопросы, волновавшие в то время многих парней. Есть ли у нас в Волочаевке свободные девчата? Нельзя ли заслать к нам женихов? (Нужно сказать, что в то время в каждой деревне Дальнего Востока мужчин был избыток, тогда как девушек не хватало.) Не посодей-

ствует ли председателька окрутить женихов Николаевки на девчатах Волочаевки? Как, например, она смотрит, если лучший парень их завода, при этом выразительно показывают взглядом на секретаря, уведет ее саму в Николаевку?

Как говорится, делу время, потехе — час. Перерыв кончился. Догадливые ребята напоили Рыжку. Быстро запрягли, при этом критически заметили:

— Эх, председатель, а сбруя у твоей лошади чуть живая. Как только ты доедешь с таким возом? Не проводить ли тебя до дома?

— Ничего, — сказала я, — помаленьку доберусь. Помощников не требуется.

Сильные руки ребят подтолкнули телегу.

Я брела рядом с возом по обочине. Телега со скрипом тащилась, наклоняясь то вправо, то влево.

Версты две все шло благополучно, как вдруг колесо рухнуло в глубокую колдобину. Телега накренилась, веревка, связывающая воз, лопнула. Рыжка остановился. Верхние доски поползли вниз. Я стала их заново укладывать. Увязала, тронулись дальше.

Не проехали и версты, как все повторилось. Укладываю доски, стягиваю веревку новым узлом. Трогаемся дальше, опять до первой же ямы. Веревка становится все короче и короче.

В сумерках под брех деревенских собак проехали с горем пополам Дежневку. Очутилась одна среди безбрежного поля. Темная ночь. Дороги не видно. Вдалеке мерцает не то огонек, не то светлячок, а мне кажется, что это злой волчий глаз. Жуть!

Как сейчас, вижу эту картину. Стоит жалкий председатель возле Рыжиной морды, поглаживает его потную шею, а у самой слезы катятся по щекам. Отчего? От страха и одиночества? Своей беспомощности? Наверное, и то, и другое.

Веревка истрепалась, от нее остались одни узлы. Я отвязала вожжи и ими закрепила груз. Подошла ближе к Рыжке, всматриваюсь, не прядает ли он ушами, не стоят ли они торчком? Это признаки того, что рядом есть посторонний, человек или зверь.

Нет, Рыжка только прерывисто дышит от усталости, но совершенно спокоен. Прижимаюсь к его голове, губам. Мне уже не так страшно.

Только к рассвету добрались мы до дому. Заря, как по-

мню, полыхала в полнеба. Самая длинная ночь за всю мою жизнь подошла к концу.

Тогда мне это показалось одним из трудных, но рядовых сельсоветских и комсомольских дел. А сейчас я понимаю, что на возу, доставленном с приключениями, ценой значительного напряжения физических и душевных сил, лежали не просто дрова — это было средство для того, чтобы возжечь пламя в очагах культуры, в то время единственных, — школе и клубе. По сути дела, я совершила маленький подвиг, о подробностях которого односельчане не знали. Рассказать им о перипетиях ночной поездки я считала бы малодушием.

Вспоминая этот эпизод, я грущу по тому времени. Вернуть бы его со всеми трудностями и неуверенностями! Может, такое оно и есть, счастье?

Наступил октябрь. Удалось, наконец, договориться с двумя переселенцами. Они сделают нам настоящую сцену и настелют пол, поправят крыльцо школы, огорожат ее штакетником. За это сельсовет должен уплатить им 50 рублей. Я не знаю, смогу ли собрать столько денег, но иду на эти условия. Другого выхода нет. Плотников попросила скорее приступить к работе.

На следующий день собрали молодежь. Поговорили по душам. Просила всех выйти на воскресник. Рассказала, что сельсовет нанял плотников только на основные работы, остальное доделывать нам. Призвала всех участвовать в платных спектаклях. Никто не возражал — клуб был всеобщей потребностью.

Первый воскресник назначили на 23 октября 1927 года.

К 9 часам утра большинство парней и девчат собрались у клуба. Плотники занимались своим делом: отесывали столбы для сцены, остругивали доски. Ребята и девчата месили глину, штукатурили стены, делали завалинку — тогда и зимой в клубе будет тепло. Трудились с комсомольским задором, шутками, смехом. Выполнили всю черновую работу. Побелку клуба отложили до следующего воскресенья, с песнями разошлись по домам, условившись, что закончим всю работу через неделю.

Прежде чем мы собрались на следующий воскресник, прошло еще одно заседание сельсовета. Решили подвести некоторые итоги и наметить, что предстоит сделать до праздника Великого Октября. Заседание состоялось вечером. Мужчины пришли с работы грязные, усталые. Сразу же потребо-

вали: «Быстренько расскажи нам, председатель, как у тебя дела?»

Я доложила. В школе сделан ремонт: отремонтированы ступени крыльца, в окна вставлены новые стекла. Школу обнесли оградкой из штакетника, привезенного с Николаевского завода. Договорились с двумя женщинами: в день воскресника они побелят стены и помогут окна. Так что к Октябрьским праздникам школа будет готова.

Плотницкие работы в клубе на днях заканчиваются. Уборку, побелку, мытье окон и украшение клуба берут на себя комсомолки в большой воскресник, который должен состояться в ближайший выходной.

Еще одна задача в этот день — прорыть дренажные каналы по Волочаевской улице, превращающейся после дождей в непроходимое болото. Надо положить конец бездорожью. Поэтому решено на воскресник поднять все население.

Эта программа была одобрена сельсоветом.

В воскресный день многие семьи встали раньше обычного и принялись за благоустройство села.

Мы с сестрой Машей подошли к клубу, когда все наши активистки были в сборе. Поневоле залюбовались работой. Сделана настоящая сцена. Пол ровно настлан и гладко оструган. Девчата затопали по нему ногами, пробуя, насколько он пригоден для танцев. Подбит новый порожек, дверь теперь будет плотно прикрываться, исправлены подоконники.

Мы с Марусей Артеменко взялись белить потолок. Маша делала затирку стен. Нина Проценко их белила. Клава Акимова наводила чистоту окон. Прибежали пионерки, стали вытаскивать из клуба скамейки, скоблить их и мыть на улице — так они быстрее просохнут. День оказался на редкость теплый.

В разгар дружной работы дверь распахнулась, в ее проеме показалось злое, мрачнее тучи лицо деда Кошеля.

Подняв в воздух костыль, он пробирался ко мне, кричал с шуточной угрозой в голосе:

— Я тэбэ, сука, зараз убью.

Быстро наклоняюсь, окунаю щетку в известь и, стараясь остаться спокойной, говорю:

— А ну попробуй сунься. Заляпаю все лицо известкой!

Девчата опешили, перестали работать, смотрят то на меня, то на Кошеля, ничего не понимая. Но я-то знаю, почему дед кипит.

— Вы лучше скажите, какие у вас претензии ко мне? — спрашиваю я.

Он постепенно остывает и говорит:

— Цэ ты распорядилась, щоб невод мне не отдавали?

— Да, я, — отвечаю.

У деда два невода и ни одного работника в семье. Сам он, хромой калека, и близко к воде не подходил. Работали на него переселенцы. Пай он делил на две части: половину себе и половину артели ловцов, обычно состоявшей из десяти человек. Одиннадцатым записывал себя, чтобы иметь еще одну долю и из коллективной выручки. Все возмущались такими кабальными условиями, но шли на них — ведь рыба, чаще всего кета, была основой питания волочаевцев.

В минувшую путину артель переселенцев, нанявшись к деду, попросила продать ей один из неводов. Но он отказался — не хотелось терять барыш.

Об этом я и напомнила ему:

— По закону не имеете права иметь ни одного батрака, а у вас их двадцать. Для чего вам столько рыбы, интересно? Спекулировать? Не выйдет! Не дам я в обиду переселенцев, попавших в нужду!

Старик молчал.

Поняв, что уже сбила спесь с зарвавшегося собственника, говорю как можно доверительнее:

— Единственный выход, диду, — это продать ваш старый невод тем, кто у вас работал. Я тоже за них прошу. Новый невод сельсовет оставляет вам. Запомните: не я лично, а сельсовет. Оставляет только потому, что ваши сыновья были в партизанах. И впредь глядите: чтобы не лютовать и не оскорблять власть, а то как бы оба невода у вас не конфисковали!

— А-а-а! — взревел дед, замахиваясь костью, — чтобы вы все подлюки провалились вместе с вашим председателем. Я управу на вас найду, я знаю, кому жаловаться!

Он повернулся, перешагнул порог и так хлопнул дверью, что стены задрожали. На минуту в клубе воцарилась тишина. Только было слышно, как бушует дед на улице. И вдруг все мы разом грохнули от хохота и долго не могли остановиться.

Сейчас нетрудно себе представить состояние старика. Мы обошлись с ним беспощадно, с эгоизмом, иногда свойственным юности. Но, как выяснилось впоследствии, обиды он не

затаил. Видно, справедливость изъятия невода, да еще с возмещением его стоимости, вскоре и ему стала ясной.

Мы, разумеется, не прервали своей работы. До полудня стены и потолок были выбелены по два раза. Окна, подоконники и пол выскоблены, вымыты, скамейки внесены и расставлены.

— Теперь у нас клуб, как у порядочных людей, — сказала Маруся.

Повесив замок, чтобы в помещение никто не заходил, пока побелка не просохнет, мы, подхватив ведра, щетки, тряпки, усталые, но довольные пошли по домам.

Десятилетие Октября

Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции... Сейчас для нас это прежде всего большой праздник, посвященный историческому событию, значение которого проверено временем. А тогда среди участников торжества были борцы за новую власть, ее сторонники, были и такие, кто еще не осознал преимуществ нового социального строя и даже относился к нему враждебно, с недоверием.

Вот почему передовая прослойка, наиболее активная в общественной жизни, готовилась к десятилетию революции с особенным пылом и старанием. Для коммунистов, комсомольцев, членов сельсовета подготовка к празднику была большим общественным долгом.

Одним из важнейших событий, происшедших в канун праздника, стало открытие кооператива. После многих устных, письменных напоминаний, просьб и молений сельсовет получил уведомление приехать в Хабаровск за получением товаров для кооператива. Узнав об этом, срочно собрались все пайщики. Прежде всего избрали завмага, он же продавец, Семена Прокофьевича Кучмижака.

Новый завмаг оборудовал помещение под лавку. Он же съездил в Хабаровск за товаром и привез самое необходимое, что требовалось для крестьянских семей: муку, крупы, разную бакалею, несколько кусков мануфактуры. Покупательная способность в селе была невелика.

Денег у населения было мало. Только железнодорожные рабочие и служащие, почтарь, учительницы и председатель сельсовета получали зарплату, притом по тем временам не-

большую. Старожилы могли зимой по санному пути отвезти в Хабаровск воз сена или дров и тем самым разжиться рублем. На телеге через Амур не ездили, паром стоил дорого. О переселенцах и говорить нечего. Их средств хватало лишь на муку, спички, соль.

Открытие кооператива произошло без лишнего шума. Разложив по полкам товар, Семен Кучмижак объявил, с какого дня начнется торговля. Вагон-лавка теперь не заходила в Волочаевку.

Еще одна забота сельсовета в эти дни — строительство школы-памятника. Закончены три витка дороги к вершине сопки. Выкопаны траншеи под фундамент самого здания. Начато возведение стен. Радостно сознавать, что благодаря этому строительству, главным образом дороги, многие переселенческие семьи закрепились в Волочаевке.

Дорога обошлась государству в 12 тысяч рублей, больше половины из них осталось в Волочаевке — в виде заработной платы за строительные работы.

За две недели до праздника состоялось комсомольское собрание. На нем речь шла о предстоящем воскреснике (о нем я уже рассказывала) и о подготовке к празднованию десятилетия Октября.

Собрание прошло активно. Прежде всего решили разучить и отрепетировать пьесу. Ее подобрала Вера Чеберяева. В пьесе под названием «Расплата» мне досталась роль солдатки Клавдии. На репетицию мы приходили почти каждый вечер, готовились как никогда тщательно. Закончив сельсоветские дела, я спешила в клуб. Разучивала с пионерским хором новые песни, повторяли старые.

Подготовку официальной части взял на себя секретарь парторганизации Илья Проценко. На случай если не придет оратор от шефов, он сделает доклад о значении Октябрьской революции.

Пожалуй, больше всего нас смущало, что мы оказались без музыки.

— Какой же это праздник? — вздыхали девчата и наседали на меня. — Доставай, председатель, хотя бы гармошку.

Поколебавшись, я письменно попросила комсомольскую ячейку волочаевского полка прислать нам гармониста в порядке шефской помощи. О письме никому не сказала. И вообще боялась, как бы войны не посчитали меня легкомысленной после обращения с такой просьбой.

Был у сельсовета небольшой фонд денег, собранных от платных постановок. Посоветовавшись с Ильей Проценко, решили к празднику сделать детям подарки. С этой целью я поехала в Хабаровск. Купила дешевых галет, карамели, грецких орехов, несколько новых плакатов и разноцветной бумаги.

Шефы из Управления Уссурийской железной дороги, особенно внимательна была секретарь комсомольской ячейки Надя Рыбашева, дали мне старые лозунги на красном материале, подарили балалайку и значок к 10-й годовщине Октября.

Маша выстирала лозунги так, что букв не стало видно, просушила и разгладила материал. Из него мы сделали занавес для клубной сцены. Теперь отпала необходимость брать для этого у односельчан простыни напрокат.

Вечером 5 ноября в клуб пришли школьники и пионеры, под руководством Нины нарезали из разноцветной бумаги флажков, прикрепили их к бечевкам и повесили почти под самый потолок, наклеили плакаты. Вместе со всеми и я работала: сшивала иглой полотно на занавес.

Программу на 6 ноября разработали такую. Вначале — утренник для ребят. Вечером — торжественное собрание и постановка «Расплата» — это уже для взрослых.

Утром к 10 часам клуб был полон. Пришли с матерями и трех-четырехлетние малыши. Тогда это было обычно: что ни семья — куча детей.

Торжественность момента подчеркивалась чистотой и порядком в клубе, праздничным убранством помещений. Невольно почувствовала гордость — многое здесь сделано нашими собственными руками. На выбеленных стенах красные плакаты. Под потолком трепыхаются разноцветные флажки. Занавес сделал клуб особенно уютным.

«Артисты» волновались. Это были школьники и пионеры четвертого класса.

По праву старшинства я поздравила детей с наступающим праздником и сказала, что для них сегодня устроен «небольшой скетч» — так мы называли одноактные постановки.

Спектакль прошел как обычно. «Артисты» путали слова, косили глаза в суфлерскую будку, откуда Маруся подсказывала им не только фразы и реплики, но иногда и целые монологи.

После окончания постановки хор исполнил песни: «Сме-

ло, товарищи, в ногу», «Замучен тяжелой неволей», «Вечерний звон». Было прочитано несколько стихотворений. Настал самый заветный для ребят момент. Им вручили кульки с подарками, в которых лежало по четыре ореха, два «серебряных» и два «золотых», по четыре галеты и по десятку карамелек. Это было сказочное богатство. Дети радовались так, как ликовали бы современные мальчишки и девчонки, получив в подарок, допустим, живого медвежонка.

Вернувшись с утренника в сельсовет, я обнаружила письмо из волочаевского полка. Дрожащими руками разорвала конверт. Небольшая записка политрука товарища Буина. В ней сообщалось, что гармонист приедет. Будет ли докладчик, неизвестно. Но волноваться нечего — Илья Проценко, наш парторг, наготове.

Вечером народу в клубе полнехонько. Я тороплюсь на сцену. Ставим стол и накрываем куском красной материи. Пора начинать — показывает жестом Пенигин. Я смотрю на Проценко. Он кивает: «Готов».

Раздвигаем занавес. Члены сельсовета в полном составе сидят на одной скамейке за покрытым красной тканью столом. Сбоку, на единственной табуретке, устроился докладчик. Я поднимаюсь, с волнением, но четко объявляю:

— Товарищи! Торжественное собрание, посвященное 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и 5-й годовщине освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, считаю открытым.

Предоставляю слово Илье. Парторг, одергивая пиджак, выходит к рампе и начинает речь. Он говорит о значении Октябрьской революции, о становлении Советской власти, о том, как крепнут крестьянские хозяйства при новом строе. Рассказал об освобождении Волочаевки в феврале 1922 года, участником которого был он сам и три его брата. Для доброй половины переселенцев все это было ново. Тишина, все слушают. Грамотная и интересная получасовая речь производит впечатление.

Народ наградил докладчика аплодисментами.

Теперь следует «Расплата». Президиум облегченно вздыхает. Самая трудная часть вечера позади.

Часа через два пьеса из двух действий с антрактом заканчивается. На сцене собирается хор и повторяет утреннюю программу. Потом звучат со сцены знакомые стихи.

Все. Программа исчерпана. Девчата смотрят на меня во-

просительно. Ждут музыки. Старшие сельчане уже расходятся по домам.

— Гриша, — обращаюсь к Артеменко, — где твоя гитара?

— За кулисами.

— Неси сюда. Сейчас мы составим оркестр.

Из-за кулис выношу балалайку, подарок шефов, и протягиваю ее брату Николаю. Девчата просят музыкантов сыграть нашу тамбовскую шульинку. Убираем скамейки, ставим их к стенке. Начинаются танцы.

Из клуба уходили уже полночь, все вместе, дружной стайкой. Кто-то запел, остальные подхватили любимую песню: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону». Так и шли каждый до своих ворот. «Не забудьте, завтра демонстрация. Собираемся у клуба», — послышался из темноты Гришин голос.

Наутро построенная у здания станции небольшая колонна железнодорожников направилась по селу к сопке. Впереди шел знаменосец, демонстранты несли лезунги. Парни и девчата примкнули к колонне у клуба. Ученики парами, сопровождаемые учительницами, двинулись вместе со всеми.

По мере продвижения колонны в нее вливались односельчане, старые и малые. Шли молча. К вершине сопки колонна поднималась по недавно законченной спиральной дороге.

Достигнув вершины, участники демонстрации окружили кольцом братскую могилу. Проценко произнес речь. Потом выступали партизаны, участники Волочаевских боев: Семен и Иван Кучмижаки, Арсений Серый, мастер Перминов, Пенигин и другие. Все они рассказывали о событиях, которые сами пережили.

На митинг пришли почти все волочаевцы, и это несмотря на то, что обрушился холодный, пронизывающий ветер. Утро было солнечное, а демонстранты зябли. После митинга дети и подростки быстро сбежали по тропкам, а взрослые, свернув знамя и лозунги, строем спустились по спиральной дороге.

Вскоре сопка опустела. Наша небольшая молодежная компания поднялась на железнодорожную насыпь, по которой было удобнее возвращаться домой. Только тронулись — паровозный гудок шедшего из Хабаровска поезда заставил нас скатиться вниз. Это вызвало всеобщее веселье. Когда снова взобрались на пути, увидели шагающего нам навстречу незнакомого человека с большой коробкой за плечами. Это был

гармонист. Евдоким Степанович Лукин, как он представился.

Мы встретили гармониста как самого дорогого гостя. Я повела его домой. Мама накрыла праздничный стол. Весело перебрасывались шутками, подтрунивали над малышкой. Я рассказала, как прошел митинг и демонстрация.

Едва успели пообедать, как в дом ввалились подруги, товарищи. Никто не хотел ждать вечера. Решили немедленно идти в клуб.

Оказавшись на улице, Лукин сразу же заиграл на аккордеоне. Это была для Волочаевки необычная музыка. В клуб повалили и стар и млад. Даже дед Антон Кидаш, один из старых по возрасту, пошел в пляс.

Два дня праздника прошли в песнях, танцах и плясках. Ну а 9 ноября вся молодежь явилась на станцию провожать полкового гармониста. С ним я послала благодарственное письмо в ячейку комсомола волочаевского полка.

Перед отъездом Лукин выпросил мою фотографию, чтобы показать друзьям по службе. Иначе они не поверят, что в подшефном селе такой председатель.

Новые обряды

До поры до времени рождение ребенка в Волочаевке оформлялось следующим образом. Счастливые родители приходили ко мне. Я помогала выбрать имя. Если мальчик, чаще всего предлагала самое распространенное — Владимир, в честь Ленина. Нередко на нем и останавливались. Для девочек искали имя покрасивее, такое, чтобы оно не было традиционно деревенским. Больше всего за это время появилось на свет Тамар, Лидий, Вер, Надежд и т. п.

Тут же я регистрировала новорожденного, а родители при первом же удобном случае везли младенца в Дежневку и крестили в церкви. С такими пережитками нужно было кончать, но как?

В газете я вычитала о новых обрядах Октября, которые должны были прийти на смену прежним обычаям. Много думала о том, чтобы вместо крещения ввести торжественные октябрины. Эта мысль в суматохе сельсоветских дел то пропадала, то возгоралась снова. Случая претворить ее в дело пока не представлялось.

Наконец я решилась. Ко мне пришли родители Сиколовы,

чтобы зарегистрировать ребенка. Назвали его Леонидом в честь деда. Я предложила матери не носить ребенка в церковь, а отметить его рождение в клубе на торжественном вечере, посвященном 8 Марта. Пообещала подарок.

Дело в том, что я получила от наших шефов с железной дороги письмо, в котором сообщалось о приобретении для Волочаевки по моей просьбе детских сосок. В то время сельскому жителю достать их было невозможно. На этом я и решила сыграть.

Из Хабаровска я привезла 25 сосок для бутылочки и 25 пустышек. Это был солидный фонд для приобщения к новым обрядам...

В оставшееся до праздника время усиленно репетировали пьесу. В ней я играла солбазценную барином крепостную девушку Матрену, которую, чтобы прикрыть грех, выдают против ее желания за невзрачного мужичка.

В день праздника разрывалась между сельсоветом и клубом. Как назло было много посетителей. Одолевали и праздничные заботы: явится ли Мария Сиколова с новорожденным на октябрины, как пройдет доклад, все ли готово к спектаклю.

И вот настал торжественный час. Сажу среди женщин в президиуме, Проценко делает доклад, а я волнуясь, жду Сиколову. И она пришла.

Я увидела Марию с ребенком на руках, медленно пробиравшуюся между скамеек, и замахала ей руками, показывая за кулисы. Под недоуменные взгляды сидящих в клубе молодая мамаша последовала за мной.

После доклада я со свертком, перевязанным голубой лентой, держа Марию за руку, вышла на сцену. Подошла к младенцем к рампе и сказала, обращаясь к публике:

— В нашей деревне родился новый человек, гражданин Советского Союза, — при этом я отогнула уголок одеяла и показала зрителям личико ребенка. — Он зарегистрирован в нашем сельсовете, и я его советская крестная мать. Имя ему дали по желанию родителей — Леонид. Как сложится его жизнь, мы не знаем. Но верю: он будет гордиться тем, что родился в Волочаевке, бои под которой решили судьбу Дальнего Востока. Верю, что вырастет хорошим комсомольцем, достойным человеком. Получит образование, станет трудиться на благо Родины. Это первые в нашем селе октябрины, но, рассчитываю, не последние. Когда маленький человек

освящается здесь, среди односельчан — это лучше, чем тащить его за 15 верст в церковь и там окунать в холодную воду. Несите новорожденных к нам на октябрины.

Закончив речь, я передала ребенка матери. Взяла со стола сверток, развязала его, вытащила подарки: четыре метра ситцу на платье матери и две соски новорожденному.

Женщины ахнули.

— Только подумать! — говорили они с завистью. — Мария теперь не будет затыкать малютке рот нажеванной тряпкой, а станет поить молоком через сосочку.

Так в день праздника всех женщин состоялись первые организованные мной октябрины. Впоследствии через мои руки прошло много юных жителей Волочаевки, для них я стала советской крестной матерью.

Стихия разбушевалась

Тихая, теплая, ласковая вода — благо для всех живущих на земле. Но стоит ей набрать силу, разлиться, выйти из берегов — несет великое бедствие.

В середине августа 1928 года стихия обрушилась на значительную часть Дальневосточного края, задела и Волочаевку. Почти месяц непрерывно лил нудный, унылый дождь. Низкие, темные тучи надолго повисли над крышами хат. Ни молний, ни грома не было.

Все набухло, расквасилось. Земля, перенасыщенная влагой, перестала ее впитывать. Колдобины, болотца, дренажные канавы, низкие места деревни были переполнены водой. Наше небольшое озеро в конце деревни разлилось на версту. Людям тяжело дышалось, многие болели. Каждая железка в хозяйстве, гвозди, набитые в хатах, поржавели от сырости. Одежда, постели потяжелели, не могли согреть. Дрова больше чадили, чем горели.

Тунгуска настолько переполнилась, что грозила ежеминутно выйти из берегов. Положение стало угрожающим. В Хабаровске при крайисполкоме организовали чрезвычайную тройку по борьбе со стихийным бедствием. В ее обязанности входило предупреждать население о возможной опасности, принимать меры по спасению людей, скотины, имущества.

Получив подряд несколько предупреждений чрезвычай-

ной тройки, наш сельсовет собрался на экстренное заседание. Обсуждали, какие принимать меры. Положение в Волочаевке было тревожное, а в других местах — совершенно неясное. С отдаленными разъездами и заимками связи не было.

Вся надежда на жизненный опыт членов сельсовета. Я себя чувствовала беспомощной. Распределили роли. Поскольку у меня есть конь, на котором еще можно кое-как добраться до заимок, мне поручено отправиться туда. Пенягин взял на себя обязанность пройти по дворам центральной улицы и предупредить о необходимости отгонять в крайнем случае скот к сопке. Там же будут спасаться и люди. Терляков на первом попавшемся поезде поедет на Поперечку, Дроздов должен оповестить улицу, которая вела к сопке, он на ней жил. Моему отцу оставаться при сельсовете, главном нашем штабе.

Оседлывая Прибоя, отец с тревогой поглядывает на меня. — Ты там смотри, Валентина, будь поаккуратнее, — говорит он. — Не лезь вперед всех. Осмотрись, подумай. Советов не давай, прислушивайся к мнению старших. У меня надежда на Прибоя. Он, должно быть, хорошую тренировку прошел в военной экспедиции.

Стараюсь выглядеть спокойнее. Пусть отец не заподозрит, что мне страшно. В нашей семье не было принято проявлять чувств по отношению к родителям. Отца я любила больше матери, но никогда не ласкалась к нему, не обнимала, не целовала. Даже на сей раз постеснялась. Просто сказала:

— Папа, не беспокойся за меня. Если нам с Прибоем и придется где окунуться в воду, мы выплывем.

Надев на себя брезентовый плащ, я вскочила в седло. Отец последний раз проверил подпругу, отворил ворота, хлопнул ласково по крупу коня: «Ну, с богом!»

Прибой сразу же от ворот пошел рысью. Добрались до заимок относительно благополучно, хотя путь лежал не по дороге, а лесом, болотами.

Среди переселенцев увидела несколько гольдов, живших где-то неподалеку. Зачем они здесь, не поняла, но спросить не догадалась. Как выяснилось потом, эти люди приехали помочь растерявшимся переселенцам.

Запасов выходцы из России не успели сделать, а огороды оказались наполовину затопленными. Голодные дети хныкали. Мелкий дождь продолжал сеять. Вода медленно, но верно прибывала.

У одного старика гольда я спросила, что делать.

Он посоветовал разбирать недостроенные срубы, связывать их в плоты и переселяться на них со всем скарбом и скотиной.

Некоторые заартачились: жаль было сводить на нет результаты труда. Думали, можно обойтись без разбора срубов. В разговор втянулись гольды. Старший из них сказал:

— Совсем будет плохо. Дождь будет большой-большой.

Я поддержала гольда. Рассказала о чрезвычайной тройке, которая в случае нужды организует помощь. Если сохранятся плоты, их опять можно разобрать, а бревна пустить в дело. Если же унесет хату, ее потом не найдешь.

После краткого совета переселенцы стали быстро разбирать срубы. Я попросила гольда возглавить эту работу. Можно было подумать, что ему каждый день только и приходилось что бороться с наводнением — так он ловко управлялся.

Один из гольдов сел на лодку и быстро исчез между деревьями. Вскоре он вернулся с подмогой, привез много кожаных ремней. Из каждого дома собрали все веревки, вплоть до вожжей, череседельников и запасных уздечек. Бревна подкатывали в одно место, и гольды вязали из них плот. Как только первый плот был готов, на нем поставили сооружение, нечто среднее между чумом и шалашом. В первую очередь туда перенесли детей, затем поместили немощных стариков, потом всякие домашние вещи.

Старший из нанайцев всех подгонял, часто поглядывая на темно-свинцовое небо. Спешка имела основания. Неожиданно для всех разразился небывалый ливень. Казалось, вода лилась с неба из невидимых труб. Я нырнула в шалаш к плачущим детям, старалась их успокоить. Взрослые, невзирая на непогоду, продолжали подтаскивать бревна и вязать их.

Ливень был повсеместный. Вода на Амуре и Тунгуске вышла из берегов. Как после известия тройка, над уже переполненным Амуром поднялся полутораметровый вал воды и покати́л, сметая на своем пути все, что попадалось: копны и стога сена, застрявшую на пастбищах скотину, диких животных и даже дома и надворные постройки.

Наверное, все было бы унесено с заимок, на которых я находилась, но нас спасли вовремя принятые меры, помощь таких опытных жителей тайги, как гольды. Когда вода покрыла заимки и их окрестности, плоты уже были готовы и нагружены людьми, скотиной, имуществом. Гольды толкали их при помощи длинных слег в сторону небольшой рощицы,

подалеже от Тунгуски. Там их прикрепили к стволам больших деревьев.

Вода и здесь поднималась, но течение ее было слабым, едва заметным. Постепенно люди стали успокаиваться.

Гольды подошли ко мне прощаться. Тогда я спросила старшего, не может ли он отвезти меня в Хабаровск. Там я хотела обратиться к чрезвычайной тройке с просьбой о выделении катера, на котором можно перевезти переселенцев в Волочаевку.

Нанайец глянул в мои просящие глаза, подумал, вытащил изо рта трубку, сплюнул в воду и ответил одним словом:

— Ладно.

Переселенцы заволновались. Они боялись оставаться одни на плотях, видя свое спасение в поддержке гольдов.

Старший сказал, обращаясь ко всем:

— Мало-мало подожди. Скоро буду.

Сел в лодку и уехал. Через полчаса вернулся с таким же, как сам, стариком. Оба были в лодках, одна — рыбацкая, широкая, другая похожа на байдарку. Старший что-то командовал товарищу. Тот кивнул головой, очевидно, выражал согласие остаться, вылез из рыбацкой лодки и уселся на краю плота. В освободившуюся лодку мне приказали сесть. С замиранием сердца я вошла в нее и разместила на корме. Кто-то из гольдов подал мне весло, жестами показал, как надо управлять ходом лодки.

Старший нанайец сел впереди. Ему подали два весла. Он крикнул, обернувшись ко мне:

— Однако помогай! Поехали!

Мы отчалили от плота. Я оглянулась на скучившихся переселенцев. На их лицах надежда на спасение и сочувствие ко мне ввиду предстоящего опасного путешествия.

После бурного ливня наступило затишье, дождь продолжал моросить. Волнение улеглось. Медленно куда-то плыли поднятые водой с земли чурки, сухие ветки, различный лесной мусор.

Рулить непривычно. Понемногу приспособилась. Моя задача — только чуть-чуть подталкивать лодку.

Нас окружало сплошное море воды. Кое-где из нее выступали верхушки орешника. Мой вожатый умело лавировал среди них. Как он угадывал дорогу среди этого разлива, для меня было непостижимо. Вскоре я почувствовала, что мы попали в течение Тунгуски, и она понесла нас в Амур.

Нанаец часто оглядывался, по-видимому, проверял, все ли в порядке. Одобрительно кивал головой. Значит, с моей стороны ошибок не было. Я боялась пошевелиться — лодка казалась ненадежной. Полностью доверилась опыту лесного жителя.

Неожиданно нас резко рвануло вправо. Мой спутник, едва видимый в тумане, быстро работал веслом. Я старалась помогать ему, но не знаю, насколько это было успешно.

Потом течение вроде бы успокоилось. Мы плыли левым берегом Амура, по одному из рукавов могучей реки. Когда проходили под мостом, уже стемнело. Справа мерцали огоньки деревни Покровки, а далеко впереди манил к себе свет ночного Хабаровска.

Но огни в отдалении, а вокруг нас темень, хоть глаз коли, да шелест воды. Лодка то и дело натывается на что-то твердое. Временами мой вожатый кричит: «Ого-го-го!» Я отвечаю: «Эге-ге-ге» — и опять молчок.

— Наконец огни Хабаровска показались где-то далеко внизу. Зацепившись за какой-то куст, гольд перестал грести.

— Мало-мало отдыхай, потом Хабаровск, — от этих слов спутника моя душа ушла в пятки. Старик что-то бормочет. Верно, заклинания.

Поехали! Потихоньку гольд толкает лодку, ворочая веслом. Чувствую, поплыли быстрее. Ага, попали в течение! Самое печальное, плывем вслепую — темень кругом. Лодка убыстряет ход. Одной рукой держусь за борт, другой вцепилась в весло. Где уж там грести!

Нас вдруг подкинуло и завертело вокруг оси, как в вихре. Мамочки мои! Сейчас опрокинемся! На фарватере лодку понесло. Гольд крикнул: «Работай!» А сам стал грести что есть силы. Трясусь от страха. Еле держу весло. Все-таки беру себя в руки, гребу. Огни Хабаровска стали ближе.

Наконец лодка причалила у Нижнего базара. Не помню, как выскочила на берег. Ноги онемели. И не удивительно, если учесть, что наше плавание началось еще засветло, а закончилось глубокой ночью. Мы уселись на берегу и как следует отдохнули, лишь после этого пошли в крайисполком.

Было три часа ночи, когда попали к дежурившему круглосуточно представителю чрезвычайной тройки. Оба промокли до нитки, жалкие, уставшие. Доложили о положении дел, о переселенцах, о необходимости принять меры для их спасения. Дежурный дал распоряжение немедленно готовить ка-

тер и баржу с продовольствием. Среди других продуктов пострадавшим выделили 60 пудов муки.

Перед расставанием в Хабаровске я крепко пожала руку нанайцу (он назвал себя Андреем) и низко поклонилась ему. Этот старик стал мне родным. Поклонилась за всех, кто был обязан ему спасением.

Так мы расстались. И больше никогда не встретились, но память о нем осталась у меня на всю жизнь как о бескорыстном человеке.

Капитану катера я передала записку для отца, в которой сообщала, что нахожусь в Хабаровске. Нашу лодку погрузили на баржу. Нанаец поместился на катере вместе с командой. И здесь его приняли с почетом как самого надежного лоцмана.

Проводив катер и баржу, я пошла на вокзал, чтобы ближайшим поездом отправиться в Волочаевку. Вечером этого же дня была дома.

Катер подтянул плоты к Волочаевке. Центр села не пострадал. Вода дошла только до железной дороги: насыпь сыграла роль дамбы. У многих переселенцев и старожилов частично погибло сено.

Продовольствие, прибывшее с катером, передали в кооператив для правильного распределения среди пострадавших.

Сельсовету наводнение задало работы. Пришлось устраивать переселенцев с займок. Для получения ссуды каждому пострадавшему я давала справку, что у него погибло и на сколько рублей. Потери определяла комиссия, созданная при сельсовете.

Прощание с Волочаевкой

Весной 1928 года артель засеяла поля хорошими семенами. Ввели в оборот новые земли. Всходы были дружные. Но августовские дожди, вызвавшие наводнение, испортили урожай. И все же он был в целом удачнее прошлогоднего: артельные питались своим хлебом и гордились тем, что муки покупать не придется.

В селе было несколько общественных неводо́в, мужчины готовились к путине, которая давала волочаевским семьям запас рыбы на целый год.

Осенью у меня участились почечные колики. Похудела.

Хабаровские врачи предложили госпитализироваться. Как мне не хотелось уходить от своих дел! Но жестокие боли заставили поменять рабочее кресло на больничную койку.

В строгой обстановке лечебного учреждения я узнала радостную весть. Ее принес член сельсовета Пенигин, специально для этого приехавший в Хабаровск.

— Собирайся домой, председатель, — сказал он. — Из райисполкома сообщили, что на 11 ноября назначено открытие школы-памятника. К нам приедет масса гостей. Как мы проведем митинг без местной власти? После праздника вернешься сюда — долечишься.

Я не могла пропустить это событие и добилась от врачей досрочной выписки. Вернувшись домой, первым делом сходила на сопку. Школа-памятник была готова. Учебные помещения показались мне тесноваты: всего один класс для занятий, красный уголок да две маленькие комнатки для учительницы. Но памятник, с нашей точки зрения, был хоть куда: впечатляла фигура красноармейца, установленная на крыше школы.

Утром 11 ноября из Хабаровска на станцию Волочаевка прибыл состав пульмановских вагонов. Его отвели на запасный путь. С поездом прибыли шефы: воины-волочаевского полка и работники Управления Уссурийской железной дороги. На открытие памятника приехали представители краевых и районных учреждений. С особым почетом были встречены участники Волочаевских боев.

Военные выстроились. Развернули знамена. Оркестр волочаевского полка стал во главе колонны. Гости приветствовали секретарь сельской парторганизации Илья Проценко и председатель сельсовета. Грянул марш. Волочаевцы и гости направились к Июнь-Корани.

В большом зале школы-памятника не было никакой мебели, кроме стола, покрытого кумачом. Все стояли вплотную. Как председатель сельского Совета, я открыла митинг и представила слово командиру волочаевского полка, участнику боев товарищу Захарову.

Среднего роста, энергичный, подтянутый, командир рассказал о значении для новой России победы под Волочаевкой, о том, как штурмовали село, как выбили белогвардейцев из их бастиона, расположенного на сопке, как красноармейцы преодолели восемь рядов проволочных заграждений. При сорокаградусном морозе красные воины снимали верхнюю

одежду и бросали на колючую проволоку, чтобы перелезть через нее и скорее занять село. Сколько беззаветной храбрости проявили они при штурме и сколько тогда погибло молодых прекрасных людей.

Многие потом просили слова. Выступили Илья Проценко, Григорий Пенигин, партизаны Иван и Семен Кучмижаки, Арсений Серых. Рассказывали о боевых эпизодах, о людях, защищавших свою землю. По окончании митинга запели революционные песни. Гостей стали приглашать на скромный крестьянский обед. Но они ограничились осмотром села и все время удивлялись: как быстро Волочаевка восстановлена после боев.

Провожать гостей вышли всем селом. Оркестр заиграл вальс, красноармейцы вихрем завертелись с девушками на лужайке перед вокзалом. Плясовую никто не мог слушать равнодушно, в круг вышли стар и млад. Такого праздника Волочаевка не видела ни разу.

Вскоре после открытия памятника в Волочаевку приехала инструктор Некрасовского райисполкома Нина Ивановна Жаркова. Она предложила созвать общее собрание деревни.

Я должна была доложить о своей работе за последнее полугодие. На мой вопрос, зачем мне отчитываться сейчас за полтора месяца до перевыборов, Жаркова ответила: «Так нужно».

Односельчане были, как всегда в таких случаях, активны. Клуб заполнили, многие стояли в сенцах. С трепетом в сердце я перечисляла, что сделано сельсоветом за последние шесть месяцев.

Вторая половина 1928 года была насыщена заметными событиями. Одно наводнение чего стоило! Открыли школу-памятник, организовали фельдшерский пункт. Распределение рыбацких бригад, помощь сельхозартели «Новый быт», разбор жалоб, выделение участков под лесозаготовки, выдача справок и удостоверений, октябрины — да мало ли еще каких дел было у сельсовета.

— Вопросы к председателю есть? — спросил Проценко, ведущий собрание, когда я закончила отчет.

Молчание. Вся моя деятельность на виду, поэтому никто не задал никаких вопросов.

— Может быть, жалобы или претензии какие-нибудь есть к сельсовету, к товарищу Абаевой, — спрашивает у собравшихся Жаркова.

Раздаются голоса:

— Председателем мы довольны!

— Работает неплохо.

— Какие там жалобы, — говорит Борис Дроздов. — Мы, члены сельсовета, все хозяева, семьи имеем. Только помогали Валентине. А все дела она в основном сама вершила. Нет у нас к ней претензий.

Медленно, опираясь на свою палку, встал дед Кошель. Сердце мое екнуло, в глазах пошли круги. Сейчас он нажалуется, что невод у него отобрали да и насмеялись над ним. Я, кроме того, грозила и второй невод у него отобрать, если будет обижать переселенцев.

Старик поразил своей речью:

— Ей только командером быть, скачет, как скаженная, на коне. Только что ее бачили на одном конце деревни, як вона уже распоряжается на другом, або десь на заимке. Ну, як председатель, ничего соби, робить може. Бачте: два моста починили и один новый выстроили. Два новых колодца выкопали. Робить може!

Выслушав всех внимательно, Жаркова неожиданно объявила:

— Некрасовский райисполком выдвигает Абаеву на руководящую работу в Кредитное товарищество в город Хабаровск. Завтра она поедет со мной. Перевыборы состоятся в январе 1929 года. Абаева прибудет сюда и полностью отчитается за два года работы.

Собрание зашумело.

Кто-то крикнул:

— Мы еще на третий год выберем. Пусть поработает.

На это Жаркова ответила, что меня забирают на ответственную работу как крестьянку, знающую нужды села, проверенную в серьезном деле. И на новом поприще я, по мнению райисполкома, смогу принести большую пользу.

Я была потрясена. С одной стороны, переезд в большой город означал возможность получить образование, расширить кругозор, проявить себя на новой работе, с другой — жаль было оставлять Волочаевку, к которой я приросла душой и сердцем, где сформировался мой характер.

Односельчане поздравляли меня, желали успехов на новом месте.

Я оставляла ставшую мне родной Волочаевку, а в ней хороших людей, которые помогали мне строить новую жизнь.

Во многих домах подрастали мои «крестники», получившие имена не по святцам, а по выбору родителей. Щемящая боль захватила грудь. Как трудно от всего этого оторваться. Сколько было вложено сил, дум, стараний в сельсоветские дела. Я чувствовала себя благодарной волочаевцам, таким, например, как Илья Проценко. Он учил нас, комсомольцев, и сам рос политически вместе с нами. Его брат Гриша втянул меня в общественную жизнь села. Хорошая память осталась от подруг комсомолок Нины Проценко, Маруси Артеменко, Веры Чеберяевой и многих других товарищей по общественной работе.

Я оставила в Волочаевке кусочек сердца, яркую часть жизни, которую невозможно забыть и о которой захотелось рассказать сегодняшней молодежи.

НИКОЛАИ КА БУШКИ

РОДОВОЙ КОРЕНЬ — СУББОТИНЫ

Славен Амур-батюшка старинными селами по своим высоким берегам. Иным из них век, иным два, а иным уже и за три перевалило. Албазино, Буссе, Поярково, Пашково, Радде, Помпеевка, Союзное, Екатерино-Никольское, Пузино, Благословенное... Славен Амур-батюшка селами, славен. Основали их русские землепроходцы? земледельцы, казаки, переселенцы, вольный люд и голь перекатная, что шли в эти неизведанные и необжитые земли искать лучшую долю: земли к хлебопашеству удобные да волюшку вольную. Чтобы подале от царской розги, глаза всевидящего да перста церковного. Не один десяток сел и станиц был заложен забайкальскими казаками — служивыми людьми русского государя. Испокон веков выпала этим амурским селам роль охранных пограничных станиц. Сеяли мужики хлеб, держали скотину, рубили дома — этим самым укрепляли, давали жизнь диким берегам, несли ее сюда и утверждали здесь. И до сих пор, как избежали на крутой бережок, так и остались — села, селеньица, хутора, хуторки, деревни и деревеньки русские. С рублеными* избами, развесистыми ивами, хлебными пашнями, банями, палисадниками, белыми крылечками, резными карнизами да искусными ставеньками.

В одном из таких сел, Екатерино-Никольском, что стоит на крутой излучке Амура, в середине прошлого века обосновался со своей семьей забайкальский казак Алексей Тимофеевич Субботин. Ныне родовой корень Субботиных на амурской земле разросся, дал могучие ответвления, пустил новые ростки. И было от чего. Ведь как-никак, а детей у Алексея Тимофеевича было восемнадцать душ да и прожил-то он ни много ни мало, а 103 года. О двух его внуках — Василии Николаевиче, восьмидесяти одного, и Филиппе Николаевиче,

семидесяти одного года от роду, уроженцах села Екатерино-Никольское, родных братьях, и пойдет речь. Первая встреча — с Василием Николаевичем, старшим братом.

Дом Василия Николаевича, рубленный крепко и ладно хозяйской рукою, стоит в самом центре села на улице имени Яшина, пограничника, погибшего в зиму 1941 года при защите нашей границы от японских интервентов. Встречает нас высокий, не потерявший стройности и строгой выправки человек, с умным лицом, светлой улыбкой, добрыми глазами. Густые, темные, с редкой проседью волосы подстрижены в аккуратную короткую прическу. Крестьянский дом, крестьянский уклад, крестьянская обстановка в доме. Темно-серая рубаха, с прямым, без отворотов, воротом застегнута на самую последнюю пуговицу, она плотно облегает его костистую жилистую фигуру. Проводит в дом. Садимся. По-крестьянски лежат на коленях руки. Руки, что держали плотничий топор, казачью шашку, хлебные зерна или темную плодородную амурскую землю в пору ранней весны... Течет неторопливый рассказ человека, так много изведавшего за свою жизнь...

Плыли на жерновах

— Родова наша пошла из-за Байкалу. Дед Алексей Тимофеевич шел по Шилке да по Амуру, на Албазин, Поярково, Пашково. Шел сплавом. А которые шли на пароме или на своих домах — разбирали дома, вязали плоты да иплыли на новые земли. Дед-то много порассказывал. Плыли с детьми, со своим скарбом, сохи, вилы, топоры, чугуны да жернова — все с собой волокли, всякую железку, всякий гвоздь — железо-то было в великой цеpe. Трогались в неизведанное. 'Бабы-то ревели: «Помирать едем». Не померли. Ехали со слезами. А вот нашли радость. Вышло, что не помирать, а жить. Недаром, видать, наш дед вез сюда доставшийся ему еще от отца в наследство каменный жернов. Да и другие переселенцы везли жернова. Сидели на них мужики, чтоб он — никуда, дорог больно был, жернов-то, в те поры. Долго мололи мы им хлеб, жерновом деда Алексея. Вручную мололи. До самой Отечественной дожил он. И даже позже, когда туго было с мучицей, он нас выручал еще. Дед был до земли охоч, до крестьянской работы. Облюбовал он это место на высоком берегу над Амуром. Дом поста-

вил. Землю корчевал, пахал да хлебушек на ней сеял. Силы, конечно, все это требовало великой. Да дед и не обижался на силушку. Водилась она у него по молодости, да и потом, в суровых годах. Восемнадцать пудов на плечах поднимал он от Амура до пятой улицы. Крепок был, работящ, такую семью содержал, детей на ноги поставил. Правда, до нынешнего-то времени никто из них не дожил — попримерли да сгибли в войнах... А род-то дедов разросся, род пошел вширь да вглубь, корни пустил старый субботинский корень. Отец наш, Николай Алексеевич, родился уже здесь, в 1870-м году, и мы все здесь народились. Нас, детей, у него было десять — семь мужиков да три девки: Филипп, Иван, Николай, Александр, Михаил, Семен, Анна, Нина, Александра да я, старший самый из них. Только по нашей родовой ветке у деда такая орава, а если их восемнадцать... Вот и считай, сколько тут нас, Субботиных...

Рядовой казачьей сотни и красный партизан

— В девятнадцатом году, при временном правительстве, меня забрали в казаки. Я еще не был женат. Отец, честь по чести, справил мне коня, седло, новую сбрую мы сшили — кожи выделывать умели. И прибыл я в казачью сотню, что стояла у нас тут, в селе, на границе, как подобает настоящему казаку: со своим конем и седлом. Сотня-то держала тут границу, участок был от села Радде до стыка с участком станицы Михайло-Семеновской по Амуру. Стояла она на взлобке, тут, неподалеку. Была в сотне и своя артиллерия — две громобойных пушечки. Дали мне тут всю боевую амуницию: форму, клинок, винтовку, пику. А служить наладили в Благовещенск, в первый Амурский казачий полк. Время кипело. Гражданская война, а тут интервенты: японец, американец лезет. Среди казачества бродила смута. И когда произошел переворот, мы перешли на сторону революции, влились в революционную армию. Это была партизанская армия. В апреле нас переформировали и бросили на забайкальский фронт против атамана Семенова. Воевать нам с ним пришлось долго, били мы его, но и сами несли потери — сказывалась наша крестьянская и рабочая неопытность в военном деле. Но все же мы его доконали. С разбитыми остатками

своих войск он отступил в Монголию, мы преследовали его и громили. А вскорости пришлось нам встретиться и с бароном Унгерном. С ним мы сошлись под городком Троицко-Савском. Тяжелый был бой, какие я помню, самый тяжелый. Наш полк весь участвовал в нем. Унгерн был разбит, а наш полк был удостоен звания именного полка, отныне он стал именоваться — Троицко-Савский. Бивали мы Унгерна, бивали барона, крепенько бивали...

Вскоре после этого боя нас направили под Читу. Наш год подпадал под демобилизацию, но нас задержали — тяжелейшее положение сложилось под Хабаровском, открылся второй фронт, нарастали события под Волочаевкой... Наш полк бросили под Волочаевку. От Читы до Облучья поездом, от Облучья верхом на лошадях — к Волочаевке. Буквально на два-три дня мы не успели к Волочаевскому бою. В селе Нижне-Спасском, рядом, считай, с Волочаевкой, мы сошлись в бою с отступавшими белогвардейцами.

Командиром полка у нас был Леонтьев. Он мой одноклассник, грамотный, бывший царский солдат, перешедший на сторону революции. Он умело расставил силы, мы разбили белых без особых потерь.

После этого мы соединились с Народно-революционной армией Блюхера и шли к Хабаровску ее правым флангом, на Васильевку. Это был мой последний бой в гражданскую войну.

После двух суток отдыха в Васильевке главные силы двинулись в Приморье, очищать его от интервентов и белогвардейцев, а нас направили в Хабаровск и вскоре справили документы на демобилизацию.

Обнял я своего боевого коня, который столько раз меня выручал в боях. Шутка ли — ведь прошли мы с ним через огонь и смерть все Забайкалье, были в Монголии, дошли до Приморья. Через снега, дожди, распутицу, через горы, тайгу, болота и хляби... Обнял я коня, снял свою винтовку, поцеловал шашку. И передал все молодому бойцу революционной армии, чтобы он верно служил нашему святому Отечеству.

На этом и закончилась для меня война в гражданскую. Поехал я домой, в свое родимое село Екатерино-Никольское. Землю пахать да хлеб растить. А некоторые мои однокашники воевали еще и в Приморье, громили белых, гнали япон-

ца до самого океана. Вымели их с нашей земли и там метлы привязали, чтобы никогда не посягал на нашу землю завоеватель...

Мы держали и держим границу...

— Вот так мы и жили тут, на родной земле. Жили так, как велел родовой родительский завет: хлеб сеять да землю беречь. Сеяли мы хлеб, хранили землю. В тридцатом году вошли в колхоз, потом и сами помогали колхозы организовывать. Пошел я работать пчеловодом, места-то тут благодатные. Брали меду помногу, поставили меня бригадирствовать. Обзавелся семьей, дети уже поднимались вовсю, на ноги становились да годились в помощники, сами-то мы ведь тоже росли в крестьянском труде с малолетства; то пахота, то посеивная, то покос, то прополка, то уборка урожая. Но уборка-то — это уже в радость. Хоть и тело гудит от работы, а — праздник! Да какой праздник!..

И еще раз мне пришлось брать винтовку, чтоб охранить землю. Уже пер фашист. Ух как пер! Нагло, нахраписто. Да ведь мы-то загодя знали, что перешибем ему хребет. Перешибем! Нельзя нас взять ни нахрапом, ни силой, ни хитростью. Кишка тонка! Ведь мы сильны корнями, которые нас соединяют с землей! Им, как-никак, века и тысячелетия. В сорок пять лет я снова взял винтовку. Пришлось оторваться от земли и поля. Пошел на границу. Сильно уж тут охальничал самурай. Ни днем ни ночью он не давал нам житья. Шел сорок второй год, стояли мы в боевой готовности, держали границу. Восемнадцатый полк, сто третья дивизия, вторая армия. Три года держали границу.

А потом я участвовал в разгроме японской группировки в направлении города Сун-у. Окола ста двадцати тысяч солдат Квантунской армии стояло здесь у японцев. Бои были упорные. Смертники зверствовали, но справедливость и сила были на нашей стороне. Под Сун-у я и получил «угощение» от японца. Ранение в голову. Щеку разорвало, челюсть изуродовало, зубы вышибло. Рубцы вот остались. Самурайские метки. Но я думаю, что мы их надолго отучили ходить на нашу землю. Мы ведь как живем: нас не тронь и мы тебя не тронем. А уж тронешь — пеняй на себя.

Так и живем вот — в работе, трудах и заботах. Жизнь проходит не зря. Пятерых детей подняли. И что бы мы ни

делали — пахали или сеяли, рубили дома — всей своей жизнью мы держали границу, оберегали и уберегли землю.

После войны я тоже пахал да сеял. Да опять же промышлял пчеловодством. Пасека наша совхозная стояла на Старичихе. Урочище и речка. Старичиха. Пятнадцать лет, считай, только бригадирствовал на совхозных пасеках. А их в совхозе было двенадцать: в Поликарповке, в Кедровой пади, в Чашевитой пади, в Хлебной пади, в основном это по речкам Самарке, Столбухе, Маньчжурке. Полторы тысячи пчелосемей было. Земля наша богатая, хлебородная, все она дает, все родит. Хорошая земля. А отчего она хорошая? Да от того, что хорошие люди бросали здесь вечные зерна. За нее боролись, с нею выжили. Война — это великое несчастье для человека и для земли. Не приведи господь пережить человеку то, что мы пережили за свою жизнь в боях и войнах. А я вот пока еще копаюсь, чего по дому сладишь, где во дворе потюкаешь, где дровец порубишь. Чтоб человек жил, надо работать. Крепость ведь в человеке от труда. Работа дает нам жизнь. Наши дни продлевает и радости.

Мы выходим во двор. Василий Николаевич выходит с нами, провожает. От весенней голубизны шурятся, улыбаются и молодеют его глаза. Воркуют на крыше голуби. Теплый земной свет излучает крестьянский дом, с этими пожелтевшими от времени бревнами. Дом человека. Дом пограничного крестьянина, красногвардейца, солдата второй мировой, отца, деда и прадеда Василия Николаевича Субботина, всю свою жизнь отдавшего этой родимой земле. И пока мы идем вдоль улицы, он долго стоит, в светлой задумчивости опершись на темную оградку заскучавшего за зиму по цветам палисада. И не разобрать — то ли это радостный свет весны, то ли это возносящийся свет пережитого тихим звоном струится в просветленную душу, даруя ей родниковую глубину и лазурную чистоту.

* * *

Субботина Филиппа Николаевича мы застали дома, живет он тут же неподалеку, в самом центре села, на улице Пограничной, на бойком месте. Крепкий, ладно сбитый человек встречает нас с жизнерадостной улыбкой:

— Пора-то на дворе какая стоит! Я уже и на берег выходил, и в эту сторону — к полям. Амур подпирает — лед трещит. Земля в поле дышит. Живая!

Нетрудно понять душу Филиппа Николаевича, всю жизнь связанного с землей. Здесь он родился. Здесь пахал и сеял. Здесь передал он свою сельскохозяйственную науку детям. И теперь они по весне выходят в поле на своих железных конях — пятеро сыновей Филиппа Николаевича механизаторы, один работает конюхом в совхозе, дочь Любовь Николаевна заведует сельской почтой. Отчего же оно будет спокойно, сердце хлебороба, в эту золотую пору, если дети его пахут. Оно теперь там, в неоглядном поле, которое начинается сразу за околицей.

— Дед нам заложил в душу любовь-то к земле. Он, родимец, Алексей свет Тимофеевич.

Дом деда Алексея

— Дом-то его рядом, вон он, — показывает в окно Филипп Николаевич. — Далеколько за сто лет простоял. И еще стоять долго будет. Знатно рублен.

А потом мы идем к этому дому.

Дедов дом... О шести окон, дом еще крепок и ладен. Темны бревна его. Потрескались с торцов по увязанным прочно углам. Потрескались и повдоль — по кривым волокнистым извивам. Два окна — на полудень, три — в улицу, к Амуру глядят, стало быть, на закат, одно окно смотрится на север.

— Дом из кедра рублен. Здесь чаще из кедра рубили. Теплее он, из кедра-то. Мягче, обрабатывается легче, чем из лиственника. А стоит-то, износу ему будто нет. Бакшеевы теперь тут живут. После деда. Алексей Степанович Бакшеев. Нашенский мужик, связист наш сельский. Завалинку теперь уже не заваливают у дома, просел он, венца на два опустился, в землю ушел. Сам рубил дом Алексей Тимофеевич, своими руками, — Филипп Николаевич дотрагивается ладонью до темных от времени бревен. — Дед на все руки был мастер. Плотничал, охотой промышлял зимой, рыбалил. Лошадей держал. Мы все лошадей держали. Все детство и юность с лошадьми. В деревне как без лошади?! Все на лошадях: и пахать, и в тайгу за дровами и лесом, на покос... Косили мы на Реучихе. Падь Реучиха. Елань. Чистое место, наподобие пригорного луга. Озернушки там. А дальше — речка Самарка. Сенокосные это уголья. Дед-то любил лошадей. Бывало, даже в баню и то на лошади. Мы уже отделились от

него, а баня была одна на всех. Истопим баню. Я еще пацаном был. Отец скажет: «А ну, Филька, запряги лошадь да сгоняй за дедом. Да поживей!» Я запрягу, вскочу на ходок. А тут же рядом. Везу деда. Бывало, спину попросит потереть или веником похлестать, попариться был мастер. Гляжу один раз — рубцы у деда рваные и глубокие на обоих плечах. «Что это, дедушка?» — «А, — с неохотой отвечает дед, — по молодости дурачился, дружки меня веревкой связывали, а я рвал ее». Могучий был дед. По два мотка колючей проволоки уносил на каждой руке. Враз это четыре мотка, центнер, продевал в них руки и нес перед собой с причала и до дому. А уж пахать — никто в деревне с ним тягаться не мог. Несколько пар лошадей запалит и сменит, а плуга не выпустит из рук.

Правда с сельскохозяйственным инвентарем у нас было туговато. Все надо было купить, все добыть: каждый лемех, каждый винтик, каждую скобку и гвоздь. В те поры жили у нас в деревне два купца. Лавчонки свои держали. Гришка Вертопрахов да Егорушка Сапожников. Они нас всем тут снабжали. Вертопрах доставал технику, плуги, сеялки; бороны-то мы сами мастрячить умели — деревянные. А Сапожников — тот промышлял товарами: солью, сахаром, чаем, мануфактурой, крупами, свечками, торговал и другой всякой всячиной и мелочью. Везли-то они все из Благовещенска или во Владивостоке добывали — вон аж откуда! Ну и стоило все это денег больших. Где их взять? Вот и рассчитывались мы хлебушком отборным. Золотой пшеничкой, что потом и кровью выхожена да полита.

Егорша Сапожников еще и врачевал — лекаря своего у нас в деревне не было. Знал он травы да коренья, спасал людей от простуды, недомогания да какой другой лихости, хворости да напасти. Егорша-то после революции вскорости куда-то утек, сгинул. А с детьми-то его мы росли вместе, женихались по молодости, холостяжничали, хлеб растили вместе да на покос ездили.

Дед-то наш ни перед кем спину не ломал. Гордый был, и сильный. Уважали его в деревне. А за что? Да за то, что он землю знал, уважение к ней имел, хлебушек умел вырастить, выходить, хорошим да справедливым человеком был, все по совести делал, супротив нее не шел. Опора у него была большая, вечная — земля родимца. На земле прочно стоял. Да и дети. Восемнадцать душ. Десять мужиков среди них.

И все — земледельцы. Шутка ли такая орава. Это ведь сила!..

Все мы тут, Субботины, пошли от этой земли, возвращенного на ней хлеба, от этого вот дедова дома. Врос он глубоко, ушел в землю самыми корнями и все глубже уходит, как и весь наш субботинский род, вся родава наша...

Почетный гражданин совхоза

Зерно на ладони человека... На крестьянской ладони, знающей цену хлебу. На ладони, иссеченной глубокими бороздами, как и само хлебородное поле. От этого маленького зернышка берет свое начало великое имя — Хлеб. И имя это неразрывно связано с полем, с землей, с каждой ее пядью, с человеческой жизнью. Какое это великое, какое безбрежное и прекрасное это родство: хлеб, земля и жизнь человека. Какая нерушимость, какая неразрывность звеньев и судеб. Судеб людей, взрастивших хлеб и охранивших землю. Какой великой любовью наполнены эти светлые понятия.

— Давно это все начиналось — крестьянская наша любовь к земле, — в тихой задумчивости воспоминаний рассказывает Филипп Николаевич. — Считай, с малолетства. Деревня, крестьянская жизнь — все ведь это стоит на труде. Ведь мы еще пацанами уже вертелись, как вьюны, за отцом: в поле — с ним, на сенокос — с ним, в тайгу — как же без нас он обойдется. Копны на волокушах верхом тягали. Зерно на подводах с поля отвозили. Мох драли, когда дом или амбар ставили. Подсолнушки колотили. Лошадей в ночное гоняли. Где кол по хозяйству вгонишь, где доску пришьешь, где бревно ошкуришь да жердину какую поправишь. Лет с семи уже запрягать сами умели. А в двенадцать-то иль в тринадцать годков, когда отец недоглядывает, так и норовишь за плуг встать. И встаешь. И жилы тянешь, кожилисься, охота мужиком себя почувствовать. А вскоре уже отец и сам тебе плуг доверит. И пахарем тебя наречет. Стало быть, теперь ты вровень с ним отвечаешь и за хлеб, и за землю, и за семью. Попервости-то пуп надрываешь, пока руки окрепнут да наука придет. Но в работе наука быстрехонько приходит.

В крестьянстве-то мы все делали, в основном, дедовским способом: пахали на лошадях, сеяли — из кошелки, жали серпами, молотили цепями. А мололи — либо на ручных жер-

новах, либо волокли на водяную мельницу к хозяину, конечно, не за так, а за него, за хлебушек, мололи, он во всем выручал. К той поре, когда мы здесь вступали в колхозные артели да создавали их здесь, мне уже перевалило за двадцать годов.

Поначалу и в колхозе с техникой было туго. Свели мы своих лошадей, плуги да бороны попритянули. И назвали артель «30-й год». Вошли в артель все наши деревенские. Три семьи Чугуевских, две семьи Кареповых, Путинцевы, Щербеньковы да мы, целая орава Субботиных. Пшеничку, сою, овес сеяли. Землица-то здесь знатная, родила хорошо.

Чудно попервости было: земля вся ваша, пашите, сколько надо, сколько сил хватит обработать. Мы-то привыкли толкаться на своих клочках, там клочок да тут другой. А теперь поля разбросались вширь и вдаль. В начале тридцатого года в нашем селе уже было пять колхозных артелей.

Первую артель в нашем селе организовывал Африкан Журавлев. Бедняк, участник первой мировой войны. С германцем воевал. Старый солдат. Он-то и взялся за это дело. Поперва вошло в артель пять семей. И назвали ее «Пахарь». Потом образовались артели «Комсомолец», «Партизан», «Возрождение». Пахали. Сеяли. Целину разрабатывали — подновляли земли. Молодой Республике Советов нужен был хлеб, ведь в этом была и наша сила. Как ни трудно было стране, а мы покупали за золото технику: «Фордзоны», «Интеры», «Катапиллеры». В тридцатом году послали меня колхозники учиться на курсы трактористов.

Курсы были организованы прямо в селе. Учил нас молодой паренек Закир. Татарин по национальности. Ну совсем мальчишка, а как знал технику, с каким уважением мы к нему относились — как к богу! Жил он у Кеши Астафьева. Жаль, фамилию его я запомнил. Закир. Комсомолец. Упрямый, настойчивый, дотошный — выучил ведь нас! Выучил! И мы сами диву давались, что эти железные кони стали послушны нашим рукам. Весной тридцать первого года я закончил курсы. Принимал экзамены у нас тот же Закир: наш юный и строгий учитель. И комиссия. А короче говоря, все село глазело на нас. Как мы заводили, переключали рычаги да пахали. Подбадривали нас люди, и бежали за нами старики. Заходили в борозду — смотрели глубину да качество вспашки. Старухи крестились, охали да ахали: «Страсть господня! Не иначе как сам дьявол послал». Какое это было

незабываемое и прекрасное время — первые трактористы в селе. Первые тракторы в поле. Какая невидаль! Какая сила и красота! Советская власть заботилась о нас, о крестьянах, о земледельцах, знала, как нам нужна эта помощь. Позарез нужна.

В тридцать первом году все артели в селе объединились в один колхоз. Появились вскоре и наши отечественные тракторы — СТЗ, колесные и ЧТЗ. «Иностранцы» с ними тягаться уже не могли. Два года я работал трактористом. Как-то пашу в поле. Только во вкус вошел, приновился, понял как следует трактор, слушаться он меня стал. Гляжу, кто-то на лошади пылит. Вроде ко мне. Председатель. Остановил я своего железного коня, а он ко мне на своем коне рулит. «Организовывай бригаду, — говорит, — решили мы тебя бригадиром поставить. Дело свое знаешь, вот и бери бригаду». Я было заерепенился: шутка ли, только два года поработал, к трактору попривык, только разохотился, а тут на тебе — трактор отбирают, бригадирствуй! Так дело не пойдет, я землю пахать должен, земледелец я, пахарь, а не подгоняла, говорю ему.

«Да никто у тебя трактор и не отбирает, чего ты взъерошился! — урезонивает меня председатель. — Будешь пахать, как и пахал, а людей обучать этому делу надо, своих же, деревенских, чего их подгонять, твои же соседи да дружки». Ну, коли так... Я согласился. С той поры, с 1932 и по 1967 год, я и бригадирствовал. И пахал, и сеял, и убирал. Вся моя жизнь и прошла на тракторе да на комбайне. С комбайна — на трактор, а с трактора на комбайн. Так вот и жил — заботой о хлебе. Спасибо тому председателю, уважил он меня, не отобрал трактор тогда. А третью свою-то бригаду я передал сыну, когда уходил. Теперь он на картофеле, знатный у нас тут картофель в совхозе, знатный. А в третьей-то бригаде все мои дети работают.

Здесь, на этой земле, растил хлеб дед мой, здесь отдал жизнь хлебу отец, здесь вот и я с самого рождения, на этой земле, и дети мои. Более сорока лет я в колхозе. Сколько этой земле отдано только нашего труда, субботинского. А таких родов, как мы, — тут почти через двор. И конечно, нет мне большей радости, как видеть своих детей в том же крестьянском труде, в тех же заботах — о земле и хлебе. Люба, дочь моя, заведующая почтой, Михаил — конюхом в совхозе, доглядывает за лошадьми, Петр — механизатор,

тракторист и комбайнер, лет пятнадцать работает, коммунист, награжден за ударный труд орденом Трудового Красного Знамени и медалями, Владимир — бригадир механизированной бригады, имеет серебряную медаль ВДНХ за труд. Механизатором в совхозе и Анатолий. Из сыновей одного Александра сейчас нет в нашем селе. Он тоже механизатор. Служил на границе. Женился, после службы собрался ехать на родительскую землю. А старики жены ко мне чуть ли не со слезами: пусть ваш сын живет у нас, вас и так там мужиков хватает. Я и разрешил Александру остаться в Амурской области. Все одно земля наша — амурская. Они тут недалеко.

Тринадцать лет назад, в полувековом юбилейном году Октябрьской революции, односельчане оказали высокую честь своему земляку-хлеборобу — избрали его Почетным гражданином совхоза. В благодарность за труд, за его гражданское мужество. Особенно отрядно Филиппу Николаевичу то, что эту высокую оценку дали ему его же земляки, земледельцы, с которыми он обживал эту землю, переживал беды и невзгоды, трудности и радости.

Тринадцать лет назад Филипп Николаевич вышел на пенсию. Но разве хлебороб усидит дома, когда сила еще в руках есть.

Ударный труд амурского хлебороба в 1977-м, юбилейном году Октябрьской революции, был отмечен Почетной грамотой совхоза за высокие показатели в социалистическом соревновании механизаторов.

Неплохо встретил свое семидесятилетие Филипп Николаевич. В родимом поле, за штурвалом комбайна.

Хлеб войны

Как гром с неба свалилось на это тихое амурское село страшное известие: война. Кто-кто, а земледелец лучше всех знает, что она несет человеку и земле. Разор и пожарища, которые даже дикий зверь будет обегать еще долго, и зеленая травка где нескоро пробьется. Сжалось, облилось слезами и кровью сердце хлебороба. Война... Нету для земли и человека большего несчастья, чем война.

— В первый же месяц почти все мужики из села ушли на фронт. Подчистую. Осталось нас тут двенадцать человек. Строго по брони. «На фронт не проситесь, не рыпайтесь, хлеб

надо растить. Это и есть ваш фронт». Распределились мы в четыре бригады, мужики. Ну, понятное дело, баб нам в бригады дали, вместо ушедших на фронт мужиков. Учили мы их на штурвальных, прицепщиков да трактористов. Поначалу слезы одни, а не работа. Да и то не шутка — ни днем ни ночью перерыва не было. Тут же, на поле, вздремнешь в копне и снова за штурвал. В нашей бригаде из мужиков работали братья Малышевы, Иннокентий и Михаил, Иван Федореев да я. Из женщин в бригаде работали трактористками, комбайнерами да прицепщиками Мария Малышева и сестры Волковы — Мария и Домна.

Запасных частей — днем с огнем не сыщешь к тракторам, какая деталь выйдет из строя — сами в кузне мастрячили, как умели, лемеха оттягивали, изнашивались они до самых крепежных болтов. Случались перебои с горючим. А поле, хлеб — они ведь не ждут. И спрос за хлеб с тебя, с хлебороба. Поэтому все мы делали на ходу. Где потеряешь минуту на ремонте — за счет обеда или сна ее наверстываешь. Больше всего они и запомнились — трудовые ночи военной поры. Поле только таким и помню: темень, хоть глаз коли, но в поле гудит, работает трактор, и два ослепительных его глаза раскачивают эту черную темень. Собрание, оперативка, летучка — все делалось по-военному: быстро, четко, по-деловому. Чтобы снова в поле, туда, где решается судьба хлеба в посевную или в уборочную. Бывало, до того доработаешься, что засыпать начинаешь в тракторе — носом клюешь.

Хлеб войны... тысячи, миллионы земледельцев оторвала война от земли. Женщины, старики и дети выращивали хлеб в эту тяжелейшую для страны пору. Работали по десять, двенадцать и более часов. По две, по три нормы давали вместо одной. Знали: солдатам в бою труднее. Знали: без хлеба победить нельзя. И потому главной заботой в селе, как и всегда, было: хлеб, хлеб, хлеб. Недосыпали, недоедали, падали от истощения и непосильного труда. Но жили во имя хлеба, все до зернышка отправляя воюющему народу. Хлеб — для фронта. Хлеб — для победы...

В разгар войны, в тяжелый 1942 год, принимали меня в партию. Из нашей бригады принимали нас с Иннокентием Малышевым. И вступал еще в партию Иван Баранов, тоже тракторист, механизатор. Принимали в горячую пору — в уборочную. Немец пер на нас, пер нахраписто и самонадеянно. Тогда он еще от нас не получил по своему фашистскому

мусалу. Но уже недалеко было то время. Поднималась народная сила, несокрушимая и могучая. Миллионы людей вступали в партию коммунистов, умножая ряды бойцов партии Ленина. Помню, прямо с поля мы пришли в правление колхоза. В рабочих спецовках. Пыльные, прокопченные мазутом, задубленные солнцем и ветром. Рекомендации мне давали Матвей Попов, колхозник, старожил села, в прошлом из батраков, был парторгом, а потом председателем сельсовета, да парторг Железный. Фамилия у него была такая — Железный. Приняли нас единогласно. И мы снова отправились в поле, на свой трудовой фронт — фронт борьбы за хлеб. Тяжело давался нам хлеб войны. Труден он был и горек, пропахший потом и кровью народной...

Но мы не пропали. Земля дала нам силы выдюжить. С нею мы восходили к свету, с землей, с нею столько невзгод перенесли, с нею, кормилицей, выстояли и победили. Самым святым заплатили за победу — своею кровью, людскими жизнями... Сколько их лежит в земле — наших односельчан. Хлеборобы, земледельцы... Жили. Хлебушек людям растили. А как ушли на войну — так и канули. Сгнули на веки вечные...

Дума у обелиска

В какое бы амурское село ни заехал, в какую бы деревеньку ни завернул, в самом центре, на взгорках, площадях, в скверах стоят памятники, обелиски, мемориалы. Партизанам и красногвардейцам гражданской войны, солдатам Великой Отечественной, воинам границы, чья служба — всегда боевая. Пузино, Амурзет, Екатерино-Никольское... Памятники, памятники, памятники. Солдатам отечества, лучшим сынам Родины, отдавшим свои жизни за свободу родимой земли. Священна народная память. Нетленны и вечно живы среди живых дорогие сердцу имена...

В центре села Екатерино-Никольское, неподалеку от дома Филиппа Николаевича Субботина, старожилы и земледельца, на той же самой улице, где он живет, на красном взгорке, в суровом холодном молчании застыл мемориал славы. Высокая серая стела взлетела в небо, подняв на самую вершину орден Отечественной войны, увенчанный алым пламенем... По обе стороны золотом начертаны имена погибших

земляков. И не просто земляков. А братьев, отцов, дедов и сыновей. Вот двое братьев Бокшеевых — Степан и Петр, трое Кибировых, четверо Рюмкиных, пятеро Кареповых, пятеро Ушаковых, А. Н. Субботин, Л. В. Сапожников, Д. Е. Угрюмов, двое Федореевых, двое Четкиных, В. Х. Закомолдин, Д. М. Бондарь, И. Ф. Козырев, А. П. Ярославцев, П. А. Ярославцев, трое Пешковых... Имена, имена, имена... Золотом выбиты обращенные к восходу солнца имена земляков...

Кто они, эти люди, чьи имена запечатлены здесь навечно? Кто они?

Земледельцы, плотники, трактористы, комбайнеры. Они сеяли хлеб, пахали землю, рубили дома, несли службу на границе, они строили новую жизнь на освобожденной земле. Они ходили по этим улицам. Они любовались Амуром в пору ледостава или в полыхании заката. Они лелеяли детей, сажали деревья, думали о прекрасном будущем, своим трудом, всей своей жизнью приближая его. Они ушли в огонь войны. И не вернулись, навечно оставшись в сердцах земляков такими, какими их помнят здесь.

— Я помню почти всех, — говорит Филипп Николаевич Субботин. — Как не знать — это же все наши односельчане. В колхоз записывались вместе, вместе на трактористов учились, пахали сеяли.

Денис Карепов. В моей бригаде работал трактористом. Погиб. Иван Рюмкин, тракторист. Погиб. Ушаковы, жили вверху села, работали трактористами. Погибли. Иван Васильевич Ушаков — тракторист из моей бригады. Погиб...

Погиб... Погиб... Погиб...

Филипп Николаевич надолго задумывается. Что, какие мысли, какие думы тревожат его голову, какие чувства кипят в равнодушной душе человека, знающего цену хлебу, знающего цену свободе и освобожденному труду?..

— Наш дом родительский стоял на месте, где теперь стоит обелиск. Отсюда мы в поле выходили, отсюда бегали купаться на Амур, сюда привели своих невест и здесь назвали их женами. Брат у меня был родной, Шурка, средний брат, четырнадцатого года рождения. Был он пограничником, Александр. Действительную служил на границе. И к началу войны с фашистом тоже стоял на границе. Держали они границу под городом Борисовом. Погиб в тысяча девятьсот сорок первом году... В первые дни войны. Первыми встретили фашистов. И полегли там... Сына я назвал в честь брата Александр.

ром. Тоже пограничником был. Теперь землю пашет, хлеб выращивает. А имя брата тоже стоит на обелиске. Вот оно: Александр Николаевич Субботин. Родной братеньник... Все тут наши, екатерино-никольские. Жили, жить думали, а пожить не пришлось...

Священна народная память... В самые великие праздники, в самые торжественные дни приходят сюда люди всем селом, односельчане погибших, нынешние земледельцы и хлеборобы. Приходят, чтобы отдать дань великого уважения, мысленно поведать им свои глубокие светлые думы, помянуть добрым словом за все прекрасное, что было содеяно ими на этой амурской земле. Приходят люди. Чтобы на миг прикоснуться к бессмертному подвигу своих земляков. Чтобы соизмерить свои думы и чувства с их великой любовью. Любовью к родимой земле. Как высоки и значительны эти минуты. Минуты молчания у обелиска...

Глухо вздрагивает и трещит лед на Амуре. Падает в землю зерно. И уже пробиваются к свету зеленые иголочки первых всходов. Жива и нетленна память о павших на этой благословенной земле. Земле людей. И в выращенном хлебе, в незамутненных родниковых истоках, в сбереженном мире — во всем живет нетленная красота людей, незабвенная память тех, кто отдал жизни за эту жизнь.

Светло и открыто живут люди в старом пограничном амурском селе Екатерино-Никольское. Живут на высоком берегу Амура, на виду у сопредельной стороны, на виду у всего мира, во весь рост. Никого не пугая и никого не страшась. Земледельцы. Так здесь жили испокон, так живут сегодня. И так жить будут вечно.

АБРАМ МОРДУХОВИЧ

МЫ ШЛИ СКВОЗЬ ОГОНЬ И СМЕРТЬ

1500 коммунистов и 6600 комсомольцев области добровольно и по мобилизации ушли на защиту социалистического Отечества.

Из документов областного партийного архива

Каждый год, в канун 9 мая, я прихожу в свою первую — биробиджанскую школу. Захожу в тихий урочный час в коридор на первом этаже, где на мемориальной доске золотятся имена бывших учеников, не вернувшихся с войны. Со многими из них я учился, вступил в комсомол, совершал походы, первые прыжки с парашютом с У-2.

Тридцать шесть имен. И за каждым — унесенная войной судьба. Солдаты... Где только не спят они, вечно молодые, вечным сном, отдав жизнь за честь, свободу и независимость Отчизны. Михаил Шмуклер был комсоргом школы. В июне 1941 года во главе с ним ушли на фронт выпускники десятого класса. В боях под Полтавой в начале войны погиб Алексей Шестопалов. На Курской дуге погиб танкист Георгий Назаркин. На Днепровской переправе — братья Павел и Александр Недовесовы, Бенцион Фабрицкий. Пал смертью храбрых в лесах Белоруссии партизан, участник Минского коммунистического подполья Матиас Столов...

Целый поток воспоминаний проходит, когда стоишь несколько тихих минут у доски с именами ушедших в бессмертие. Ты словно вновь проходишь фронтовыми дорогами со своими однополчанами, сверстниками-комсомольцами огненных сороковых...

Июльской ночью 1942 года неэвакуированные раненые из госпиталя, расположенного на станции Чернянка, были подняты по тревоге.

— По четыре! На дорогу шагом марш! — скомандовал старшина Быстричкин. — Не отставать!

И заколыхалась по настороженному шляху странная колонна. Предутренний ветерок раздувал полы халатов. Минут через десять, когда, отеснив нас в сторону, пронеслись одна

за другой с десятков полуторок и подвод со снарядами, мы с головы до ног были в пыли.

— Теперь и маскировки не надо, все под один цвет, — усмехнулся Сергей Борздов. Но было не до шуток. На западной окраине станции лязгали гусеницы немецких танков, строчили крупнокалиберные пулеметы. Густой дым стлался над садами. Трещали в пламени дома, будто им выворачивали суставы.

Беспокоит еще не зажившая рана. Сползает повязка, не рассчитанная на долгий путь. Прошли еще с полкилометра и опять остановились, пропуская к линии фронта машины и подводы с боеприпасами. Кончалась короткая летняя ночь, занималась заря, медленно поднимался золотисто-красный диск солнца.

— Сергей, — обратился я к Борздову, — сойдем в сторону, повязка съехала.

— Да вот и у меня тоже, — соглашается он.

Сходим в заросшую лопухами канаву, помогаем друг другу. А тем временем наша колонна серой змеей уже вползала на бугор, через который пролегалла дорога. И тут прямо над дорогой, поливая ее свинцовыми струями пулеметных очередей, пронеслись три «мессера». За ними еще три. На бугре и за ним неистово завывало, загрохотало.

— «Чемоданы»! — крикнул Сергей.

«Месеры» сбрасывали длинные кассеты с осколочными гранатами. Мы выскочили на дорогу. По ней одна за другой мчались пустые подводы. Ездовые что есть сил хлестали и без того испуганных коней. Не сговариваясь, мы ухватились за железный прут задка последней повозки. Отчаянным усилием Сергей подтянулся и перекинулся в кузов грохочущей колесницы. Ездовой кричал что-то, грозил ему кнутом, но Сергей затыгивал в кузов и меня. Мимо нас, словно в кошмарном сне, пронеслись лежащие в густой пыли серые халаты, серые мертвые лица товарищей по госпиталю...

Память. Она прочно бережет далекое прошлое. И когда оно начинает всплывать, ты теряешь покой, ощущаешь горячее дыхание войны. Перед глазами проходят картины суровых годин. Доносится грохот разрывов, слышатся фронтовые песни. Все это было...

Впереди медленно катил свои воды Донец. Переправу у районного центра Коротояк бомбили. Юнкеры с паучьими свастиками пикировали на переправу, на городок. Мы лежа-

ли с Сергеем в кювете, и при каждом заходе юнкеров казалось, что бомбы летят точно в наши спины. Но то, что мы вдруг увидели, заставило пересилить страх. На прицерковной площади металась двое ребятишек.

Рывок — и я схватил за рубашонку одного из них, свалил в кювет и прижал своим телом. Другой малыш в испуге бросился от Борздова к церкви. Тут разом грохнуло, словно свинцовыми пробками, заложило уши, придавило к земле, засыпало, заволочло дымом и пылью.

Сколько прошло времени после разрыва бомбы, не определить. Очнулся я от того, что лежавший подо мной мальчонка колотил меня пяткой в живот. Когда я поднялся, он с ревом бросился наутек. Неподалеку поднялся с земли Сергей и застыл в оцепенении. Я повернул голову. Холодный, соленый пот залил глаза. У дымящейся воронки от фашистской бомбы ворочалось что-то маленькое. Под синим небом и палящим солнцем уходила из обезноженного тела ребячья жизнь.

— Люди! Вы видите, люди! — хрипел Сергей, не в силах отвести взор от страшной картины...

А переправа продолжалась. На том берегу реки нас определили в артиллерийский полк, в один орудийный расчет.

Изрезанная балками и оврагами степь у Волги — в дыму разрывов, в грохоте залпов, в реве моторов. Над Сталинградом сплошное зарево. Когда немного рассеивается дым и становится заметным солнце, можно осмотреться. Что это за хутора чернеют перед нашим передним краем? Какие хутора?! Это — сотни сожженных танков, самоходок, бронемашин, тягачей. Полюнь да редкий кустарник — единственная растительность, выдерживающая шквал огня в этих степях.

Зарывшись в отроги балок, на высотах стояли насмерть пушки нашего дивизиона. Это было время суровых солдатских девизов: «Велика Россия, а отступать некуда», «За Волгой для нас земли нет».

В тот осенний день фашисты атаквали особенно яростно. Еще не успел остыть орудийный ствол от предыдущих залпов, как на нашу пушку, стоявшую на открытой огневой позиции, клином пошли три вражеских танка. Метрах в пятидесяти перед нашей огневой, в твердой как цемент суглинистой земле мы вырыли три колодца в рост человека. В них

с противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью дежурили поочередно пушкири. До сих пор не было случая, чтобы танки достигли рубежа колодцев. Но в этот раз...

Головной танк загорелся от меткого выстрела подкалиберным снарядом. Второй завертелся на подбитой гусенице, от него поползли выбравшиеся через нижний люк танкисты. Но третий танк рвался к нашей пушке. Выпущенная им стальная болванка разбила противооткатное устройство.

И тут громыхнул взрыв, фашистское бронированное чудовище обьяло пламя. Это Сергей Борздов из своего колодца вцепил в моторную часть танка гранату и для верности еще пару зажигалок. Вражеская атака захлебнулась и на этот раз.

Вечером 6 ноября 1942 года в большом блиндаже в балке Грачевой состоялось партийное собрание. Где-то неподалеку рвались мины. Сквозь щели в бревнах наката струился песок. Коптили фитили в гильзах-светильниках. Их колеблющийся свет освещал портреты Ленина и Сталина на забранной фанерой стене блиндажа.

Я волновался, казалось, больше, чем когда на нашу пушку шли немецкие танки. После контузии еще плохо слышал на правое ухо и все время приходилось вертеть головой.

— Поступило заявление, — сказал замполит дивизиона майор Верхутин, — от комсорга первой батареи, сержанта... Это мое заявление. Рекомендации мне дали коммунисты Борздов и Верхутин. Голосуют единогласно. Майор пожал мне руку, поздравил с вступлением в ряды ВКП(б) накануне 25 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе со мной на том памятном собрании в партию принимали заряжающего Матвея Ноздрачева и подносчика снарядов Ивана Котляра.

Возбужденные, в приподнятом настроении вернулись мы к себе на огневую, где старшина батареи Харченко торжественно налил нам наркомовские сто граммов, а повар Куликов угостил роскошным ужином — жаренной по-офицерски картошкой.

То были еще времена, когда наши союзники не потчевали нас консервами. Они все еще выжидали, чем закончится Сталинградская битва. Так что допайком для нас была отварная конина, которую быстро готовил Зура Хаджаев, да запаренная в котелке шелушенная из колосков пшеница,

сдобренная чайной ложкой желтого сахарного песка. От куриной слепоты, которой поголовно переболели все, спасались чуть отваренной лошадиной печенкой. Боевые кони служили нам и после своей гибели.

Сергей Борздов, Иван Котляр, Зура Хаджаев, все другие боевые друзья — никто из нас не забудет день 19 ноября 1942 года, ставший Днем артиллерии, днем бога войны. Мы были участниками небывалой до этого артподготовки, начала окружения и уничтожения армии Паулюса на берегу Волги. И конечно, всем нам помнится день 2 февраля 1943 года.

Огневая позиция нашего орудия находилась у самой дороги, ведущей к тракторному заводу. Мы сидели в большой воронке, накрытой куполом немецкого парашюта, вокруг раскаленной жестяной печурки. Ждали рассвета, чтобы начать окончательный штурм. А холод, как на полюсе. Кажется, что воздух превращается в ледяные кристаллики. Борздов протер заиндевелые от мороза глаза и посмотрел в сторону восходящего солнца.

— Смотрите! — воскликнул он.

Мы выглянули из своего убежища и увидели над горизонтом три расплывшиеся в тумане светлые диска.

— Три солнца! — изумляется Петя Колесов, самый молодой наш пушкарь.

Но почему до сих пор нет команды «Огонь!»? Что за непривычная тишина вокруг? Ударил по нервам зуммер телефона.

— Что?! Ура! Конец! Капитуляция!

У немецких блиндажей показалась группа с белыми флагами.

— Эге! Припекли вас нынче три солнышка! — крикнул в их сторону Петро.

Мы все невольно взглянули на просветлевшее за Волгой небо, но там уже было только одно яркое солнце — солнце нашей победы.

16 февраля в Грачевой балке состоялся парад, наш первый парад Победы. На солдатских гимнастерках засверкали медали «За отвагу» и гвардейские значки. Маршал Воронов и командующий пятой гвардейской армией генерал Жадов вручили нашей дивизии Гвардейское знамя.

Когда говорят, что уставший солдат спит как убитый, можете поверить, что это так и есть. До того как в нашем дивизионе появились тягачи, наша 76-миллиметровая пушка

была на конной тяге. Расчет следовал за ней, как цыплята за квочкой, по тридцать, а когда и пятьдесят километров в сутки. Особенно были тяжелы ночные марш-броски. Только оборудуешь одну огневую позицию, как поступает команда: «Отбой. Сниматься!»

Под Новоукраинкой после марша успели до рассвета окопать и замаскировать пушку, а ровики отрыть не успели. Вырыли лишь ниши под бруствером и укрылись в них.

Кажется, только сомкнул веки, как разбудил часовой:

— Командир, посыльный от комбата.

Открыл глаза — совсем светло, тишина, только где-то впереди рокот моторов.

Комбат приказал двигаться в Новоукраинку, на северную окраину. Немцы за ночь драпанули. Значит, снова сниматься — и в путь...

Впереди гремели новые бои. Шли дни, недели, месяцы. Освобождена родная страна, советские воины вызволяли из фашистского ига народы Европы. Бои на Сандомирском плацдарме, куда наша армия переправилась в начале августа 1944 года, запомнились нам, артиллеристам, дуэлью с новыми сверхтяжелыми немецкими танками. Если на Курской дуге они были представлены «тиграми», то здесь появились танковые батальоны «королевских тигров». Их мощная броня, тяжелое вооружение придавали врагу некоторое чувство надежности и самоуверенности.

Одиннадцатого августа танковый батальон, в составе которого были «королевские тигры», атаковал нашу батарею. Лощина, в которой стояли наши пушки, была удобна для скрытого прохода. Этим решили воспользоваться гитлеровцы, чтобы прорваться на стыке нашей и тринадцатой армии и взять город Сташув.

В то раннее утро туман, словно парное молоко, скрывал все на расстоянии трех метров. Прибежали находившиеся впереди наблюдатели-разведчики и доложили комбату, что с высоток спускаются танки. Мы и сами уже слышали форсирующий рев моторов и залпы орудий самоходок и танков.

— Принимаем бой вслепую, — отдал приказ капитан Буровцев. — Будем бить по орудийным вспышкам. Когда эти вспышки стали достаточно различимы, батарея открыла огонь. Завязалась невиданная дуэль. «Тигры», «пантеры», самоходки шарили в тумане, приближались вплотную к нашим орудиям и так же, как и мы, били по вспышкам. Прямым

попаданием были выведены из строя третье, потом второе орудие. Оставшиеся в живых бойцы этих расчетов, разведчики, связисты помогали двум уцелевшим пушкам.

Вот, наконец, метрах в ста от моего орудия запылала вражеская машина и осветила все вокруг себя. Но замолкло и четвертое орудие. И тут за нашими спинами прогремел залп гвардейских минометов. Снаряды с огненными хвостами пронеслись у нас над головами, и перед нашей исковерканной позицией поднялась стена сплошного огня. Тумана как не бывало. Стало видно, как карабкаются на высоту уцелевшие вражеские танки. Закопченные, оглохшие, оставшиеся в живых артиллеристы валились с ног от усталости. Но упустить такие мишени, не отомстить за погибших в этом бою товарищей не могли. Перед батареей чадило 18 разнокалиберных вражеских машин, среди них и «королевский тигр». От буйной растительности, поляны ярких цветов не осталось и следа.

Подробности боя мы восстанавливали потом, когда похоронили убитых, отправили в санбат раненых и ремонтировали свою пушку в передвижной артмастерской. Ребята вспоминали, что в начале боя я командовал орудийным расчетом, как положено, потом сам сел за панораму и они едва успевали подносить снаряды. Когда были разбиты две пушки батареи, прервана связь с полком, комбат с одним из связистов добрался до дивизиона гвардейских минометов и скорректировал залп «Катюш».

На второй день пребывания в артмастерской, после обеда, Матвей Ноздрачев и Петр Колесов устроились отдохнуть в холодке под двуконной повозкой. Я примостился у штабеля снарядных ящиков и выполнял поручение парторга, оформлял «боевой листок».

— Командир, слышь, командир! — раздался из-под подводы голос Петра. Хочешь получить привет из родных краев?

— Какие это ты приветы выискал во сне?

— Да не дрыхну я еще, давай живо сюда!

Ну, думаю, это хорошо, отошли ребята, начались розыгрыши. Полез под телегу.

— Только, чур, условие: пачку «Беломора» из двух, что прислал тебе комдив Липский.

— Так уже одну вместе выкурили.

— Ну тогда ты будешь закуривать у меня. Идет?

— Ладно, не тани, видишь, делом занят.

— Глянь-ка. — Петро протер пучком сена жестянку, прибитую на заднике повозки, и я прочитал выбитые на ней буквы: «Биробиджан. Обоззавод».

Ребята смотрели на меня во все глаза. Что ни говори, а такой сюрприз на войне редко кому достается. Мой город вносил свой вклад в победу повозками и минами, парашютами и армейским обмундированием, собирал деньги на боевые самолеты, тральщики, подводные лодки и танки.

Закончился наш непредвиденный отдых. С частями второго эшелона мы входили в освобожденные Сташув, Сандомир. Здесь, как и в других городах и селах, возникали стихийные митинги. Население встречало советских воинов с чувством глубокой признательности. Польские патриоты помогали ремонтировать дороги, мосты, вылавливали прятавшихся немецких солдат.

Особенно запомнилась встреча с колонной освобожденных узников концлагерей. Наш «студебеккер» с пушкой окружила разноязычная толпа изможденных людей. Они поднимали сделанные из тряпья флажки своих стран и приветствовали освободителей. У наших солдат, повидавших всякое, навертывались на глаза слезы. Хлеб, консервы, сахар, все какие были продукты мы передавали в трясущиеся руки человеческих теней.

Спасена подготовленная к уничтожению фашистами древняя польская столица Краков. Освобождены другие города и села. И вот она перед нами — Германия, страна, из которой пришли бедствия войны. Напуганные геббельсовской пропагандой жители немецких городов, поселков, сел бежали. Но куда было бежать? И они все более убеждались, что советские солдаты пришли не мстителями, а освободителями от коричневой чумы. «Гитлеры приходят и уходят. Народ немецкий остается» — такие плакаты писали на щитах и вывешивали на дорогах наши воины.

Спросите любого фронтовика, и он скажет: разве обо всем пережитом, виденном расскажешь. Каждый бой, каждый день войны — это целая книга. И когда листаешь в памяти страницы своих воспоминаний, порой теряешься: как же выделить самое-самое?

Сейчас, когда после победы прошло 35 лет, когда о Великой Отечественной написаны сотни и сотни книг писателями, солдатами и маршалами, мы видим великий подвиг народа в широком диапазоне. Тогда же каждый видел войну

по-своему, подчас в масштабах своей роты, батареи, дивизиона, полка. Когда же эти индивидуальные видения множатся, перед нами возникает огромная панорама войны 1941—1945 годов.

...Перед нами Одер. Батальону пехоты и батарее пушек нужно переправиться на другой берег. Сумрачное небо, свинцовая река, у берегов еще держится ледяной припай. В темноте приходится ладить плоты, на каждый громоздить пушку, ящики со снарядами. Поплыли. Течение незаметно сносило нас к песчаной отмели противоположного берега. Здесь нас не ждут. Только изредка рассекают темень светящиеся трассы пуль.

Впереди двухметровая ледяная кромка. Причалили. Раздва, взяли! Лед не выдерживает, и пушка погружается в воду. Повезло: глубина всего с полметра. Разбиваем лед и волоком пушку на сушу. Да, ненадежен песчаный окоп, но надо спешить: светает.

А с рассветом началось. Семь атак, семь попыток сбросить нас назад в реку. Испытали все виды огненного «сабан-туя»: и минометный, и бомбежку, и танковые атаки. За крохотный плацдарм мы держались, как говорят, зубами. Спасая орудия, переходили в рукопашную. С каждой вражеской атакой редели орудийные расчеты. Нил Крюков, Зура Хаджаев, Юра Финкильштейн — вы, герои-пушкарни, остались навсегда на той песчаной отмели.

К вечеру, когда над прибрежным городом Олау поднялась зарница большого пожара, на правый берег была переброшена понтонная переправа. По ней загрохотали наши Т-34. Командующий армией вместе с командиром артдивизиона гвардии майором Липским обходили строй оставшихся на плацдарме пехотинцев и артиллеристов. Вручали им боевые ордена.

«Те, кто пали в бою за свободу, — вечно живы» — эти слова болгарского поэта-борца Христо Ботева высечены на одной из гранитных плит Ольшанского кладбища в Праге. Эти слова вспомнились мне в последние дни войны. Над рейхстагом уже полыхало знамя нашей Победы, но враг продолжал отчаянно сопротивляться, надеясь на чудо, обещанное фюрером.

6 мая 1945 года артиллерийский дивизион 97-й гвардейской дивизии после взятия Дрездена расположился в окрестности города. У тягачей с орудиями отдыхали бойцы. Украин-

нец Иван Кравченко затянул песню, ее подхватили. И она понеслась над развалинами города, разгоняя смрадный дым. «Ой ты Галю, Галю молодая...»

— Командиры орудий — к комбату! — прервала песню команда. Поступил приказ: артиллеристам сниматься, и немедленно...

О маршруте мы узнали, когда позади осталась граница Германии. На всей скорости мы спешили в столицу Чехословакии, где озверевшие гитлеровцы чинили расправу над восставшим народом, готовились взорвать и уничтожить столичную красавицу Прагу. В Прагу мы вошли утром 9 мая, за танками маршала Рыбалко, которые вели здесь бои еще с ночи. Гитлеровцы складывали оружие, сдавались в плен. Пражане помогали вылавливать фауст-патронщиков, подрывников. Нашлась работа и артиллеристам. В старом городе на берегу Влтавы, в огромном сером здании, упорно сопротивлялся отряд эсэсовцев. Мы отцепили орудие и ударили прямой наводкой по окнам, амбразурам. Засевшая в доме свора приутихла, и туда ворвались наши пехотинцы. И тут вдруг из одного окна прогремела автоматная очередь. На уже сведенные станины пушки упал заряжающий Матвей Петрович Ноздрачев. Это было в 9 часов 30 минут утра 9 мая 1945 года. Его отправили в госпиталь.

Из подвала взятого нами дома выходили упрятанные там фашистами приговоренные к смерти пражские повстанцы. Вот, оказывается, почему так сопротивлялись гитлеровские выкорышки с черепами на нарукавных повязках. Из окна третьего этажа вывалился один из них, видимо, тот, что пустил последнюю автоматную очередь. За ним выглянул наш боец и крикнул: все, больше никого не осталось.

В толпе собравшихся пражан растворились освобожденные. Но двое — седовласый старик с большими натруженными руками и юноша в комбинезоне — не отходили от нашей пушки. Старик, глубоко затягиваясь сигаретой, волнуясь и сбиваясь, рассказывал, что они из Кладно. Вместе с другими металлургами и шахтерами пришли на помощь восставшим пражанам.

— Я, Карел Пухольт, всю жизнь тружусь на «Войтеховской железарне» «Честь праце!» («Честь труду!»), — поднял он сжатый кулак. — Я знаю Ленина. Зимой 1912 года он был в Праге, в доме на Гибернской улице. Ленинская Правда звитези! (победила) у вас, а теперь — и у нас.

Тепло расстались мы со старым рабочим. И оказалось, не напрасно он приглашал к себе в гости. Наш артиллерийский полк отправили в город Кладно, где мы встретились с ним, с его большой трудолюбивой рабочей семьей. А когда через несколько месяцев мы покидали этот город, Карел Пухольт подарил мне на память бронзовую пряжку для солдатского ремня. На ней он старательно выгравировал пятиконечную звезду с серпом и молотом.

А Прага продолжала ликовать. Отовсюду несло «Наздар Руда Армада!» — «Да здравствует Красная Армия!» Пушки и танки свободные и счастливые люди осыпали душистой сиренью, букетами весенних цветов. На улицы выносили столы с угощением, пражане чествовали героев. В этот день наша Родина праздновала Победу.

В 12 километрах от Кладно находилась уничтоженная фашистами дотла деревня Лидице. 10 июня 1945 года я был участником митинга, посвященного закладке памятника на могиле жителей этой деревни. От имени советских воинов тогда выступил Герой Советского Союза полковник Панков.

* * *

Через много лет, когда мне вновь довелось побывать в Чехословакии, я встретил старых друзей, посетил памятные для меня места. На Ольшанском кладбище у могилы Ноздрачева в памяти ожили те грозные дни, образы тех, с кем шел к победе. Побывал я и в воскресшей из пепла Лидице. Секретарь Лидицкого поселкового Совета Мария Ярошева (на левой руке у нее несмываемый освенцимский номер 77615) вручила мне на память узорчатую вазу. Я бережно храню эту дорогую реликвию. Когда лучи солнца играют на ее хрустальных гранях, переливаясь цветами радуги, мне представляется охваченная пламенем старая Лидице, огромный розарий в новой Лидице у могилы погибших жителей. А хрустальный звон вазы напоминает звон Лидицкого и Хатынского колоколов, зовущих людей к борьбе за мир на всей Земле.

ЛЕВ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

Улица эта не главная в селе Ленинское. Здесь нет многоэтажных домов, да и машины проходят по ней не часто. Обыкновенная сельская улица. Но ее знают все. Этот уголок — предмет особой заботы жителей районного центра. Бывают в году такие дни, когда сюда приходят ветераны войны и труда, пионеры и школьники, чтобы почтить светлую память человека, в честь которого на одном из домов укреплена мемориальная доска. На ней надпись: «Эта улица названа именем Героя Советского Союза П. П. Кагыкина».

Имя Петра Петровича Кагыкина носит и одна из дальневосточных пограничных застав, на которой служил он с июля 1941-го по июль 1942-го, до отправки на фронт. Его фамилия навечно занесена в списки заставы.

Чем дальше время отдаляет от нас великие, полные драматизма годы жестокой битвы с фашизмом, тем сильнее наше желание больше узнать о тех, кто своим ратным трудом приближал победу, кто геройски сражался, освобождая землю от фашистской чумы. Мы ищем новые свидетельства жизни героев, стараемся постичь истоки их подвига.

Они, простые труженики войны, немногословны. Да и мы порой поздно начинаем осознавать, что время неумолимо, что многое потеряно безвозвратно. Но остается память людская, остаются документы...

Эти скупые, официальные строчки военных документов на пожелтевших от времени листках дают нам возможность как бы прикоснуться к жизни тех, кого сегодня нет с нами, понять, что же двигало этими людьми, отдавшими свою жизнь за победу. Перебираю документы, воспоминания, собранные красными следопытами ленинской средней школы,

хранящиеся в областном краеведческом музее, и передо мной встает образ Петра Петровича Кагыкина, человека, беззаветно преданного Родине, бесстрашного воина, прекрасного семьянина, верного друга, человека, принимавшего участие в штурме рейхстага и получившего за это высокое звание Героя Советского Союза. Вот одна из немногих сохранившихся фотографий, сделанная, судя по сержантским нашивкам, в 1944 году. Петр Петрович Кагыкин снят в кругу своих товарищей, стоит в полный рост. Руки на автомате. Прямой, уверенный взгляд, и только морщинки говорят, что он заметно старше остальных.

Из «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», том 5, стр. 282:

«По инициативе командования и политотдела 79-го стрелкового корпуса, из коммунистов и комсомольцев были созданы две группы добровольцев по 20 человек для водружения знамени над рейхстагом. Командование ими было поручено молодым энергичным офицерам штаба корпуса майору М. М. Бондарю и капитану В. Н. Макову. Группы имели на вооружении автоматы, ручные гранаты и рации».

Добровольцев было много. И хотя во всех подразделениях 79-го стрелкового корпуса шел тщательный отбор, штурмовая группа получалась большой. Майор Михаил Михайлович Бондарь еще и еще раз пробегал глазами представленный ему список. В тех, кого знал лично, сомневаться не приходилось — ребята надежные. Но были в списке и те, о ком он знал только понаслышке. Конечно, Михаил Михайлович понимал, что в группу подбирались только самые достойные. И все же?! Придется с каждым знакомиться лично. Вот они один за другим предстают перед ним — опытные солдаты, прошедшие нелегкий путь войны: Канунников, Докин, Зубарев...

В комнатку, обставленную непривычной немецкой мебелью, вошел невысокого роста сержант. Негромко, но четко доложил о себе. Кагыкин. Артиллерист. Готов к выполнению важного боевого задания.

Фамилия знакомая.

— Ты не тот самый артиллерист, которого на Одере медсанбат потерял?

— Да никто меня не терял, товарищ майор, — Кагыкин привычным движением поправил пилотку. — Ранение-то пушечное.

Об этом случае в корпусе много разговоров было. Рассказывали, что осколком снаряда разбило прицел орудия, а самого Кагыкина ранило. Окровавленного сержанта санитары доставили медикам. А через полчаса он снова был на огневом рубеже. Заметили его только тогда, когда, развернув отбитую у врага пушку, он открыл огонь по внезапно появившимся танкам. Два из них так и остались на поле боя. Таких боев, где расчет Кагыкина отличался, было немало. Служа в штабе корпуса, Бондарь слышал и о героических действиях артиллеристов в ожесточенных боях за освобождение Варшавы.

Из благодарности младшему сержанту Кагыкину Петру Петровичу от 14 сентября 1944 года:

«Вам, участнику боев за овладение крепостью Прага — предместьем Варшавы и важным опорным пунктом обороны немцев на восточном берегу реки Висла приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина объявлена благодарность».

Шли недавние уличные бои в пригороде Берлина. На узких улицах артиллеристам воевать трудно. С тяжелой пушкой не развернешься, а сам — цель для врага отличная. Только знай гляди в оба. В одном из кварталов фашисты предприняли яростную контратаку, вытесняя с занятых позиций пехоту. Пробравшийся к артиллеристам под шквальным огнем связной передал просьбу — помочь стрелкам. Расчет Кагыкина подошел вовремя. Били по пулеметным точкам прямой наводкой. Но и враг дрался с ожесточением. Разорвавшаяся рядом мина накрыла осколочным огнем расчет. Кагыкин остался один. Быстро проверив оружие, он продолжал в одиночку вести прицельный огонь. Занятые позиции были удержаны...

Бондарь окинул взглядом фигуру сержанта: кряжист, ордена Красной Звезды и Славы III степени.

— Справишься? Ты же не пехотинец, сержант!

— Дело привычное, товарищ майор! Задание выполню, можете не сомневаться.

— Коммунист?

— Нет, беспартийный. Но считайте меня коммунистом, не подведу! Включите меня в группу! Я ведь от самого Сталинграда!

Из воспоминаний полковника в отставке М. М. Бондаря:

«В группе, в основном, были молодые ребята. Храбрые солдаты. Как же надо было любить жизнь, Родину, чтобы в последние минуты великой битвы добровольно вызваться на операцию, итог которой оставлял мало шансов, чтобы остаться в живых».

Атака началась утром 30 апреля. Несколько кварталов группа Бондаря преодолела довольно быстро. Помог густой туман, но чем ближе подходили к площади Кенигсплац, тем труднее давался каждый метр. На улицах, прилегающих к площади, — шквальный огонь. Двигались медленно, то ползком, то броском на несколько метров, чтобы залечь в очередной груде развалин. Казалось, стреляет каждый столб, из окон и подвалов настороженно торчали стволы. Стоило сделать движение, как все они разом изрыгали огонь и смерть. И когда до площади оставалось совсем немного — рукой подать, — путь преградил пулеметный огонь из полуподвала. Не подавив огня противника, к площади не пройти. А минуты бегут, бегут. Майор Бондарь нетерпеливо посмотрел на часы...

— Товарищ майор, разрешите, я попробую. — Рядом стоял Кагыкин со связкой гранат.

— Действуй, Казанцева возьми с собой.

И вот уже несколько взрывов один за другим потрясли здание. Путь свободен! Еще десять метров преодолены. И вновь вражеские пулеметы преградили путь. И вновь группа залегла за грудками развалин. Кагыкин скрылся за углом дома и через несколько минут появился опять. Бондарь недоуменно посмотрел: за сержантом тянулась длинная белая лента. И уже когда Кагыкин приблизился, понял — это брезентовый рукав гидранта. Из-за грохота боя скорее уловил по движению губ, чем услышал:

— Докин, откручивай вентиль. Устроим фрицам водные процедуры.

Тугая струя воды ударила в небольшое окошечко полуподвала. Через несколько минут гитлеровцы оставили свои позиции.

Вот и площадь. Успели вовремя. Артиллерия как раз перевела огонь в глубь вражеской обороны. Но фашисты сопротивлялись с упорством обреченных. Казалось, каждый метр Кенигсплац укреплен. Каждый камень, каждое подбитое орудие, вкопанные в землю танки скрывали за собой десятки врагов. Впереди ров с холодной мутной водой. Подтащив

валявшееся рядом бревно, бойцы соорудили переправу и в считанные секунды оказались на площади. Сюда же ворвались и другие штурмовые группы. Вот он рейхстаг! Как на ладони! Но как трудны эти последние метры до него. Сраженный вражеской пулей, остался лежать на площади сержант Канунников. Вот и лестница, ведущая в бывшее фашистское логово, превращенное в крепость.

Из воспоминаний полковника в отставке М. М. Бондаря. «Мы видели одну цель — рейхстаг. Думали, ворвемся туда, и все, но дело оказалось сложнее».

Добравшись до оконного проема, Кагыкин швырнул внутрь здания гранату. Бойцы группы пытались отворить дверь. Она не поддавалась. Кто-то из солдат уже тащил сюда с площади бревно. Несколько ударов — и дверь распахнута. В полуразрушенном здании каждый выстрел отдавался глухим эхом. И трудно по звуку определить, откуда стреляют. Бой шел буквально за каждую комнату, за каждый квадратный метр. Следуя приказу, полученному накануне, Казанцев, Докин, Кагыкин и Ляшенко, не ввязываясь в бой, только отстреливаясь, поднимались вверх.

На втором этаже смертельно ранен Василий Казанцев. Наконец и крыша. На северном крыле здания рейхстага, прямо на скульптурной группе «Княгиня Рундот» укрепили древко, и через мгновение на фоне опаленного дымом пожара чужого неба, как живое затрепетало на ветру алое полотнище, торжественный символ Победы — долгожданной, желанной, свершившейся.

Из «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», том 5, стр. 283:

«Мгновенно как маки заалели на здании различные по форме и величине красные флаги... В одновременном водружении многих флагов проявился массовый героизм советских воинов».

Задание выполнено! Свист пуль, треск автоматов заставили пригнуться. Теперь вниз, помогать товарищам. Буквально кубарем по лестнице скатились бойцы на второй этаж. В некогда богато обставленном зале, в котором, видимо, принимали гостей третьего рейха, вступили в бой. Кагыкин едва успел занять позицию за одной из колонн, как услышал голос Докина: «Петр, сзади фрицы». Резко обернувшись, сержант полоснул очередью из автомата. На помощь подошел сам Докин. Через несколько минут двенадцать враже-

ских солдат было уничтожено, шестеро фашистов взято в плен...

К концу дня 30 апреля накал боя в рейхстаге ослабел, а вечером почти все комнаты были очищены от врага. Всех охватило ликование. Вверх полетели шапки. Раздавались крики: «Ура!», «Победа!» Бойцы расписывались на стенах рейхстага.

А утром, 1 мая над главным куполом здания развевалось Красное знамя Победы, которое установили М. Егоров и М. Кантария.

За выполнение важного боевого задания С. И. Докину, П. П. Кагыкину, В. Т. Казанцеву и посмертно В. П. Канунникову и В. Д. Зубареву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Из письма М. М. Бондаря красным следопытам средней школы села Ленинское:

«Петр Петрович Кагыкин был хороший воин, добрый товарищ, тот человек, который отдавал всего себя делу служения Родине. Где бы он ни был, какую бы задачу ему ни ставили, он всегда справлялся с возложенными на него обязанностями. Он не искал легкой службы, а всегда был там, где решалась судьба боя, где особенно нужны были его смелость, решительность и боевое мастерство.

Я и сегодня благодарю судьбу за то, что она свела меня с ним. Нас было чуть более двадцати человек, а из рейхстага уходило меньше половины, трое легло смертью храбрых на берлинской земле. И Петра Петровича зацепила вражеская пуля. Но он остался в строю до конца боя, несмотря на довольно тяжелую рану.

Жизнь и дела таких людей достойны, чтоб их помнить».

...После мобилизации вернулся Петр Петрович в село Ленинское, где жил до войны, откуда в июле 1941 года был призван в пограничные войска. Вернулся к своей семье, поступил на работу. Надо было начинать мирную жизнь. Но тяжелая изнуряющая болезнь медленно забирала силы. Направили в Москву.

...За окном шумела столица, а в палате тихо и спокойно. Петр Петрович понимал: надо бы уснуть, но тупая, не отпускающая ни на мгновение боль не давала закрыть глаза. Только после уколов она немного притуплялась и можно было подняться, пройти несколько шагов по палате, подойти к окну и посмотреть на снег, на деревья, обступившие боль-

ницу, послушать веселую перебранку воробьев. Здесь, в Москве, и зима-то не настоящая. То снег, то морозы, а то вдруг — оттепель. То ли дело на Дальнем Востоке. Зима так зима! И морозец прижмет, и снежок под ногами упруго скрипит...

Тоскливо стало на сердце, домой захотелось. Петр Петрович достал из тумбочки небольшую фотографию, где был снят со всей своей семьей. Тогда он надел по такому случаю китель с наградами. И Нюся, жена, навела красоту — заплела косу и по моде уложила на голове. Нелегко ей сейчас с шестью-то ребятишками. Да какой он нынче помощник! Вон пластом целый день лежит. Но ничего, выздоровеет, тогда и заживут они снова весело и счастливо. Он сильный, сумеет болезнь побороть. Не раз смерть на фронте отступала. А за окном продолжают свою веселую возню воробьи, шумит на ветру густая листва высоких деревьев.

Из письма больного Коробова жене П. П. Кагыкина:

25.XII.51 г. г. Москва

«Считаю своим гражданским долгом сообщить Вам о последних днях жизни Вашего супруга. Я прожил с ним в одной палате 45 дней и за это время очень к нему привязался... Благодаря своему изумительному характеру и доброй душе, он снискал любовь и уважение окружающих. И каждый из нас старался быть к нему внимательным. Часто посиживали мы с ним по вечерам, и он с любовью всегда вспоминал Вас и детишек. Был озабочен тем, что сено не заготовлено для коровы, но, когда из последнего вашего письма узнал, что сено подвезли, очень был доволен. Много думал о вас и детях.

Страдал он сильно, но переносил все молча, только в забытии произносил имя Ваше и детишек звал.

...Приношу глубокое сочувствие по поводу постигшего Вас горя. Память о Петре Петровиче навсегда останется у всех нас неизгладимой».

В весенние майские дни, когда мы отмечаем годовщину Победы, тихая сельская улица преобразается. Кажется, сама природа салютует брызгами зеленых, только что появившихся листьев памяти героев. Появляются новые молодые побеги на деревьях, посаженных школьниками. Они растут, крепнут, чтобы встать вровень с большими взрослыми деревьями. Жизнь продолжается!

Из сочинения ученика ленинской средней школы Андрея Абраменко:

«...Жизнь и подвиг Петра Петровича Кагыкина служат нам образцом для подражания. ...Пройдут годы, но память о герое останется в наших сердцах, и мы, как эстафету, как святой огонь, передадим ее тем, кто придет в этот мир вслед за нами. Герои не умирают...»

НАУМ АЙЗМАН

ЦЕЛИНА — СУДЬБА МОЯ

25 лет назад началось освоение целинных земель Бабстовского совхоза.

Поля, поля... Автомобиль час и другой несется накатанным трактом, а все конца и края не видно пашням. Названия массивов диких: Остряк, Верблюжка, Лебединый...

— Почему так называются? — Мой спутник Иван Григорьевич Лесничий удобней устраивается на сиденье, показывает рукой. — Вон примыкающая к полю гряда сопки, это Остряк. А Верблюжка — одиночная сопка, бог весть когда и как занесенная на степное раздолье. Вон она, слева...

— Ну, а Лебединый?

— Это километрах в двадцати от Бабстово. Непаханных земель там видимо-невидимо было, а посерединке озеро лежало. Широкое, окруженное кочкарником, и в пору разлива все там затапливалось. Лебеди жили на озере. Мелиораторы осушили земли, озера не стало, а название приклеилось к хлебному массиву — Лебединый. До тысячи гектаров пашни там будет. И вообще тут все целина...

Ивану Григорьевичу Лесничему в нынешнем году исполнится шестьдесят. Половину из них прожил он в этом краю. Тогда, в пятьдесят пятом, ему выделили гусеничный трактор с плугами и он проложил первую целинную борозду. Вокруг простирались некошенные, в рост человека, травы, носились в голубизне неба встревоженные птицы, а он сильнее сжимал рычаги управления, понимая, что с этого часа, с этого глянцевого поблескивающего пласта земли начинается нечто важное, значительное. Он ощущал свою причастность к началу и оттого считал себя счастливейшим из людей. Ему, Ивану Лесничему, сыну украинского хлебопашца, прибывшего по зову души на Дальний Восток, довелось прорезать первую

борозду во вновь организованном Бабстовском целинном совхозе. Эта «прирученная» земля стала ему родной, здесь познал он радость вдохновенного труда, здесь взрастил детей своих, здесь стал коммунистом. В селе, построенном в голой степи и получившем вполне подходящее имя — Целинное, Лесничий прошел путь от тракториста-пахаря до нынешней своей должности, управляющего крупнейшим в хозяйстве отделением совхоза.

В ту отдаленную от нас десятилетиями первую целинную весну рядом с трактором Лесничего, на поросшем густым пыреем участке, шла машина Моисея Кондратьевича Дудника.

Дудник старше своего давнего приятеля и соседа, и дома их также рядышком уместились на сельской улице.

Уже выйдя на пенсию, Моисей Кондратьевич не оставил любимого дела. Трудится, как и прежде, на совесть. Имя Дудника не сходило с газетных страниц. То он больше всех засеял пшеницы, то первым подготовил к жатве комбайны. Потом такое сообщение было: вместе со своим сыном, Лукашом, они вошли в хозрасчетное, работающее по единому наряду звено по выращиванию хлеба и сои.

Каждое утро Моисей Кондратьевич уезжал в поле, и жена Людмила Мироновна вставала спозаранку, чтобы успеть настрять блинов и напоить мужа горячим молоком. Возвращался Дудник затемно, и его «бабка» дожидалась на крыльце избы.

В тот раз Дудник появился неожиданно рано, еще солнце не коснулось сопок.

— Что это ты? — удивилась Людмила Мироновна.

— Занемог, — бросил он и тяжело опустился на табурет.

Только теперь Людмила Мироновна заметила нездоровый румянец на лице мужа, припухшие веки.

— Ой, горе мое! Ложись в постель, а я до фельдшерицы сбегая.

— Не надо. Отлежусь. Пройдет.

Дудник хотел было сказать, что оставил агрегат на недосягаемой клетке и с утра ему непременно следует быть там, но вовремя спохватился. С «бабкой» только свяжись! И он покорно разделся, дал себя укутать теплым одеялом, принял из рук жены грелку.

Ночью ему стало совсем худо. Жар тяжелым обручем сковал голову, густой волной накатывалось забытьё...

Когда Дудник открыл глаза, то увидел высокий беленый

потолок, краешек затянутого шторой окна, тумбочку. Он догадался, что находится в больнице.

— Ну вот и хорошо, — сказала сидевшая рядышком жена. — Как чувствуешь себя?

— Ничего, — произнес Дудник и стал соображать, сколько же это времени он находится здесь и как вообще подобное могло с ним произойти. После тяжелого ранения на фронте он ни разу не обращался к врачам.

— Шестидесят пятый год тебе. Пенсия приличная. Дети уже взрослые. Сидел бы дома. Где тебе, старому, с тракторами да комбайнами сладить?

Обычно Дудник, только заведет жена подобный разговор, махнет рукой и выходит во двор покурить. Теперь он был прикован к койке, и жена говорила не спеша, обстоятельно. Дудник, прикрыв глаза, слушал молча, понимая, что спорить бесполезно. Но его тронула беспредельная преданность жены. Он подумал, что за вечными хлопотами совсем мало уделял ей внимания, и как должно быть тоскливо ей с таким увальнем.

Людмила Мироновна поправила ему подушку, провела ладонью по лицу, и он благодарно коснулся губами ее руки.

Они прожили в мире и согласии сорок лет и видели не только радости. В военную пору, когда Дудник воевал, Людмила Мироновна работала на тракторе. Потом они уехали с Украины на Дальний Восток...

При выписке лечащий врач строго-настрого запретил ему тяжелую работу. О том разговоре с доктором Дудник, естественно, жене не сказал. Окрепнув немного, он явился в бригаду. Его старенький «Беларусь» стоял рядом с кузницей такой одинокий и забытый, что даже сердце сжалось. Дудник забрался в кабину, завел двигатель. Ивана Григорьевича Лесничего разыскал на ферме.

— Ну, управляющий, какую работу делать прикажешь?

— А врачи что говорят?..

— Работать, говорят, надо.

— Ну тогда зеленку на ферму вози.

В полдень, разгрузив у коровника тележку с пахучим кукурузным крошечком, Дудник подкатил к дому.

Людмила Мироновна услышала стук трактора, взглянула в окно и всплеснула руками.

Дудник убавил обороты двигателя, стряхнул пыль с тележки, вошел в избу.

— Ну, бабушка, собирай обедать.

Давно не видела Людмила Мионовна мужа таким оживленным. Она шутливо погрозила ему пальцем.

— Ой, диду, диду! Курицу варила. Или борща?

— Тащи и то, и другое. Рабочий человек аппетит имеет!

В нынешнем году Дуднику исполнится семьдесят. Но по-прежнему в строю ветеран. Ладит в мастерской тракторы, комбайны. Когда и сам сядет за рычаги машины, закультивирует, проборонит поле. И счастлив этим, ибо на всем белом свете нет ему ничего милее этого степного целинного раздолья и хлебной нивы. Как и для Лесничего, целина стала его судьбой и радостью на всю жизнь.

Любопытными цифрами снабдил меня директор хозяйства Иван Васильевич Долженков. За минувшие четверть века государственные капиталовложения в хозяйстве достигли 23 миллионов рублей. Почти по миллиону в год. Один только животноводческий комплекс обошелся в 3,2 миллиона рублей. Совхоз начинал в 1955 году с пятнадцатью тракторами, а сейчас их 135! Было два комбайна, теперь — сорок. Рост общественного хозяйства происходит не только путем расширения посевных площадей, но, прежде всего, за счет интенсификации производства. В 1965 году, когда основные земли уже были введены в оборот, совхоз производил вдвое меньше теперешнего и хлеба, и сои, и кормовых культур. За прошедшие годы возросла культура земледелия, появилось в достатке минеральных удобрений, а вместе с этим увеличилась урожайность. Собирали в 1965 году на круг по семь центнеров зерна, а сейчас до пятнадцати, сои берут по восемь вместо пяти с половиной центнеров. Достижения в полеводстве благотворно сказались и в другой важной отрасли, в животноводстве. 1600 тонн молока произведено было в 1965 году и вдвое больше — в минувшем.

Вот что такое целина в чисто материальном понимании — это хлеб, молоко, мясо, а следовательно, важный вклад в решаемую партией задачу всемерного повышения благосостояния советских людей.

25 лет — срок немалый. Состарились первоцелинники. А которых и вовсе нет уже. Но пришли вслед за отцами сыновья на эти земли. Со знанием дела, с горячим заинтересованностью продолжают они заботы и дела старших.

В далекие послевоенные годы привез на целину жену и двух малых ребятшек бывший фронтовик Василий Сергеевич

Гоголя. Его поставили бригадиром тракторно-полеводческой бригады во втором отделении совхоза. Старики помнят, какой это был преданный земле хлебороб. Но привез Гоголя еще с собою жестокие раны от немецких мин, и они не давали ему покоя ни в летний зной, ни в зимнюю пору. Однажды, застудившись на холодном степном ветру, старый солдат слег, да и больше уже не поднялся. Свежий могильный холмик вырос на краю села. Но в совхозной бригаде и по сей день значится фамилия Гоголя. Не оборвалась семейная нить. Сели на трактор сыновья — Николай, за ним Виктор. Не оборвалась, жива семейная привязанность к машинам, к хлебопашеству.

Вышел на пенсию первоцелинник Антон Алексеевич Бескоровый. На заслуженном отдыхе его жена, Мария Корниловна, знатная в прошлом свиноводка, награжденная орденом Трудового Красного Знамени. А на земле этой их сыновья, механизаторы Бабстовского совхоза Анатолий, Виктор, да в Веринском совхозе, района имени Лазо третий сын, Владимир.

Александра Яковлевича Степанова к первоцелинникам не отнесешь. Он появился здесь десять лет спустя, после Киселева, Лесничего и Дудника. Земли в Лебедином, Верблюжке уже были распаханы, изрезаны прямолинейными мелиоративными каналами, опоясаны дорогами с твердым покрытием.

В третьем отделении совхоза, в селе Октябрьское, встречали новоселов из Белгородской области. Встречали, как водится у радушных дальневосточников, хлебом-солью, накрытыми столами. Наутро новенькие потянулись в контору. Механик отделения Анатолий Гостев был несказанно рад опытному, как следовало из документов, трактористу.

— Тракторист-бульдозерист, — солидно поправил механика Степанов.

— Тем более, Александр Яковлевич. И бульдозеристу дело найдется. Да долго ли на трактор бульдозерную лопату поставить?

— Оно так, — согласно кивнул головой Степанов.

Весною его ДТ-75 брал на прицеп три сеялки и отправлялся сеять пшеницу на Лебединый. После возвращения в село закреплял в носовой части дизеля кронштейны тяжелой стальной «лопаты», и трактор на время превращался в неуклюжий бульдозер, которым так сподручно очищать фермы от свежего навоза. Много разной работы переделал в совхо-

зе Степанов. И сеял, и культивацией посевов занимался, и навоз грузил. И мастером-наладчиком в ремонтные мастерские его ставили. Все у него получалось споро, ловко.

Вот так и прославился в приамурском совхозе тракторист с Белгородчины прежде всего благодаря своему рабочему таланту.

Осень — праздник для пахаря. Освобождаются от урожая необозримые поля, и настает пора подъема зяби. Это самое желанное время для Степанова.

Александр Яковлевич поставил трактор со вздернутым пятикорпусным плугом у самой кромки поля, вышел из кабины и с удовольствием рассматривал уставшее поле, сплошь покрытое рыжей стерней. Мысленно он видел его уже распластанным острыми ножами плуга, жадно вбирающим влагу, чтобы накопить силу и потом щедро одарить старательного пахаря.

Первая борозда — самая ответственная. Она должна лечь в степи безукоризненно ровной линией. От нее, от первой строки, зависит прямолинейность, или как ее называют в селах «грамотность» пахоты.

Александр Яковлевич выбрал себе ориентиром темнеющий на противоположном конце поля куст орешника и осторожно, строго по линейке, повел трактор. Потом он забудет о времени, о том, что уже пора бы отведать прихваченного из дому сала с краюхой хлеба, попить из фляги настоящего на лимоннике чаю. Когда он, наконец, остановит пышущий жаром трактор, вспаханный участок покажется ему чуть тронутой ветром поверхностью реки. Да, лишь искусным мастерам дается такая «грамотная» пахота.

Шестьсот гектаров зяби взялся поднять прошлой осенью Степанов. Намного больше задания. Уходил с зарей в степь. Нередко сутками не возвращался в село. Прикорнет часок-другой в обжитой кабине и вновь выжимает сцепление. Вот распаханы все поля, освободившиеся от ячменя, пшеницы. Потом наступил черед соевых полей. Уже в самый канун ноябрьских праздников стал известен результат — 730 гектаров за сезон. Никому из совхозных пахарей не удавалось достигнуть такого рубежа.

В совхозном клубе Анатолий Петрович Гостев, тот самый механик, что некогда так рад был новому трактористу в своей бригаде, а ныне управляющий совхозным отделением, тор-

жественно вручил победителю Почетную грамоту и подарок дирекции совхоза — транзисторный радиоприемник.

Добавим еще, что минувшей осенью Степанов уходил на пахоту не один, а с сыном, Толей. Вообще-то у Степанова три сына. Старший, Николай, стал профессиональным военным, старший лейтенант. Служит в армии младший, Василий. А Толя три года назад вернулся со службы на флоте и по отцовскому напутствию стал трактористом.

Раскатывал на юрком МТЗ. За сеном на амурские острова, за зеленкой для фермы или еще куда направит бригадир. Потом заинтересовался отцовским увлечением, пахотой. Александр Яковлевич ему свою машину предложил: «На, попробуй». Два-три дня провел в борозде, понравилось. Закрепили за ними гусеничный трактор, стал вместе с отцом подниматься на заре, спешить к оставленному накануне на загонке трактору. Без малого шестьсот гектаров поднял. У отца куда больше, но для начала и это неплохо. «Будет, непременно будет сынок у Александра Степанова настоящим пахарем», — так утверждают знающие люди в совхозе.

* * *

Бабстово сегодняшнее — это центр крупнейшего в крае хозяйства, располагающего десятитысячным пахотным клином. Целина стала могучим ускорителем сельского быта, строительства, всех социальных перемен. Вторую молодость обретает старинное село. В его типично деревенский пейзаж с раскидистой черемухой и приземистыми избами вписываются башенные краны. Встают кирпичные дома в три, четыре этажа. Семьи трактористов, животноводов вселяются в квартиры с городскими удобствами. Бабстово перешагивает свои былые границы, теснит степь. Вырастают новые улицы — Первомайская, Гагарина, Юбилейная.

Из областного центра сюда, в Бабстово, ближе к земле, был переведен сельскохозяйственный техникум. В его стенах восемьсот парней и девчат изучают теорию и практику земледелия, животноводство, экономику сельского хозяйства. Найдется ли сегодня в нашем крае хозяйство, где не трудились бы агрономы, зоотехники, управляющие и бригадиры — выпускники Бабстовского техникума?!

К широкому комплексу социально-культурных учреждений прибавилось недавно в Бабстово еще одно — Дом куль-

туры. Признаюсь, нигде более в приамурских селах не доводилось мне видеть такого величественного, великолепного по архитектурному замыслу и исполнению здания. Поражают его размеры, чудесный кинозал, полные света и уюта помещения для библиотеки, для работы кружков художественной самодеятельности. Каждый вечер Дом культуры зажигает свои огни. Ярким электричеством залиты школа-десятилетка, учебные корпуса техникума, общежития, многоэтажки жилого массива. Море огней — настоящий город в степи. Могучей материальной силой обернулась бабстовская целина.

Целина не только хлеб. Тысячегектарные земельные угодья стали надежной базой для развития общественного животноводства. Прежде всего отметим, что на этой основе позднее образован был в Бабстово специализированный совхоз Горненский, располагающий девятитысячным поголовьем свиней.

В Бабстовском же совхозе — специализация на молочное и мясное скотоводство. Внушительные молочно-товарные фермы имеются в Целинном, в Горном, в Октябрьском. В самом же Бабстово введен в эксплуатацию крупный животноводческий комплекс. На его сооружение ушло свыше трех миллионов рублей. Это настоящая высокомеханизированная фабрика по производству молока.

Представьте себе окруженную забором территорию в пять гектаров, на которой возведен целый ряд построек из силикатного кирпича и железобетона. Стоят рядышком два коровника, в которых размещается все поголовье — восемьсот «буренок». Родильное отделение. Отвечающий современным требованиям и стандартам ветеринарный блок. Механизированный кормоцех, надежно перерабатывающий грубый корм. Котельная. Водонапорная башня. Санпропускник. Душевые. Комната отдыха. Комплекс сооружен в полутора километрах от села, и доярок доставляет на работу и обратно специальный комфортабельный автобус.

Доярок здешних вернее называть мастерами машинного доения, ибо на комплексе действует система механизмов, агрегатов. Молоко от коров по системе шлангов, труб, без участия человека, поступает в емкости, откуда его, опять механизированным путем, перекачивают в молоковозы и отправляют в город. Обслуживает этот сложный набор автоматов, механизмов слесарь молокопровода — есть такая ответ-

ственная должность на комплексе. Исполняет ее Юрий Никулин.

Еще когда комплекс строился, работал здесь другой Никулин, Михаил Васильевич. Он числился инженером по комплектации, и через него шло все поступающее сюда оборудование. Михаил Васильевич — человек заслуженный. Фронтник. Награжден боевым орденом. Коммунист.

Когда пускали животноводческий комплекс, Никулину-старшему в аккурат время подошло оформляться на пенсию. Организовали торжественные проводы ветерана.

— Спасибо вам, дорогие товарищи, за внимание, за доброту, — растроганно говорил он на вечере. — Жаль расставаться с вами. Но Никулины все равно будут на комплексе.

Поднялся коренастый сероглазый парень.

— Вот Юра, мой сын. Ему передаю свое хозяйство.

Юрий Никулин, человек по натуре любознательный, знаток техники, довольно быстро освоил новую профессию. Здесь же, на комплексе, он вступил в ряды КПСС.

«Все они имеют сходную физиономию... Вытянуты в линию небольшие бревенчатые дома в три окна одинаковой наружности. Навесы для скота имеют редкие хозяйства, а потому и станица не представляет вида зажиточности обитателей. Дома внутри держатся чисто. Но какая-то пустота живет в этих домах и наводит на вас тяжелые чувства...»

Так писал о приамурских селениях немецкий исследователь Шренк, побывавший в этом краю в 1872 году. Это и о Бабстово сказано. И о Дежнево, Биджане, Кукелево, Екатерино-Никольском. Ничего не осталось сегодня от мрачной картины, подмеченной ученым. Приамурские села немыслимы сегодня без электричества, школы, телевидения, библиотек, Домов культуры, без мощных тракторов, автомашин.

Лишь крохотные участки засеивались в былые времена местными крестьянами. Рядом лежали нетронутыми неслучайные версты плодородных земель. Но чтобы их распахать, отвоевать у лесов и кустарников, нужны были средства, орудия, машины. Так десятилетиями ждали своего часа эти земли. И уже в советское время, особенно в послевоенные 50-е годы, началось освоение целины. Свыше четверти миллионов гектаров земли, в том числе до 150 тысяч гектаров пашни, закреплено сегодня за сельскохозяйственными предприятиями области. Пахарь, мелниоратор теперь центральная фигура в селе. Привольно раскинулись целинные пашни, целин-

ные села, поселки, фермы. Замечательные люди трудятся на этих землях.

В книге Леонида Ильича Брежнева «Целина» есть строки: «В старых словарях вы найдете слово «целина», но не найдете слова «целинник». Оно родилось в 50-е годы, точно так, как в годы коллективизации появилось слово «колхозник». Само понятие «целина» утратило тогда свое чисто земледельческое значение. Оно стало термином общественным, ибо за ним стояли высокая гражданственность и глубокий советский патриотизм. Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени».

Целинник... Так с гордостью называют себя Моисей Дудник и Иван Лесничий, Александр Степанов и Антон Бескаравайный и еще многие славные труженики приамурских сел. Целина стала смыслом их жизни, их судьбою, началом пути, по которому пошли сыновья.

РОДНИК

ВАЛЕРИЙ ПАНМАН,
редактор газеты «Биробиджанская звезда»

ПОЛВЕКА НА БОЕВОМ ПОСТУ

1 ноября 1930 года в Биробиджане (тогда он назывался станцией Тихонькая) родились две газеты — «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер штерн». Это было связано с созданием в составе Дальневосточного края Биробиджанского национального района. Четыре года спустя ЦИК СССР принял решение о преобразовании района в Еврейскую национальную область, и газеты стали органами областного комитета партии и областного Совета депутатов трудящихся.

Создание Еврейской автономной области явилось событием большого политического и социального значения. Сбылись вековые чаяния трудящихся евреев — впервые в истории в большой единой семье народов СССР они обрели свою настоящую Родину. Тема торжества ленинской национальной политики наряду с темой социалистического строительства с первых номеров становится магистральной в «Биробиджанской звезде».

Комплекты газеты — живая летопись становления и развития области. В них мы находим материалы о переселенческом движении, о строительстве первых промышленных предприятий, создании машинно-тракторных станций, колхозов и совхозов. Пафосом большой стройки дышит каждая газетная строка. Вместе со всем советским народом, с тружениками нашей дважды орденоносной области газета прошла большой путь, который вобрал в себя все главные вехи жизни Советского государства: индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, Великая Отечественная война, послевоенный период, когда советский народ вдохновенно борется за мир и коммунизм.

С волнением и душевным трепетом листаешь старые подшивки. Пожелтевшая бумага, выцветшие от времени фото-

графии. Вот номера, посвященные решению Президиума ЦИК СССР о преобразовании Биробиджанского района в область. На первых полосах — полный текст постановления, а также обращение районного комитета партии и районного Совета депутатов трудящихся. «...Товарищи рабочие, плотники, землекопы, каменщики и штукатуры, инженеры и техники, коммунисты и комсомольцы, все трудящиеся города Биробиджана! Дело строительства находится в ваших руках. От вас, от вашего энтузиазма, от вашей воли зависят подлинно ударные темпы и высокое качество строительства». Этот призыв был услышан и воплотился в славные дела. Ровесница первых пятилеток, область быстро наращивала свой экономический потенциал.

«Биробиджанская звезда» регулярно печатает сообщения о делегациях рабочих Ленинграда, Минска, Харькова, Горького и других городов страны, приезжавших в то время в область для обмена опытом и оказания практической помощи. За ударное проведение весеннего сева харьковчане вручили Красное знамя Биробиджанскому совхозу, а колхозу «Красный Октябрь» — патефон. Свою первую награду — пишущую машинку — получила тогда и «Биробиджанская звезда». Этим скромным подарком был отмечен вклад журналистов в развитие сельского хозяйства области.

Живые страницы истории. Март 1935 года. В газетах отчеты о первом областном съезде колхозников-ударников. Текст приветственного письма делегатов командарму ОКДВА В. К. Блюхеру. Июнь 1935 года. Газета печатает материалы первой областной партийной конференции. Декабрь 1937 года. Первые выборы в Верховный Совет СССР. В «Биробиджанской звезде» — портреты и биографические справки кандидатов в депутаты, в их числе колхозница из села Бирофельд Лия Лишнянская и рабочий мебельной фабрики Израиль Гольдмахер.

Замечательные то были годы! Строились новые города, могучие гидростанции, металлургические комбинаты, тракторные заводы... Как теперь громадные достижения нашей экономики нашли свое концентрированное выражение в успехах космонавтики, так тогда они отразились в развитии советской авиации. Беспрецедентные по тем временам перелеты Чкалова, Байдукова и Белякова. Газета информирует читателей о беспосадочном перелете женского экипажа на самолете «Родина» из Москвы на Дальний Восток. А 14 ноября

1938 года «Биробиджанская звезда» опубликовала обращение Валентины Гризодубовой к еврейской молодежи. Отважная летчица писала: «Дорогие товарищи! Будучи на Дальнем Востоке, я воочию убедилась, как богат этот край, какие возможности там имеются для социалистического строительства. Частью этого цветущего края является Еврейская автономная область. Эта область имеет огромные природные богатства и огромные перспективы для дальнейшего развития. Я призываю вас заполнить ряды трудящихся Еврейской автономной области».

Эти богатства быстро осваивались. На страницах газеты публикуются сообщения о строительстве фабрик и заводов, клубов, школ, больниц, об успехах колхозов и совхозов. «Биробиджанская звезда» выступает организатором социалистического соревнования, пропагандирует передовой опыт, остро критикует недостатки в хозяйственной деятельности. На наиболее важных стройках редакция создавала рабкоровские посты, на строительстве комбината «Хинганолово» и Теплоозерского цементного завода действовали выездные редакции.

Волей партии, энтузиазмом тысяч людей преобразались земли Пирамурья. Но на западе уже пахло гарью военного пожара. Он бушевал на просторах Европы, а 22 июня 1941 года перекинулся через нашу границу. Советский народ, как один человек, встал на защиту священных рубежей своей Родины. Лучшие сыны и дочери области, в том числе более половины областной партийной организации ушли в действующую армию. Страницы «биробиджанки» в эти годы заполнены сообщениями о примерах беззаветного мужества советских людей на фронте и в тылу. 9 сентября 1941 года газета напечатала обращение коллектива швейной фабрики ко всем трудящимся области с призывом организовать сбор теплого белья, одежды и обуви для воинов Красной Армии. В газете — заметки и репортажи об отправке на фронт боеприпасов, снаряжения и продовольствия, о движении стахановцев-тысячников, о сборе средств на строительство боевой техники.

Журналисты сполна делили тяготы военной страды со всем народом. Не хватало бумаги, холодно и неудобно было в редакционных кабинетах. Вернувшиеся из командировок спецкоры, наскоро отогревшись у дымных «буржеек», садились за стол, чтобы на завтра читатели могли прочесть в газете взволнованные репортажи о трудовых подвигах своих

земляков. Неугомонны и неутомимы были корреспонденты газеты Б. Миллер, Н. Фридман, Ю. Косвинцев, В. Ярмилко, М. Пермитина.

Отгремела война. В послевоенные годы в области быстрыми темпами развиваются новые отрасли индустрии — машиностроение, электротехническая, легкая, горнорудная, укрепляется материальная база сельского хозяйства. В эти годы в газету приходит новое поколение журналистов. С неизменным интересом встречают трудящиеся области материалы, подготовленные Г. С. Мицелем, А. М. Приходько, А. И. Самборским, Л. Д. Славским, Д. Г. Шавером. «Биробиджанская звезда» активно пропагандирует начинания новаторов, широким планом показывает человека труда, героя пятилеток.

В последние годы на страницах областной газеты все большее место занимают материалы, рассказывающие о том, как партийная организация области направляет усилия трудящихся на повышение эффективности производства и качества работы. Как реализуются указания товарища Л. И. Брежнева о путях развития сельского хозяйства, высказанные им во время поездки в районы Сибири и Дальнего Востока. За успехи в освещении социалистического соревнования трудящихся области в десятой пятилетке «Биробиджанская звезда» дважды — в 1978 и 1979 годах — награждена Почетными грамотами Союза журналистов СССР.

В редакционном коллективе рядом с ветеранами — Ф. А. Фетисовым, заслуженными работниками культуры РСФСР А. Г. Авдошиной, Е. М. Корсунским, А. И. Мордуховичем, А. М. Шестопаловым и другими работает способная творческая молодежь. Свыше двадцати лет трудится в газете подчитчица П. В. Фомберг.

Из года в год растет читательский и рабселькоровский актив «Биробиджанской звезды». Это позволяет полнее и содержательней отражать в печати многогранную деятельность партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, Советов, органов народного контроля, учреждений народного образования, здравоохранения, культуры, предприятий торговли и общественного питания, бытового и коммунального обслуживания населения.

Большое место на страницах газеты занимает пропаганда марксизма-ленинизма, борьба с буржуазной идеологией, особенно с международным сионизмом и маонизмом. Интернациональное, военно-патриотическое воспитание — одна из

ведущих тем газеты. За эту работу «Биробиджанская звезда» награждена Почетной грамотой командования и Военного совета Дальневосточного Краснознаменного пограничного округа.

Проверкой политической и профессиональной зрелости коллектива явились важные события, проходившие в жизни партии и всей страны, — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, всенародное обсуждение новой Конституции СССР, подготовка к XXVI съезду партии. В это время на страницах газеты систематически публиковались материалы о торжестве ленинских идей, о всевозрастающей роли в жизни нашего общества Коммунистической партии, о развитии социалистической демократии, о советском образе жизни, единстве партии и народа, об успехах, достигнутых трудящимися СССР, Хабаровского края, нашей области в реализации намеченных партией планов экономического и социального развития.

За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся области, мобилизации их на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства в 1970 году газета «Биробиджанская звезда» награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Вся деятельность газеты, жизнь ее коллектива на протяжении пятидесяти лет подчинены задачам, вставшим в разные годы перед областной партийной организацией. Сейчас усилия журналистов, рабочих и сельских корреспондентов направлены на то, чтобы своим пером мобилизовать и вдохновить трудящихся ордена Ленина и ордена Дружбы народов Еврейской автономной области на успешное выполнение планов и социалистических обязательств одиннадцатой пятилетки, на претворение в жизнь решений XXVI съезда родной Коммунистической партии.

НАУМ КОРЧМИНСКИЙ,
редактор газеты «Биробиджанер штерн»

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ СВЕРШЕНИЙ

Вышедшие за полвека номера газеты «Биробиджанер штерн», издающейся на языке идиш, — это летопись добрых дел и свершений трудящихся Еврейской автономной области.

Три с половиной года газета являлась органом райкома партии и райисполкома Биробиджанского национального района в составе Дальневосточного края. Нелегко было издавать газету в тогдашних, можно сказать, таежных условиях. Редакция, совместно с типографией теснилась в одном из старых деревянных зданий станции Тихонькая — длинном бараке неподалеку от железной дороги. Старейшие биробиджанские журналисты вспоминают, как приходилось вместе с наборщиками верстать газету или, когда внезапно «пропадала» электроэнергия, всю ночь вручную крутить колесо примитивной печатной машины. Но все были молоды, полны энергии и энтузиазма. Это помогало преодолевать трудности, работали дружно, с огоньком.

С первых номеров «Биробиджанер штерн» совместно с «Биробиджанской звездой», выходящей на русском языке, выступает как боевой помощник партийной организации в мобилизации трудящихся на освоение природных богатств района, развитии его экономики и культуры, как страстный пропагандист ленинской национальной политики, ее торжества в первой в мире стране социализма.

Одной из важнейших проблем тогда было приобщение прибывавших евреев-переселенцев к промышленному и сельскохозяйственному труду, к различным нужным для народного хозяйства специальностям. «Биробиджанер штерн» широко показывала и пропагандировала в то время малораспространенные среди еврейского населения профессии, рассказывала в очерках, зарисовках, корреспонденциях о лучших зем-

ледельцах и рабочих, о братской поддержке и помощи местных жителей — русских, украинцев, белорусов, представителей других национальностей, которые по-братски встретили новоселов, помогли им в трудоустройстве, в овладении передовыми методами труда.

С 7 мая 1934 года — дня образования Еврейской автономной области — «Биробиджанер штерн» становится областной газетой, увеличивается ее периодичность. Сейчас она выходит пять раз в неделю на четырех полосах формата «Правды».

Благодаря постоянному вниманию и помощи Центрального Комитета партии и Советского правительства, при братской помощи народов всех республик страны начинают быстро развиваться все отрасли народного хозяйства молодой национальной области. «Биробиджанер штерн» выступает в этот период страстным пропагандистом и организатором социалистического соревнования в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве. Создаются выездные редакции на лесозаготовках и важнейших стройках. Систематически публикуются материалы, основным содержанием которых является показ самоотверженного труда тружеников области на благо Родины. Много места на страницах газеты занимают и вопросы развития культуры, народного образования и здравоохранения.

С помощью своего актива — рабочих и сельских корреспондентов — газета держала под постоянным контролем проведение наиболее важных работ. Она несла в массы живое слово партии, разъясняла трудящимся области стоящие перед ними задачи, воодушевляла их на борьбу за осуществление планов первых пятилеток. По страницам газеты можно день за днем воспроизвести всю историю становления области — от появления домиков первых переселенцев на станции Тихонькая и палаток на месте будущих сел и поселков, до пуска промышленных предприятий, создания и развития колхозов и совхозов, ввода в строй объектов социально-культурного назначения.

В годы Великой Отечественной войны газета рассказывала о ратных и трудовых подвигах земляков-дальневосточников во имя победы над врагом, о тех, кто ковал оружие победы на заводах и фабриках.

В послевоенный период «Биробиджанер штерн» активно помогает областной партийной организации в мобилизации

трудящихся на создание новых отраслей промышленности, уделяет постоянное внимание развитию сельского хозяйства, вопросам культурно-бытового обслуживания населения.

После XXV съезда КПСС в центре внимания редакции находятся вопросы претворения в жизнь его исторических решений. Газета пропагандирует патристические начинания знатных людей города и деревни, делает достоянием всех трудящихся области все новое, передовое, что рождается в ходе социалистического соревнования, рассказывает о борьбе тружеников Приамурья за досрочное завершение планов и заданий десятой пятилетки, повышение эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства, улучшение качества продукции. Систематически печатаются материалы об опыте работы передовиков и новаторов, о лучших трудовых коллективах, успешно выполняющих государственные планы и социалистические обязательства.

В дни подготовки и проведения 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина газета систематически публиковала материалы о жизни и революционной деятельности вождя, о претворении в жизнь ленинских идей, на конкретных примерах из жизни области рассказывала о торжестве ленинской национальной политики в нашей стране. Из номера в номер печатались корреспонденции, репортажи и информации о ходе ленинской трудовой вахты на предприятиях, стройках, в совхозах и колхозах области.

Как и вся советская пресса, «Биробиджанер штерн» свое главное внимание концентрирует на показе широко развернувшегося в настоящее время социалистического соревнования за выполнение планов одиннадцатой пятилетки и решений XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза. Корреспонденции, информации, репортажи по этим вопросам, фотоснимки правофланговых ударной вахты из номера в номер печатаются на первых полосах газеты. Большой интерес, в частности, привлекают материалы, публикуемые под рубрикой «От съезда к съезду», в которых рассказывается о тех больших изменениях, которые произошли в области и районах, а также в отдельных отраслях народного хозяйства, на промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах.

Много места на страницах газеты занимают вопросы коммунистического воспитания трудящихся области, работы, проводимой в этом направлении партийными, советскими, проф-

союзными, комсомольскими и другими общественными организациями.

Для более полного удовлетворения запросов читателей «Биробиджанер штерн» включена во всесоюзный каталог периодических изданий, распространяется во всех агентствах «Союзпечати» страны, а также за рубежом.

Газета широко пропагандирует миролюбивую внешнюю и внутреннюю политику КПСС и первого в мире социалистического государства, советский образ жизни. В целях разоблачения злобных и лживых измышлений сионистов и их приспешников о нашей стране, в том числе и о Еврейской автономной области, о том, что в Советском Союзе ущемляются права человека, в частности, граждан еврейской национальности, «Биробиджанер штерн» систематически печатает на своих страницах материалы о тех больших преобразованиях, которые происходят у нас в стране, на Дальнем Востоке и в нашей области, статьи, рецензии на книги советских авторов, показывающих подлинное лицо наших идеологических противников, письма трудящихся, в том числе еврейской национальности, в которых они дают решительную отповедь антисоветской пропаганде, клеветникам разных мастей, показывают на примерах своих семей и товарищей по труду, как радостно и счастливо в единой и дружной семье трудятся они на благо своей Родины.

Под рубриками «Так мы живем», «Годы и судьбы», «Рассказы о коммунистах», «Их наградила Родина», «Народные депутаты», «Люди советской деревни» из номера в номер публикуются очерки, зарисовки, фоторепортажи, рассказывающие о том, как живут и трудятся русские, евреи, украинцы, белорусы, представители других национальностей.

Только за последнее время такие материалы были посвящены Герою Социалистического Труда, ветерану Биробиджанской швейной фабрики Хае Абрамовне Карасик, знатному кукурузоводу, депутату Верховного Совета СССР Николаю Васильевичу Любину, передовому овощеводу ордена Красного Знамени колхоза «Заветы Ильича», члену Комитета советских женщин, кавалеру орденов Ленина и «Знак Почета» Фейге Лейбовне Файман, ветеранам партии и труда, отмеченным 50-летие пребывания в рядах КПСС, Абраму Иосифовичу Менису и Израилу Исааковичу Фидельману, заслуженному учителю школы РСФСР, кавалеру ордена Трудового Красного Знамени, директору Валдгеймской средней школы

Исааку Абрамовичу Пришкольнику, передовому строителю, кавалеру орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Давиду Яковлевичу Глейзеру, почетному железнодорожнику Григорию Абрамовичу Вендерову и многим другим знатым людям нашей области.

На четвертой полосе, озаглавленной «Люди, события, факты», газета постоянно печатает корреспонденции, фоторепортажи, показывающие развитие экономики и культуры области, повышение материального благосостояния советских людей.

В ноябре 1970 года газета «Биробиджанер штерн» за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся Еврейской автономной области, мобилизации их на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Журналисты «Биробиджанер штерн» с первых дней привлекали к участию в работе редакции литераторов, которые приезжали в молодую область или проживали здесь, а также молодых способных людей, проявляющих интерес к журналистике, к литературному творчеству.

Особенно много в этом отношении сделал один из первых редакторов «Биробиджанер штерн» известный партийный и общественный деятель, видный критик и публицист Генрих Львович Казакевич, направленный на работу в Биробиджан Центральным Комитетом Коммунистической партии Украины. Именно тогда, в начальный период становления, в газете печатали свои произведения литераторы Давид Бергельсон, Дер Нистер, Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Лейб Квитко, Ицик Фефер, Изя Харик, Шмуел Гордон, Арон Кушников и другие. Здесь опубликовали свои первые стихи, получив путевку в большую литературу, Эммануил Казакевич, ставший затем известным советским писателем, лауреатом Государственной премии СССР, и Арон Вергелис, являющийся ныне главным редактором литературно-художественного журнала «Советиш Геймланд» (Советская Родина), органа Союза писателей СССР.

Добрую традицию широкого привлечения литераторов в газету продолжили, будучи редакторами газеты, писатель Борис Израйлевич Миллер и критик Наум Моисеевич Фридман.

Вопросам литературы и искусства уделяет газета много внимания и сегодня. Читатели ее уже привыкли и с интере-

сом ждут воскресные номера, в которых, как правило, публикуются литературные страницы. Их внимание всегда привлекают отрывки из новых произведений, рассказы, стихи, новеллы не только биробиджанских авторов Бориса Миллера, Григория Рабинкова, Романа Шойхета, Леонида Школьника, но и многих советских еврейских писателей из других краев и областей страны, поддерживающих тесную связь с нашей газетой.

Вся деятельность коллектива редакции на протяжении пятидесяти лет была теснейшим образом связана с жизнью и работой партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, опиралась на многочисленный актив рабочих и сельских корреспондентов, что позволяло и позволяет ныне широко и всесторонне освещать на страницах газеты самоотверженный труд трудящихся области на благо Родины, их достойный вклад в выполнение пятилетних планов, в развитие производительных сил советского Дальнего Востока.

Отмечая это, мы с благодарностью вспоминаем журналистов, работавших в разное время в редакции, и, в частности, опытных партийных публицистов, бывших редакторов газеты Соломона Самуиловича Карлинского, Михаила Борисовича Черноброда, Семена Николаевича Яблоновского, которые многие годы возглавляли творческий коллектив редакции, бывшего члена редколлегии, поэта-фронтовика Исаака Бронфмана, писателей Сальвадора Боржеса, Григория Рабинкова и многих других, плодотворно работавших в разное время в коллективе редакции.

И сейчас в нашей редакции трудится дружный сплоченный коллектив, в котором удачно сочетается опыт журналистов-ветеранов — заместителей редактора Абрама Борисовича Володарского и Семена Фольковича Кердмана и других, посвятивших газетному делу не один десяток лет своей сознательной жизни, и энергия и задор недавних рабкоров, ныне штатных корреспондентов, бывшего слесаря-лекальщика биробиджанского завода силовых трансформаторов, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Леонида Гельберга, Абрама Гольдмахера, Владимира Белинкера и других молодых газетчиков.

Глубоко и со знанием дела освещать жизнь трудовых коллективов, организаторскую и идеологическую работу партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций

помогает нам большой практический опыт заведующих отделами редакции Аркадия Купермана, Михаила Куля и Михаила Каца, ранее работавших в различных хозяйственных и общественных организациях.

Много творческой инициативы в улучшении верстки и оформлении газеты проявляет ответственный секретарь редакции, молодой, способный журналист и поэт Леонид Школьник.

Особо хочется сказать о журналисте Романе Шойхете, возглавляющем отдел сельского хозяйства газеты. Свою трудовую деятельность он начал на приамурских полях трактористом. Но любовь к творчеству, к литературному труду взяла верх. Шойхет стал работать сотрудником нашей редакции, опубликовал много интересных рассказов и повестей в журнале «Дальний Восток», в Хабаровском книжном издательстве вышла его книга «Родная земля». В 1978 году он был принят в члены Союза писателей СССР. Ныне Роман Самойлович возглавляет областное литературное объединение.

Газете «Биробиджанер штери» пятьдесят лет. Оглядываясь на пройденный путь, перелистывая ее многочисленные страницы, невольно вспоминаешь слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева о том, что «наша пресса — это ежедневная всенародная трибуна, доступная каждому советскому гражданину. Здесь откровенно говорится о наших радостях и огорчениях, успехах и недостатках. Обо всем, чем мы живем, о чем мечтаем, над чем работаем».

Памятуя об этом, коллектив журналистов нашей редакции, постоянно опираясь на широкий актив рабочих и сельских корреспондентов, под руководством областного комитета КПСС не жалеет сил и труда для того, чтобы газета «Биробиджанер штери» и впредь была верным помощником областной партийной организации в коммунистическом воспитании трудящихся, мобилизации их на успешное решение задач дальнейшего развития экономики и культуры области, претворения в жизнь планов коммунистического строительства в нашей стране.

ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

ИЗ ЦИКЛА «БИРОБИДЖАНСКИЕ СТИХИ»

* * *

Я молод. И часто вечерней порою
без меры шутил, тосковал без причины.
И сердце вовеки не холил в покое, —
горячее, верное сердце мужчины.
Я сдерживал волю свою, как дыхание,
но мускулы пели, готовые к бою, —
то вдруг начинал говорить я стихами,
то вдруг замолкал в тишине травостоя.
Я вскачь по таежным распадкам носился,
и вздрагивал конь подо мной от испуга.
Он даже кустов, как волчат, сторонился
и глазом косил на случайного друга...
Я молод. Со мною такое бывало:
я плакал, свалившись на мшистую землю.
И все же беда меня с ног не сбивала —
безбедную жизнь ну никак не приемлю!
Судьбе не поставить меня на колени —
я молод, и ясен мой облик поэта,
я песню пою о моем поколении,
о нашей Отчизне, что звонче рассвета.
В лучах восходящего солнца большого,
отмеченный дружбой людей настоящих,
мечтаю сказать настоящее слово
о преданных делу,
о верности хранящих!

И пахали,
и косили луг.
И не из бревен и глины,
и не одним топором
Строили мужчины
наш Лесной Дом.
Я еще ребенок,
мне внове тропинки в лесу, —
Вижу их спросонок
и с собою несущих.
Скажи, судьба-судьбина,
что со мной будет потом?
Куда забросишь сына?
В какой поселишь дом?
Но с этого порога,
у сопки на виду,
Началась дорога
В радость и в беду.
Спасибо

тропкам,
бору!

Я помню их урок.
Ходить с горы и в гору
Они учили впрок.
Биробиджан,
о сыне
Вспоминай
в своих снах,
Вкус таежной сини
до сих пор на губах.
Тебе пишу стихи я,
и сам я твой стих.
Ты моя стихия,
ты песнь песней моих.

3

Сегодня рано утром
гость прилетел дорогой
Из Биробиджана
и привез с собой
Привет от Биры-речки,

дни вязавшей в узлы,
От вынудной из-под печки
горсти золы,
От первого соцдоговора:
«Взять и согнуть в дугу
Прогульщика и вора,
тигра и тайгу...»
Не расставался друг мой
с Бирой-рекой:
Широка округа,
и тайга под рукой.
Мой гость выглядит строго,
что-то я в нем проглядел.
Он говорит:
— Много
У нашей области дел!
Стройка у Биробиджана.
У Биробиджана план.
А в строительном плане
ты не всегда пан...
Кран прибавляется к крану, —
потому и притом
Мал Биробиджану
старый Лесной Дом.
Вот он —
песня-город
на старом берегу.
Распахнул свой ворот
и шагнул в тайгу.
Будни у нас рабочие... —
мне гость как подарок дан:
Слушаю — и воочию
вижу Биробиджан.
По зову и без зова,
в огне и в дыму
Буду снова и снова
возвращаться к нему.
И сколько бы между нами
ни лежало дорог,
Благословлю стихами
каждый его порог!

БОРИС ОЛЕВСКИЙ

ПЕРВЫЕ

Вот так зарождались селения Биробиджана —
Под небом бездонным, упавшим на плечи Хингана,
Послышались топот, и ржанье, и крики: «Скорее!» —
Тряся бородами, коней понукали евреи.
Болели глаза от простора и солнечной дали,
Подобных которым они никогда не видали.
Вершины хребта пламенеют в алмазных уборах,
А ниже по склону теснятся домишки, в которых
Живут пионеры. Степенно, с серьезностью давней
Оконные стекла блестят сквозь открытые ставни.
Все, все утрясется. И смех уже слышится звонкий,
И странно белеют на мшистых деревьях пеленки,
А в сочной траве, не слыжавшей о людях веками,
Мелькают платки, и, конечно, глаза под платками.
На фоне деревьев застыл жеребец, как картина,
Немного пониже по склону пасется скотина,
Там доят коров и, конечно, шумят по причине
Того, что без ужина быть невозможно мужчине.
Дымятся костры, вкусный запах струится в тумане,
Сбегаются дети, черны и шумны, как цыгане.
И нет лишь отцов, что, вечерний покой беспокоя,
Никак не устанут тягаться с угрюмой тайгой.
Упрямец, которым и ночью трудиться охота,
Которые валят тайгу до десятого пота!

ПЕРВАЯ ЗЕМЛЯ

Люблю я, когда начинают виднеться
Неровные линии — горы вдали,
Дома и дымки голубые, как в детстве,
И первые жители первой земли.

Усталая лошадь бежит веселее,
Становятся ласковой травы, кусты,
Земля тебе кажется близкой, своею,
Охотно везде поселился бы ты.

Вот в поле костер, полыхающий жарко,
Евреи уютно сидят у костра.
Слезаю с коня, мне свернули сигарку...
И снова в седло — дальше ехать пора.

Селенья, селенья, полоска лесная...
Торопится конь, седока веселя.
Мила мне еврейская область родная,
Счастливая первая наша земля!

ГРИГОРИЙ РАБИНКОВ

БЕРОВЫ РАССВЕТЫ

Первым во дворе большого гастронома появляется Бер Риквер. Ему лет за шестьдесят. Роста он среднего, коренаст. На нем черный, местами изъеденный серной кислотой халат, сохранившийся у него еще с тех времен, когда он работал жестянщиком. Во дворе стоит предрассветная тишина. Свежий ветерок чуть слышно шуршит опавшими листьями. От купы рослых тополей и ореховых деревьев доносится пение птиц. Бер глубоко вдыхает близкий речной воздух. В этот ранний час Бер себя чувствует особенно хорошо. Ничто или почти ничто не болит. Настроение не омрачено дневными заботами, но, как всегда, ему кажется, что работы на его трех дворах непроворот, а времени, пока люди начнут появляться на улице, крайне мало... Он вынимает из закуртки свой дворничий инструмент, но, не успев еще царапнуть метлой асфальт, уже слышит густой бас соседа Зисмана:

— Доброе утро, Бер! Уже? Наводишь порядок в мире?

Зисман всегда разговаривает с вывертами, глубокомысленными намеками. Бер ему отвечает в тон:

— Да, Зисман, сам знаешь, в нашем мире нужен порядок.

— Но почему тебя поднимает в такую рань? Дня тебе мало?

Бер широко размахивает метлой:

— Все правильно, Зисман, люди встают по утрам и должны застать чисто убранный новый мир...

Бывший дамский портной, а ныне пенсионер, Зисман — человек с величавой осанкой — поднимается еще раньше Бера. У него астма, и Бер часто слышит, как по ночам Зисман заходится в удушающем кашле, как выходит на балкон курить свои астматические папиросы.

Настоящая фамилия Бера — Шувальский, а Риквером его прозвали соседи за то, что много лет назад он приехал на Дальний Восток из Риково-села, где-то под Брянском. Всю жизнь Бер проработал жестянщиком. Крыл крыши сперва на деревянных двухэтажных, а затем на сменивших их многоэтажных зданиях. Работать с ним товарищам было нелегко. За неровный жестяной шов на кровле он поднимал невообразимый шум:

— Мы кто такие? — жег он незадачливого мастера своими большими круглыми глазами. — Жестянщики мы или сапожники!..

На пенсию Бер вышел недавно, как только почувствовал, что взбираться на крышу пятого или шестого этажа становится все трудней, а на последней лестничной перекладине длительное время приходится пережидать, пока уймется сердцебиение... И однажды в конце рабочего дня — это было на крыше здания нового телеграфа — он поднялся во весь рост и будто впервые в жизни увидел панораму разросшегося города, в котором прожил почти полвека, длинные улицы с густыми зелеными аллеями. «Гляди-ка, — подумал он тогда, — сколько лет это имел перед глазами и лишь сейчас на последней своей крыше увидел эту красоту...»

И вот он пенсионер. На улице его стали видеть в черных, хорошо отутюженных брюках, в белоснежной короткой безрукавке, в начищенных до блеска желтых туфлях. Целыми днями он просиживал в центральном сквере, где собирались пенсионеры, прислушивался к их «байкам». Вскоре, однако, это ему надоело: все одно и то же, одни и те же разговоры: врачи хорошие, врачи плохие, давление, склероз, инфаркт... О том, что «каждый день, мол, дарованный...» Ну, а если дарованный, так что? И дарованный день надо прожить по-человечески...

К тому же он еще успел повздорить с Зисманом, считавшимся у пенсионеров в сквере кем-то вроде старосты. Бер несколько раз уличал его в «неточном изложении событий», попросту — во вранье. Зисман добродушно, несколько свысока посмеивался:

— Ай-ай-ай, Бер! Жестянщик есть жестянщик. Что с него взять?

На что Бер, ухмыляясь, отвечал:

— Лишь бы не хромой портняжка! — И добавлял не без ехидства: — К тому же еще дамский...

Кончилось тем, что Бер перестал ходить в сквер. Начал выискивать дома разные дела, чтобы занять руки, тосковавшие по работе. Он починил дырявое ведро, запаял все прохудившиеся кастрюли и бачки, всю старую посуду, годами валявшуюся в чулане и на чердаках, но когда со всем этим было покончено, жена его Хана стала наблюдать, как он сидит за столом с видом человека, упорно обдумывающего что-то. Хана пыталась узнать, что означает это сидение за столом, и Бер признался, что ему надоело слоняться без дела и что он решил идти работать. Хана скептически покачала головой:

— Работать... Мало ты за свою жизнь полазил по крышам?!

— Видишь ли, — пытался ей пояснить Бер, — мужчина, который не работает, — несчастный человек.

— Так что же ты собираешься делать?

Оказалось, что Бер уже в некоторых местах позондировал почву насчет работы, но пока что все не то: телеграфу, например, требуется вахтер. На «трикотажке» нужен человек для лифта. В городской сберкассе — ночной сторож и еще подобные должности для бездельников: сиди на табурете в коридоре и зевай...

Мысль взяться за свою теперешнюю работу возникла у него совсем неожиданно и случайно. Возвращаясь как-то на рассвете с Ханой со свадьбы у родственников, Бер увидел дворника Бенциона Грнера, или просто Бенчика. Это был высокий мужчина лет под пятьдесят. Брезентовый фартук жестко топорщился на нем, словно впервые надетый. Бенчик широко и плавно размахивал метлой, гоня перед собой небольшое облачко пыли. Увидев наряженную по-свадебному чету, он остановился и, вынув сигарету, стал закуривать.

— Откуда, гуляки, так поздно и так рано? — сострил он.

Он стал жаловаться на домоуправа, с которым у него нелады. Он, Бенце, собирается совсем уйти из домоуправления. Зарплата, Бер, сам знаешь какая! Куда пойдет? Хо! Подумывает пойти сторожем на новое кладбище: там каждый день есть приработок, свежая копейка! — он потер палец о палец, словно уже считал те свежие копейки. Бер насупленно молчал. Ответила Хана:

— Вы, Бенце, непутевый, пропащий человек! Недаром от вас Михля ушла! Вы пьете безбожно!

Бенчик осклабился до ушей:

— Что вы, Хана-голубушка! Случается, не про нас с вами будь сказано, что человек пьет, но тут возьмешь когда-нибудь такую каплю, — на кончике мизинца он отмерил, как велика капля, — а больше — боже сохрани!

Бер тем временем молча рассматривал подметенный участок тротуара. Ему бросилось в глаза, что подметает Бенце плохо. Он осуждающе скосил на Бенчика глаза: «Работа, скажу тебе, с души воротит! Это что? — он указал ему на оставленный мусор. — А это?»

Бенчик выплюнул окуроч и растоптал его огромным кирзовым сапогом.

— Э, Бер! Подметай не подметай! Как ни бейся, через минуту нагадят. Народ такой!

Именно тогда Бер на миг представил себя на предрассветной пустынной улице с метлой в руках. В первое мгновение это ему показалось довольно нелепым: он, Бер, лучший жестианщик в городе — дворник, подметальщик!..

Они ушли домой, но чем дальше Бер отходил от Бенчика, все меньше эта мысль казалась ему нелепой. В чем дело? В этом городе он прожил большую часть своей жизни. Многие кровли домов — дело его рук. Особенно мила ему его тихая широкая улица со строем разросшихся тополей и бархатных деревьев с обеих сторон. Некоторые из них он посадил собственными руками на одном из субботников много лет назад. И самое подходящее для него теперь, когда он уже не может лазить по крышам, сделать эту улицу самой ухоженной, самой чистой в городе.

Правда, некоторые дворы здесь захламлены, к примеру, двор большого гастронома, где он, Бер, живет, ну и участки Бенчика и Егорши Матюка... Эти два дружка — мастера выпить. А стоит домоуправу или санитарной комиссии сделать им замечание, они тут же грозят уволиться. Дворников-де подхватит любое домоуправление...

Незаметно для себя Бер громко произнес:

— Я покажу этим бездельникам, как надо работать!

— Кому? — не поняла Хана и когда услышала, на какую работу Бер собирается пойти, она остановилась посредине тротуара с открытым от изумления ртом:

— Всем моим врагам! На их голову! На их руки и ноги! Что снилось мне! Тьфу! Ничего лучшего не мог придумать? Тебе что? На хлеб не хватает? Или к хлебу?..

— Э, — с досадой махнул Бер рукой, — не об этом речь!

— Но — в дворники! В дворники! — не унималась Хана. Бер улыбнулся:

— Тебе не нравится? Да? Непристойно? Был когда-то у нас в бригаде жестянщик Марейна, так он говаривал: «Неважно, на чем играть, важно — как играть!»...

В тот же день Бер предпринял «рейд» по запущенным дворам. Площадь за большим гастрономом была завалена ящиками из-под яиц и вина. В двух соседних дворах он на каждом шагу наткался на холмики засохшей извести и алебаstra, старой дранки. «Да, навести здесь порядок, — думал Бер, глядя на островки строительного мусора, — будет нелегко. Придется попотеть. Сдюжит ли он? Может быть, не стоит и браться?»

И кто знает, сколько эта нерешительность продолжалась бы у Бера, если бы не пенсионеры Зисман, Мехл Месенжник и восьмидесятилетний Абраша Мейзах, тоже портной, которого Зисман пренебрежительно называл тандетником. Они видели, как Бер бродил по двору, останавливаясь возле кучек мусора, и озоровато все разом, точно гуси, крикнули:

— Бер, что ты ходишь, как курица с яйцом?

Именно тогда, назло этим горластым занозистым перемешникам, он твердо решил взяться за эту работу.

При разговоре с домоуправом в кабинете присутствовали Бенце, Егорша Матюк и кто-то из слесарей. Они толкали друг друга кулаками под локоть.

— Старикашка ищет «легкую», «не пыльную» работенку...

Егорша — долговязый поджарый человек средних лет; коротенький пиджачок и брюки в обтяжку молодили его. Он подмигнул:

— А что? Старик еще в отличной форме!

Домоуправ, молодой блондин, в черных летних очках, с чувством жал Беру руку:

— Папаша! Вы сами не знаете, как вы нас выручили!

...В тот день Бер встал чуть свет. На улице еще царил глубокая ночная тишина. Высокий густой бурьян во дворе, вокруг отопительных люков, который прежний дворник все собирался снести, да так и не собрался, еще выступал из мрака черной массой. В летней будке посреди двора за столиком, на котором рубились в домино, уже сидели Зисман, Мехель, Абраша и еще кто-то из соседей-пенсионеров. Уже давно старики в такую рань не поднимались. Свежий колкий воздух вызывал у них кашель и перхание.

«Уже разнюхали», — усмехнулся Бер в усы. — Любопытны, как бабы... А чего ради? Увидеть, как он, Бер Риквер, лучший жестянщик в городе, будет подметать двор...»

Бер услышал самоуверенный бас Зисмана:

— Не люблю заглядывать в чужой карман, считать чужие деньги, но, — сделал он выкладку пальцами, — зарплата дворника — это вам раз, тридцать рублей дополнительно — каждый месяц гастроном — два. Пенсия сто процентов — это вам три...

Мехл Месенжник, вечно надутый человек, которого сердобольные соседки недавно женили на толстухе-вдове, все еще ходивший в свадебном костюме, бритый, подстриженный ежиком, обронил:

— Добычливый старик!

«Не любит считать чужие деньги!» — продолжал Бер иронически усмехаться.

Он вынул из сарайчика оставшуюся ему в наследство от прежнего дворника новенькую метлу. Маленький, живенький, вертлявый Абраша Мейзах в восьмиклинной клетчатой кепочке воскликнул:

— Удачи тебе, Бер, на новом благородном поприще!

Удовлетворив свое любопытство, старики побрели домой. Бер тогда с увлечением поработал до самого вечера, перетаскал немощное количество ящиков с мусором, а после еще целую неделю убирал и наводил порядок, подметал, чистил. Хана не могла дозваться его домой обедать:

— Что ты пропадаешь там целыми днями! — кричала она. — Не выпускаешь метлы из рук! Сподобился на старости лет стать дворником!

Она вообще считала это занятие неблагопристойным для Бера. Соседям она говорила:

— Мой, знаете, с причудами, но это у него скоро пройдет...

Когда санитарная комиссия поставила Беру первую пятерку за чистоту, Бенчик и Егорша Матюк пришли с видом знатоков посмотреть на его работу. Матюк успокаивающе махнул ладонью и промолвил:

— Пустяки! Новая метла!..

Бенчик сказал:

— Скоро ему надоеет так вылизывать тротуар...

Распорядок дня у Бера установился такой: на рассвете, закончив работу, он еще некоторое время простаивал на тро-

туаре и с удовлетворением оглядывал «свою» часть улицы, которая после уборки приобрела празднично-обновленный вид. Когда люди начинают выходить из домов, Бера уже нет. Утром люди должны увидеть улицы, дворы чистыми, убранными, и тогда они начнут день с хорошим настроением. Он это знает по себе. Но с уборкой дворов и улицы его рабочий день не кончается. После этого он делает в день несколько «инспекций» по своим дворам. Тут подберет щепку, там окурочек бросит в урну.

Когда портрет Бера вывесили на доске Почета жилтresta, Бенце и Егорша вынуждены были признать, что «у старика что-то получается». У них появилось даже нечто вроде зависти.

— Помяни мое слово, — говорил Матюк, — забудет он нас с тобою, старикашка. Забудет!

Днем стали видеть Бера с ведерком и кельмой. Он замазывал и затирал вывалившиеся и потрескавшиеся места на цоколях домов. Выпросил в домоуправлении немного жести и стал заменять проржавленные куски сточных труб.

Однажды Зисман остановил его во дворе и в присутствии всех пенсионеров двора обратился к нему с речью:

— Что я тебе хотел сказать, Бер, да, от имени и по поручению всего личного состава свидетельствую: экзамен на дворника ты с честью выдержал. Отлично. Это говорю тебе я, Моисей Ильич Зисман, дамский портной первой категории.

— А как вышагивает! Как размахивает метлой! — восторгался Мехл Месенжник. — Смотреть любо!

Абраша, поднимая большой палец, покачивал головой:

— А что я говорю? Настоящий домовой!

Бер слушал молча, скептически оглядывая стариков:

— «Домовой»... Сам ты домовой! Леший! Государство дает вам новые дома, благоустроенные, со всеми удобствами, а вы что делаете с жилым фондом?

Абраша произносит нараспев, как в синагоге:

— Ой, Бер, Бер! Жилой фонд, каковой положен человеку, он без удобств, и не здесь, а там, там, ой, за пере-е-ездом...

Пенсионеры не любят толковать о таких вещах. Они его обрывают:

— Хватит каркать, тандетник!

В последнее время Хана тоже стала иногда выходить на рассвете вместе с Бером. Она жалуется соседкам, что стра-

дает бессонницей и одышкой. Она боится простуды, поэтому надевает и резиновые сапоги, сохранившиеся у нее с тех времен, когда была поварихой. Она протяжно зевает, затем берет, как бы без всякого намерения, запасную метлу и тоже начинает подметать асфальт. Бер вынужден признать, что у нее это ладится лучше, чем у него. А в летней будке уже сидят Зисман, Абраша, Мехл и еще кто-то из пенсионеров. Нужно ведь ловить каждую минуту благодатного лета, ибо ежели не сейчас, то когда будешь сидеть на вольном воздухе? Зимой, что ли? Зисман откашливается и закуривает астматическую папиросу.

— Доброе утро, Бер!

— Пусть будет доброе.

— Наводишь порядок в мире?

— Да, Зисман, сам знаешь. В нашем мире нужен порядок.

А Абраша глубокомысленно качает головой:

— Ай, нужен он! Ай, нужен!

ИСААК БРОНФМАН

ГОЛОС МОСКВЫ

После боя,
В лесу,
На походной стоянке,
Далеко от Москвы
Говорила Москва,
И сурово молчали
Тяжелые танки,
Будто слушали с нами
Родные слова.

О, как сладостна
Русская речь за границей!
Потеплели глаза,
Как под солнцем янтарь.
Таял снег в котелках.
Со снежком и водицей
Удивительно вкусным
Казался сухарь.

Нас не грела весна
В том году на чужбине.
Молча мы тосковали
О небе родном
Да о тихой березке,
О тонкой рябине,
Что у отчего дома
Стоят под окном.

Но зажегся сигнал,
Призывая к походу,

И на вздрогнувшем танке
Качнулась звезда,
И пошли на врага —
За весну, за свободу,
За горячее
Мирное
Солнце труда.

И несла, и несла
Колесница стальная
Голос ленинской правды —
Нашей правды слова.
И в свободном к утру
Городке у Дуная
В тот же утренний час
Говорила Москва.

ПРИАМУРЬЕ РОДНОЕ

Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделась в вечернее платье,
Скирда уже кажется древним курганом,
И горизонт свои сузил объятья.

Мы едем неспешно на газике с поля,
Порой о крыло задевают колосья,
И словно о чем-то мечтают раздолья,
И словно скрипят в отдалении полозья.

А может быть, сельские это криницы
Поют, подымая тяжелые ведра,
И люди к ним с поля подходят напиться,
Чтоб жажду унять и почувствовать бодрость.

Так, помнится, было в селе на Украине,
Где рос я когда-то, учился, работал,
Но с краем родным я расстался
и втайне

О нем тосковал
В приамурских широтах.

С тех пор утекли уже десятилетия,
В суровую почву, как дерево, врос я,
На этой земле родились мои дети,
Как эти, возвращенные мною, колосся.

Не надо мне лучше, чем край Приамурья...
Вот эти леса, полноводные реки,
Луга, новостройки и неба лазурь я
Давно полюбил горячо и навеки.

...Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделась в вечернее платье,
Ее — с перелеском, дорогой, стогами —
Как мать, заключить бы мне нежно в объятья.

ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН

БИРОБИДЖАН — МОЙ ДОМ

Хочу, чтоб знали все, всем рассказать хочу:
Биробиджан — мой дом, душой к нему лечу.
К вам, пахари, творцы, строители дорог, —
не где-то — только здесь
любви моей исток.

Я среди вас, друзья, трудилась и жила,
писала по ночам, костры утрами жгла,
и по ночам опять писала о тебе,
мой город у Биры — единственный в судьбе!
Так шел за годом год, и не забыть вовек:
болотам и тайге не сдался человек.
И вырос у Биры наш светлый добрый дом,
который мы навек любимым назовем!
Пусть юность пронеслась, как бирская вода,
но город молодым остался навсегда.
И я хочу друзьям напомнить об одном:
Биробиджан — мой дом.
И песнь моя — о нем.

ЯБЛОНЯ

Посадил человек яблоню.
Было это давно.
Запах ее цветенья
сладок, словно вино.
Человек воевал с тайгой,
песни об этом пел.
Там, где он жил в палатке,
сквер листвою зашумел.

Но человек однажды
 умер — жизнь такова.
 Сдали в музей палатку.
 А память о нем жива.
 Каждой весной, как яблоня,
 она зацветает там,
 где вырос в глуши таежной
 город Биробиджан.

ХАИМ БЕЙДЕР

ИЗ ВОЛОЧАЕВСКОГО ДНЕВНИКА

1

Тишина.
 Молчания минута.
 Сопка, что с тобой меня свело?
 До земли склонились ветки,
 Будто
 Им, как мне, сегодня тяжело...

Помолчим.
 Минута словно вечность.
 Время,
 Память павших оживи!
 Тише, снег!
 Не падай мне на плечи.
 Ветер,
 Свой полет останови.

Трудно мне дышать —
 Не от мороза,
 И глаза болят —
 От снега? —
 Так,
 Словно здесь поэзия и проза
 В лоб сошлись
 В последней из атак.

Здесь,
 На этом месте легендарном,
 До земли пропитан кровью снег —
 Кровью тех,
 Кто шел на штурм недаром,
 Временем прославленных вовек.

Почему же сопка грустила?
Чей покой
Хранит она сейчас?
Спят под снегом братские могилы.
О грядущем
Спрашивают нас.

2

Когда приходит полночь
И музей
Как бы парит над сопкой невесомо,
Они выходят,
Воины главкома,
На переключку с памятью своей.

И сопка видит каждого из них:
За рядом ряд идут они,
Как прежде, —
Сто восемнадцать вечно молодых
Солдат великой армии надежды.

А в час ночной —
Так люди говорят, —
Когда в деревьях ветер воет глухо,
На переключке с памятью стоят
И Постышев,
И Серышев,
И Блюхер...

Так день за днем,
С тех самых давних пор,
Напоминая о грядущем людям,
Они стоят —
Аксенов Никанор,
Борисов, Волков,
Гартман, Фельдман, Юдин...

Они стоят в порядке боевом,
И в штурме,
Пожелав бойцам удачи,
Напоминает снова им главком
О главной и единственной задаче.

Идут бойцы,
И пусть нелегок путь, —
Они в бою бессмертие находят.
Но лишь рассвет забрезжит —
Отдохнуть
Перед последним штурмом
Все уходят...

БОРИС МИЛЛЕР

МОЛОДОЙ КАРТОФЕЛЬ

Мальчика Мотл у Шолом-Алейхема помните? Помните, как он любил все маленькое — маленьких собачек, кошечек, даже огурчики маленькие, картофель молодой... Вот-вот... Писатель перечисляет еще многое, что Мотл любил маленьким, но тут, на молодом картофеле, я останавлиюсь. Почему? Потому что, грешным делом, и я его люблю...

Вы, конечно, понимаете, что я уже весьма смутно представляю себе то время, когда был в возрасте мальчика Мотл. Что и говорить, внуки мои теперь старше его. Как же, спросите вы, не зазорно мне признаться в такой слабости? Да и пристало ли мне в мои-то годы уподобляться какому-то мальчугану? Отвечу: во-первых, так ли это зазорно — любить что-нибудь? А во-вторых, скажу: сколько бы нам ни было лет, как бы мы ни старились, и, возможно, до самого последнего дня в каждом из нас живет свой мальчик Мотл...

Итак, молодой картофель... Не знаю, как вы, я с нетерпением жду его появления. И люблю я его не только есть, нет, но и чистить, и варить, и сдабривать маслом, и пересыпать чесночком, тоже молодым, — все эти хлопоты мне приятны.

Не подумайте, что стряслось что-нибудь с моей старушкой, коли мне приходится всем этим заниматься. Она жива, здорова и все еще такая же, как и была, мастерица варить и стряпать. Просто — с молодым картофелем люблю повозиться сам.

Старушка моя всегда просыпается первой. На дворе еще темень, а она уже на ногах. Изредка удается мне ее перехитрить. Тихо, на цыпочках выбираюсь из спальни, плотно прикрываю дверь — и на кухню.

Не люблю чистить картошку на исходе зимы и ранней

весной. Клубни обмякли, сморщились, утыканы ростками. Нет, это работа не для меня. Не то молодой картофель. Его и чистить не надо. Из миски с водой вынимаете клубень, он гладок, тверд и так и играет светлой тонкой кожурой. Достаточно прикоснуться ножом, и она сползает, обнажая влажную белизну плода...

Думаете, не застучала меня однажды моя старушка на этой работе? Я и не заметил, как появилась она на кухне.

— Видела, видела, — говорит, — как ты крался из спальни...

— Ты ведь спала!

— А вот видела!

— Но ведь молчала?

— А к чему кричать?

— Зачем же пришла?

— А затем, — говорит, — чтоб взглянуть, как ты тут без меня кашеваришь. — Она заглянула в кастрюлю с очищенным картофелем и молча покачала головой: «Так, мол, и знала...»

Должен сказать, что жена моя всю жизнь — до пенсии — проработала на трикотажной фабрике. Сперва станочницей была, потом бригадиром, затем много лет в отделе технического контроля, и выработалось у нее неслыханное чутье на брак...

— Кто же так чистит картофель? — сказала она.

— Что, плохо? — спросил я.

— Конечно.

Меня покорило. Я так старался, и вот...

— А чем плохо? — спрашиваю.

Она вынула из кастрюли один клубень, второй, показала: на одном в углублении кожа осталась, на другом пятнышко не вычищено.

— Так что, — говорю, — ОТК работу не принимает?

— Нет, — отвечает, — надо переделать.

Я принялся исправлять брак.

А чего, вы думаете, старушка моя добивалась? Хотела доказать, что непригоден я для кухни и нечего мне сюда совать нос, ее работу отнимать. Другая была бы рада, а она — нет. Характер! Но мне хотелось доказать, что могу. А почему бы и не помочь ей, тем более что на завод, на котором полжизни проработал, теперь не спешу. Да и мне что-то делать ведь надо...

Договорились: через день каждый из нас готовит завтрак.

И вот сижу я, уже не крадучись, на законном основании (уговор!) на кухне. Дверь приоткрыта. Негромко, чтоб в спальне не слышно было, включаю радио, и занят я тремя делами сразу. Чищу картофель или готовлю салат из молодых редисок, огурцов, лука, слушаю радио, а в голове в это время — всякие мысли. О чем? Говорю же — всякие, разные. И вовсе разные... Вот передают: пошел пятый месяц — шутка ли! — как два наших космонавта работают на орбите и чувствуют себя — лучше не надо. Да это и видать. Вчера вечером смотрел по телевизору репортаж из космоса. И до чего дожили: один из космонавтов показывал сосуд с ростками гороха. А ведь они там, в космосе, выросли... Только подумать: где мы, где они? А я вижу и слышу их, как если бы сидели они вот тут, у меня за столом... И все это нам уже кажется обычным, как будто так оно всегда и было... Между тем если вспомнить про моего деда... Да что дед... Отец мой, и тот мог разве представить себе, что такое будет возможно: что люди будут летать в космос... Что придумают ящик, который назовут телевизором, и при его помощи к тебе в дом заявится весь мир из края в край, космос...

Что же предстоит увидеть детям моим! А внукам...

Не было бы только войны... Я имею в виду не малые войны, они то и дело вспыхивают то в одном месте, то в другом... Как бы большая война пожаром не охватила землю... Что, не может быть? Еще как может! Там, на западе, не перестают ведь производить бомбы — атомные, водородные, к нейтронным подбираются. Есть кое-что и у нас на случай, если надо будет дать отпор... Но если так будет продолжаться, к чему же все это приведет? Этак в один какой-нибудь день весь наш шарик может рухнуть в тартарары. Будто его и не было...

«Эк хватил», — скажете, — начал с картофеля, а добрался до водородных бомб... А чему удивляться? В мире все взаимосвязано. Между бомбой и картофелем тоже существует связь. Более того, — не смейтесь, — именно между ними, возможно, и происходит теперь главная борьба — между картофелем, произрастающим на земле, и всеми этими бомбами — атомными, водородными, нейтронными, будь они трижды неладны... И все от того зависит — кто кого? Кто кого в этой борьбе одолеет — картофель бомбу или наоборот... В этом все дело. Но если спросите меня — за кем будет по-

беда? — скажу: за картофелем. Откуда уверенность? Просто: картофель — жизнь, бомба — смерть. Жизнь сильнее...

Слышите, идет моя старушка. Чуть свет, а она уже на ногах. Того и гляди, обнаружит брак в работе. Столько лет в ОТК, шутка ли?..

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

МОЕМУ ГОРОДУ

Скрипят озябшие качели,
и грустен парк по вечерам,
а мы ничуть не постарели,
осенний мой Биробиджан.
Ты молодеешь с каждым годом,
и связан я одной судьбой
с любим — пусть маленьким — заводом
и с тихой улицей любой.
И в час, когда порой мне туго —
ведь и такой бывает час, —
ты помогаешь мне, как другу —
без лишних слов и пышных фраз.
И я уверен — днем ли, ночью, —
ко мне по-дружески добры
твоя черемуха у почты
и даже дождик у Биры.
И нам вовек не стать чужими.
Меня врачует вновь и вновь
твой тихий свет — необъяснимый
и неделимый, как любовь.

* * *

Та женщина, которая была
твоей душой, дыханием и болью, —
пока ты ждал ее, она ушла,
чтоб никогда не встретиться с тобою.
И та звезда, упавшая в леса, —
она тебе напомнила, сгорая,
что есть вторые снег или гроза

и нет земли, которая вторая.
И та соната, крыльями плеча,
та музыка, которая звучала, —
она коснулась твоего плеча,
и ты заплакал, как тогда, вначале.
Ах, мир — он откровенен, как беда,
заверчен так, что часто с толку сводит:
Звучит соната. Падает звезда.
И женщина любимая уходит.

ЖУРАВУШКА

Памяти доченьки

1

В старом, выцветшем пиджаке,
удивительно неуклюжий,
проскачу на одной ноге
я, какие захочешь, лужи.
Много книжек тебе куплю,
даже варежку залатаю,
потому что тебя люблю,
моя доченька золотая.
Вот ты вырастешь и поймешь,
как грустил временами папка,
вспомнишь, как вечерами, в дождь,
приносил он цветов охапки,
как любил он глаза людей —
незнакомых и живших рядом
с непогасшим до этих дней
удивительно ясным взглядом.
И когда ты поймешь меня,
не сумеешь ты не влюбиться
в этот дождь на исходе дня
и в прекрасные эти лица...

2

Цыплят по осени считают.
А мне зачем считать цыплят?
По желтым листьям замечая,
как годы в прошлое летят.

Приходит доченька из школы,
а у нее в чернилах нос.
— Смотри, — скажу ей, — в роще голой
совсем один гуляет пес.
Возьми, — скажу, — на кухне хлеба
и накорми беднягу пса,
а то скулит и смотрит в небо,
и прячет грустные глаза...
— Собака глупая и злая, —
придя, пожалуется дочь, —
она сбежала, громко лая,
а я хотела ей помочь...
— Ну что ж, — скажу. — Давай трудиться:
отмоем нос, возьмем перо
и будем главному учиться —
писать слова, творить добро.
Пускай в твоей тетради белой
живут пятерки круглый год,
а пес, пронюхав это дело,
однажды сам к тебе придет!

3

В черной шубке, щеки — красные,
вся — по горлышко в снегу,
приходила краше праздника...
Не могу.
На коньках, раскинув лапушки,
хлоп! — и падала на лед.
Зайка твой теперь у бабушки
нарисованный живет.
У него усы зеленые.
Плачет он, такой смешной.
Все слезиночки — соленые.
Сладкой — нету ни одной.
Ты хотела быть журавушкой,
чтобы крылья за спиной.
Не успела. Стала травушкой,
теплой травушкой лесной...
Горя тихая отметина,
горше не было и нет:
шкафчик твой открою медленно,
а на шубке — снег...

ДОБРОТА

Я узнавал ее не понаслышке:
в дни, когда мама лежала в бреду,
люди несли мне картошку и книжки,
знали — я скоро из школы приду.
Мы не всегда доброту замечаем —
ту, что не требует жестов и слов.
Я возвращался из школы — и чаем
отогревался от всех холодов.
Это, по-моему, главное в мире:
кто бы ни злил и ни радовал нас,
лишь бы в любой коммунальной квартире
свет доброты никогда не погас.
С ней мы становимся чище и лучше,
знаем — ее не растратить вовек.
...Бродит по улицам солнечный лучик —
добрый, единственный мой человек.

РОМАН ШОИХЕТ

ПИСЬМО

Рассказ

За ажурными, старинного литья чугунными воротами бывшего детского садика, занятого теперь под военный госпиталь, Семен Раскин благодарно пожал теплую шершавую руку медсестры, проводившей его за ограду. Затем, лихо закинув тощий вещмешок за плечи и молодецкато поигрывая тростью, он не оглядываясь бодро зашагал по тротуару; когда госпиталь, по его мнению, остался далеко позади, Семен пошел потише, уже тяжело налегая на трость. Пройдя без определенной цели несколько кварталов, он остановился, задумался. Дело в том, что для долечивания ранения начальника госпиталя счел возможным дать ему своей властью небольшой отпуск. И вот теперь перед Семеном встала проблема: где и как провести эти негаданные отпускные дни.

Семен был сирота, он вырос в приюте, и во всем огромном мире у него, можно сказать, не было родных. Правда, когда-то у него была двоюродная бабушка по матери, и один раз, было ему тогда лет восемь, он даже гостил у нее. Но то давнишнее гостевание почти забылось. Семену помнилось, что бабушка эта жила в селе, где-то под Уманью, и если она даже чудом уцелела в страшном водовороте войны, то все равно, наверно, один бог знает, где она теперь обретается. А начать искать ее, то и трех отпусков не хватит. Что же ему было делать? Не болтаться же по чужому, незнакомому городу. Пожалуй, лучший из выходов — это вернуться в свою роту, на фронт. Там, среди испытанных друзей, он наверняка поправится быстрее. После некоторого раздумья приняв такое решение, Семен остановил шедшего ему навстречу старого узбека и расспросил его, как добраться до станции.

Было уже около полудня, когда Семен, оформив у военного коменданта проездные документы и наспех перекусив,

снова вышел на привокзальную площадь. После выстоянной очереди у коменданта и буфетной сутолоки, где он поел по специальным талонам, Семен хотел было немного посидеть, дать отдых ногам. Но свободных мест не было. Вокзал, возведенный, вероятно, еще в период строительства железной дороги, был невелик, не рассчитан на большое число пассажиров, и теперь, забитый красноармейцами маршевых рот, неубывающими беженцами и еще какими-то людьми, он напоминал переполненный сказочный теремок. Разумеется, что при всей перегруженности вокзала, попроси Семен, и ему, раненому командиру, конечно же, нашли бы место посидеть. Но Семен не стал никого просить. Он с детства совестился кого-либо стеснять. Воинский эшелон, куда комендант пристроил Семена, уходил, однако, поздно ночью, и, чтоб хоть как-то убить время, оказавшееся у него в избытке, Семен снова бесцельно побрел в город.

А на земле в это время была зима. Самая середина ее. Далеко от этих мест, на севере и западе страны, стояли крепкие морозы, воздух дрожал и стонал от свирепых метелей. А в небольшом среднеазиатском городе в это время январь ежедневно нарождался и угасал в серых, немощных красках. Правда, и здесь, бывало, с низкого неба иногда сыпал снег. Но что это был за снег? Одна видимость. Вот и в этот день в воздухе вдруг закружили снежинки. Но, робея, видимо, близкой черной земли, снежинки таяли уже в воздухе. Ближе к вечеру, однако, снег повалил гуще, и вскоре глинистые дувалы, плоские крыши домов, оголившиеся ветви деревьев и уцелевшие скамейки сквера покрылись тонкой белой порошей. Скапливался снег и на бетонных плитах тротуаров. И если на оживленных перекрестках снег едва белел небольшими плешинками среди жидкого серого месива, то на малоллюдных улочках старой части города, куда забрел Семен, он лежал почти нетронутым. Нетронутой лежала там и опавшая листва.

От ветров город защищал подковообразный горный кряж, дворниками улицы тоже не подметались — не до них было в трудную первую военную осень, и во всех скверах и садах, и просто на улицах было много листвы. Как, впрочем, много было в городе и деревьев. Особенно тополей.

Тополя Семен любил еще с родины, с любимой Херсонщины. Там, в родной, почти безлесной степи, они одни покоряли глаз своей могучей высотой. Но в этом городе тополя

были еще мощнее. Высоко в небо подняли они на стройных стволах свои островерхие макушки, и там, в серой зимней мгле, тополя, казалось, сливались с не менее высокими вершинами горного хребта. Летом горная цепь, наверно, голубела лесистым покровом, но теперь и крутые склоны хребтов, и тополя тихо дремали, придавленные зимним безмолвием.

На одном из уличных переходов раненая нога все же подвела Семена. То ли он широко ступнул, то ли жидкая снежная каша поползла под его сапогом, только он очень неловко, на виду у прохожих, тяжело и больно завалился на спину. Слетевшую с головы шапку он нашарил тотчас же, она лежала у плеча. А вот трость, словно отлитая из какого-то небьющегося стекла, вызванивая, отлетела далеко на проезжую часть улицы. Две или три женщины кинулись поднимать его, но Семен, пряча смущенные глаза и кляня свою беспомощность, сам быстро присел. Но встать на ноги он с первой попытки не смог. Падая, он зашиб раненую ногу, и она теперь сильно болела.

— Дядя, лейтенант, давайте я вам помогу! — вдруг услышал он высокий мальчишеский голос и, подняв голову, увидел стоявшего рядом худого черноглазого парнишку лет десяти.

— Не надо, браток, спасибо! Я уж как-нибудь сам постараюсь, — сказал он и, прикусив губу, заставил себя подняться. — Вот, видишь!

Семен улыбнулся мальчишке и попросил его:

— Будь добр, принеси-ка мою палку. Вон она, на дороге.

Пока мальчишка сбегал за тростью, Семен, избегая смотреть на прохожих, видевших его конфуз, стал тщательно стряхивать с шинели прилипшие листья и грязноватые ошметки снега.

Потом они пошли рядом — высокий прихрамывающий лейтенант и худенький мальчик в большой кепке и старой подрезанной телогрейке, подпоясанный узким ремешком. И беседу они с самого начала повели серьезную. Не скрывая своей гордости, что он вот так, запросто шагает с настоящим раненым командиром, мальчик охотно рассказывал о себе. Он говорил, а перед Семеном раскрывалась еще одна жизненная драма, безжалостно разыгранная войной.

Семен узнал, что семье Броньки, так звали парнишку, удалось бежать из города Балты буквально за час до того, как туда ворвались фашисты, что в сентябре, во время бом-

бежки переправы через Днепр, были убиты его мать и грудная сестренка, что наполовину осиротевшая семья почти целый месяц все куда-то ехала от Волги, пока отец однажды не пришел к мысли, что, в сущности, для эвакуированных не имеет значения, где им временно осесть. Так они остались в этом городе. Из этого же города ушел на фронт отец Броньки и почти сразу же погиб в бою. И вот теперь их семья — он и две его сестры — твердо решила, что будут здесь жить только до тех пор, пока наши войска не освободят Балту от фашистов. Тогда они сразу уедут: Бронька с младшей сестренкой домой, а старшая — на фронт.

На откровенность всегда хочется отвечать тем же, особенно если исповедь исходит от ребенка, и Семен, в свою очередь, как равному, рассказал Броньке, кто он и что. И еще он ему сказал, что бродит по городу, убивая время.

Они долго разгуливали по улицам, но до отхода эшелона оставалось все еще много времени, и когда Бронька, видимо решив похвастать своим новым знакомством перед сестрами, пригласил Семена к себе, тот охотно согласился. Бронька жил на окраине города, не очень далеко от железной дороги, и Семену, тихо ступавшему за мальчиком, все время казалось, что они вот-вот выйдут к станции. Они шли, а станции все не было, хотя в узких и кривых улочках поселка явно слышались звуки паровозных гудков и металлический лязг сталкивающихся тарелок буферов.

Но вот Бронька остановился, плечом толкнул высокую, как дверь, калитку и юркнул в открывшийся проем. Шагнув следом, Семен оказался в небольшом ухоженном дворике. Сжатый со всех сторон высокими стенами, сложенными, как и все постройки города, из больших необожженных кирпичей, дворик походил чем-то на большую серую клетку без крыши. И ничего в нем не было и не росло, кроме старого развесистого тутовника. Было видно, что дерево хранили не только ради крупных приторно-сладких ягод. Шелковиц в городе много, и в начале лета — обедайся ягодами на каждом шагу. Вероятно, в самый зной раскидистые ветви дерева образуют такую густую вязь кружев, что спасительной тени от нее хватает не только на весь дворик, но даже и на однооконную неказистую мазанку, прилепившуюся в самом углу.

Открывая замок на двери мазанки, Бронька пояснил:

— Сразу, как приехали, мы здесь жили вместе с хозяевами. Ох и тесно же было! Похуже, чем в теплушке. Зато

теперь ничего. Как только дядя Сеитбай ушел на фронт, тетя Холдархон с детьми уехала к своему отцу в кишлак. Наверно, потому, что там с едой получше, правда?

Внутри мазанки было сумрачно и прохладно. После улицы глаза видели плохо, и Семен, привыкая, стоял у порога. Оттуда он разглядел, что в мазанке всего одна комната, перегороденная старым выцветшим ситцевым пологом, и что кроме большого стола у окна да двух некрашенных самодельных табуреток, в доме почти не видно было никаких вещей.

Отчего-то вздохнув, Семен прошел к столу, придвинул ногой табурет. Покряхтывая, он тяжело присел на него и сбросил с плеча вещмешок.

— Ну, что, брат, делать будем? — барабанил пальцами по столешнице, нарочито бодро спросил он Броньку.

— Вы пока посидите, а я печку растоплю. Только шинель не снимайте, еще прохладно. А потом чаю попьем, и еще что-нибудь придумаем.

Бронька замелькал из мазанки во двор и обратно. Он принес воды, налил и поставил чайник на плиту, разжег огонь. Он делал все привычно, сноровисто, без лишней суеты и шума. «Работает, что твой разведчик», — отметил Семен, молча глядя на сидящего у печурки Броньку.

Вскоре, вероятно устав от ходьбы и свежего воздуха, Семен незаметно вздремнул. В тяжелой дреме ему казалось, что сидит он вовсе не в мазанке, а все еще в госпитале и будто бы сквозь потолок вливаются полосы света, и что в их ярких брызгах мелькают какие-то бесплотные люди. Временами все проваливалось и ему уже чудилось, что он находится в землянке, что в ней почему-то ужасно холодно и что он один в этой промозглой пугающей тишине. Он ощущает давящую тяжесть этой темени, чувствует, что у него немеют локти, ноги и шея.

Семен проспал недолго, чуть больше часа, но когда пробудился, был уже ранний зимний вечер, и на столе, у окошка, горела неярко лампа-семилинейка. Стекла на лампе не было, и огонек то тихо трепетал над фитилем, то от малейшего дуновения кособочился, и тогда к низкому потолку вилась тоненькая нитка смолистого дыма. В комнате было уже тепло, на плите, давно успокоившись, тихо посапывал чайник, а на столе, застланном свежей газетой, стоял нетронутый ужин.

«Меня ждут, — потирая онемевшую шею, подумал Се-

мен. — Надо же так уснуть! Нечего сказать, хорош гость!»

Он чувствовал себя неловко перед Бронькой, но Семен еще больше смутился, когда из-за полога вышла невысокая, хрупкая девушка.

— Иди же! Ну, иди, — посмеиваясь, девушка тянула за руку упирающуюся девчушку лет шести-семи. — Ишь ты, застеснялась. Тоже мне, невеста!

От плиты девушка спросила Семена:

— Поспали, отдохнули немного? Вот и ладно. Тогда будем ужинать. Бронька, ты где?!

Беседуя, ужинали неторопливо, словно бы растягивая удовольствие. Ели и постную затирку, видимо приготовленную молодой хозяйкой, и более сытные и вкусные продукты, извлеченные из Семенова вещмешка. Как человека военного, побывавшего в боях, Люба, так звали девушку, расспрашивала его о фронте, о ранении, о госпитале и о родных. Между прочим, скупой рассказала и о хлопковом заводе, где она работает, о хлопотах и бедах с топливом и питанием, о спекулянтах, наживающихся на людском горе, и еще о многом и разном другом. Семен слушал Любу, отвечал на ее вопросы и в душе благодарил судьбу за то, что перед фронтом она смилостивилась над ним и одарила его настоящим домашним вечером.

Ближе к полуночи Семен, извинившись за вторжение, за собиравшийся. Проводить его до станции пошла Люба. Бронька тоже хотел было идти с ними, но старшая сестра прикрикнула на него, и он, проглотив обиду, подчинился. Времени оставалось совсем мало, и Семен, тревожась, ужасно торопился.

Но они не опоздали. Когда они, с полчаса прошагав сонными улочками поселка, вышли к железнодорожной станции, эшелон, поданный на самый дальний запасной путь, только еще загружался. Среди бойцов, отправлявшихся на фронт, было, очевидно, много местных жителей, преимущественно семейных, и у вагонов, мешая погрузке, толпились провожающие: женщины, дети, старики.

Встав неподалеку от хвоста эшелона, Семен попрощался с Любой. Вздохнув отчего-то, девушка зябко поежилась, сунула руки в карманы телогрейки и, переступая с ноги на ногу, осталась стоять. Перейдя две колеи, Семен оглянулся. Девушка глядела ему вслед и... видимо, не собиралась уходить. Он перешагнул через рельсы еще одной колеи, оглянулся и

снова увидел Любу. Она стояла на том же месте и не спускала с него глаз. И тогда Семен круто повернул назад. Он понял, сердцем почувствовал, что должен вернуться к ней, глянуть в ее глаза, сказать обо всем, что у него на душе. Это мгновение уже никогда не повторится, и если он не вернется, ему останется только казнить себя всю жизнь.

Увидев возле себя Семена, Люба отшатнулась, выставила руки. Может быть, этим слабым жестом она хотела и на самом деле защититься от него, от внезапной привязанности, возникшей в ней к почти что незнакомому мужчине, отгородить себя от тоски по нему и тех мучительных переживаний, что отныне останутся в ней на долгие годы. Возможно, что она думала не так. Кто знает?

Семен по-своему истолковал ее жест. Он взял в свои большие руки изящные руки Любы и, дыша на них, согревая их, стал потихоньку целовать. И тогда она прижалась лицом к его шинели. Так, думая каждый о своем и оба, вероятно, об одном и том же, они простояли очень долго.

А мороз все крепчал. Над низкими строениями станции грязноватыми лохмами нависал паровозный дым, смешанный с отработанным паром. От вагонов доносился плач, обрывки команд, смех. Потом послышалась песня. Это была украинская песня о Днепре, старинная и глубокая, как сама река. Пели ее все: и украинцы, и евреи, и русские, и узбеки. Пели так слаженно и чисто, что временами даже казалось, будто песня эта раздается на ночной узбекской земле. Слушая песню, Семен крепче прижал к себе девушку. Ему казалось при этом, что стоят они теперь с Любой на окраине его села, что перед ними стелется бескрайняя таврическая степь и что песня вовсе уже не песня, а перекати-поле, кочующее по седым ковыльным просторам. Семену было так хорошо, что он простоял бы так целую вечность.

Но ничего вечного в жизни не бывает. Раздался протяжный гудок паровоза, и до их сознания вдруг дошло, что обретенное счастье на самом деле очень зыбкое и чтоб взять его в руки, им необходимо идти за ним еще очень долго. До них дошло, что действительно пришла пора расстаться, а они так ничего друг другу и не сказали. Но вряд ли в этом сейчас была необходимость.

— Беги, дорогой! — головой кивнув на вагоны, с легким скрипом тронувшиеся с места, сказала Люба. — Торопись, Сеня! А то отстанешь.

Но он стоял, заглядывая ей в лицо, и словно бы не торопился. И тогда Люба привстала на носки и поцеловала его. Это словно подтолкнуло Семена. Сильно хромя, размахивая тростью, он побежал к эшелону.

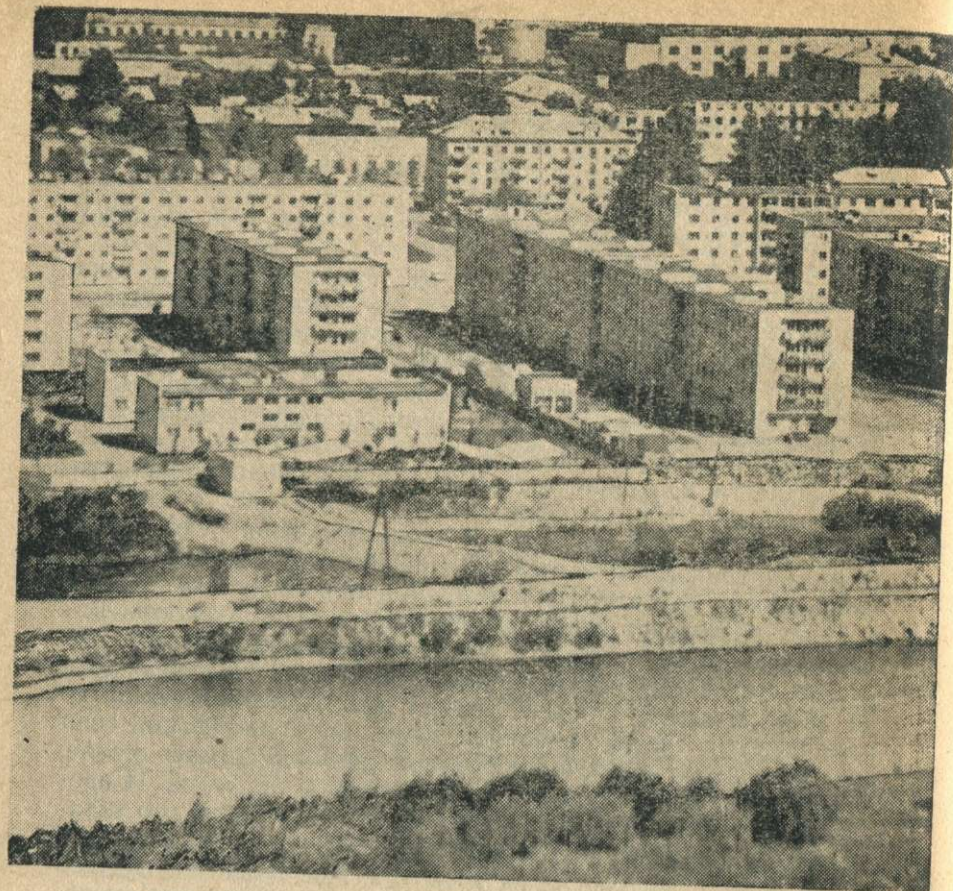
— Я сразу напишу тебе! Как только доберусь до роты, так напишу! Слышишь?

Семен не знал, услышала ли она его, разобрала ли она его слова, утонувшие в грохоте колес поезда, набравшего все большую скорость. Но был какой-то миг, когда ему показалось, будто Люба в ответ кивнула головой.

И Семен ей действительно написал письмо. Только не с фронта, как обещал, а сразу, как только забрезживший рассвет проник на нары теплушки.

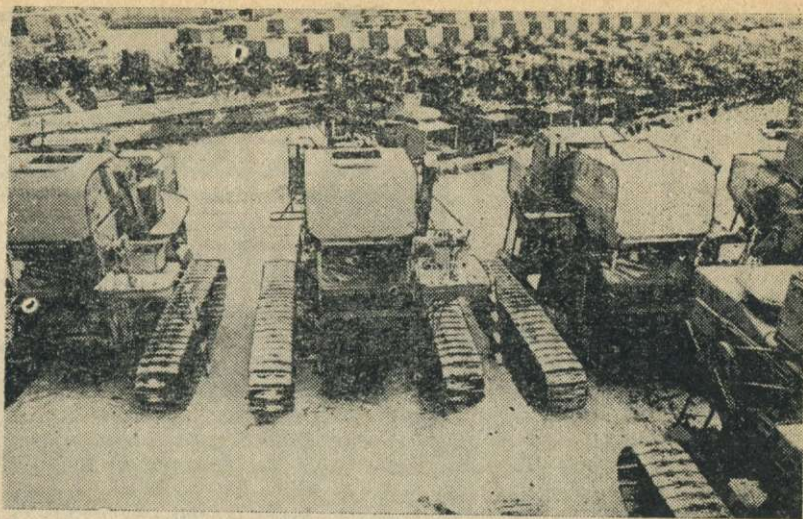
«...Прости, что пишу тотчас же, не дождавшись прибытия на передовую. Но до фронта еще так далеко, а мне так много хочется тебе сказать. Я знаю, что война это война, будь она трижды проклята, но мне она послала тебя. Я не знаю, можно ли радоваться чему-нибудь в такое лихое время и имеет ли человек право на это. Но я все же радуюсь. Вопреки всем бедам и горю, я счастлив, у меня теперь есть ты, и я не хочу это скрывать. Я радуюсь, что теперь у меня есть на свете близкий человек, родная душа, за которую врагу надо грызть глотку вдвойне. Если меня не убьют, если судьба пощадит меня, я все будущие дни буду думать о тебе, о Броньке и Дине. Буду жить упованием и надеждой. И прости меня, что пишу без разрешения. И еще прости, что оставил вам свой аттестат. Он лежит на столе, под газетой. Мне он на фронте абсолютно не нужен, а тебе сгодится. Будешь подкармливать детишек. И еще прости меня за то, что я люблю тебя. Слышишь?..»

Свое заветное солдатское письмо, этот небольшой серый треугольник, Семен отправил Любе с небольшой казахской станции Арысь.

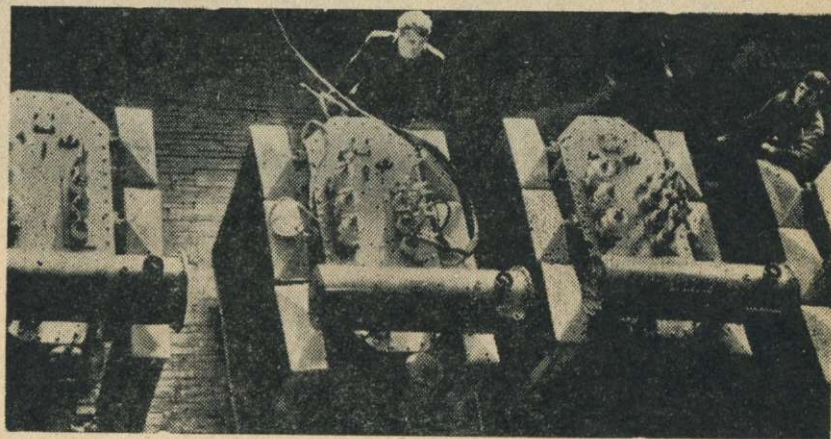

Биробиджан сегодня

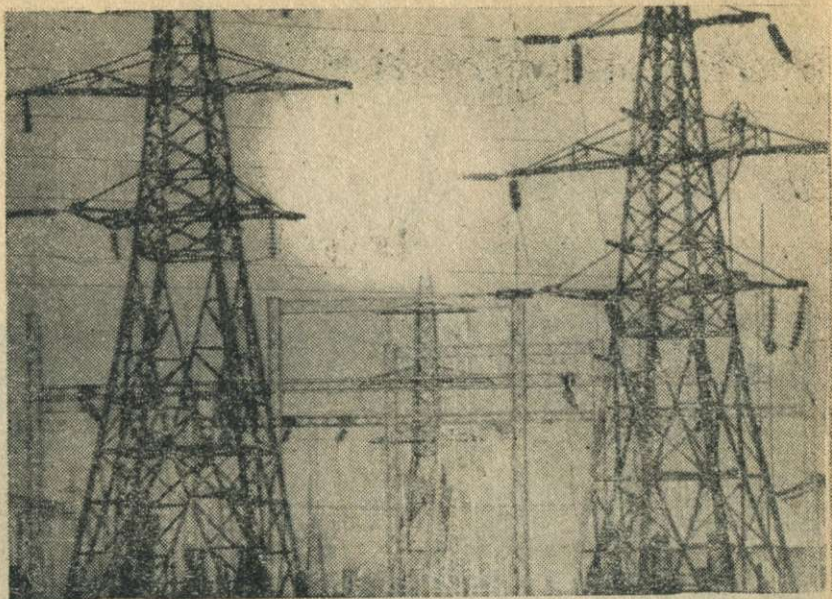
Продукция завода «Дальсельмаш»

В сборочном цехе завода силовых трансформаторов

Биробиджанская чулочно-трикотажная фабрика. Товарищи по работе поздравляют Елену Кальмановну Арнаполину с досрочным выполнением двух пятилетних планов

Шаги большой энергетики

Ветеран Облученского депо
машинист Е. В. Лисун
поздравляет с наградой Родины—
орденом Трудовой Славы
молодого машиниста
А. Кондратенко

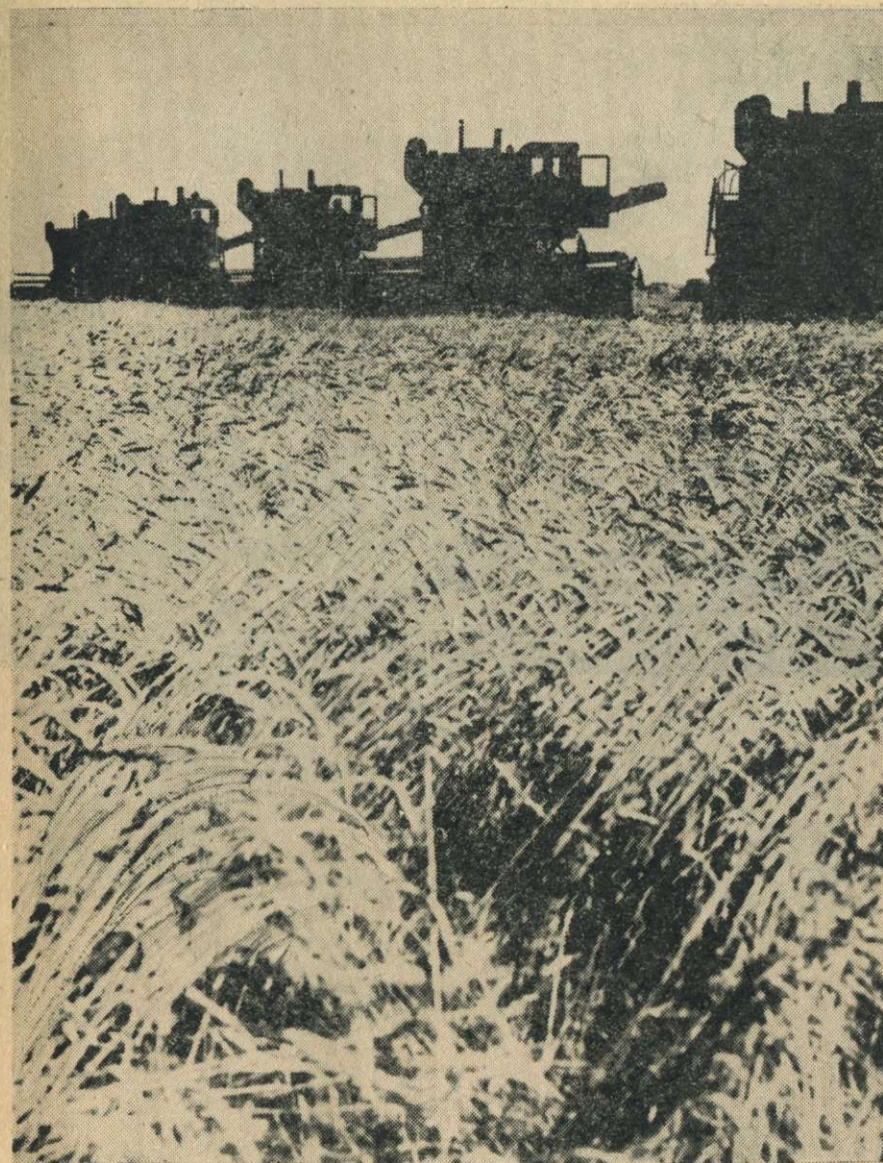
Область — БАМу. Отправка
сборно-щитовых домов

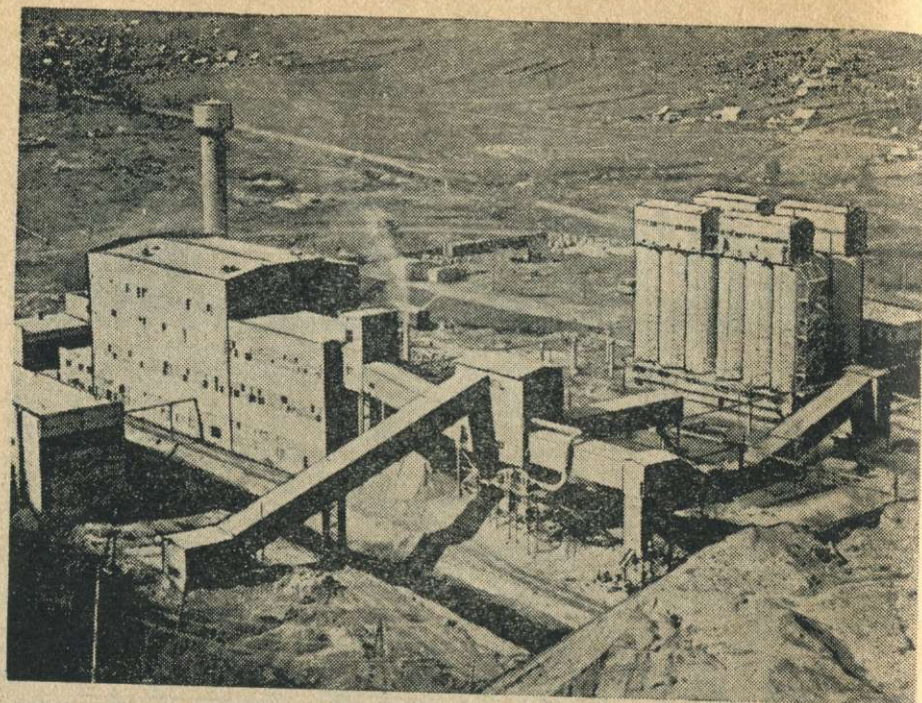
Передовая телятница
второго отделения
Пашковского совхоза,
кавалер ордена
Трудового
Красного Знамени,
депутат сельсовета
Лидия Григорьевна
Матафонова
за высокие
успехи в труде
награждена
серебряной медалью
ВДНХ

Знатный
кукурузовод области
депутат Верховного
Совета СССР
Николай Васильевич
Любин

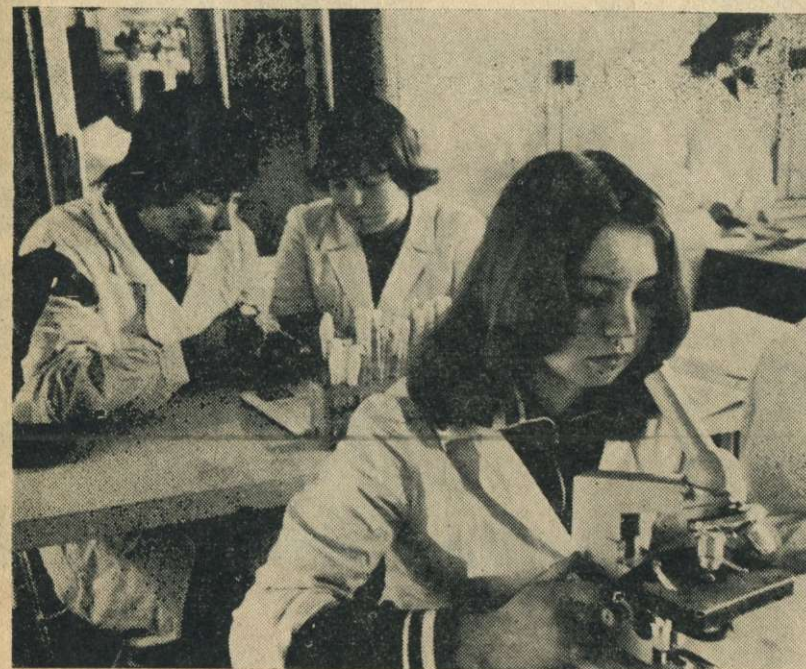
Идет золотая страда

Лондоковский известковый завод

Машинист вращающихся печей
Теплоозерского цементного завода
Герой Социалистического Труда
Виктор Иванович Врублевский
(в центре)

Биробиджан, школа № 6.
Заседание совета
пионерской дружины

Дворец культуры Теплоозерского
цементного завода
Танцуют дети цементников

В биробиджанском
сельскохозяйственном техникуме

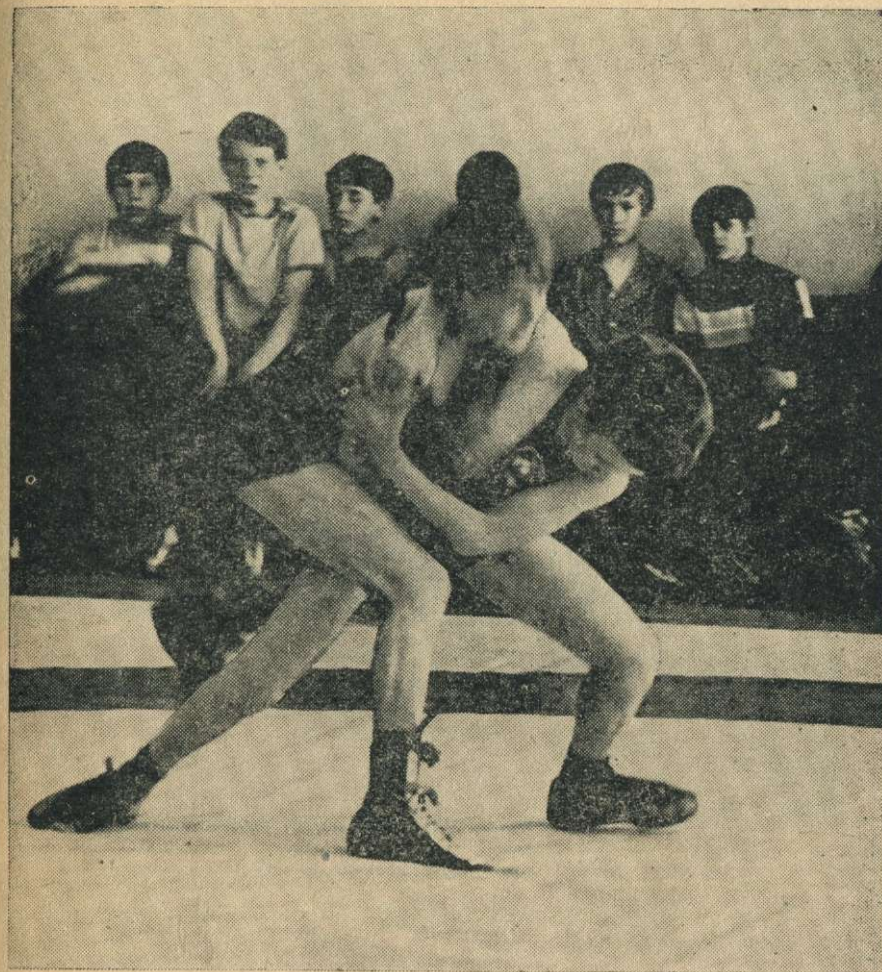
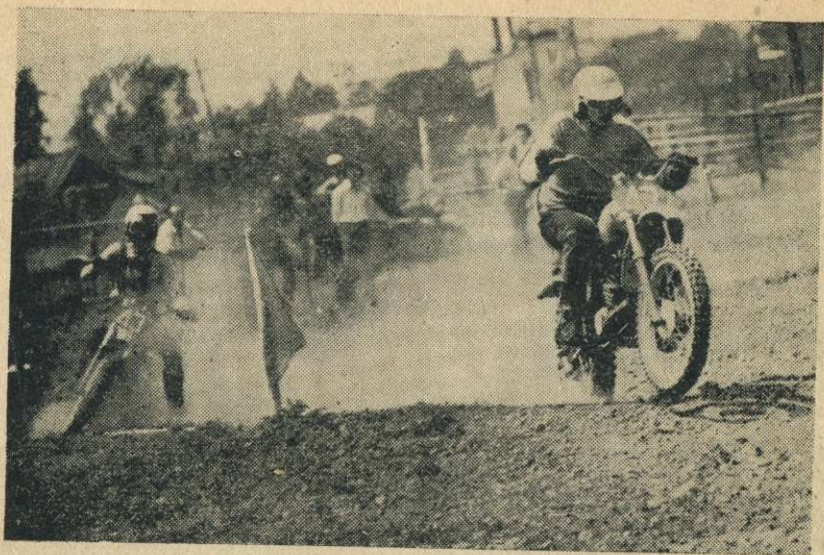

Биробиджан. Перекресток улиц
Пушкина и Комсомольской

Биробиджан.
Улица Шолом-Алейхема

Новоселье

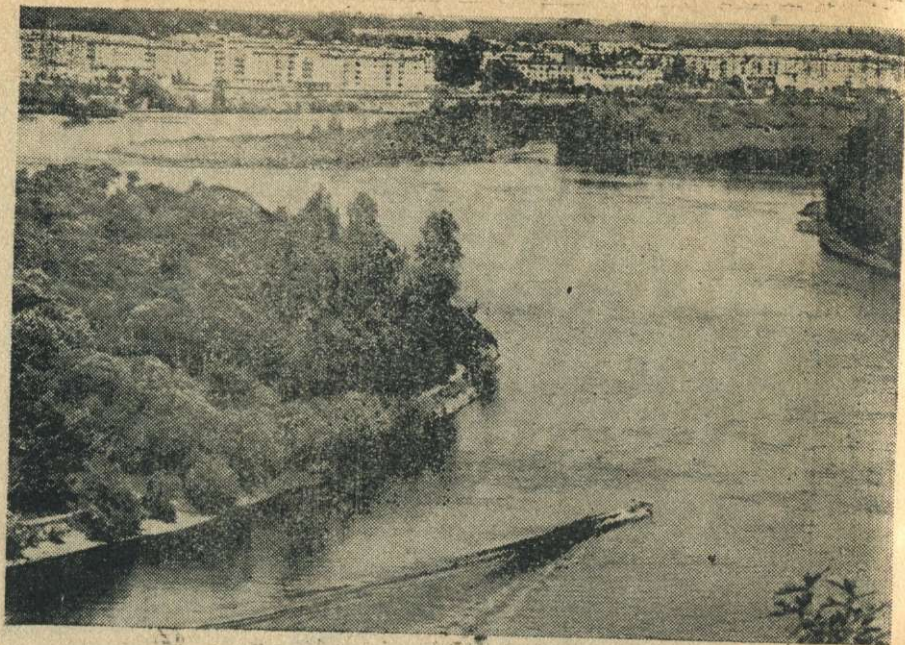

Первенство города по вольной
борьбе среди юношей

Мотокросс

Зимний день

Река Бира.
Она дала название городу

В город осень пришла

Гнезда серых цапель
Лес на берегу Биры
Аисты

СОДЕРЖАНИЕ

Земля, на которой я счастлив

Л. Шапиро. ТРУДОМ ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ	5
Н. Кириченко. РОДИМОЕ ПОЛЕ	21
Н. Кропотина. МАСТЕРСТВО	28
Р. Шойхет. ЗЕМЛЯ ОДАРИВАЕТ СТОРИЦЕЙ	32
Л. Звенигородский. РАБОЧАЯ ДИНАСТИЯ	37
Н. Немаев. ЗА ДОМОМ — ДОМ	50
Е. Бугаенко. КОЛХОЗНИЦА ИЗ СЕЛА ВАЛДГЕЙМ	58
Третий сын из семьи Блехманов	62
Дядя Миша — король биробиджанских парикмахеров	68
В. Горелов. РУДА ХИНГАНА	72
Г. Хохлов. ГЛАВНАЯ СТРОЙКА	79
Л. Звенигородский. ДИССЕРТАЦИЯ ИСААКА СПИВАКА	85
А. Гинзбург. ЗАВОЕВАННАЯ ВЫСОТА	91
В. Горелов. ТОЧКА НА КАРТЕ	101
Бира	101
Радде	102
Пашково	104
Облучье	105
В. Завгурдыко. ЖИВАЯ ВОДА КУЛЬДУРА	109
Л. Школьник. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЦЕМЕНТНИКИ (штрихи к портрету коллектива)	115
В. Помилуйко. НОВЬ ЗЕМЛИ ВОЛОЧАЕВСКОЙ	120
А. Куприянов. НА ИНСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ	126
В. Панман. ПИСЬМО ДРУГУ	136
Е. Бугаенко. УБЕДИЛИСЬ ВООЧИЮ	143

Рубеж отечества

Н. Кабушкин. ЗАСТАВА ИМЕНИ ИВАНА ФЕДЬКО	159
Ю. Гурьев. ВЛЮБЛЕННЫЙ В НЕБО	185
Следы на снегу	187
В. Захаров. ЗА ЛЕДОХОДОМ ЛЕДОХОД	192

Очей очарование

С. Шлотгауэр. В РЕЛИКТОВОМ ЛЕСУ	197
Победитель гор	199
Свидание с вечнозеленой кувшинкой	201

С. Кучеренко. ВСТРЕЧИ В ПРИРОДЕ	204
Калуга	204
Косолапый пчеловод	205
Енот, да не тот	207
Журавли	210
Странная птица дикуша	212
Г. Росляков. НА ТАЕЖНОЙ ТРОПЕ	215
Голубые сороки	215
В царстве цапель	216
В. Горелов. ЗВЕНО БРУСИТОВОГО ОЖЕРЕЛЬЯ	219
И. Федоров. БЕСЦЕННЫЕ СОКРОВИЩА ПРИРОДЫ	224

Искусство и культура

Л. Улицкая. ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРНЫЙ...	229
Ш. Коник. ИГРАЕТ АНСАМБЛЬ СКРИПАЧЕЙ	233
Л. Усова. КИДАЯСЬ В ТАНЕЦ, КАК В ОГОНЬ	236
«Жемчужина»	238
Н. Кириченко. ПОЮ ТЕБЯ, БИРОБИДЖАН	240
Г. Гапонов. НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ НАВЕРХ	246

Страницы прошлого

В. Абаева. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ЗОРИ	253
Н. Кабушкин. РОДОВОЙ КОРЕНЬ — СУББОТИНЫ	292
А. Мордухович. МЫ ШЛИ СКВОЗЬ ОГОНЬ И СМЕРТЬ	308
Л. Звенигородский. ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ	319
Н. Айзман. ЦЕЛИНА — СУДЬБА МОЯ	327

Родник

В. Панман. ПОЛВЕКА НА БОЕВОМ ПОСТУ	339
Н. Корчминский. ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ СВЕРШЕНИЙ	344
Эм. Казакевич. ИЗ ЦИКЛА «БИРОБИДЖАНСКИЕ СТИХИ»	351
«Я молод. И часто вечерней порою...»	351
Перевод Л. Школьника	
А. Вергелис. ПЕСНЬ БИРОБИДЖАНУ. Перевод А. Кленова	352
Б. Олевский. ПЕРВЫЕ. Перевод А. Седых	356
Первая земля. Перевод В. Звягинцевой	356
Г. Рабинков. БЕРОВЫ РАССВЕТЫ (рассказ). Перевод с еврейского автора	358
И. Бронфман. ГОЛОС МОСКВЫ. Перевод А. Рыбочкина	366
Приамурье родное. Перевод Ф. Архипова	367
Л. Вассерман. БИРОБИДЖАН — МОИ ДОМ. Перевод Л. Школьника	369
Яблоня. Перевод Л. Школьника	369
Х. Бейдер. ИЗ ВОЛОЧАЕВСКОГО ДНЕВНИКА. Перевод Л. Школьника	371
Б. Миллер. МОЛОДОЙ КАРТОФЕЛЬ (рассказ)	374

Л. Школьник. МОЕМУ ГОРОДУ	378
«Та женщина, которая была...»	378
Журавушка	379
Доброта	381
Р. Шойхет. ПИСЬМО (рассказ)	382
ОБЛАСТЬ В ОБЪЕКТИВЕ	

ОПЕЧАТКА

Стр. 415 напечатано: бумага типографская
№ 1, цена 1 р. 80 к.
Следует читать: бумага газетная, цена
1 р. 70 к.

НА БЕРЕГАХ БИРЫ И БИДЖАНА

Редакторы С. П. Корниенко, И. Г. Литвиненко
Художественный редактор А. Н. Посохов
Технический редактор Т. А. Костюченко
Корректор В. М. Сосновская

Фотографии: Ю. Дунского, А. Ештокина, Г. Коваля,
Н. Немаева, Г. Рослякова, В. Садового,
М. Шестопалова

ИБ № 719

Сдано в набор 19.02.81. Подписано к печати 24.09.81. ВЛ 04328. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. 24,18
усл. печ. л. 21,70 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Заказ 35. Цена 1 р. 80 к.
Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 680620, г. Хабаровск,
ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Н12 На берегах Биры и Биджана: Сборник. Сост. Н. Т. Ка-
бушкин. — Хабаровск: Кн. изд., 1981. — 416 с., ил.

В сборник вошли очерки о Еврейской автономной области: о развитии
ее экономики и культуры, о тружениках села и города, о своеобразной ее
природе. Представлено также творчество литераторов.

Н $\frac{00003-30}{M160(03)-81}$ 5000000000

ББК50
P2